

Об авторах:

Антонян Юрий Миранович — заслуженный деятель науки России, доктор юридических наук, профессор. Главный научный сотрудник Научно—исследовательского института МВД РФ. Член Президиума Союза криминалистов и криминологов России;

Еникеев Марат Исхакович — доктор психологических наук, профессор кафедры криминологии и психологии Московской государственной юридической академии. Член Союза криминалистов и криминологов России;

Эминов Владимир Евгеньевич — заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и психологии Московской государственной юридической академии. Президент Союза криминалистов и криминологов России.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава I. Общий взгляд на психологию преступника

1. Личность преступника как источник преступного поведения
2. Психологические типы преступников
3. Психологические черты личности преступника
4. Психологические особенности личности неосторожного преступника

Глава II. Отчуждение личности как источник преступного поведения

1. Отчуждение и преступление
2. Начало возможной жизненной катастрофы
3. Преступное поведение как реализация отчуждения
4. Образ жизни преступников

Глава III. Тревожность - основа преступного поведения

1. Значимость тревожности
2. Факторы тревожности

Глава IV. Мотивы преступного поведения

1. Ради чего совершаются преступления
2. Самоутверждение и защита

Глава V. Основы психологии следственной деятельности

1. Личность следователя и его познавательная-удостоверительная деятельность
2. Психология коммуникативной деятельности следователя
3. Психология взаимосвязи следственной и оперативно-розыскной деятельности

4. Психологические аспекты планирования следственной деятельности, ее достоверности и оценки результатов

Глава VI. Психология отдельных следственных действий

1. Психология допроса
2. Психология предъявления для опознания
3. Психология осмотра места происшествия
4. Психология обыска, очной ставки и проверки показаний на месте

ВВЕДЕНИЕ

Понять любое поведение, преступное в том числе, невозможно без подлинного знания психологии (иногда — патопсихологии) личности, психологических механизмов и мотивов, социально-психологических явлений и процессов, а нередко и психиатрических факторов. А такие знания ни в коем случае не могут быть получены только путем изучения чужих работ и уголовных дел, при игнорировании “живого” преступника со всеми его страстями и нуждами, с его сложным и неповторимым жизненным путем, подчас трагической судьбой, спецификой индивидуального облика, что еще раз подтверждает неразрывную связь между личностью и поведением.

Сейчас существует очень много данных о возрасте, семейном положении, количестве судимостей, занятости и т. д. преступников, но эта информация обладает низкими объяснительными способностями. Однако, как известно, объяснение — главная функция науки, делающая ее практически значимой. Поэтому не следует в десятый или двадцатый раз изучать, например, образовательный уровень хулиганов или воров по той причине, что это очень мало дает в плане понимания их поступков. Если же некоторые исследователи приходят к выводу, что уровень образования у преступников формально вырос, то это только означает, что грабить и убивать можно и с таким образованием.

Мы рассмотрим причины не преступлений, т. е. совокупности всех преступлений, а отдельных преступлений, преступного поведения. При этом из всего причинного комплекса будут взяты лишь те факторы, которые “находятся” в самой личности, а не во внешних обстоятельствах, как бы важны они ни были. Полагаем, что для практики борьбы с преступностью, особенно для индивидуальной профилактики и расследования преступлений, это чрезвычайно важно, поскольку основным объектом предупредительных усилий является человек. Это справедливо, поскольку причины всегда в личности, а внешние обстоятельства могут играть роль лишь условий, способствующих или препятствующих совершению преступлений либо нейтральных по отношению к ним.

В настоящей работе мы намерены доказать следующие принципиальные научные положения об особенностях психологии личности преступника, которые выступают причинами преступного поведения.

Они имеют важное значение и для практики борьбы с преступностью:

1. На ранних этапах жизни человека в результате эмоционального отвергания родителями, лишения родительской ласки и попечения у ребенка на уровне бессознательного формируются тревожность, беспокойство, боязнь утраты себя, своего “я”, своего положения жизни. Маленький человечек ощущает, что под сомнение поставлено само его право на существование, он поэтому страшится небытия и постоянно ожидает враждебных, даже агрессивных действий со стороны окружающих.

Эти личностные особенности закрепляются в дальнейшей жизни: в школе, в учебных и трудовых коллективах, среди товарищей, в многочисленных житейских конфликтах и сложных ситуациях, которые начинают восприниматься со специфических, субъективных позиций. Дело не столько в том, что судьба может предоставить человеку множество убедительных доказательств того, что он отнюдь не ее баловень. Гораздо важнее, что индивид воспринимает все происходящее как губительное для него, непосредственно угрожающее ему, даже если объективно никакой опасности нет.

2. Названные особенности мы обозначаем понятием “тревожность”, считая, что тревожная личность совершенно иначе ощущает мир. Если тревожность достигает уровня страха смерти, то человек начинает защищать свой биологический статус, биологическое существование —

отсюда совершение насильственных преступлений как способ защиты от мира, субъективно воспринимаемого как опасный или враждебный. Если тревожность сохраняется лишь на уровне беспокойства или неуверенности, то человек может защищать свой социальный статус, социальное существование, свою социальную определенность путем совершения корыстных и корыстно-насильственных преступлений.

3. Наличие тревожности, бессознательное ощущение призрачности и хрупкости своего бытия, опасения небытия качественно отличают преступника от не преступника, и это является основной причиной преступного поведения. Иными словами, человек совершает преступления ради сохранения своего личного мифа, своего места в мире, его самооценки, самоценности, чтобы не исчезло субъективно приемлемое для него его биологическое и социальное бытие.

4. У тревожных личностей угроза бытию, биологическому или социальному, способна преодолеть любые нравственные преграды, точнее, заставляет пренебречь требованиями правовых и моральных норм, регулирующих отношения между людьми. В силу указанных личностных особенностей и отсутствия надлежащего воспитания правовые и моральные нормы такими людьми не воспринимаются. Однако в принципе возможна корректировка проявляющихся черт тревожного характера с помощью целенаправленного, индивидуализированного воздействия с одновременным, если это нужно, изменением условий жизни, что в большинстве случаев, к сожалению, не делается.

5. Черты тревожного характера, закрепляясь в личности, "обрастают" всевозможными наслоениями, играющими существенную роль в ее реакциях на воздействие среды. Поэтому подобные качественные образования бывает очень трудно обнаружить даже с помощью специальной диагностики. Изначальные контуры этого психического и психологического явления как бы исчезают, затушевываясь более поздними наслоениями.

6. В современном социуме существуют объективные факторы, формирующие высокий уровень тревожности личности: расслоение в связи с уровнем материальной обеспеченности, объемом и качеством социальных услуг, невозможностью удовлетворения многих первоочередных потребностей, напряженностью в межличностных отношениях. Многими людьми, особенно молодыми, утрачены привычные жизненные ориентиры, вера в духовные ценности, значительно ослаблены родственные, семейные, производственные и иные связи, что существенно снижает возможности социального контроля. Увеличивается число лиц, которые в современном производстве, а значит, и в жизни не могут найти себе места.

7. Мотивы преступного поведения состоят как бы из двух уровней. Первый из них можно назвать предметным, поскольку он выполняет функции непосредственного удовлетворения лежащих на поверхности потребностей: например убийство из мести, желание завладеть чужим имуществом и тем самым повысить собственное благосостояние и т. п. Второй уровень мотивов преступного поведения можно обозначить как смысловой. Здесь мотивация возникает, развивается и реализуется на бессознательном уровне, и ее содержанием является постоянное утверждение своего "я", защита своего биологического и социального существования. Теснейшим образом переплетаясь, взаимодействуя, взаимодополняясь, эти уровни усиливают друг друга и мощно детерминируют преступное поведение.

8. Существует преступное поведение, мотивацией которого является социальный уход от жизни (так часто наблюдаемый у бродяг и хронических алкоголиков), от тех условий, жизни, которые субъективно воспринимаются ими как грозящие уничтожением. Перечень приведенных положений, носящих, на наш взгляд, фундаментальный характер, можно оценивать как некоторую схему пока еще без объяснения причин преступного поведения. Справедливости ради отметим отсутствие претензий на то, что эта схема наиболее полно раскрывает причины преступного поведения. Более того, отдельные наши мысли носят гипотетический характер (в дальнейшем изложении в таком качестве мы их и выделим).

Наши рассуждения и выводы основаны на скрупулезном психологическом изучении личности и поведения преступников. Широко использовались многочисленные и разнообразные тестовые методики и социологические опросники, психиатрическая информация, длительные, углубленные и заранее спланированные обстоятельные беседы с преступниками и лицами, находящимися на грани преступления, тщательное и кропотливое изучение сотен их индивидуальных историй, осуществленное на протяжении многих лет. Это позволило привести в работе выборочные статистические данные, развернутые примеры, иллюстрирующие наиболее важные положения. Ряд исследований был осуществлен в содружестве с В.П. Голубевым, В.В.

Гульдано, Ю.Н Кудряковым, Е.Г. Самовичевым. Некоторые теоретические и эмпирические результаты совместных исследований были опубликованы ранее.

Высказанные предположения по поводу причин преступного поведения дают возможность сформулировать некоторые принципиальные соображения о предупреждении преступлений. Так, если то, что мы называем тревожностью, выступает в качестве основной индивидуальной причины совершения преступлений, а в обществе существуют силы, ее порождающие, то профилактическая работа должна быть направлена на выявление и устранение этих сил. Другой непосредственный объект профилактического воздействия — сама тревожная личность и ее особенности. Воздействие на нее потребует особых навыков, знаний и умений. Знание психологических особенностей преступников (в работе дается развернутая их характеристика по результатам конкретных исследований) и причин совершения ими преступлений имеет большое значение для совершенствования практики расследования преступлений, повышения ее эффективности. Следователи и оперативные работники могут более успешно раскрывать преступления, если в полном объеме будут учитывать психологические особенности тех или иных категорий преступников, выделенных, например, по характеру и способу преступных действий, их повторяемости, использованию различных орудий и т. д. Построение следственных версий и производство расследования должны опираться на психологические знания и, в частности, на информацию о принадлежности преступников, а во многих случаях и потерпевших, к определенному психологическому типу, должны учитываться психологические особенности и специфика конкретных следственных действий.

В настоящем труде впервые предпринята попытка объединить психологию преступника криминального поведения и психологию расследования преступлений.

Предлагаемая читателю книга, подготовлена специалистами в области криминологии, психологии и криминалистики. Работа выполнена в соответствии с программой деятельности общественного объединения “Союз криминалистов и криминологов”, главная цель которого интегративное использование знаний ученых и практиков в разработке и совершенствовании проблем борьбы с преступностью и реализации правовой реформы в России.

Общая направленность данной работы, в значительной мере была обусловлена концептуальной позицией таких известных правоведов как Карпец И.И., Кудрявцев В.Н., Ратинов А.Р., Яковлев А.М. и др., которые еще в недрах советского правоведения заложили основы гуманистического направления в праве.

Глава I. Общий взгляд на психологию преступника

1. Личность преступника как источник преступного поведения

Поскольку причины преступного поведения заключены в личности преступника, то, чтобы понять их, необходимо изучить эту личность, выявить те внешние по отношению к ней социальные явления и процессы, которые сформировали ее криминогенные черты. И само преступное поведение нужно изучать не только для его предотвращения или пресечения, но и для понимания его причин. Данное соображение мы считаем очень важным не столько для теории, сколько для профилактической деятельности. Изучение последней показывает, что можно было бы избежать многих ошибок, если бы практические органы — предварительного расследования, суд, учреждения, исполняющие наказание, — в центр своего внимания и профессиональных усилий всегда ставили личность, а не только условия ее жизни, те или иные влияния на нее. При изучении личности преступника часто бывает трудно отделить ее от поведения, особенно когда изучаются мотивы, намерения, цели, выбор средств их достижения, принятое решения и т. д. Так, возникновение и развитие мотивов преступного поведения можно рассматривать и в рамках формирования личности преступника, и при анализе внутренних механизмов поведения. Мысли, эмоции, чувства и переживания преступника, реализованные в преступлении, есть в то же время проявления его личности.

Само преступное поведение, прежде всего длительное, многократное совершение преступлений, способно “питать” себя, но только через саму личность, приобщая ее к определенному образу жизни, закрепляя в ней негативные внутренние черты, антиобщественные установки, взгляды и ориентации, заостряя в нежелательном направлении особенности характера и т. д. Значительную роль в дальнейшей криминализации личности играет пребывание в местах лишения свободы и общение там с другими преступниками. По полученным данным, чем дольше пребывание в этих местах и, главное, продолжительнее само преступное поведение, тем меньше возможностей добиться исправления осужденных, которые “обрастают” вредными привычками и навыками, деморализуются, теряют способность к общественно полезным контактам. Среди таких преступников обнаруживаются лица с психическими аномалиями, которые обладают серьезным криминогенным зарядом, негативно изменяющим личность и все больше препятствующим нормальному человеческому общению.

Для криминологии стало аксиомой утверждение, что причиной преступного поведения является сложное взаимодействие внешних, объективных условий и внутренних, субъективных факторов, т. е. среды и личности. Тем самым среда и личность получают равную криминологическую оценку, а поведение предстает лишь как следствие этого взаимодействия. Если придерживаться такой точки зрения и при этом быть последовательным, то вину за последствия преступного поведения нужно поровну возложить на обе стороны — и на среду (конкретную ситуацию), и на самого преступника. Конкретная ситуация — это и очевидцы, и потерпевшие, и условия, в которых совершено преступление, и т. д. Конечно, “вина” потерпевшего бывает тоже велика (например, в результате неосторожного или аморального поведения), но еще никому в голову не приходило наказывать его так же, как и преступника.

Разумеется, любой человек, поступая так или иначе, вступает во взаимодействие с окружающими обстоятельствами, воспринимая и оценивая их в соответствии с собственной шкалой ценностей, особенностями своей личности. Это — прописная житейская мудрость, и уже по этой причине научное объяснение преступного поведения не может ограничиться рассуждениями о том, что индивид всегда взаимодействует с ситуацией. Вот почему, не приуменьшая криминогенной значимости внешних условий, особенно способствующих преступлению или провоцирующих его в упомянутом взаимодействии, нужно выделить главную сторону. Ею, конечно, является преступник даже в обстоятельствах, казалось бы, довлеющих над ним, например при нанесении ему тяжкого оскорбления. Нередко он попадает в жесткую зависимость от обстоятельств. Но это лишь свидетельствует об особенностях данной личности, способной попадать в такую зависимость. Другой человек на его месте постарался бы “уйти” от этих обстоятельств. Если же ситуация действует неодолимо и однозначно может привести только к тому, что его поступки объективно нанесут вред, — преступление

неотвратимо. Разумеется, социально-психологическое взаимодействие имеет место и с совершенно нейтральными, “безобидными” ситуациями.

В качестве примера, когда ситуация играет большую криминогенную роль, чем негативные личностные качества, часто приводят острые семейные конфликты, которые иногда длятся годами и нередко заканчиваются убийством кого-нибудь из их участников. В этом плане особенно характерны отношения мужа и жены или сожителя и сожительницы. Здесь, как можно решить на первый взгляд, ситуация полностью довлеет над личностью. Учитывая распространенность насильственных преступлений на семейно-бытовой почве, представляется полезным проанализировать подобные ситуации подробнее.

Прежде всего подчеркнем, что конфликтные отношения и все связанные с ними обстоятельства непосредственно создаются самими участниками конфликта и эти участники сами попадают в психологическую зависимость от того, что создано их же руками. При этом, хотя ссоры и скандалы многократно повторяются, нанося глубокие моральные, психологические, а часто и физические травмы, заслуженно вызывая негативную реакцию окружающих, такие конфликтные отношения . тем не менее сохраняются и чаще всего усиливаются теми же конфликтующими сторонами. Выходит, что они — и будущие жертвы, и преступники — как-то заинтересованы в сложившихся отношениях.

В подтверждение приведем следующие данные. Греческий ученый И. Г. Пеппа проанализировала ответы ряда женщин, осужденных за убийства мужей или сожителей, большинство из которых более или менее длительное время пьянствовали, избивали и оскорбляли своих жен (сожительниц). Вопрос перед ними был поставлен так: почему они продолжали жить совместно с потерпевшими, несмотря на неблагоприятные условия? Наиболее характерными ответами оказались: “Боялась отрицательного общественного мнения в случае развода”; “Уход от мужа не имел смысла, ибо он не оставил бы меня в покое”; “Разойтись с мужем не приходило в голову”; “Развестись не разрешили бы родители”; “Муж не давал развода”; “Некуда было уйти, не было денег и работы”; “Не уходила из-за детей”. Автор исследования делает справедливый вывод, что для многих женщин, ставших убийцами, чрезмерно травматична потеря семьи или ее видимости и они делали все для ее сохранения.

При таких обстоятельствах, когда люди годами живут вместе и в то же время испытывают друг к другу острую вражду и неприязнь, они становятся рабами своей ненависти. Она делается для них источником жизни, активности, смыслом и даже целью существования, приобретает самостоятельную, самодовлеющую ценность. В этом причина или во всяком случае одна из главных причин попадания в жесткую психологическую зависимость от ситуации острого межличностного конфликта. Его участники становятся, сами того не понимая, рабами друг друга, связанные невидимой психологической нитью, разрыв которой для каждой стороны глубоко травматичен, а поэтому нежелателен.

Наши собственные наблюдения показывают, что ситуация, когда жена жестко доминирует над мужем и направляет его поведение, является причиной многих семейных конфликтов. В детстве и юности такие мужчины обычно испытывали гиперопеку со стороны матерей, которые довели над ними. Это могло вызывать бессознательное или вполне осознанное стремление освободиться от такого пресса, в чем можно видеть одну из причин побегов детей из дома. Повзрослев, немалая доля таких людей оказывается неспособной к полностью самостоятельному психологическому существованию и невольно ищет поводыря. Им становится жена, которая, как бы принимая эстафету от матери, продолжает выполнять ее психологические функции, однако у мужчины протест против сурового женского диктата остается.

Как правило, протест находит свое агрессивное выражение, когда муж (или сожитель) находится в нетрезвом состоянии. Имеющие здесь место психологическая разрядка и компенсация после вытрезвления сменяются еще более жестким давлением и контролем жены (сожительницы), что в свою очередь вновь определяет желание освободиться от них. В трезвом виде мужчина не смеет, попросту не способен на агрессивные действия, поэтому он опять напивается и начинает избивать и оскорблять жену (сожительницу), создавая себе тем самым иллюзию освобождения от ее диктата. Такие периоды сменяют друг друга, повторяясь много раз, все более усугубляя враждебные отношения и взаимную ненависть, наращивая обиды, делая невозможным примирение и установление нормальных отношений. Легко заметить, что в таких ситуациях мужчина тем чаще употребляет спиртные напитки, чем больше ему не хочется появляться в семье. В то же время такой супруг или сожитель не способен уйти из нее,

поскольку жена (сожительница) руководит им в жизни и нередко служит главным каналом связи с окружающим миром. Женщина тоже не может выйти из такого взаимодействия, поскольку в нем реализуется ее потребность в руководстве, доминировании, управлении.

Понятно, что тот или та, которые не желают жить в подобной ситуации и имеют психологические возможности выйти из нее, могут развестись и разъехаться. Остаются жить в таких условиях те, субъективные черты которых предопределяют их попадание в жесткую зависимость от данной семейной обстановки. Конечно, здесь не упомянуты дети, совместно нажитое имущество, жилье и другие вещи, столь ценимые в реальной жизни. Однако любое имущество можно разделить, а что касается детей, то вряд ли они получают надлежащее воспитание в обстановке постоянных скандалов, драк и оскорблений. Таким образом, даже применительно к ситуациям, участники которых теснейшим образом связаны друг с другом, мы приходим к выводу, что причиной преступных действий вследствие развития этих ситуаций является только личность.

Здесь мы вплотную подошли, разумеется в самом общем виде, к проблеме объяснения причин преступного поведения. Уяснение причин такого поведения позволит значительно лучше познать причины преступности, даст возможность делать широкие социальные обобщения, отмечать те общесоциальные явления и процессы, которые ранее не привлекали к себе должного внимания в первую очередь из-за недостаточной изученности факторов, порождающих отдельные преступления. Этот переход от общего к индивидуальному, и наоборот, чрезвычайно важен, в том числе для профилактики преступности выявлением тех узловых моментов, которые подлежат наиболее серьезному предупредительному воздействию. Взаимосвязь причин преступности и причин преступного поведения нужно иметь в виду и в чисто познавательных целях, отдавая себе отчет в том, что эти явления разного порядка.

Отправным пунктом в изучении любой личности является понимание ее как целостного образования, как единства всех свойств и качеств, отражающих взаимосвязь и взаимозависимость личности и социальной среды, в которой эта личность живет и воспитывается и в которой себя проявляет. Понятно также, что ни одно из человеческих качеств, взятое изолированно, не определяет поведения и его направленности, что все качества и свойства индивида прямо или косвенно связаны друг с другом.

Однако изучение личности как целостного образования представляет собой не анализ ее составляющих, а выявление ее ведущего качества, обладающего возможностями системообразования и в силу этого определяющего остальные ее черты и поведение в целом. Таким качеством может быть, например, агрессивность, обуславливающая и восприятие окружающего мира, и характер поведения, и его направленность. Можно сказать, что у некоторых людей агрессивность является системообразующим качеством, что делает понятным и внутренне целесообразным преступное поведение. Это качество образует сущность данной личности, и если представить себе, что оно устранено, то перед нами будет уже другая личность. Все содержание этой книги сконцентрировано на проблеме ведущей роли социальных факторов в порождении преступности и преступлений. Те социальные факторы, которые порождают преступность в целом, в каждом конкретном случае определяют преступное поведение следующим образом: во-первых, они создают неблагоприятные условия для формирования личности в семье, школе, иных учебных, а также трудовых коллективах, неформальном общении; во-вторых, они образуют те внешние условия, которые могут способствовать такому поведению. И в том, и в другом случае они конкретизируются и индивидуализируются.

Сформировавшись, усвоив определенные нормы и стандарты поведения, взгляды и ценности, субъект на каждом новом витке своей жизни, на каждую возникающую ситуацию реагирует в соответствии с этими усвоенными нормами. Причем появление новых факторов во взаимодействии с внешними обстоятельствами способно внести иногда существенные коррективы в круг представлений субъекта, и на новую ситуацию он может уже реагировать иначе.

Думается, что те личностные особенности, которые сформировались с началом социализации личности и в дальнейшем закрепились в ней, дают возможность понять причины преступного поведения. В частности, они определяют отношение личности к складывающимся ситуациям.

Можно, следовательно, говорить о наличии субъективной причины преступного поведения, которая объективно существует и социально обусловлена. Здесь мы видим перерастание внешне социального во внутренне субъективное. Так, например, экономическое и социальное неблагополучие в стране активно влияет на контекст развития семьи, группы и отдельных

людей, на отношения между ними, создает трудности и преграды в их жизни. Происходит соответствующее воспитание личности, отторжение ее от нормальных связей и отношений, формирование такой личностной особенности, как тревожность характера.

Переход из общесоциального в индивидуальное происходит по социально-психологическим каналам и механизмам, т. е. путем общения между людьми. Но здесь мы хотели бы поставить очень сложный, но в научном и практическом отношении важный вопрос: изменяется ли при указанном переходе роль криминогенных обстоятельств, например не происходит ли перерастание всех или некоторых из них из причин в условия, и наоборот? Не останавливаясь сейчас на частностях, можно утверждать, что такого перерастания обычно не происходит, т. е. те обстоятельства, которые порождали совершение отдельных преступлений, служат лишь благоприятным фоном для деятельности искаженной личности преступника.

Проиллюстрируем сказанное следующим примером. Предположим, что на стройке (или на фабрике) отсутствует охранная сигнализация да еще крепко спит ночной сторож, призванный охранять материальные ценности, чем пользуются злоумышленники. Является ли это причиной хищений с названного объекта? На наш взгляд, конечно, нет, поскольку одних людей недостаточная охрана может стимулировать на совершение кражи, других — принять срочные меры по устранению такого положения, третьи же спокойно пройдут мимо. Теперь укрупним проблему и поставим вопрос так: является ли плохая охрана материальных ценностей в данном регионе причиной повальных хищений? По-видимому, тоже нет, хотя нужно признать это обстоятельство достаточно серьезным. Дело в том, что причины преступности в целом следует искать в крупных социальных противоречиях и конфликтах, а не в организационных или технических упущениях, пусть бы даже очень существенных.

Если считать преступность суммой и (или) совокупностью преступлений, то и сумму и (или) совокупность их мотивов можно считать причинами преступности. Но такой подход представляется слишком упрощенным и поверхностным, к тому же криминогенная мотивация действует на индивидуальном уровне, а поэтому ее не следует рассматривать как причину преступности в целом. Точнее, крупные социальные противоречия, индивидуализируясь в мотивах, вызывают конкретные преступления. Например, усиливающееся расслоение нашего общества по материальному достатку, жизненная неустроенность значительной части людей, их неуверенность в собственных перспективах и другие неблагоприятные факторы могут вызывать повышенную тревожность, а следовательно, порождать мотивы защиты своего “я”, мотивы утверждения (самоутверждения).

Изучение негативных социальных процессов, вызывающих преступность, может дать понимание не только самих этих процессов, но и тех факторов, которые выступают в качестве причин отдельных преступлений. Например, возможности для объяснения причин преступности могут появиться при изучении криминальной (криминогенной) мотивации отдельных преступлений. Понять причины преступности поможет также учет того, что среди преступников распространены такие негативные личностные особенности, как отчужденность, асоциальность, жестокость, повышенная тревожность, поэтому можно предположить, что в обществе имеются условия, формирующие и поддерживающие именно эти особенности. В этой связи привлекают внимание экономические, нравственные, демографические, культурные и иные явления, характеризующие жизнь общества в целом и приводящие к преступному поведению в каждом конкретном случае. На наш взгляд, именно в этих явлениях, а не в природных качествах человека заложены причины преступного поведения, хотя игнорировать упомянутые качества не следует.

Такие генетически обусловленные качества, как предрасположенность к алкоголизму или наркомании, нервным болезням, могут нести существенный криминогенный заряд, если не принимаются специальные меры по их нейтрализации. А это уже зависит от экономических возможностей общества, уровня его нравственного развития, общественных нравов, достижений науки и других обстоятельств.

Многих криминологов волнует вопрос о соотношении социальных и биологических факторов в преступном поведении. Однако в отечественной криминологии исследований биологических факторов преступного поведения не проводилось, никаких эмпирических данных по существу нет.

По этому поводу мы считаем необходимым высказать ряд принципиальных соображений. Прежде всего, когда говорят о соотношении социального и биологического в человеке и его поведении, всегда нужно иметь в виду личность, ее психологию. Это именно тот творческий

уровень, на котором происходит взаимодействие названных факторов, и поэтому миновать его никак нельзя. Игнорирование психологии личности может привести к выводам о том, что социальные или биологические факторы порождают поведение, не преломляясь через личность. Поэтому мы считаем, что данная проблема должна рассматриваться на уровне причин преступного поведения, а не причин преступности.

Почему мы столь детально и даже настойчиво пытаемся развести уровни причинности, имеет ли это существенное значение? Помимо научных целей это важно для решения практических задач, поскольку общество и его правоохранительные органы обязаны четко представлять себе, с антиобщественными явлениями какого масштаба они борются. Несомненно, что общество должно бороться со всей преступностью, а его правоохранительные органы — предупреждать отдельные преступления, расследовать их, определять наказание преступникам, исполнять эти наказания. В определенных границах должна вестись работа по прогнозированию преступности, программированию и планированию борьбы с ней. Дело здесь, конечно, не только в границах, но и в объекте воздействия, что в свою очередь диктует выбор ближайших и более отдаленных целей и задач, а также поиски средств и методов их решения, определение характера мер воздействия и т. д.

Каковы, так сказать, технические возможности познания причин преступного поведения?

Традиционно это анкетирование уголовных дел, реже — опрос осужденных. Но эти методы при всей их полезности не дают должного представления о живых людях с их страстями, сложностями и противоречиями прожитой жизни и, главное, не раскрывают причин того, что же их в действительности сделало преступниками. Не все криминологи владеют психологическими приемами, помогающими изучать личность, не все подготовлены для проведения бесед с людьми. Не всегда следователь, прокурор, адвокат, суд, воспитатель в местах лишения свободы и даже исследователь-криминолог умеют слушать преступников и вслушиваться в их рассказы о жизни, более того, очень многие считают, что все преступники сплошь лжецы. Между тем преступники лгут обычно тогда, когда правда грозит ухудшить их и без того тяжелое положение.

Как понять, например, поведение В., 46 лет, 6 раз судимого за кражи, признанного особо опасным рецидивистом, почти всю взрослую жизнь проведенного в местах лишения свободы? Как и почему он встал на этот путь? Может быть, лучше послушать его самого, не ограничиваясь изучением материалов возбужденных против него уголовных дел?

В. рассказывает: “Нас в семье было пятеро детей. Отец работал на карьере рабочим, очень уставал; на нас, детей, времени у него не было. Любил ли он меня? Если бы любил, я бы не ушел в другую сторону. О матери ничего особенного рассказать не могу; я ее не слушал, тем более что она все время болела, чем не знаю, но у нее опухли ноги. Я закончил только 4 класса, а так все время бегал по садам, по набережной. Убегал из дома, чтобы найти что покушать, особенно мы воровали с ребятами фрукты. Нет, дома было что покушать, но не то, что я хотел, а вот одежды не было. Воровать стал рано, в основном из карманов”.

Не будем подробно комментировать этот короткий, но весьма красноречивый и довольно типичный рассказ. Можно сделать вполне определенные предположения о том, почему стал на преступный путь человек, выросший в семье, в которой наряду с материальной нуждой отсутствовали теплые человеческие отношения и забота о ребенке. Даже такие короткие повествования подчас дают больше, чем самые масштабные социологические опросы.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о методах изучения причин преступного поведения и о том, какими возможностями в этом отношении располагает наука. Поскольку причины преступного поведения “находятся” в личности, основное значение приобретают психологические подходы и методы, психологическая интерпретация полученных результатов, которая может быть использована для понимания более широких социальных явлений и процессов.

При изучении причин преступлений важно использовать и возможности психиатрии, поскольку среди преступников довольно велика доля лиц с психическими аномалиями в пределах вменяемости. Нарушение психической сферы личности оказывает сильное влияние на мотивацию ее поступков, другие психологические явления и процессы. Такие нарушения, как и биологические факторы, не действуют напрямую, вызывая те или иные поступки, а лишь взаимодействуя с психологическими особенностями личности. Поэтому нужны патопсихологические изыскания, т. е. психологические исследования преступников с нарушенной психикой. Между тем и данное направление развивается все еще медленно. И

видимо, это одна из главных причин невысокой эффективности профилактики преступлений лиц с психическими аномалиями.

Наш опыт показал, что наилучшие результаты могут быть достигнуты с помощью монографического метода, т. е. углубленного изучения причин преступного поведения, как правило, небольшого числа преступников главным образом с помощью психологических методов — беседы и тестов, которым предшествует тщательное ознакомление со всеми имеющимися на данное лицо материалами. Такое изучение позволяет получить представление об особенностях мировосприятия, о потребностях и интересах, чувственно-эмоциональной сфере, об основных мотивационных тенденциях, бессознательных или осознаваемых частично, о характерологических чертах, ценностных ориентациях и установках, о направленности личности в целом, ее типе. Очень важно отметить, что подобный подход дает возможность проследить и понять жизненный путь человека, оценить его жизненный опыт, выявить социальные роли и статусы, условия воспитания и формирования личности, специфику общения и взаимодействия с другими людьми.

Нетрудно заметить, что такое знание о конкретном человеке не может быть получено традиционно — путем социологического опроса. Здесь требуется определенное доверие опрашиваемого, умение поставить себя на его место, как бы вжиться в его образ, чтобы понять его и прожитую им жизнь. Поэтому мы и призываем видеть в преступнике “живую”, думающую, чувствующую, переживающую личность, а не бледное и часто искаженное его отражение, имеющееся в следственных или судебных материалах.

Возникает вопрос: насколько полученным подобным путем сведениям можно придавать обобщающий характер, насколько выводы относительно малой группы преступников можно распространять на всю их совокупность, исчисляемую не одной сотней тысяч людей?

Прежде всего отметим, что монографическое изучение должно охватывать не всех преступников без разбора, а только их определенные категории. В рамках этих категорий отбирается столько лиц, сколько нужно для того, чтобы получить представление о каждом из типов преступников (и соответственно их преступном поведении). С помощью некоторых тестов (например, “Методики многостороннего исследования личности”) можно изучить такое количество преступников, которое будет отвечать социологическим требованиям репрезентативности (представительности). В этом случае углубленные беседы проводятся не со всеми, а только с некоторыми. Тесты, разумеется, выбираются такие, которые наиболее адекватны задачам данного изучения, лучше всего способствуют их решению.

Изучая отдельного преступника, мы изучаем его индивидуальность, включающую в себя и общие, присущие другим преступникам черты, и единичные, неповторимые. Те и другие дают целостное представление о личности. То, что в каждом преступнике есть какие-то черты, которые можно обнаружить и у других правонарушителей, является непременным условием изучения. Однако даже индивидуальные, неповторимые черты все же отражают в себе социально-типическое.

Философы и социологи создали немало ярких и верных социальных портретов, в которых социальный тип личности (буржуа, фермера, рабочего) выступает в персонифицированной форме. Социальная портретистика широко используется для характеристики общей тенденции в развитии эпохи, социальных типов личности, духа времени, нации, политической партии и т. д., тех интересов данного социального слоя, выразителем которых является конкретное лицо как его представитель.

Сходное положение можно констатировать в художественной литературе и искусстве в целом. Искусство представляет собой идеальное, творческое, закономерно обусловленное отражение действительности, в том числе реальных проблем человека, его мыслей, чувств, переживаний, идеалов. Художественное произведение не буквальное или приблизительное воспроизведение жизни. В единичном, особенном оно отражает общее, улавливая и воспринимая наиболее типичные и существенные черты и свойства действительности. В то же время действительность стоит бесконечно выше искусства по своему богатству, неисчерпаемости, многосторонности, неповторимости.

Монографическое исследование в науке, в данном случае в криминологии, во многом напоминает социальную портретистику и подходы искусства к познанию человека, его мира, механизмов его поступков. То, что при таком исследовании охватывается меньший по количеству массив правонарушителей, с лихвой компенсируется глубиной и разносторонностью познания, проникновением в самые потайные уголки психики, внутреннего мира человека,

анализом и объяснением происходящих там явлений. При этом очень важно отметить, что сами эти явления внутреннего мира, их механизмы и смысл, особенно в части мотивов поведения, как правило, ускользают от фиксации и тем более понимания самим субъектом. Они открываются лишь исследователю, обладающему профессиональными навыками и умением их обнаружить и интерпретировать в целях объяснения поступков.

Здесь возникают и нравственные проблемы, первая из них — не использовать во вред человеку полученное о нем знание, быть крайне тактичным при анализе его интимного мира и интимных переживаний. Выступая в качестве инструмента научного познания, монографическое изучение личности преступника, весьма уязвимого в психологическом отношении, плохо защищенного в условиях изоляции от общества, должно отвечать требованиям этических норм. Монографическое исследование позволяет логически увязать условия семейного воспитания, прожитую жизнь и последующие влияния, психологические особенности личности. В ходе беседы (при наличии, конечно, психологического контакта) человек начинает свободно рассказывать о себе, своих близких, своих интересах и наиболее памятных фактах. О плохом отношении родителей обычно умалчивается, особенно если оно было неявным, и об этом следует судить по каким-то другим данным. Иногда же, как в нижеследующем примере, дурное обращение родителей занимает центральное место в рассказе.

Е., 36 лет, родился и вырос в условиях безразличного отношения матери и резко враждебного, жестокого отношения отца. Е. вспоминает: “Мы с братом внимания матери не ощущали, она целыми днями пропадала на работе. Родители нас часто били, особенно меня, а я бил брата, поэтому он от меня прятался. Однажды, когда мне было лет 10 или 12, отец так бил меня, что я, выбив головой стекло, вылетел на улицу, упал на асфальт и поранил лицо. Думаю, что он был мне неродным, потому что родные так не поступают. Я чувствовал себя в семье чужим и часто убегал из дома. Жил в кочегарках и сараях, ездил по разным городам, но нигде для меня места не было. Нигде не нашлось такого дома, который стал бы для меня своим”. Родители относились к нему безразлично и враждебно, причем конфликты обострились после того, как он стал совершать преступления. В первый раз его осудили за кражу, затем дважды за нанесение тяжких телесных повреждений (его брат 4 раза судим за кражи). После освобождения вернулся в дом родителей. Во время очередной ссоры нанес отцу тяжкие телесные повреждения, от которых тот через несколько дней скончался.

Е. не испытывал угрызений совести по поводу гибели отца и не считал себя виновным. Оправдывает свои действия тем, что отец был “очень плохим человеком”. Вспоминает о нем с ненавистью, приходит в возбуждение, кричит, рассказывая о его отношении к себе.

Е. отрицательно относится и к матери: “Она мне хотела сейчас (в период отбывания наказания) дать передачу, но я ее не взял, на свидание с ней не пошел. Я ей передал, что не хочу знать, где будет ее могила, и пусть она не знает, где моя”.

Возможности объяснения причин преступного поведения кроются, конечно, не только в конкретных социологических и психологических методах. В не меньшей степени они определяются отношением исследователя к изучаемым явлениям, тем, как он понимает личность преступника, ее природу, что вкладывает в это понятие.

2. Психологические типы преступников

Чтобы достаточно полно уяснить себе особенности преступного поведения, необходимо учитывать, что оно, как любое другое поведение, неоднородно. Это поведение включает такие виды, которые помимо общей для всех негативной уголовно-правовой оценки мало чем похожи друг на друга. Так, например, убийства значительно отличаются от краж, изнасилования - от разглашения военной тайны, разбой - от нарушения правил безопасности горных работ и т. д. Специфика имеется не только в содержании самих преступных действий, но и в их субъективных причинах, что следует отметить в первую очередь. Поэтому представляется, что наряду с общей объяснительной схемой преступного поведения (ею, на наш взгляд, может быть отчуждение личности) необходимо более углубленно анализировать причины отдельных видов такого поведения.

Среди отдельных видов преступного поведения наиболее распространены корыстный и насильственный. Обычно считают, что корыстные преступления порождаются корыстью, а насильственные - агрессивностью, хулиганскими побуждениями, местью и другими сходными субъективными причинами. Нам подобные объяснения представляются недостаточными,

поскольку не дают ответа на вопрос, почему, например, корыстные стимулы появляются и реализуются у одного человека, а у другого нет и почему этот другой решает возникающие жизненные трудности совсем иными способами. К тому же и корыстные мотивы сами по себе не могут быть противоправными. Таковыми могут быть лишь способы достижения цели.

Приведенные объяснения, основываясь на элементарных жизненных наблюдениях, не учитывают сложнейших глубинных и противоречивых, чаще бессознательных, стимулов поведения, не вскрывают "глухих и темных закоулков" души. Мы считаем, что следует объяснять преступное поведение, исходя из типологии личности преступника, связывать виды преступного поведения с типами преступников, которые могут быть выделены по самым разным признакам. Личность преступника в целом представляет собой социальный и психологический тип, отличающийся от других личностей.

Социально типичные признаки личности проявляются в определенных способах жизнедеятельности человека. Преступник как социальный тип личности отличается от представителей других социальных типов тем, что он общественно опасен. Опасность заключается в возможности нанесения вреда тем общественным отношениям, которые охраняет государство.

Но не только эта черта отличает преступников от других лиц. Психологическое эмпирическое изучение значительной группы лиц, виновных в убийствах, грабежах, кражах и других общеуголовных преступлениях, показало, что им в гораздо большей степени, чем законопослушным гражданам, свойственны такие особенности, как слабая адаптированность, отчужденность, импульсивность, агрессивность. Они в целом хуже учитывают прошлый опыт, плохо умеют или вообще не умеют прогнозировать будущее.

Таким образом, в личностной структуре преступника как типа личности имеются элементы, являющиеся психологическими предпосылками преступного поведения. В духовном мире преступника на сознательном и бессознательном уровнях обнаруживаются такие особенности, которые формируют мотивы преступлений и приводят к их реализации. Ведь любое преступление не является случайным по отношению к личности совершившего: в своей основе оно подготовлено всем развитием ее социальных и психологических свойств. Поэтому о личности преступника как социальном типе можно говорить только в связи с преступным поведением.

Это не означает, что все совершившие преступления и осужденные за это в полной мере обладают перечисленными выше чертами личности. Эти черты типичны для подавляющего большинства преступников, но необязательно они должны быть у каждого из них.

Указанные черты личности неодинаково выражены у различных категорий преступников. Проведенное нами совместно с В. П. Голубевым и Ю.Н. Кудряковым исследование показало, что импульсивность, тенденция поступать по первому побуждению, под влиянием эмоций, застревание аффекта (ригидность), склонность к подозрительности, злопамятность, повышенная чувствительность, а также отчужденность, уход в себя, стремление к соблюдению дистанции между собой и окружающим миром более всего характерны для лиц, виновных в совершении грабежей и разбоев. Реже эти черты встречаются у убийц, насильников, воров и очень редко - у расхитителей.

Поскольку психологические особенности самым активным образом участвуют в формировании нравственного облика личности и мотивации ее поведения, можно утверждать, что преступники от неправоверных отличаются нравственно-психологической спецификой. Можно предположить, что преступники далеко не всегда понимают, чего от них ждет общество и как они должны поступать в тех или иных ситуациях. У них отсутствуют побуждения к соблюдению социальных норм.

Криминологическая типология личности преступника помогает выявить причины преступного поведения, а значит, с большей эффективностью предупреждать преступления. Следовательно, в конечном счете она должна подчиняться общим задачам борьбы с преступностью.

От анализа личности преступника в целом как типа, как носителя наиболее общих, устойчивых социальных, социально-психологических и индивидуально-психологических черт и качеств можно перейти к анализу ее разновидностей. Именно посредством типологизации создается своеобразная модель личности, что серьезно облегчит решение целого ряда практических задач. Соответствие конкретного лица уже созданной модели, т. е. определенному типу личности, позволит сделать весьма обоснованное предположение о субъективных причинах преступного поведения, поскольку они уже известны как свойственные данному типу личности. Исходя из причин типологического характера, заблаговременно можно разработать правила

(алгоритмы) предупредительной работы с представителем именно данного типа, определить тактику следствия или отдельных следственных действий в случае возбуждения уголовного дела.

Можно сказать, что практическое значение типологизации личности преступника состоит в возможности дифференцировать профилактическое и карательно-воспитательное воздействие, решать некоторые следственные задачи. Знание типологии преступника дает возможность выявлять и анализировать отдельные типы преступного поведения, позволяет объяснять это поведение особенностями данного типа личности.

Существует несколько типологических схем личности преступника. Приведем некоторые из них. **По признакам антиобщественной направленности** поведения в основу типологии личности положены ее отношения к различным общественным ценностям.

1. *Негативно-пренебрежительное отношение* к личности и ее важнейшим благам: жизни, здоровью, телесной неприкосновенности, чести, достоинству, спокойствию и т. д. Подобное отношение лежит в основе умышленных агрессивных насильственных преступлений - убийств, телесных повреждений, изнасилований, оскорблений и т.д., а также большинства случаев хулиганства.

2. *Корыстно-частнособственнические тенденции*, связанные с игнорированием принципа распределения материальных благ по труду, права государственной собственности и личной собственности граждан. Это характерно для совершения хищений, краж, мошенничества, взяточничества, спекуляции и иных корыстных преступлений.

3. *Индивидуалистическое отношение* к различным социальным установлениям и предписаниям, к общегражданским, служебным, семейным и прочим обязанностям. Подобные антисоциальные черты определяют совершение ряда хозяйственных преступлений, преступлений против порядка управления, правосудия, воинских преступлений и т. п.

4. *Легкомысленно-безответственное отношение* к установленным социальным ценностям и своим обязанностям по отношению к ним, проявляющееся в различных неосторожных преступлениях.

На основании такой классификации отношений выделены следующие типы преступников:

- **"Случайный"** - впервые совершивший преступление, противоречащее общей социально-положительной направленности, характеризуемой всем предшествующим нравственным поведением.
- **"Ситуационный"** - совершивший преступление под воздействием неблагоприятной для преступника внешней ситуации при общей социально-положительной направленности.
- **"Неустойчивый"** - совершивший преступление впервые, но допускавший и раньше различные правонарушения и аморальные проявления.
- **"Злостный"** - неоднократно совершавший опасные преступления, в том числе ранее судимый.
- **"Особо опасный"** - неоднократно совершавший опасные преступления, в том числе признанный особо опасным рецидивистом.

В приведенных схемах типы личности преступника связаны с преступлениями и с его отношением к различным общественным ценностям. Эти схемы могут иметь и практическое значение, например для классификации преступлений и осужденных. Вместе с тем они, на наш взгляд, нуждаются в ряде уточнений.

Прежде всего вызывает сомнение существование "случайного" преступника, о чем подробно будет сказано ниже. Кроме того, негативное отношение к тем или иным ценностям еще не означает, что человек совершит преступление. О негативном же отношении, как правило, судят тогда, когда какие-то действия, выявляющие это отношение, уже совершены. Можно обоснованно предположить, что одна и та же субъективная причина (в данном случае отношение) способна породить различные действия, равно как и разные причины могут вызывать весьма сходное поведение. В целом же здесь внимание акцентируется на внутренних причинах преступления.

По степени общественной опасности личности и ее криминогенной активности мы предлагаем выделить такие типы преступников:

1. **"Особо опасные" ("активные антисоциальные")** - многократно судимые рецидивисты, устойчивое преступное поведение которых носит характер активной оппозиции обществу и его ценностям. В первую очередь это преступники, постоянно совершающие кражи, грабежи, разбои, хулиганские действия и тяжкие преступления против личности. Среди них обращают на себя внимание профессиональные преступники, для которых преступления являются единственным

или главным источником получения средств к существованию (например, квартирные и карманные вору). Они иногда срачиваются с крупными расхитителями, помогая им в транспортировке и сбыте похищенного, охраняя их лично и т. д., что и образует организованную преступность. Благоприятные для совершения преступлений ситуации они активно создают сами.

Сюда следует отнести и крупных расхитителей имущества, крупных взяточников, совершающих такие преступления длительное время.

2. **"Десоциализированные опасные" ("пассивные асоциальные")** - деклассированные лица, выпавшие из системы нормального общения, длительное время ведущие паразитическое, часто бездомное, существование. В основном это лица, занимающиеся бродяжничеством, попрошайничеством, туеядцы, многие из них неоднократно судимы и являются алкоголиками. Они совершают и корыстные преступления, но, как правило, мелкие, для обеспечения своего антиобщественного существования и особенно приобретения спиртных напитков. В отличие от "особо опасных" преступников эти лица в основном пассивны: ситуации для совершения правонарушений сами обычно не создают, а используют складывающиеся. Но, как и "особо опасные" преступники, представители этого типа устойчивы в своем противоправном поведении.

3. **"Неустойчивые"** - лица, отличающиеся частичной криминогенной заряженностью и совершающие преступления (порой не один раз) не в силу стойких антиобщественных установок, а из-за включенности в такие группы, образ жизни которых находится на грани социально приемлемого и антиобщественного. Наиболее распространенными представителями этого типа являются правонарушители, совершающие в нетрезвом состоянии мелкие хищения и кражи, хулиганство, реже - грабежи, разбои, некоторые насильственные преступления. При существенном изменении жизненных обстоятельств в лучшую сторону и эффективном воспитательном воздействии они способны воздержаться от противоправных действий.

4. **"Ситуативные"** - лица, чья общественная опасность выражена в поведении незначительно. Преступления совершаются ими не потому, что ситуации имеют решающее значение. Дело в том, что из-за своих психологических особенностей они попадают в жесткую зависимость от ситуации, не находя социально приемлемого способа ее разрешения. К числу "ситуативных" относится немало насильственных преступников, а также лиц, совершивших корыстные преступления в субъективно сложных жизненных обстоятельствах, например при материальных затруднениях.

Разумеется, эта типология, как и другие, носит условный характер, и, по-видимому, не каждый преступник может быть без колебаний отнесен к тому или иному типу. Можно встретить представителей смешанных, промежуточных групп.

Другие имеющиеся типологии преступников носят больше описательный, чем объяснительный, характер. В качестве примера приведем типологию расхитителей, разработанную В. Г. Танасевичем.

К первой группе он отнес преступников с *ярко выраженной антиобщественной направленностью*, с чрезвычайно развитыми эгоистическими наклонностями, безразличным отношением к общественным интересам. В этой группе выделяются: расхититель-делец с активной антиобщественной установкой; расхититель-рецидивист, превративший хищения в основной источник доходов; расхититель-"жулик", рассматривающий имущество как источник личного благополучия.

Вторую группу составляют лица, совершающие хищения *при отсутствии выраженных антиобщественных устремлений в результате неблагоприятно складывающихся ситуаций, жизненных трудностей*.

Таких типологических схем, особенно в отношении корыстных преступников, можно привести немало, но они еще в недостаточной степени обладают объяснительными функциями.

Как же достичь объяснительного уровня, что положить в основу типологии с целью раскрытия причин преступного поведения применительно к отдельным типам преступников и преступного поведения? В свете сказанного ответ может быть только один: то, что является субъективной, внутренней причиной совершения преступлений. Это не означает игнорирования иных, внешних факторов, способствующих преступному поведению, роль которых в механизме такого поведения может быть велика. Но коль скоро речь идет о личности преступника, нужна типология именно личности.

Основным стимулом, причиной поведения человека является мотив. Именно в нем отражено то, ради чего совершаются действия, в чем их личностный смысл для субъекта. В мотиве опредмечиваются потребности и интересы, он формируется под влиянием влечений и эмоций,

установок и идеалов. В ходе их удовлетворения мотивы могут изменяться и обогащаться. Поведение человека обычно полимотивировано, т. е. определяется рядом мотивов, но они не равнозначны. Одни являются ведущими, основными, другие выступают в роли дополнительных. Личность больше всего отражена в мотиве, а поэтому справедливо утверждение, что она такова, каков мотив ее поведения.

Мотив - явление субъективное, связанное с индивидуальными особенностями и установками личности, но в то же время включающее в себя и ее социально-психологические черты. Результаты современных криминологических исследований не позволяют утверждать, что есть специфические мотивы преступного поведения, во всяком случае подавляющее большинство мотивов преступлений не являются таковыми и могут вызывать иные действия. Все зависит от нравственных черт личности, предопределяющих выбор цели и средства ее достижения. Основная масса мотивов как бы нейтральна; исключения составляют те, которые направлены на реализацию физиологической потребности в алкоголе или наркотиках. Поэтому оценка мотивов по моральным критериям не всегда допустима.

Мы полагаем, что в основу типологии преступников должны быть положены мотивы их уголовно наказуемых поступков. Отдельные попытки (только отдельные!) создания такой типологии уже предпринимались. Так, среди насильственных преступников (совершающих насильственные действия) по мотивационным особенностям предлагается выделить, например, лиц старших возрастных групп (старше 40 лет), для которых характерны мотивы ревности, а также лиц из числа молодежи (от 18 до 29 лет), преступления которых основываются на мотивах мести, сопряженных с потребностями самоутверждения в семье, при отсутствии длительных неприязненных отношений между ними и потерпевшими.

Теперь приведем типологию личности корыстных преступников (совершающих корыстные, имущественные преступления), созданную по мотивационным критериям, а затем попытаемся ответить на вопрос, можно ли по тем же критериям создать единую типологию для всех преступников. Сравнение совершенно разных по характеру преступлений как бы подсказывает ответ на поставленный вопрос.

Итак, **корыстные преступники**. Среди них мы выделили следующие типы:

1. **"Утверждающийся" ("самоутверждающийся") тип**, к нему относятся лица, смыслом преступного поведения которых является утверждение себя, своей личности на социальном, социально-психологическом или индивидуальном уровнях. Разумеется, здесь присутствует и корыстный мотив, который выступает как параллельный, сопутствующий, в большинстве случаев равнозначный. Таким образом, налицо полимотивация, при этом корыстный мотив не переплетается с самоутверждением, престижными соображениями, утверждением своего авторитета. Самоутверждаясь, человек стремится ощущать себя источником изменений в окружающем мире. Это стремление представляет собой некий руководящий принцип, пронизывающий различные мотивы.

Очень важно отметить, что владение, распоряжение похищенным выступают в качестве средства утверждения личности, своего "я". Особенно четко это проявляется в преступных действиях молодых людей, если они таким путем завладевают престижными вещами или средствами для их приобретения.

Мотив утверждения на социально-психологическом уровне, например, может иметь место, когда подросток совершает кражу или принимает участие в групповых хулиганских действиях для того, чтобы быть принятым в определенную неформальную группу.

2. **"Деадаптивный" (или "асоциальный") тип** включает в себя лиц, у которых нарушена социальная адаптация, т. е. приспособляемость к условиям социальной среды. Эти преступники ведут антисоциальный, часто бездомный образ жизни, выключены из нормальных связей и отношений, многие из них являются бродягами и алкоголиками. Они совершают, как правило, незначительные по стоимости похищенного кражи и хищения. Добытое преступным путем имущество и деньги используют для поддержания своего образа жизни, обычно связанного с употреблением спиртных напитков. Многие из них ранее были судимы, не имеют постоянного места жительства, прописки, паспорта или иных документов. Естественно, что они обычно нигде не работают, не имеют семьи; связи с близкими, родственниками отсутствуют, друзей, как правило, у них нет. Они как бы плывут по течению, обычно безразличны к своей судьбе, не думают о будущем.

В основе такого дезадаптивного поведения лежит полная личностная неопределенность. У них нет устойчивого представления о себе, и они не стремятся к его приобретению. Все их поведение

обусловлено неосознаваемым стремлением избежать идентификации (уподобления) с другим человеком; группой, социальной средой в целом, вхождения в нее. Таким образом, смыслом их дезадаптивного поведения является боязнь социальной идентификации и обретения личностной определенности. Такая определенность формируется лишь в процессе активного социального общения, принятия на себя ролей, их проигрывания и выполнения требований среды, в которую включен человек. Благодаря оценкам других людей в процессе общения с ними, участия в совместной деятельности путем идентификации формируется самооценка, представление о себе и тем самым личностная определенность. Человек, у которого сформировано такое качество, знает, что он может и должен делать.

Дезадаптивные корыстные преступники избегают включаться в социальные взаимодействия из-за имеющихся у них неосознаваемых тенденций к отрицанию своей социальной идентификации, любой социально-психологической стабильности. Их социальные контакты поверхностны, они если устраиваются на работу, то подолгу на ней не задерживаются, избегают любых обязательств и т. д. Другими словами, они стремятся жить как бы вне общества, вне социальной активности, отгораживаясь от любого проникновения в их внутренний мир.

Обычно дезадаптивные личности не имеют законных источников получения средств к существованию; кражи и другие имущественные преступления дают им эти средства. Исходя из этого мы полагаем, что, если сохранятся нынешние тенденции отчуждения в семье и ее дезорганизация, число дезадаптивных преступников возрастет. Этому будет способствовать и то, что при переходе к рыночным отношениям и приватизации предприятий наименее квалифицированные рабочие останутся без работы. Поэтому, если не будут приняты специальные меры, какая-то часть работников окажется выброшенной из нормальной жизни.

3. **"Алкогольный" тип** очень близок к "дезадаптивному", но не сливается с ним. Критерием для выделения этого типа является совершение корыстных преступлений ради получения средств для приобретения спиртных напитков. Среди его представителей в основном те, которые постоянно злоупотребляют такими напитками или больны алкоголизмом. Для корыстных преступников "алкогольного" типа характерны существенные изменения личности, и прежде всего ее мотивационно-потребностной сферы, алкоголь становится смыслообразующим мотивом их поведения, мерилем всех ценностей и отношений. По мере роста зависимости от алкоголя этот мотив приобретает в структуре личности все более доминирующее место, подчиняя себе все иные мотивы. В связи с этим мотивационная сфера полностью перестраивается. Семья, работа, друзья - все это приобретает другое значение, связанные с ними мотивы теряют свою прежнюю побудительную силу.

Меняется и круг общения, которое в основном начинает реализовываться в группах антиобщественного поведения, что усиливает и усугубляет дезадаптацию, оторванность человека от нормальных связей и отношений.

Корыстные преступления, совершаемые ворами и расхитителями алкогольного типа, обычно не отличаются повышенной общественной опасностью. Чаще всего это мелкие кражи или мелкие хищения на производстве для удовлетворения потребности в спиртных напитках. Преступления совершаются ими примитивными способами, обычно заранее не готовятся, не принимаются меры к уничтожению следов, а похищенное чаще всего тут же сбывается.

4. **"Игровой" тип** личности корыстных преступников весьма сложен с психологической точки зрения. Между тем он достаточно часто встречается среди преступников, и особенно среди воров: вспомним Шуру Балаганова из "Золотого тельца" И. Ильфа и Е. Петрова, многих героев плутовских романов.

Представителей "игрового" типа отличает постоянная потребность в риске, поиске острых ощущений, связанных с опасностью, включение в эмоционально возбуждающие ситуации, стремление участвовать в различного рода операциях, неожиданных контактах и т. д. Корыстные побуждения, как правило, действуют наряду с "игровыми", поскольку для них одинаково значимы как материальные выгоды в результате совершения преступлений, так и те эмоциональные переживания, которые связаны с самим процессом преступного поведения. Последнее обстоятельство существенным образом отличает их от представителей иных типов, т. е. для них психологически весьма важен сам эмоциональный процесс таких действий. Более того, мы встречали случаи, когда этот процесс играл даже ведущую, мотивирующую роль, а остальные стимулы как бы отодвигались на второй план, что особенно характерно, например, для подростков. Многие из них стремятся тем самым обратить на себя внимание.

Разумеется, склонность к игре и "игровая" мотивация присущи не только преступникам. Существует много видов деятельности, связанных с риском, эмоционально возбуждающими ситуациями и т. д., например у альпинистов, автомотогонщиков, каскадеров, у представителей других профессий, чья работа представляет определенную опасность. Надо полагать, что ею занимаются те, кто индивидуально к этому предрасположен и имеет соответствующие способности. Выбор же противоправной или законопослушной формы реализации "игровой" тенденции зависит от формирования личности, ее воспитания.

5. **"Семейный" тип** корыстных преступников; он выделяется в связи с той огромной, в том числе стимулирующей, ролью, которую играет семья. Этот тип обычно встречается среди расхитителей и взяточников и крайне редко среди лиц, совершающих кражи. Его представители характеризуются тем, что хищения совершаются не столько для самого себя, сколько для достижения необходимого, по их мнению и мнению близких и значимых для них людей, уровня обеспеченности материальными и духовными благами семьи и отдельных ее членов. В некоторых случаях интересы самого преступника вообще не принимаются во внимание и он даже ведет аскетический образ жизни. Многие такие корыстные преступники на работе характеризуются весьма положительно и, конечно, очень привязаны к семье, особенно к детям.

"Семейная" мотивация весьма типична, например, для тех женщин, которые похищают вверенное им имущество ради детей, мужа, а нередко и знакомых мужчин, в частности в целях приобретения для них спиртных напитков. Нередки соединения в одном лице представителей "семейного" и "утверждающегося" типов, т. е. один и тот же человек похищает из корыстных мотивов, по мотивам самоутверждения (утверждения) и для обеспечения семьи.

Среди других категорий преступников можно обнаружить некоторые из перечисленных типов. Так, среди убийц встречаются (и нередко) лица, совершившие столь опасные преступления по мотивам самоутверждения (вспомним Раскольникова из романа Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание"). Это дает основание выделить их в качестве самостоятельного типа. По мотивам утверждения себя в глазах других и самоутверждения нередко совершаются изнасилования, например для того, чтобы закрепить свой авторитет среди сверстников-подростков, организовавшихся для группового изнасилования, или самоутвердиться, подтвердить свой биологический статус мужчины в собственных глазах.

Представители "игрового" типа преступников и соответствующий тип поведения относительно редко встречаются среди убийц, чаще - среди грабителей, разбойников, хулиганов и виновных в изнасилованиях. Среди последних это лица так называемого пассивно-игрового типа, пассивного потому, что (чаще бессознательно) игру затевают женщины, своим поведением создающие видимость возможности вступления с ними в половую близость.

Они же, не понимая сущности возникших ситуаций и действительного отношения к ним будущих потерпевших, вступают с ними в такие отношения, которые мы называем игрой. В итоге, чтобы сломить их сопротивление, преступники применяют насилие. Опыт изучения подобных преступников показывает, что значительное большинство из них искренне верит в то, что женщины были согласны на все, и поэтому они ни в чем не виноваты.

Исследование личности и поведения совершивших изнасилования убеждает также в том, что среди них довольно часто встречаются лица, которые в силу дебильности, слабоумия (реже - физических уродств или иных физических недостатков) не в состоянии установить нормальные сексуальные отношения с женщинами. Ими они по существу отвергаются, иногда подвергаются презрению и насмешкам. К тому же дебильность препятствует усвоению нравственных норм, регулирующих общение между полами. Поэтому, лишённые возможности социально приемлемым путем удовлетворить свои сексуальные нужды, такие преступники прибегают к насилию. Все это дает основание выделить среди насильников "отвергаемый" тип, не встречающийся среди других правонарушителей. Разумеется, дебильные личности можно обнаружить среди большинства категорий общеуголовных преступников, но это лишь отдельные случаи, не дающие оснований сформировать из них самостоятельный тип. Среди виновных же в изнасилованиях они встречаются гораздо чаще.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что невозможно создать типологию личности и поведения всех преступников в зависимости от мотивов их уголовно наказуемых действий. Что касается типологий по иным критериям, то их сконструировать вполне возможно, хотя, как мы уже отмечали выше, они обладают значительно меньшими объяснительными возможностями. Разумеется, отдельные типы, и прежде всего "утверждающийся" ("самоутверждающийся"), встречаются практически среди любых групп преступников, выделенных по характеру

совершаемых преступлений. Однако у преступного поведения в целом есть, по нашему мнению, единый и главный источник - отчуждение личности, основы которого закладываются путем ее психологического, эмоционального отвержения в детстве, лишения заботы и попечения.

Типология преступников может разрабатываться не только для объяснения причин преступного поведения, хотя это и представляется наиболее важным. Типологические группировки преступников и преступлений могут быть созданы и для иных практических нужд борьбы с преступностью, например для организации работы по их исправлению и перевоспитанию, разработки вопросов дифференциации уголовной ответственности и т. д. Но мы не случайно отметили первостепенную важность именно объяснения причин совершения преступлений. Даже в процессе исправительно-трудовой деятельности осужденных нельзя не учитывать причины совершения ими преступлений в каждом конкретном случае.

3. Психологические черты личности преступника

Под психологическими особенностями личности или личностными особенностями мы понимаем относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, определяющих типичные формы реагирования и адаптивные механизмы поведения, систему представлений о себе, межличностные отношения и характер социального взаимодействия. Другими словами, это внутренний компонент личности, который представляет собой относительно устойчивую и неповторимую структуру, обеспечивающую индивиду активную деятельность в обществе.

Полученные за последние годы результаты эмпирического изучения личности преступников в сравнении с законопослушными гражданами убедительно свидетельствуют о наличии некоторых отличительных особенностей, в том числе психологических: у первых, более того, раскрывают содержание этих черт, их роль в структуре личности и механизме преступного поведения. Дальнейшее теоретическое осмысление полученных данных будет иметь большое научное и практическое значение.

Отметим вначале исследование, проведенное А. Р. Ратиновым и его сотрудниками с помощью разработанного ими теста "смысл жизни", содержащего 25 пар противоположных суждений. Исследование выявило существенные различия между преступниками и законопослушными гражданами и наиболее сильные - между преступниками и активно-правомерной группой по всем шкалам теста. По дополнительно построенной суммарной шкале статистическая значимость различий находится на уровне достоверной. При пошкальном анализе оказалось, что законопослушные группы испытуемых намного превосходят преступников по социально-позитивному отношению ко всем базовым ценностям, общему самоощущению, оценке смысла своей жизни. По всем данным законопослушные группы испытуемых выгодно отличаются от отдельных групп преступников и от преступной популяции в целом. Различия между преступниками и законопослушными группами в наибольшей мере выражены в отношении к таким ценностям, как общественная деятельность, эстетические удовольствия, брак, любовь, дети, семья. Преступники более фаталистичны и меланхоличны, они крайне отрицательно оценивают прожитую жизнь, повседневные дела и жизненные перспективы, у них снижена потребность в саморегуляции и в дальнейших планах они предпочитают беззаботное существование.

Исследование, основные итоги которого мы привели, характеризует главным образом ценностно-нормативную систему личности преступника, ее нравственные стороны. Однако их недостаточно для раскрытия сущности личности преступника и соответственно причин преступного поведения. Поэтому в предпринятом нами исследовании сделана попытка выявить психологические особенности преступников и их отдельных категорий. С этой целью мы изучили группу лиц, совершивших так называемые общеуголовные преступления, то есть убийства, изнасилования, хулиганства, кражи, грабежи, разбои, хищения имущества, а также нанесших тяжкие телесные повреждения. Контрольную группу составили законопослушные граждане (360 человек), в отношении которых не было никаких данных о совершении ими противоправных действий.

Мы предположили, что сравнительный анализ психологических особенностей различных категорий преступников и законопослушных граждан позволит нам еще раз проверить значение этих особенностей в возникновении преступной деятельности.

Отобранные группы изучались с помощью методики многостороннего исследования личности (ММИЛ). Этот тест представляет собой адаптированный вариант Миннесотского многофакторного личностного опросника (ММРП), с помощью которого возможно целостное исследование личности, охватывающее три ее уровня. Первый уровень представляет собой врожденные особенности, определяющие темп психической активности, силу и подвижность нервных процессов, устойчивые эмоциональные свойства, сексуальную направленность и другие параметры, имеющие отношение к темпераменту. Второй уровень характеризуется совокупностью устойчивых качеств, сформировавшихся в процессе индивидуального развития в социальной среде и проявляющихся как в виде типичных реакций и действий, так и сознательной, гибкой деятельности, которая представляет определенный тип социального поведения. Третий уровень касается социальной направленности личности, иерархии ее ценностей и нравственных отношений.

Для удобства интерпретации и сравнения различных профилей оценка полученных данных производится в Т-баллах (от 20 до 120). Нормативным является профиль в пределах 0-65 Т-баллов. Шкалы, имеющие пики в пределах 65-75 Т-баллов, указывают на наличие акцентуаций; а свыше 75-неврозов, реактивных состояний или психопатий.

В ММИЛ - 13 шкал (3 - оценочных, 10 - основных). Оценочные: шкала I (ложь) "измеряет" стремление выглядеть в глазах экспериментатора в более благоприятном свете; шкала Р (надежность) позволяет помимо оценки достоверности полученных по методике данных судить о психическом состоянии (напряженности, удовлетворенности ситуацией и т. д.), степени адаптации; шкала К (коррекция) дает возможность дифференцировать лиц, стремящихся смягчить либо скрыть те или иные черты характера, выявить уровень социальной опытности, знание социальных норм. Основные: 1 (соматизация тревоги) позволяет выявить беспокойство за состояние своего здоровья; 2 (депрессия) - расстройства тревожного характера, утрату интересов к окружающему, подавленность и т. д.; 3 (демонстративность или истероидность) - склонность к истерическим реакциям или демонстративному поведению; 4 (импульсивность) - склонность поступать по первому побуждению, под влиянием эмоций и т. д.; 5 (мужественность-женственность) - выраженность традиционно мужских или женских черт характера; 6 (ригидность, застреваемость) - застревание аффекта, склонность к подозрительности, злопамятность, повышенную чувствительность в межличностных отношениях; 7 (тревога) - постоянную готовность к возникновению тревожных реакций, фиксацию тревоги и ограничительное поведение; 8 (изоляция) - тенденцию к соблюдению психической дистанции между собой и окружающим миром, уход в себя; 9 (активность) - настроение человека, общий уровень активности, наличие оптимизма или пессимизма; 0 (социальные контакты) - степень включенности в среду, общительность или замкнутость.

Следует отметить, что важны не только показания по отдельным шкалам, но и сочетания различных показателей (профиль ММИЛ)

Сравнение усредненных показателей ММИЛ преступников с нормативными данными (полученными на выборке законопослушных граждан) показало наличие статистически достоверных различий между ними ($p < 0,05$) почти по всем шкалам. Профиль преступников носит пикообразный характер (ярко выраженные пики по шкалам Р - надежность, 8 - изоляция, 6 - ригидность, 4 - импульсивность), расположен в пределах от 55 до 73 Т-баллов, являясь по сравнению с нормативными данными смещенным вверх (см. рис. 1).

Подобный пикообразный профиль обычно свидетельствует об относительной однородности по психологическим особенностям обследованной группы. Причем, как отмечает большинство исследователей, работающих с этой методикой, пики на правых шкалах (4, 6, 8 и 9) связаны в большей степени с устойчивыми характерологическими особенностями, а не с актуальным психическим состоянием!

Подъем шкал Р, 4, 6, 8 до 70 Т-баллов можно интерпретировать как наличие у большинства из обследованных преступников заостренных личностных черт, в значительной мере определяющих их поведение. Подобные показатели могут свидетельствовать также о сниженной социальной адаптации и серьезных нарушениях межличностных контактов. Полученные нами результаты в принципе не расходятся с результатами исследований Г. Х. Ефремовой. По ее данным, суммарный профиль преступников характеризуется сочетанием ведущего подъема по 8 шкале и выраженных подъемов по 4 и 6 шкалам, что свидетельствует, как она считает, о плохой социальной податливости, отсутствии внутренних морально-этических критериев, выраженной агрессивности и активности!

Исследования преступников, проведенные в других странах, также показали, что у большинства из них отмечаются высокие результаты по шкалам F, 4, 8, 9. Обследование подростков, проведенное в 50-х годах в США, показало, что те из них, которые имели высокие показатели по шкалам 4, 8, 9, чаще совершали преступления. Эти результаты были подтверждены в ряде других исследований. Подводя итог сказанному, можем отметить, что в своей массе преступники характеризуются выраженными устойчивыми психологическими особенностями, отражаемыми пиками по шкалам 4, 6, 8. Психологические свойства, отраженные в пиках по шкалам 4, 6, 8, не являются следствием актуальной неблагоприятной ситуации, а относятся к числу фундаментальных. Они формируются в процессе социализации индивида на достаточно раннем этапе, что подтверждается наличием у подростков, склонных к совершению преступления, аналогичных данных.

Сочетание высоких значений по 4, 6, 8 шкалам встречается у большинства преступников не случайно, так как личностные свойства, отражаемые таким профилем, в наибольшей степени потенциально предрасполагают, при соответствующих условиях, к совершению преступления. Пик на шкале 4 ММИЛ связан с такими свойствами, как импульсивность, нарушение прогнозирования последствий своих поступков, неприятие социальных, а тем более правовых, норм и требований и враждебное к ним отношение (асоциальность). Повышение по шкале 6 усиливает все вышеописанные тенденции, так как они становятся постоянной линией поведения. Пик по шкале 6 при этом отражает ригидность, высокий уровень агрессивности, наличие аффективных установок, которые не позволяют изменить стереотип поведения, что приводит к нарушению социального взаимодействия и плохой социальной приспособляемости.

Таким образом, повышение по шкале 6 отражает прежде всего то, в какой степени поведение человека управляется аффективно заряженной концепцией, а повышение по шкале 4 - насколько субъект считается с существующими нормами при проведении в жизнь своих стремлений.

Для сколько-нибудь постоянного асоциального поведения необходим подъем по шкале 6 в сочетании с подъемом на шкале 4. Без подъема на шкале 6 возникают лишь эпизоды асоциального поведения, оно не выступает как образ жизни. Повышение по шкале 8 при имеющемся профиле выявляет своеобразие установок и суждений, которые могут реализовываться в странном и непредсказуемом поведении, ухудшение прогноза последствий своих поступков за счет оторванности от социальной реальности, невозможность интериоризации моральных и правовых норм. Если при таком сочетании шкал имеется еще дополнительно и повышение по шкале 9, отражающей силу активности, то можно ожидать внезапных вспышек агрессивности, так как высокий уровень активности приводит к еще большим трудностям управления своим поведением.

Значительные отличия преступников от неправоверных по показателям шкал 4, 6, 8 и их сочетаниям наглядно представлены в таблице 1. Она показывает, что удельный вес преступников, характеризующихся названными пиками, намного выше, чем среди законопослушных граждан. Как отмечалось, психологические особенности, выявленные с помощью этих шкал, носят устойчивый характер и не определяются условиями изоляции от общества. Это подтверждается тем, что среди осужденных за хищения доля характеризующихся пиками по шкалам 4, 6, 8 значительно меньше, чем среди других преступников, а усредненный профиль расхитителей вообще не отличается выраженными пиками.

Прослеживается статистическая связь между видом преступления и особенностями личности, выявленными с помощью использования методики.

Можно сказать, что наиболее типичные по психологическим особенностям преступники встречаются среди лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления (грабежи, разбои, изнасилования, убийства), и психологически менее типичными являются лица, совершившие ненасильственные преступления (кражи, хищения социалистического имущества). Минимальная типичность и соответственно наибольшее психологическое разнообразие отмечаются в группе законопослушных граждан.

Таким образом, можно считать установленным, что преступники от неправоверных на статистическом уровне отличаются весьма существенными психологическими особенностями, влияющими на противоправное поведение.

Таблица 1.

Соотношение видов преступлений и преступников, имеющих типичный профиль по ММИЛ 4-6-8.

Вид совершенных преступлений	Относительное число преступников, имеющих типичный профиль 4-6-8 (%)	Иные профили (%)	Общее количество обследованных (%)
Грабеж и разбой	44,4	55,6	100
Изнасилование	41,5	58,5	100
Убийство и нанесение тяжких телесных повреждений	36,3	63,7	100
Кража (всех видов)	25,3	74,7	100
Хищение социалистического имущества	22,2	77,8	100
Контрольная группа (законопослушные граждане)	5,0	95,0	100

Иными словами, понятие личности преступника может быть наполнено этим психологическим содержанием. Поскольку же указанные психологические черты участвуют в формировании нравственного облика личности, есть основания утверждать, что преступники от неправоверников в целом отличаются нравственно-психологической спецификой.

Полученные нами результаты позволяют дать психологический портрет обследованных преступников и выделить ведущие личностные черты. Профиль ММИЛ преступников указывает прежде всего на плохую социальную приспособленность и общую неудовлетворенность своим положением в обществе (подъем на шкалах Р, 4). У них выражена такая черта, как импульсивность, которая проявляется в сниженном контроле своего поведения, необдуманных поступках, пренебрежении последствиями своих действий, эмоциональной незрелости.

Социальные нормы, в том числе правовые, не оказывают на их поведение существенного влияния. Такие люди обычно не понимают, что от них требует общество: Можно предположить, что это связано с необычностью установок и восприятия, в связи с чем любые жизненные ситуации оцениваются необъективно, ряд ее элементов игнорируется или искажается. В итоге человек часто не может понять, чего от него ждут и почему он не может совершать то или иное действие. Причем, что очень важно отметить, поскольку нормативный контроль поведения нарушен, оценка ситуации осуществляется не с позиций социальных требований, а исходя из личных переживаний, обид, проблем и желаний.

Возможен и другой вариант нарушения социальной адаптации, который вызван отсутствием мотивированности к соблюдению социальных требований. В этом случае человек понимает, чего от него требует социальная среда, но не желает эти требования выполнять.

Сочетание подъема на шкале 8 и снижения на шкале 5 может свидетельствовать о нарушении эмоционального контакта с окружением, невозможности встать на точку зрения другого, посмотреть на себя со стороны.

Это также снижает возможность адекватной ориентировки, способствует возникновению аффективно насыщенных идей, связанных с представлением о враждебности со стороны окружающих людей и общества в целом. В этом случае может создаваться такое представление субъекта об обществе, с которым реальное общество не тождественно. С другой стороны, одновременно идет формирование таких черт, как уход в себя, замкнутость, отгороженность, и т. д. По мнению большинства исследователей, работавших с тестом, подобные личностные тенденции вызваны повышенной чувствительностью и чрезмерной стойкостью аффекта, что наиболее ярко проявляется при подъемах на шкалах Р, 4, 8. Как уже отмечалось, такой профиль встречается у подростков, склонных к правонарушениям. У взрослых преступников, как видно из наших данных, можно отметить пик и по шкале 6. В этом случае появляются такие свойства, как агрессивность, подозрительность, чрезмерная чувствительность к межличностным контактам.

Правильная оценка ситуации еще более затрудняется, так как поведение управляется аффективными установками, а поступки окружающих рассматриваются как опасные, ущемляющие личность. Это приводит к еще большей зависимости поведения от актуальной ситуации, выход из которой может быть противоправным, так как в этот момент для преступника реально существует только настоящее. Другими факторами, способствующими совершению преступлений, являются дефекты правосознания и нарушения социальной адаптации, поэтому многие преступления, особенно насильственные, являются результатом неспособности разрешить ситуацию в социально приемлемом плане.

Данные ММИЛ нормативной группы (законопослушные граждане), как видно на рис. 1, существенно отличаются от результатов, полученных при обследовании преступников. Их профиль носит линейный характер со средней линией 50 Т-баллов. Это говорит прежде всего о неоднородности группы по своим психологическим особенностям и о сравнительно незначительном количестве среди них лиц с ярко выраженными личностными свойствами (акцентуированными или психопатизированными). Другими словами, мы хотим сказать, что среди законопослушных граждан встречаются люди с разнообразными типами личности (и среди них в отличие от преступников нельзя выделить доминирующие!).

Рассмотренные выше личностные черты преступников присущи различным их категориям не в равной мере. У одних категорий, например у осужденных за изнасилования, профиль ММИЛ и соответственно психологические особенности сходны с суммарным профилем всех преступников, у других (осужденных за убийство, грабеж и разбой, а также за кражу), - совпадая по общей конфигурации, отличаются по степени выраженности тех или иных показателей. При этом необходимо отметить, что профили убийц и грабителей расположены выше, чем суммарный профиль преступников, то есть определенные психологические свойства у этих категорий преступников выражены сильнее, а у “воров” - слабее, что говорит о меньшей выраженности соответствующих черт у последних.

Особое место среди преступников по своим психологическим свойствам занимают расхитители, которые, по данным ММИЛ, существенно отличаются от всех остальных категорий преступников как по расположению профиля, так и по его конфигурации, то есть как по набору личностных черт, так и по степени их выраженности. По сравнению с другими преступниками расхитители являются более адаптированными, то есть более приспособленными к различным социальным ситуациям и их изменениям; лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях, более сдержанны, могут хорошо контролировать свое поведение. Расхитителям не свойственны такие черты, как агрессивность и импульсивность поведения, которые отмечаются у насильственных преступников. Они более общительны, большинство не испытывают трудностей в установлении социальных контактов, у многих встречаются такие черты, как стремление к лидерству, потребность в социальном признании.

Данные ММИЛ расхитителей показывают, что лица, входящие в эту категорию, обладают разнородными и разнонаправленными личностными свойствами.

На профиле ММИЛ у них не выявлены выраженные личностные черты, присущие всем или большинству из них: Подтверждается это тем, что профиль ММИЛ расхитителей носит равномерный линейный характер со средней линией 60 Т-баллов, что обычно связано с неоднородностью психологических свойств обследованных. По своим психологическим особенностям большинство расхитителей не имеют существенных отличий от нормативной группы (законопослушные граждане), которые в массе также обладают различными личностными свойствами. На рис. 2 видно, что усредненные данные расхитителей и законопослушных граждан достаточно схожи по конфигурации. Вместе с тем профиль ММИЛ расхитителей расположен несколько выше нормативного, что можно объяснить, на наш взгляд, наличием у этой категории преступников, в отличие от законопослушных граждан, актуальных социально-психологических проблем, связанных с привлечением к уголовной ответственности!. Последствием возникшего в связи с этим неблагоприятного психического состояния является общая активизация защитных механизмов, направленная на снижение внутреннего напряжения и тревоги.

Конфигурация усредненного профиля расхитителей также подтверждает, что его общее повышение по сравнению с нормативными данными связано с неблагоприятным психическим состоянием вследствие пребывания в местах лишения свободы. Усредненный профиль расхитителей характеризуется незначительными пиками по невротическим шкалам 2, 7 (депрессия и тревога) и снижением по шкале 9 (активность). Также имеются незначительные пики по шкалам 4, 8, 0, отражающим импульсивность, степень изолированности и уровень

развития социальных контактов. Такой профиль ММИЛ свидетельствует о наличии депрессии, пессимистической оценки перспективы, сочетающейся с внутренней напряженностью, тревогой, общей неудовлетворенностью ситуацией и снижением активности. Иначе говоря, их профиль отражает скорее актуальное психическое состояние, а не стойкие характерологические особенности.

В значительной степени черты, присущие всем преступникам, выражены у убийц. Профиль ММИЛ убийц имеет достоверное отличие ($p < 0,05$) от усредненного профиля всех преступников по шкалам L, F, K, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 0, то есть по одиннадцати из тринадцати показателей методики. Однако, несмотря на сходство конфигураций, у убийц обнаружены выраженные однородные личностные свойства, которые определяются прежде всего пиками по шкалам F, 6, 8 (см. рис. 3).

Это, следовательно, люди, поведение которых в значительной мере определяется аффективно заряженными идеями, реализуемыми в определенных ситуациях.

Они чрезвычайно чувствительны к любым элементам межличностного взаимодействия, подозрительны, воспринимают внешнюю среду как враждебную. В связи с этим у них затруднена правильная оценка ситуации, так как она легко меняется под влиянием аффекта. Повышенная сензитивность к элементам межличностного взаимодействия приводит к тому, что индивид легко раздражается при любых социальных контактах, представляющих хоть малейшую угрозу для его личности.

Такие люди обладают достаточно устойчивыми представлениями, которые с трудом могут корригироваться. Другими словами, если они имеют о ком-то или о чем-то свое мнение, то их трудно переубедить. Все затруднения и неприятности, с которыми они встречаются в жизни, интерпретируются как результат враждебных действий со стороны окружения. В своих неудачах они склонны обвинять других, но не себя.

Наиболее чувствительны такие люди в сфере личной чести, для них характерно повышенное сознание своей ценности. Из-за наличия постоянного аффекта, что менее достойные пользуются большими правами, чем они, у них может возникнуть потребность защищать права, и они начинают играть роль “борца за справедливость”.

Значительное повышение по F и 8 шкалам говорит также о наличии у убийц эмоциональных нарушений, социальной отчужденности и трудностях, связанных с усвоением не только моральных, но и правовых норм. Такие люди совершают преступления чаще всего в связи с накопившимся аффектом в отношении того или иного человека или ситуации, не видя при этом (или не желая видеть) другого способа разрешения конфликта. Наделение других людей своими мыслями, ощущениями и действиями приводит к тому, что они начинают восприниматься как враждебные и агрессивные. Вследствие этого, совершая акт насилия, убийца считает, что он таким образом защищает свою жизнь, свою честь, “справедливость”, а иногда и интересы других. Следовательно, убийц отличает от всех других категорий преступников прежде всего чрезмерная стойкость аффекта и повышенная интерперсональная сензитивность, а также возможность возникновения реакций “короткого замыкания” (пик на шкале 3).

Близко к убийцам по степени выраженности личностных свойств находятся корыстно-насильственные преступники. От убийц они отличаются по шкалам 1, 3, 4, 9, 0 ММИЛ ($p < 0,05$) в сторону увеличения степени выраженности психологических свойств (см. рис. 3).

Корыстно-насильственные преступники так же, как и убийцы, являются однородной группой с выраженными характерологическими признаками, содержание которых в основном определяется пиками на шкалах F, 4, 6, 8, 9. Значительное повышение по шкале 4 связано с такими свойствами, как импульсивность поведения и пренебрежение социальными нормами, агрессивность. Пик по шкале 6 усиливает агрессивность поведения за счет общей ригидности и стойкости аффекта. Повышение по шкале 8 показывает значительную отчужденность от социальной среды, в связи с чем снижается возможность адекватной оценки ситуации. Подъем по шкале 9 (имеет самое высокое значение среди сравниваемых групп преступников) до уровня 70 Т-баллов, то есть повышение общего уровня активности, приводит к тому, что импульсивность поведения становится наиболее характерной чертой, могут возникать внезапные агрессивные поступки.

Психологический анализ профиля ММИЛ корыстно-насильственных преступников показывает, что для них характерна повышенная враждебность к окружению и их асоциальные поступки выступают как постоянная линия поведения. Прежде всего в профиле этой категории преступников отражаются трудности в усвоении моральных, а следовательно, и правовых норм. Если поведение убийц направляется в основном аффективно заряженными идеями, то поведение корыстно-насильственных преступников определяется тенденцией к непосредственному

удовлетворению возникающих желаний и потребностей, что сочетается с нарушением общей нормативной регуляции поведения, интеллектуального и волевого контроля. Таким образом, корыстно-насильственные преступники отличаются от других наибольшей неуправляемостью поведения и внезапностью асоциальных поступков.

Профиль ММИЛ воров определяется пиками по тем же шкалам, что и других категорий преступников (кроме расхитителей), то есть F, 4, 6, 8, 9. Однако у воров эти показатели имеют меньшую степень выраженности в сочетании с возможностью более высокого контроля своего поведения (подъем по шкале K и общее снижение профиля). По общей конфигурации профиль воров имеет сходство с профилем корыстно-насильственных преступников, но расположен значительно ниже профилей не только убийц и корыстно-насильственных преступников, но и суммарного профиля всех обследованных категорий, что говорит о меньшей выраженности у них соответствующих личностных свойств. Они также являются однородной группой с выраженными характерологическими особенностями. От корыстно-насильственных преступников их отличает значительное снижение ($p < 0,05$) по шкалам F, 4, 6, 7, 8, 9 и подъем по шкале K. Другими словами, их психологические особенности сходны с корыстно-насильственными, но имеют значительно меньшую степень выраженности. Они более социально адаптированы, менее импульсивны, обладают меньшей ригидностью и стойкостью аффекта, более лабильны и подвижны, у них меньше выражена тревога и общая неудовлетворенность актуальным положением. Их агрессивность значительно ниже, и они в большей степени могут контролировать свое поведение.

По сравнению с усредненным профилем всех преступников профиль воров статистически достоверно ($p < 0,05$) отличается снижением по шкалам L, 6, 7, 8, 0 и подъемом по шкале Л.

Поведение их по сравнению с другими преступниками отличается гибкостью, уверенностью при необходимости принимать решения (снижение по шкале 7). И если поведение убийц направляется в основном аффективными идеями и искаженно понимаемыми социальными требованиями и нормами, а импульсивное поведение корыстно-насильственных преступников обусловлено трудностями в усвоении и осознании социальных норм, то для воров характерна хорошая ориентация (по сравнению с другими преступниками, кроме расхитителей) в этих нормах и требованиях, но, несмотря на это, внутреннее неприятие их и сознательное нарушение.

Вызывают интерес данные по ММИЛ в отношении лиц, совершивших такое преступление, как изнасилование. Их профиль полностью совпадает с усредненным профилем всех преступников, за исключением более низких значений по шкалам L и 5. Эти данные свидетельствуют о наличии таких свойств, как склонность к доминированию и преодолению препятствий, снижение чувствительности по отношению к другим людям и возможность рефлексии. Как отмечают Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р. В. Рожанец, лица с низким значением шкалы 5 могут демонстрировать нарочито мужественный стиль жизни, характеризующийся подчеркиванием своей силы, пренебрежением к мелочам. Можно предположить, что они стараются всячески утвердить себя в мужской роли.

Об этом говорит и характер совершенного ими преступления, в котором в меньшей степени отражаются сексуальные мотивы, а в большей - самоутверждение себя в мужской роли. По нашему мнению, об этом свидетельствует и то, что эти лица при обследовании их по ММИЛ стремятся подчеркнуть наличие у себя традиционно мужских черт. Такая тенденция выявляется обычно как гиперкомпенсация нарушения идентификации с традиционной и культурно обусловленной мужской ролью. Этот вид преступлений, так же как и другие, связан с такими личностными свойствами, как импульсивность, ригидность, социальная отчужденность, нарушение адаптации, дефекты правосознания и возможности регуляции своего поведения. Об этом говорит сходство конфигураций профилей сравниваемых групп преступников. Но направленность этого вида преступлений обусловлена стремлением к самоутверждению себя в мужской роли.

Интересные данные получены при сравнительном анализе показателей ММИЛ различных категорий преступников (см. табл. 2) с выделением по отдельным шкалам наиболее высоких и наиболее низких значений ($p < 0,05$). Данные, приведенные в таблице 2, дают возможность выделить отличительные признаки, характерные для каждой категории преступников.

Например, у убийц по сравнению со всеми другими группами преступников наиболее высокие результаты по шкалам 3, 5, 0. Значения по этим шкалам статистически достоверно ($p < 0,05$) отличаются от аналогичных показателей у других категорий преступников. Можно предложить следующую интерпретацию этих результатов. У убийц в наибольшей степени выражена

тенденция выглядеть в лучшем свете. Они придают большое значение мнению окружающих о себе, и поэтому действия убийц чаще могут определяться актуальной ситуацией, складывающейся в их межличностных отношениях (повышение по шкалам 3 и 5 и сравнительно высокое значение шкалы L). Можно предположить, что убийцы наиболее склонны к импульсивным реакциям “короткого замыкания” на фоне аккумуляции аффекта (самое высокое значение по шкале 3). В то же время убийцы наиболее чувствительны к оттенкам межличностных отношений и обнаруживают очень сильную зависимость от них (об этом говорит самое высокое значение по шкале 5 на фоне имеющегося профиля). Убийцы сравнительно больше испытывают трудностей в установлении контактов, более замкнуты и необщительны, что еще больше затрудняет межличностные отношения и способствует возникновению конфликтов (самое высокое значение по шкале 0 при имеющемся профиле).

У корыстно-насильственных преступников наиболее высокие значения по шкалам 4 и 9 ($p < 0,05$). Поэтому можно сказать, что у этих преступников в наибольшей степени выражена потребность в самоутверждении, аффективный фон оказывает непосредственное влияние на поведение в большей степени, чем у других преступников, то есть у них наиболее сильно выражены такие черты, как импульсивность и пренебрежение к социальным нормам и требованиям. Они обладают наиболее низким интеллектуальным (сравнительно низкое значение по шкале K) и волевым контролем (самое высокое значение по шкалам 4 и 9).

У совершивших изнасилование по сравнению со всеми остальными преступниками обнаружено наиболее низкое значение по шкале 5 ($p < 0,05$). Это говорит о том, что у них самая низкая чувствительность в межличностных контактах (черствость) и в наименьшей степени выражена склонность к самоанализу и рефлексии. Интеллектуальный контроль их поведения так же низок, как и у корыстно-насильственных преступников (сравнительно низкое значение по шкале K).

У воров самое низкое по сравнению с другими преступниками значение по шкале 7. Это говорит о том, что воры обладают наиболее гибким поведением и отличаются сравнительно низким уровнем тревоги (об этом говорит и низкое значение по шкале 2). В то же время они наиболее общительны, с хорошо развитыми навыками общения и в большей степени стремятся к установлению межличностных контактов (сравнительное снижение показателя по шкале 0). Они наиболее, исключая расхитителей, социально адаптированы. Для них менее характерна реакция самоупрека и самообвинения за совершенные ранее асоциальные действия (об этом говорят сравнительно низкие значения по шкалам 2, 6, 7, 8, 0).

Расхитители имеют самое высокое значение по шкале K, то есть они обладают наиболее высоким интеллектуальным контролем поведения, дорожат своим социальным статусом, хорошо ориентируются в нюансах социальных взаимодействий (об этом говорит также сравнительно высокое значение по шкалам L, 2). В то же время они наиболее адаптированы, лабильны, неаутизированы, отличаются наименьшей психической напряженностью (снижение по шкалам F, 4, 6, 8). Сравнительное снижение по шкале 9 при имеющемся профиле говорит о том, что аффективный фон не оказывает на их поведение существенного влияния, а также о высоком уровне интериоризации социальных норм.

Таблица 2.

Распределение отличительных черт среди преступников

Категории преступников	Отличительные черты
Убийцы	Высокая чувствительность к межличностным взаимодействиям.
Корыстно-насильственные	Самая высокая импульсивность при низком контроле. Пренебрежение правовыми нормами.
Совершившие изнасилование	Самая низкая чувствительность в межличностных отношениях при низком контроле поведения.
Воры	Самый низкий уровень тревоги, гибкость поведения.
Расхитители	Наиболее адаптированы, высокий самоконтроль, хорошо ориентируются в социальных нормах и требованиях.

В таблице 2 показаны наиболее отличительные черты той или иной категории преступников.

Проведенный анализ психологических особенностей преступников позволил сделать следующие выводы:

1. Среди преступников имеется значительное число лиц, обладающих однородными личностными особенностями, среди которых ведущими являются импульсивность, агрессивность, асоциальность, гиперчувствительность к межличностным взаимоотношениям, отчужденность и плохая социальная приспособляемость.

2. Относительное число лиц, имеющих типичные особенности преступника, зависит от вида совершенного преступления. Максимальное число лиц с типичными психологическими особенностями отмечается среди тех, кто совершает грабеж или разбойное нападение (44,4%), изнасилование (41%); минимальное - среди тех, кто совершает кражи (25%) и хищения имущества (22%). Лица, совершившие убийства и нанесшие тяжкие телесные повреждения, занимают промежуточное положение (36%). Однако независимо от вида совершенного преступления количество преступников, имеющих типичные психологические особенности, значительно превышает относительное число подобных типов личности среди законопослушных граждан (5%).

3. Обнаруженная связь между психологическими особенностями и преступной деятельностью позволяет рассматривать первые как один из потенциальных факторов преступного поведения, который при определенных воздействиях среды может становиться реально действующим, причем среда может оказывать как усиливающее, так и тормозящее влияние на проявление этого фактора.

4. С учетом приведенных данных о нравственных и психологических чертах преступников ***личность преступника отличается от личности законопослушного негативным содержанием ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников.*** Эта специфика их нравственно-психологического облика является одним из факторов совершения ими преступлений, что отнюдь не является психологизацией причин преступности, поскольку нравственные особенности складываются под влиянием тех социальных отношений, в которые был включен индивид, то есть имеют социальное происхождение.

Психологические особенности личности преступников, в том числе те, которые были выявлены нами с помощью ММИЛ, можно рассматривать как предрасположенность к совершению преступления, то есть как свойства индивида, понижающие криминогенный порог. Однако реализация этой предрасположенности зависит от других факторов, о которых мы скажем ниже.

4. Психологические особенности личности неосторожного преступника

Современная криминология исходит из того, что неосторожность складывается из различного уровня дефектов поведения и их комбинаций, что у неосторожных преступников имеются дефекты в интеллектуальной, эмоциональной и волевой сферах. Те дефекты, которые считаются устойчивыми, нередко напрямую связываются с отрицательными чертами личности, и эти последние принято рассматривать в качестве причины неосторожного преступления. При таком подходе психологические факторы неосторожных преступлений фактически отходят на задний план, хотя именно их анализ и учет позволяют вскрыть действительные механизмы этих преступлений.

Изучение личности неосторожных преступников с помощью ММИЛ выявило следующее.

Профиль ММИЛ лиц, совершивших неосторожные преступления, свидетельствует, что они являются относительно однородной категорией по своим психологическим особенностям. Профиль определяется выраженным пиком по шкале 7 ММИЛ (фиксация тревоги и ограничительное поведение). По сравнению с нормативными данными (выборка законопослушных граждан) совершившие неосторожные преступления имеют статистически достоверные отличия ($p < 0,05$) по следующим параметрам: L, F, 7, 0 (рис. 1).

Снижение по шкале L (лжи) и повышение по шкалам F (надежность) и 0 (социальные контакты) по сравнению с нормативными данными можно объяснить, на наш взгляд, воздействием на личность условий лишения свободы. Например, снижение по шкале L и повышение по шкале F обычно связано с изменением психического состояния и социальной

адаптацией. Подъем по шкале 0 интерпретируется как ограничение социальных контактов и связей, что является естественным показателем для осужденных к лишению свободы.

На наш взгляд, особого внимания, заслуживает выраженный пик по шкале 7 у лиц, совершивших неосторожные преступления. Причем анализ профиля ММИЛ каждого из обследованных неосторожных преступников показывает, что подъем по шкале 7 свойствен практически каждому из них, хотя сам профиль по своей конфигурации может быть различен. Можно поэтому сделать вывод, что среди этой категории преступников встречаются разные типы личности, но психологическое качество, отражаемое пиком по шкале 7, является фундаментальным и ведущим. То, что среди лиц, совершивших преступления по неосторожности, встречаются различные типы личности, свидетельствует то, что их профиль носит выраженный линейный характер со средней линией 55 т-баллов и практически совпадает с нормативными данными (за исключением шкалы 7).

Лица, совершившие неосторожные преступления, имеют принципиальные отличия по своим психологическим особенностям от совершивших умышленные преступления. Это показывает сравнительный анализ их данных по ММИЛ (рис. 2).

Профиль совершивших умышленные преступления статистически достоверно ($p < 0,05$) отличается от совершивших неосторожные преступления практически по всем параметрам методики: F, 1, 2, 3, 4, 6, 7, 6, 9.

Другими словами, личность совершивших неосторожные преступления имеет принципиальные психологические отличия от совершивших умышленные преступления. Как видно на рис. 2, пик по шкале 7 выделяет неосторожных преступников среди всех остальных.

Особой категорией преступников по своим психологическим свойствам являются расхитители. Они не представляют собой однородную массу, и их усредненный профиль по конфигурации практически совпадает с нормативными данными, но расположен несколько выше. На профиле ММИЛ у расхитителей, как и у нормативной группы, не выявлены выраженные личностные черты, присущие всем или большинству из них. Подтверждается это тем, что профиль ММИЛ расхитителей носит линейный, равномерный характер, со средней линией 60 Т-баллов, что обычно связано с неоднородностью психологических свойств обследованных (рис. 3). Как уже отмечалось, профиль ММИЛ расхитителей расположен несколько выше нормативного, что можно объяснить, на наш взгляд, наличием у этой категории преступников, в отличие от законопослушных граждан, актуальных социально-психологических проблем, связанных с отбыванием наказания. Об этом же свидетельствуют и незначительные пики профиля расхитителей по шкалам 2 (депрессия), 7 (тревога) и снижение по шкале 9 (активность). Такой профиль отражает актуальное психическое состояние, а не наличие стойких психологических особенностей.

Сравнительный анализ профилей расхитителей и совершивших неосторожные преступления показал наличие между ними статистически достоверных различий ($p < 0,05$) по следующим параметрам: L, 1, 2, 3, 4, 7, 0. Но различия по этим шкалам (кроме шкалы 7, поскольку совпадает конфигурация этих профилей) могут свидетельствовать лишь об отличии психических состояний этих категорий преступников, а не об отличительных психологических признаках. Пик же по шкале 7 на профиле неосторожных преступников изменяет его конфигурацию по сравнению с профилем расхитителей и поэтому отражает психологическое качество, имеющее фундаментальное, а не ситуативное значение (рис. 3).

С остальными категориями умышленных преступников (убийцы, воры, совершившие изнасилования и т. д.) сравнивать неосторожных преступников нецелесообразно, поскольку различия в профилях те же, что и в усредненных данных всех умышленных преступников по сравнению с неосторожными.

Усредненный профиль умышленных преступников (как и различных их категорий) характеризуется выраженными пиками по шкалам: F, 4, 6, 8 (рис. 2), что свидетельствует об однородности по своим психологическим особенностям этих преступников, о том, что среди них встречаются преимущественно одни и те же типы личностей со сходными психологическими состояниями. Этого нельзя сказать в отношении законопослушных граждан, расхитителей и неосторожных преступников. Среди законопослушных граждан и расхитителей в своей массе нет преимущественно распространенных типов личностей и объединяющих фундаментальных психологических качеств. Среди же неосторожных преступников, исходя из данных ММИЛ, также нельзя выделить преимущественно распространенный тип личности, но существует, как уже отмечалось выше, фундаментальное психологическое качество, встречающееся практически

у всех, совершивших неосторожное преступление. Оно является содержанием пика по шкале 7 профиля ММИЛ неосторожных преступников.

Для лиц, профиль которых определяется пиком по шкале 7, характерна мотивация избегания неудачи, а не мотивация достижения цели, как, например, у умышленных преступников (пики по шкалам 4, 6, 8). В соответствии с этим при мотивации избегания неудачи главным для человека становится не стремление к успеху, а избегание неуспеха, который рассматривается как личная катастрофа.

С позиций типа реагирования на жизненные ситуации для неосторожных преступников характерны интрапунитивные реакции, т. е. возложение вины за происходящее преимущественно на себя (пик по шкале 7), в отличие, например, от умышленных преступников, для которых характерны экстрапунитивные реакции, т. е. склонность возлагать вину на окружающих (пики по шкалам 4, 6).

Интерпретация профиля неосторожных преступников с позиций наличия характерных психологических свойств предполагает рассмотрение пика по шкале 7 как личностной черты, а не состояния.

На наш взгляд, пик по шкале 7 при имеющемся профиле не может рассматриваться как последствие психического состояния, вызванного самим фактом совершения преступления и отбывания наказания. Это связано в первую очередь, с тем, что изолированное повышение пика по этой шкале встречается достаточно редко, поскольку существует взаимокорреляция шкал 7, 8 и 2. Поэтому если бы в данных ММИЛ отражалось психологическое состояние, то профиль характеризовался бы не изолированным пиком, а системой показателей, другими словами, конфигурация профиля была бы иной.

Пик по шкале 7 у неосторожных преступников не связан с тем, что они отбывают наказание. Если бы условия отбывания наказания способствовали активизации психологических качеств, отражаемых пиком по этой шкале, то аналогичные результаты были бы у расхитителей и у других умышленных преступников. Следовательно, имеющийся профиль неосторожных преступников отражает постоянные, изначально присущие им психологические качества, а не ситуативные образования и состояния.

Наличие пика по шкале 7 обычно интерпретируется как склонность к образованию реакции тревоги на различные ситуации. Лица, характеризующиеся такими показателями, обнаруживают неуверенность в себе, склонность к волнениям при стрессе и избыточный самоконтроль. В экстремальных ситуациях такие лица легко поддаются страху и склонны к эмоциональной, а не рациональной реакции на ситуацию, содержащую угрозу. Все это предполагает снижение эффективности выполняемых в экстремальных условиях действий и увеличение количества ошибок. Лица с высокой шкалой 7 обнаруживают пониженную помехоустойчивость, что приводит к нарушению адекватной ориентировки в экстремальных ситуациях и трудностям в принятии решений. Исследование показывает, что для таких лиц являются стрессовыми ситуации с непредсказуемым исходом, быстрой сменой действующих факторов и неупорядоченными параметрами. В таких ситуациях они обнаруживают склонность к стереотипным, шаблонным способам действий и не в состоянии достаточно объективно проанализировать обстановку, что может приводить к нарушению прогноза. Чем больше выражен пик по шкале 7, “тем меньше способность выделить в совокупности фактов действительно важное и существенное, абстрагироваться от малозначительных деталей”. Такие особенности вызывают определенный подход к реальности со стремлением буквально все проконтролировать и учесть. Каждый новый стимул, появляющийся в “поле зрения”, воспринимается обычно как потенциально угрожающий, и при этом возникает стремление держаться того, что уже известно и представляется надежным. Естественно, что такой подход недопустим по отношению к экстремальным ситуациям, возникающим, например, при управлении автотранспортом и другими источниками повышенной опасности. Дело в том, что нельзя предусмотреть все возможные ситуации и их развитие, возникающие в дорожных условиях. Каждая экстремальная ситуация требует:

- оценки ситуации в целом, выделения главных и второстепенных факторов;
- мгновенного прогноза возможного ее развития;
- выбора оптимального решения для данной сложившейся ситуации, которое не может быть стереотипным.

Причем важно отметить, что эти требования к успешному разрешению экстремальной ситуации должны осуществляться в считанные секунды (или даже доли секунд) и поэтому времени на ее обдумывание нет.

Из сказанного выше становится ясно, что лица, данные по ММИЛ которых характеризуются повышением по шкале 7, не могут отвечать требованиям, предъявляемым к успешному разрешению экстремальной ситуации в условиях дорожного движения.

Необходимо также отметить, что все обследованные с помощью ММИЛ неосторожные преступники совершили дорожно-транспортные происшествия в состоянии алкогольного опьянения. Известно, что алкоголь снижает возможность творческого подхода к экстремальной ситуации, активизирует у человека привычные, шаблонные методы реагирования. Особенно это характерно для лиц, профиль ММИЛ которых определяется пиком по шкале 7. Поэтому сочетание этих двух факторов - опьянения и тревожности - максимально способствует повышению аварийности среди такого рода лиц в условиях дорожного движения.

Важно также отметить, что психологические качества могут существовать на характерологическом уровне в скрытом состоянии. В обычных условиях эта черта может быть выражена слабо или не проявляться совсем даже при продолжительном наблюдении. Однако под действием определенных ситуаций и психических травм скрытые черты могут выступать ярко, порой совершенно неожиданно для окружающих. Причем это те ситуации и травмы, которые предъявляют повышенные требования к “месту наименьшего сопротивления”. Психические травмы иного рода или ситуации, даже тяжелые, могут не выявлять скрытых черт определенного типа.

Другими словами, каждая ситуация и травма в аспекте активизации скрытых черт имеет “своих адресатов”, т. е. специфику приложения к конкретному человеку с конкретными, определенными особенностями. Причем активизация ранее латентной черты у человека приводит в дальнейшем к ее функционированию до окончания стресса и обретения личностью внутреннего баланса. Нарушение адаптации, как правило, связано с тем, что оно приводит к активизации тех или иных ранее скрытых черт.

В связи со всем вышесказанным мы считаем, что можно предположить следующее: наличие такой черты, как тревожность (пик по шкале 7), даже в скрытом виде может способствовать принятию объективно неправильных решений в экстремальных ситуациях. Опьянение, конфликтные ситуации, различные психические травмы, переутомление и т. п. могут приводить к активизации скрытых особенностей, ранее присутствовавших у человека в скомпенсированном, психологически нейтральном состоянии, а это обычно включает привычные способы реагирования и поведения (стереотипы). Такого рода психологический феномен бесспорно повышает аварийность в условиях дорожного движения, особенно если скрытым качеством является тревожность (пик по шкале 7).

Можно предположить, что наличие пика по шкале 7 практически у всех обследованных нами неосторожных преступников связано с тем, что они имеют это свойство, как явно выраженное и постоянно присутствующее либо которое активизировалось вследствие стрессовых факторов.

Исследования Л.Н. Собчик летного состава ВВС, в частности тех, кто часто совершает ошибочные действия, показывают, что многие из них имеют высокие показатели по шкале 7, что выражается в их пониженной помехоустойчивости, высокой тревожности, приводящих в экстремальных условиях к хаотическому поведению. Таким образом, результаты исследования Л.Н. Собчик в принципе не расходятся с полученными нами данными и подтверждают значение показателей шкалы 7 ММИЛ для прогноза склонности к ошибочным действиям в экстремальных ситуациях.

В качестве возможной гипотезы можно рассмотреть и другой вариант интерпретации данных ММИЛ неосторожных преступников. Пик по шкале 7 всегда предполагает наличие чувства вины как качественной особенности личности. Состояние, связанное с испытываемыми чувствами вины, для такого рода лиц является субъективно привычным, и они неосознанно к нему стремятся. Поэтому тенденция к неосознаваемой постановке себя в ситуации, связанные с активизацией чувства вины, может носить сценарийный, по терминологии американского психолога и психиатра Э. Берне, смысл, т. е. выступать как неосознаваемое жизненное стремление, программа, определяющая поведение человека и являющаяся для него мотивом, пронизывающим все его поступки и поведение в целом. В этом аспекте интерпретации результатов изучения неосторожных преступников можно предположить, что преступление является для них закономерным звеном жизни, определяющейся бессознательным стремлением к постановке себя в ситуации, в которых они могли бы субъективно максимально сильно испытывать чувство вины и находиться в этом состоянии длительное время, а то и постоянно. Неосторожное преступление выступает в рассматриваемом аспекте интерпретации как

субъективная возможность максимально испытать чувство вины и всю дальнейшую жизнь продолжать его испытывать. Другими словами, неосторожное преступление можно расценивать как своеобразный экзистенциальный выигрыш, позволяющий разрешить основную жизненную проблему - приобрести факт жизненной биографии, дающий возможность в дальнейшем постоянно испытывать чувство вины, независимо от будущих обстоятельств.

Все сказанное нами выше в аспекте интерпретации чувства вины как фундаментального личностного качества может рассматриваться только как возможная гипотеза, требующая проверки и дальнейших методик.

В целом не вызывает сомнений, что в психологическом плане неосторожные преступники - особая категория. По данным применения ММИЛ, они наравне с расхитителями наиболее близки к законопослушным гражданам и существенно отличаются от всей основной массы преступников. Это обстоятельство доказывает, что специфические психологические черты, присущие последним, являются не следствием влияния условий мест лишения свободы, а являются их фундаментальными качествами. Следовательно, о личности преступника можно говорить как об определенном типе личности.

Сделанные нами здесь выводы отнюдь не опровергают положения, что многие неосторожные преступления совершаются правонарушителями, личность которых имеет ту или иную степень криминогенной деформации и антиобщественной направленности (установки, ориентации и т. д.). Среди рассматриваемой категории правонарушителей значительную долю составляют и такие лица, для которых социальная деформация и тем более антиобщественная установка не являются характерными. Однако наличие социальных, криминогенных деформаций, антиобщественных установок - внешние, социальные оценки, не раскрывающие внутренние механизмы совершения неосторожных преступных действий. Вот почему социально-нравственный аспект изучения обязательно должен сочетаться с психологическим.

Изложенные здесь эмпирические психологические данные и их интерпретация имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Может быть, следовало бы задуматься над тем, чтобы не допускать к управлению техникой тех лиц, у которых имеются психологические особенности, отражаемые пиком по шкале 7 ММИЛ. Для дачи окончательных рекомендаций на этот счет необходимы дополнительные исследования. Однако уже те результаты, которые получены в настоящее время, убедительно свидетельствуют о том, что возможности использования достижений психологии в профилактике неосторожных преступлений весьма значительны.

Рассмотрим особенности психологии личности в случаях неосторожного нарушения правил безопасности полетов.

В криминологической литературе, посвященной проблемам преступлений, совершенных по неосторожности, наблюдается смещение интересов к исследованию социологических аспектов личности в ущерб психологическим, и особенно индивидуально-психологическим, в рамках изучения конкретных видов преступлений. В этом плане нельзя признать обоснованными упреки в излишней психологизации неосторожных преступлений. Так, применительно к преступным нарушениям правил безопасности на транспорте особенно тесно переплетаются социальные, психологические, психофизиологические факторы, предопределяющие на их фоне исключительную роль человеческого фактора. Не случайно на московском коллоквиуме Международной ассоциации уголовного права (МАУП) (1977г.) подчеркивалось, что психологические аспекты неосторожности относятся к актуальным проблемам правовых наук криминального цикла.

Существенного внимания в связи с изложенным заслуживает вопрос об особенностях психической деятельности пилотов (авиадиспетчеров) в усложненных условиях полета.

Деятельности пилота, как правило, свойственны: высокий профессионализм, спокойное отношение к опасности, способность легко ориентироваться в стрессовых ситуациях, отсутствие эмоциональной конфликтности, невротичности, вспыльчивости, застенчивости. Подавляющее большинство пилотов, конечно, обладает всеми этими столь необходимыми для их профессии личностными качествами. Однако известны и психологические корреляты предрасположенности пилотов к ошибочным действиям в области личностных свойств. Так, например, у некоторых выявлены черты личности, которые предрасполагают к возникновению авиационных происшествий. К их числу относятся: легкомыслие, переоценка своих возможностей, неадекватный оптимизм, тщеславие, рассеянность внимания, нерешительность, неспособность

предвидеть последствия своих действий, повышенный уровень тревожности, ограничивающий свободу действий пилота, и др.

В связи с этим представляется целесообразным проанализировать характерные проявления психофизиологических, психологических и социально-психологических свойств пилотов в типичных усложненных условиях полета. Самым показательным в этом отношении является такой особенно сложный и ответственный этап полета, как посадка воздушного судна.

Рассмотрим наиболее типичные ситуации и их взаимосвязь с личностным фактором.

1. Приближаясь к земле, на высоте 60-80 м и на расстоянии 1000 м от взлетно-посадочной полосы (ВПП), когда до приземления остается 10-15 секунд, пилот неожиданно обнаруживает, что нормальная посадка исключена или крайне затруднена тем, что самолет имеет значительное отклонение от заданного курса в связи с предельно низкой границей облачности и плохой видимости.

В сложной ситуации выхода на визуальное пилотирование и при остром дефиците времени это может привести к следующим ошибочным действиям: попытке, невзирая на сложившуюся обстановку, посадить самолет либо запоздалому уходу на второй круг.

Указанные ошибочные действия обуславливаются, как правило, причинами психологического и психофизиологического характера, связанными с недостаточной сенсомоторной реакцией, приводящей к увеличению времени двигательной реакции, запаздыванию в выполнении необходимых действий, а также причинами социально-психологического характера, порожденными излишней самоуверенностью, упрямством, отсутствием профессионального опыта, недостаточным знанием возможностей самолета и т. п.

2. При пилотировании по приборам в районе подхода к аэропорту воздушное судно отклоняется от курса (в связи с интенсивным боковым ветром, выходом из строя приборов, ошибочной командой диспетчера и др.).

При этом в поведении пилота, также связанном с острым дефицитом времени, чаще всего наблюдается: непроизвольная концентрация внимания на основную группу приборов, блокирование необходимой переработки дополнительного и незакодированного потока информации и принятия решений с учетом новых факторов; дезориентация в форме иллюзий; ложное впечатление о течении времени и местонахождении самолета (пилоту кажется, что прошло много времени и самолет находится в непосредственной близости от ВПП); подача неопределенных, трудновыполнимых команд, усиливающих напряжение экипажа, или, наоборот, поощряющих (похвальных) команд, усыпляющих его бдительность (особенно в случае повышенной конформности или заниженном уровне притязаний его членов).

3. Внезапное попадание воздушного судна непосредственно перед посадкой в зону сильной облачности, тумана, густого дыма, ливневых дождей, снегопада, что требует немедленного перехода от визуального к приборному пилотированию.

Для пилотов, не сумевших выполнить своевременно эту операцию, в этом случае характерны: эффект установки и изменения мышечного тонуса; провалы в оперативной памяти (показания приборов кажутся неожиданными, как бы возникшими после перерыва); коллизии восприятия (резкий переход от только что воспринимаемой визуальной информации к необходимости пользоваться только показаниями приборов), что приводит к появлению неосознанных, непроизвольных, судорожных, спонтанных движений; неточность действий или их неполнота, обусловленные резким дефицитом времени и крайним эмоциональным напряжением; пониженная переключаемость, низкий уровень аналитико-синтетической деятельности, необходимой для быстрого считывания и анализа показаний приборов, принятия решений и их исполнения.

4. После пролета ближней радиоприводной радиостанции по приборам пилот, не видя взлетно-посадочной полосы, игнорирует указание диспетчера об уходе на второй круг или запасной аэродром (при наличии достаточного количества горючего), продолжает снижение и пытается совершить посадку в автоматическом режиме.

Поведение пилота при этом характеризуется: нарушением коммуникативности в силу крайне повышенного уровня притязаний: эффектом Психологического обеднения (отключения): испытывая огромное нервно-эмоциональное напряжение, он не реагирует на приказы с земли и сам не дает команд экипажу; возникновением лидирующей доминанты, блокирующей адекватные реакции (господствует одна идея "приземлиться любой ценой"); непроизвольной навязчивой концентрацией внимания на основных приборах; провалом оперативной памяти; непониманием,

невосприятием показаний некоторых пилотажно-навигационных приборов, обусловленными высоким психологическим напряжением.

5. При посадке внезапно обнаруживается отказ какой-либо системы воздушного судна (шасси, двигателей и т.п.).

Неожиданное сообщение о случившемся (нередко в панической форме), острый дефицит времени, внезапное осознание крайне опасной аварийной ситуации может привести к ряду ошибочных действий, связанных, как правило, с возникновением у пилота эффекта антагонизма механизмов памяти и угнетения интеллектуальной и двигательной активности; неспособностью воспроизвести в памяти причины отказа и выполнить в надлежащем порядке необходимые действия, направленные на устранение возникших дефектов; утратой представлений о соотношении курса, высоты полета и рельефа местности; дезориентацией в форме иллюзий о времени и местонахождении самолета.

В психологическом аспекте наиболее вероятными личностными характеристиками пилота здесь могут быть: слабая подготовка, предрасположенность к растерянности в экстремальной ситуации, дефекты эмоционально-волевой сферы и др.

Приведенные выше примеры показывают проявление и органическое взаимодействие в экстремальных ситуациях психофизиологических, психологических и социально-психологических свойств пилота, которые могут обусловить типичные общераспространенные ошибки, приводящие к происшествиям, но не всегда связанные с виновным поведением.

Так, в описанных выше ситуациях пилот, вменяемый в психиатрическом смысле, тем не менее нередко не может принять правильные, адекватные данной обстановке решения. Причины этого весьма разнообразны. Чаще всего ими являются небрежность, неосмотрительность, беспечность, недостаточная профессиональная подготовка и т. д. Но в ряде случаев правильное решение не могло быть принято в силу того, что оно было за пределами индивидуальных психофизиологических возможностей пилота. Это, безусловно, требует более глубокого изучения человеческого фактора при взаимодействии человека с авиационной техникой, обеспечения принципа ответственности только за вину и принципа справедливости наказания.

Изложенное свидетельствует о том, что в условиях интенсивного развития авиационной техники огромное значение приобретает включение в систему судебно-экспертных исследований вопросов, связанных с выявлением психологических и психофизиологических механизмов поведения субъектов, управляющих воздушным транспортом. Это не только повысит качество расследования авиационных происшествий, но и позволит правильно квалифицировать содеянное и тщательно индивидуализировать меры ответственности и наказания.

Вместе с тем заслуживает внимания и проблема так называемой профессиональной или специальной невменяемости, привнесение которой в сферу уголовно-правовой квалификации предлагается на страницах юридической печати!. На несостоятельность этих предложений неоднократно указывал в своих трудах И.И. Карпец, справедливо полагающий, что нет надобности конструировать понятие “специальная вменяемость”, ибо сама по себе неподготовленность оператора к работе и его “растерянность” в критических ситуациях не равнозначны понятию “невменяемость”.

Нервно-психические перегрузки в системах “человек - машина”, безусловно, могут вызвать невменяемость субъекта, его психически болезненное состояние, которое одновременно не дает ему возможности руководить своими поступками. Но это будет не какая-то “профессиональная” или “специальная”, а просто обычная невменяемость, определение которой возможно в рамках судебно-психиатрической экспертизы.

В системе “человек - машина” возникают также и специфические ситуации группового поведения. Летный экипаж - это особый производственный коллектив, профессиональной чертой которого является сложность, ответственность и опасность деятельности по пилотированию воздушного судна, а также постоянное взаимодействие. “Члены летного экипажа связаны отношениями деловой зависимости, общностью целей и мотивов деятельности, чувством долга и профессиональной гордости, сходной профессиональной манерой поведения, определенными нормами и регламентом жизни и деятельности, наглядностью успехов и неудач”.

Экипаж воздушного судна представляет наиболее ярко выраженную модель коллектива, от социально-психологической сплоченности которого зависит успешное и безопасное выполнение заданий.

В этом отношении большой интерес представляют исследования, в процессе которых определялись характерные психологические признаки сплоченности членов экипажа. С помощью

современных методик было выведено математическое уравнение, позволяющее диагностировать уровень сплоченности экипажа. В результате проведенных исследований установлено, что уровень сплоченности групп в значительной мере определяется профессиональной подготовленностью членов экипажа, общей направленностью на наилучшее решение полетных заданий. Низкие производственные показатели - это, как правило, и показатели низкой сплоченности этой группы.

В несплоченных экипажах в большинстве случаев встречаются личности с такими чертами характера, как чрезмерная замкнутость или общительность, стремление к лидерству. Им чаще всего свойственны слабость тормозных процессов саморегуляции, нерешительность, высокий уровень возбудимости, тревожности и т. п. Все эти индивидуальные качества, резко обостряясь в экстремальных условиях, могут явиться причинами авиапроисшествий. Члены несплоченных экипажей, как правило, не удовлетворены социально-психологическими качествами своих командиров. В связи с этим возникает склонность к обсуждению и даже нарушению приказов командира. В ряде случаев это обстоятельство также приводит к авиапроисшествиям.

Под групповой сплоченностью в социальной психологии понимают степень связанности, единения членов социальной группы. Детерминантами групповой сплоченности являются: общая ценностно-мотивационная основа деятельности группы; общность социальных ожиданий группы; опыт участия в других группах (в партии, комсомоле, в качестве главы семьи и т. д.).

Наиболее значительными факторами сплоченности летных экипажей являются: профессиональное мастерство, социально-психологическая совместимость, чуткость и доброжелательность в межличностных отношениях, товарищеская надежность участников группы; способность командира к лидерству, его эмоциональная устойчивость (неподрываемость нервно-эмоциональным взрывом).

В указанных исследованиях также просматривается исключительно важный аспект - возможность экспертной оценки уровня сплоченности авиационных экипажей как одного из решающих факторов обеспечения безопасности полетов.

Объективные условия совершения преступных нарушений правил безопасности на воздушном транспорте выступают в качестве индикатора свойств личности правонарушителя.

Анализ психического отношения субъекта к преступлению не должен ограничиваться установлением формы вины по отношению к действию и последствию. Неизбежно также возникает вопрос о мотивах нарушений. Механизм противоправного поведения в общих чертах в неосторожных преступлениях такой же, как и в умышленных, хотя в неосторожных преступлениях он действует, по выражению В.Н. Кудрявцева, в "сокращенном", "свернутом" виде. Поэтому нельзя согласиться с авторами, которые полагают, что в неосторожных преступлениях не могут проявиться потребности, интересы, установки их субъектов, особенно антисоциальные.

Результаты криминологических исследований показывают, что можно установить самые различные интересы и потребности, лежащие в основе мотивации неосторожных преступлений.

К сожалению, в материалах уголовных дел о нарушении правил безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта далеко не всегда отражаются мотивы совершения этих преступлений. По этой причине, а также в связи с тем, что мотив не устанавливается в тех случаях, когда сами правила были нарушены по небрежности (неосознанно), не представлялось возможным на ограниченном материале дать исчерпывающую классификацию всех мотивов исследуемого преступления. Однако можно выделить несколько видов наиболее типичных групп мотивов умышленного нарушения правил безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта.

1. **Откровенно эгоистические мотивы, связанные с достижением сугубо личных целей.** Они характерны для таких нарушений, как самовольный вылет, отклонение от заданных маршрутов по личным нуждам. Тяжкие последствия наступают нередко из-за сопутствующих нарушений (полет без радиосвязи, приземление на неподготовленную площадку и т. д.).

2. **Стремление скрыть другие нарушения, допущенные по небрежности.** При этом нередко сознательно игнорируется возможность тяжелых последствий, субъект легкомысленно рассчитывает на их предотвращение.

Отсюда отношение к наступившим последствиям в форме преступной самонадеянности. Командир корабля М. небрежно руководил предполетной подготовкой судна и экипажа, не пользовался контрольной картой обязательных проверок перед вырубиванием на старт. В результате самолет начал вылет с застопоренными рулями. Обнаружив это во время разбега

самолета, М. и второй пилот К. взлета не прекратили, пытаясь расстопорить рули в процесс разбега. На выкрики членов экипажа, требовавших прекратить взлет, М. не реагировал. Рули были расстопорены лишь частично, самолет начал уклоняться вправо от центра ВПП, продолжая разбег с большим ускорением. Тем самым была создана огромная опасность для жизни пассажиров и экипажа. М. упустил контроль за управлением, самолет сошел на грунт, двигаясь под небольшим углом к ВПП. За 300-500 м до конца ВПП бортмеханик К. самостоятельно, без команды М., перевел рычаги управления двигателя на самый малый газ, и только после этого последовала команда М. о прекращении взлета. Одновременно было применено основное, а затем аварийное торможение, однако ввиду большой скорости самолета он выкатился на концевую полосу безопасности, столкнулся с бруствером и загорелся. Экипаж и пассажиры срочно покинули самолет и не пострадали, но самолет получил значительные повреждения.

3. Во многих случаях неисполнение предписаний правил безопасности связано с такими эгоистическими мотивами, как *забота о собственном комфорте, стремление избежать “лишней”, по мнению субъекта, работы, “лишней” нагрузки на собственный организм, желание упростить, облегчить свои профессиональные обязанности.*

Так, например, некоторые пилоты стремятся избежать заходов на посадку “по схеме” (посадка по приборам при отсутствии возможности прямой визуальной посадки), ради чего нередко вводят в заблуждение диспетчеров относительно условий, в которых протекает полет.

Встречаются и другие случаи нарушений правил работниками авиации из эгоистических побуждений избежать дискомфорта. Так, например, Б., из-за неправильных действий которого потерпело катастрофу воздушное судно, на вопрос, почему он не пользовался, как полагается, локатором, ответил: “Не хотел лишний раз облучаться, так как здоровье мое и так подорвано”.

4. Особую группу составляют мотивы, которые можно назвать *ложно понятыми производственными интересами.* Например, нередко случаи, когда экипаж нарушает правила, стремясь выполнить рейс в любых сложных условиях, даже когда правила безопасности это запрещают. Главным образом это выполнение (или окончание) рейса, когда погодные условия не соответствуют минимуму, установленному для данного экипажа.

Сюда же относятся и случаи, продиктованные стремлением перевыполнить объем работ, и соответственно связанные с этим перегруз воздушных судов, превышение установленного количества и дальности рейсов (эти нарушения особенно характерны для малой авиации, используемой в народном хозяйстве).

Здесь возникает вопрос о производственном риске. Однако ссылка на производственный риск не может признаваться извинительной, когда речь идет о здоровье экипажа и пассажиров. Как пишет М.С. Гринберг, жизнь и здоровье человека не должны быть объектом риска.

Если в названных выше трех группах мотивов антисоциальная установка субъекта очевидна, то в последней группе она завуалирована “производственной необходимостью”, хотя и ложно понимаемой. На наш взгляд, антисоциальная установка определяет мотив поведения и в этом случае. Антисоциально само по себе игнорирование правовых предписаний и запретов. Антисоциально и представление о том, что “производственная необходимость”, “требование жизни” и т. п. могут заслонить, отодвинуть на второй план требования закона. Это есть не что иное, как юридический нигилизм, питаемый дефектами правового сознания.

5. Пятую группу составляют мотивы, продиктованные *юридическим нигилизмом* в чистом виде, без отягощения ложно понимаемыми производственными интересами или какой-либо личной заинтересованностью. Мы имеем в виду случаи, когда субъект игнорирует требования права только потому, что считает их ненужным формализмом вообще, либо потому, что в данной ситуации, по его мнению, соблюдение этих норм необязательно. При этом субъект нередко убежден, что никаких тяжких последствий нарушение данного правила не может повлечь, а это и делает их необязательными. В таких случаях отношение к последствиям наступает из-за преступной небрежности.

Однако нежелание соблюдать правила безопасности может сочетаться с преступной самонадеянностью в отношении последствий, которые виновный предвидит, но легкомысленно рассчитывает предотвратить, надеясь на свое летное мастерство или опираясь на прежний опыт благополучного исхода при подобных же нарушениях. Так, при подлете к аэродрому командир самолета “ТУ-154” в нарушение действующих правил разрешил выполнить заход на посадку второму пилоту, который не был в достаточной степени подготовлен к самостоятельному выполнению этого наиболее сложного элемента полета. На завершающем этапе посадки вторым пилотом были допущены ошибки в пилотировании, которые привели к более крутому снижению

самолета с увеличением вертикальной скорости выше допустимой. В свою очередь, командир упустил контроль за этими неправильными действиями, поздно вмешался в управление, в результате чего самолет приземлился с большой вертикальной скоростью и разрушился от нагрузок, значительно превысивших предельно допустимые.

В катастрофе погибли 11 пассажиров, а 16 получили травмы и были госпитализированы.

При расследовании причин катастрофы российского аэробуса А-310 под Междуреченском в марте 1994г., унесшей жизни 75 человек, были установлены грубейшие нарушения правил безопасности, связанные с нахождением в кресле командира посторонних лиц (его детей-подростков).

6. В отдельных случаях умышленное нарушение правил может быть обусловлено **конформностью, коммуникативностью поведения**, когда, например, член экипажа нарушает правила совместно с командиром экипажа, подчиняясь его авторитету, или диспетчер разрешает посадку в неблагоприятных погодных условиях, учитывая нежелание экипажа уходить на запасной аэродром. Поскольку здесь мотив также сочетается с неприятием для себя требования неукоснительного соблюдения правил безопасности, его тоже можно считать связанным с антисоциальной установкой личности.

Таким образом, мотивы умышленных нарушений правил безопасности полетов или эксплуатации воздушного транспорта при неосторожном отношении к последствиям свидетельствуют о том, что это антисоциальная (или, по крайней мере, асоциальная) установка субъектов этих преступлений.

Когда же сами нарушения правил безопасности совершаются по небрежности, отрицательная социальная позиция виновного не играет решающей роли в этих преступлениях. Проявление неосторожности здесь обуславливается ошибочной реакцией субъекта на особенности ситуации.

Глава II. Отчуждение личности как источник преступного поведения

1. Отчуждение и преступление

Криминологическо-психологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что большая часть правонарушителей находится на определенной социально-психологической дистанции от общества и его ценностей. Они как бы отстранены, отчуждены и от общества, и от малых социальных групп (семьи, трудовых коллективов, друзей и т. д.) или существенно ослабили связи с ними. Это определяет своеобразную мотивацию преступного поведения, специфику реагирования на жизненные ситуации, особенности воспитательного воздействия общества на таких людей.

Термин “отчуждение” появился давно и имеет разные значения. Отчуждение - это объективный социальный процесс, уходящий корнями в историю разделения труда и выражающийся в деформирующем господстве общественного труда над трудом индивидуальным, общественных отношений над человеком. В государственной жизни, идеологии, межличностных отношениях на производстве, в семье и быту - всюду возникают различные формы отчуждения человека от окружающей среды и соответствующее его отношение к ней. Отчуждение труда от производителя порождает отношение к нему как к несчастью, нежелание работать, что обуславливает субъективную готовность добывать средства к существованию противоправным путем.

Тема отчуждения широко освещается в современной западной философии, где оно обычно связывается с научно-техническим прогрессом, урбанизацией, миграцией населения, атеистическим миропониманием. Иногда отчуждение понимается как абсурдность и произвол, а к его жертвам в равной мере относят представителей самых различных слоев общества, переживающих отчужденное состояние как бессмысленность собственного бытия. Очень часто отчуждением объясняются утрата человеком себя, веры, ценностей, отчаяние, страх, дезорганизация.

В экзистенциалистской философии отчуждение понимается как нигилизм, как всеобщая опустошенность сознания и утрата ценностных характеристик бытия. Высшая стадия нигилизма означает полное и добровольное самоотчуждение человека, опустошенность духа, но уже с осознанием корней абсурдности бытия и глубинных причин страха.

Такую опустошенность некоторые экзистенциалисты, особенно А. Камю, расценивают также как победу человека, поправшего свои иллюзии и решившего смело посмотреть в глаза трагической правде, отказаться от рутины повседневности с ее кажущимся преодолением кардинальных вопросов жизни и смерти.

В западной социологии в 20-е годы, часто без употребления самого термина “отчуждение”, был проанализирован такой его аспект, как социальная **аномия** (Э. Дюркгейм, Р. К. Мертон). Это понятие выражает отношение человека к социальным нормам и ценностям, утрату их значимости, что ведет к отклоняющемуся поведению. Аномия также обозначает отсутствие эталонов, стандартов сравнения с другими людьми, которые позволили бы оценить свое место в социальной структуре, выбрать образцы поведения, без чего оно становится неопределенным, колеблясь (в социальном плане) от нормы до патологии. Э. Дюркгейм рассматривал аномию как постоянное и нормальное состояние общества. По его мнению, индивиды, лишённые богатства, власти, престижа, неизбежно вступают в конфликт с обществом, пытаясь достичь этих целей и приобрести необходимые для них ценности противоправным путем.

Р. К. Мертон, пытаясь найти социальные истоки преступного поведения, приходит к тому, что определенные фазы общественного развития порождают такие обстоятельства, при которых нарушения социального кодекса представляют собой “нормальный” ответ на возникающую ситуацию. В рамках теории аномии он показывает, как некоторые социальные образования оказывают давление на отдельных людей, толкая их на неподчинение.

Американский ученый В. Фоке рассматривает отчуждение как крайнюю форму выражения аномии, как отход от нормального общества и, быть может, даже как вступление в контакт с другими людьми и целыми группами лиц, сходным образом отстранившимися от общества. Он связывает с отчуждением образование шаяк, в которых отчужденные люди находят возможность разрешать общие для них проблемы.

Интересны соображения В. Фокса о безразличии общества к человеку: безразличие усугубляет отчуждение и, следовательно, вероятность преступного поведения. Небезосновательно его суждение и о том, что в группы правонарушителей объединяются люди, в той или иной степени изолированные от общества. Наши эмпирические наблюдения показывают, что группы, хотя и нестабильные по составу и длительности существования, нередко формируются из правонарушителей для того, чтобы найти в них поддержку и понимание. Это является следствием их отчуждения от нормальных связей и отношений в семье, трудовых, учебных коллективах и т. д.

Бесспорно, следует согласиться с мнением В. Фокса о том, что отчуждение необязательно ведет к преступлениям. Оно способно порождать и непроступные формы поведения, так как вообще нет таких факторов, которые детерминировали бы только преступные действия.

Тема отчуждения относится к числу центральных в современном западном искусстве и получает все большее признание в отечественном. Ее успешно разрабатывали такие крупнейшие мастера, как Т. Манн, У. Фолкнер, К. Гамсун, Ф. Кафка, А. Камю в литературе, М. Антониони, Ф. Феллини в кино. Так, в творчестве Ф. Кафки отчуждение личности, ее одиночество, отсутствие контактов, незащищенность, зависимость и унижение, бесчеловечная и бездушная власть государства, его институтов и бюрократических учреждений вскрыты с исключительной убедительностью.

Эта тема возникла из острого ощущения человеком потери своей индивидуальности, из осознания своего внутреннего одиночества в обществе и вместе с тем зависимости от него. Во многих работах, посвященных отчуждению, выражается протест против обезчеловечивания личности, растущая тревога за распад общества на изолированные составные элементы. Например, в фильмах М. Антониони контакты между людьми случайны, непрочны и недолговечны, распад связей возводится в ранг фатальной закономерности, а стремление убежать от одиночества и от себя подобных неизбежно оказывается бесплодным.

В повести А. Камю “Посторонний” внешний мир чужд и непонятен главному герою, вызывает у него ощущение призрачности. Он равнодушен ко всему, в том числе к браку, любви, приятельским отношениям, служебному и даже сыновнему долгу. Следствием этого является не только совершенное им убийство, но и видение того, что скрыто для других. Он не почитает условностей, не лжет и не играет в игру тех, с кем контактирует, пренебрегает лицемерием, из которого соткана мораль формального долга. Посторонний бродит в стороне от людей, по окраинам жизни. Именно поэтому он вызывает тревогу у других, страх разрушения привычного для них миропорядка.

Мысль о тотальном одиночестве и разобщенности людей, об отсутствии взаимопонимания между ними пронизывает и творчество К. Гамсуна. Его герои - это замкнутые в себе личности, живущие среди таких же затянутых пеленой загадочности и непостижимости, не понимающих друг друга людей. Они неуютно и неловко чувствуют себя в цивилизованном мире и находят счастье и свободу в общении с природой, в полном одиночестве.

Хотя тема отчуждения в искусстве сейчас весьма социально значима и актуальна, ее художественное открытие произошло, конечно, значительно раньше. Известно, что К. Маркс для подтверждения своего положения об отчуждении людей и вещей частной собственностью ссылался на У. Шекспира. И позже великие реалисты (О. Бальзак, Ф.М. Достоевский) анатомировали расчленение личности, в результате чего возникает отчуждение в общественной и психологической сферах.

М. Горький в 1909 г. писал: “Духовно обнищавшая, заплутавшаяся во тьме противоречий, всегда смешная и жалкая в своих попытках найти уютный уголок и спрятаться в нем, личность неуклонно продолжает дробиться и становится все более ничтожной психически. Чувствуя это, охваченная отчаянием, сознавая его или скрывая от себя самой, она мечется из угла в угол, ищет спасения...” И далее: “Современный изолированный и стремящийся к изоляции человек - это существо более несчастное, чем Мармеладов, ибо поистине некуда ему идти и никому он не нужен!”.

Таким образом, и научные исследования, и произведения искусства убеждают нас в том, что отчуждение личности оказывает заметное влияние на ее поведение, ее судьбу и относится к числу тех проблем, которые нуждаются в глубоком и всестороннем изучении.

Отчуждение личности прежде всего проявляется в общении - одной из важнейших сторон бытия человека как общественного существа. В общении формируется личность, реализуется ее активность, оно теснейшим образом связано с деятельностью. Общение - не просто сменяющие

друг друга воздействия, а специфическая система межличностного взаимодействия. Отчуждение в психологическом плане представляет собой как бы уход человека из межличностного взаимодействия. Этот уход имеет существенные психологические и социальные последствия, в том числе криминогенного характера.

В социальной психологии отчуждение рассматривается в контексте межличностных отношений, когда индивид противостоит окружающим, в первую очередь микросреде. Такие отношения связаны с утратой им чувства солидарности, он воспринимает окружающих чужими, непонятными и даже враждебными себе, отвергая при этом их нормы, в том числе групповые и неформальные.

Такое восприятие мира есть психологическое последствие отчуждения. Человек ощущает разрыв между своими ожиданиями, желаниями и действующими социальными нормами, испытывает чувство изоляции, непричастности к делам других, даже близких людей, что препятствует усвоению норм, регулирующих поведение. Разумеется, для объяснения преступного поведения недопустима абсолютизация отчуждения, превращение его в единственную сущностную характеристику человека при игнорировании социальных условий жизни. Не следует думать, что другие люди и социальные группы всегда осознанно воспринимаются самим индивидом как противоположные ему. Такое восприятие, как показывают психологические исследования, возможно и на бессознательном уровне.

Нельзя смешивать отчуждение с отчужденностью. Отчужденность представляет собой результат отчуждения, позицию личности, отношение к другим людям и миру в целом, ее мироощущение. Криминогенное значение имеет неприятие мира, безразличие к нему или восприятие его как враждебного.

Отчуждение личности может принимать форму **аутизации**. В самом общем виде это уход личности в свой внутренний мир. Как отмечают многие психологи, для лиц с высоким уровнем аутизации характерно ориентирование главным образом на внутренние критерии, утрата способности к интуитивному пониманию окружающих, проигрыванию их ролей и в связи с этим нарушение адекватного эмоционального реагирования. Поведение таких лиц нередко представляется эксцентричным, непонятным, лишенным естественной эмоциональной окраски.

Нарушение коммуникаций у аутичных личностей приводит к тому, что у них отсутствуют четкие представления о том, как именно они должны вести себя в конкретной обстановке, чего от них ждут окружающие. Такая неадекватная реакция неудивительна при значительном ослаблении социальных связей. По этой же причине у них все больше сужаются возможности быть понятыми другими, развивается недоверие к последним, растет отчуждение, ощущение изолированности, утрачивается фактическая, а не формальная принадлежность к группе. На личностном уровне увеличивается внутренняя напряженность, тревожность, беспокойство, ощущается (часто без каких-либо оснований) холодность и даже агрессивность среды. Все это ведет к ответным враждебным действиям в целях самозащиты, а стремление преодолеть холодность - к демонстрации чрезмерного дружелюбия, готовности выполнить любые пожелания тех, к общению с которыми стремятся такие люди. В том и другом случае их поведение может противоречить социальным ожиданиям и нормам.

Целесообразно отличать социальное и психологическое отчуждение личности. Их отличие условно и зависит от происхождения этого явления, т. е. от того, заключена ли его причина в самой личности или в ее среде. Психологическое отчуждение приводит к определенной позиции индивида, обусловленной его субъективными свойствами, в том числе аутичностью. Социальное отчуждение порождается только или в основном внешними обстоятельствами, отношениями других людей и групп к данному субъекту (даже при сохранении стремления последнего к установлению или упрочению связей с ними и приобщению к их ценностям). Разумеется, психологическое отчуждение вначале может порождаться социальной изоляцией: если она длительна, то это может способствовать выработке у человека позиции отдаленности от микросреды, ухода от нее, потере интереса к ней.

Даже при наличии у человека стремления к общению, приобщению к групповым ценностям его личностных способностей может оказаться недостаточно для включения в деятельность группы. Так бывает с некоторыми осужденными в местах лишения свободы, когда другие преступники "выталкивают" их из своей среды. Таким образом, психологическое отчуждение представляет собой субъективное неприятие индивидом социального окружения, некоторых его важных объектов, а социальное - неприятие человека, во многих случаях отвергание его окружением. Отчуждение личности - проблема социально-психологическая, даже если оно порождается

индивидуально-психологическими факторами, поскольку проявляется в общении. Индивидуально-психологические факторы могут вызываться к жизни негативными сторонами тех общественных отношений, в которые была включена личность.

Остановимся на соотношении отчуждения и дезадаптации личности. Первое значительно шире второго и охватывает многие стороны жизни общества и человека. Оно шире и в том случае, если взять только его психологические аспекты, и, более того, выступает причиной дезадаптации личности. Последнее можно определить как неприспособленность индивида к социальной среде, так как социально-психологическим содержанием его является несовпадение целей и ценностных ориентации группы и личности. Индивид в силу различных причин не может или не умеет полностью либо в необходимой степени усвоить групповые нормы и культуру, принять групповые роли. Дезадаптация в дезадаптивное поведение являются следствием психологического, точнее, социально-психологического отчуждения. Так, психическая депривация, т. е. ограничение или лишение необходимых эмоциональных контактов в детстве, если они не будут компенсированы, как правило, приводит взрослого человека к дезадаптации.

Дезадаптация может быть охарактеризована и как состояние личности, вызванное в том числе психическими аномалиями или болезнями. В таком аспекте рассматриваемое состояние может активно способствовать отчужденности, являющейся, как мы уже отмечали, некоторой личностной позицией по отношению к окружающему миру. Отчуждение в целом можно считать родовым понятием по отношению к дезадаптации и отчужденности. Поэтому мы будем рассматривать дезадаптацию как частную проблему отчуждения.

Можно выделить следующие аспекты отчуждения личности, значимые для понимания причин преступного поведения:

1) *отчуждение затрудняет усвоение человеком социальных норм, регулирующих межличностные отношения, поведение.* Эти нормы не становятся “моими”, поэтому они не обязательны для “меня”. Это нечто чуждое и далеко не всегда понятное. Не случайно многие преступники не понимают, за что, собственно, их наказали, хотя им ясно, какие запреты они нарушили, но последние не приняты ими и не стали в силу этого регулятором их поведения. Многие даже бывают удивлены уголовным наказанием, хотя совершение преступления признают. Здесь мы сталкиваемся с глубоким внутренним противоречием, которое можно сформулировать так: “Да, совершил преступление, но не виновен”. Отсюда отношение к следователю, суду, органам, исполняющим наказание, и процессуальным процедурам как к чему-то, что очень слабо связано с их “я” и поэтому отталкивается ими. Естественно, что воспитательное воздействие закона и наказания на таких лиц весьма незначительно, поэтому повышается возможность возвращения их на преступный путь;

2) *отчуждение личности на раннем этапе ее развития из-за невыполнения семьей своей основной функции - включения ребенка “через себя” в структуру общества - может закрепиться в человеке и стать причиной его социально-психологической изоляции от семьи, учебных и трудовых коллективов, других малых групп.* При отсутствии компенсирующего воспитания это может привести к дезадаптивному противоправному поведению, во многом объясняя длительный рецидив преступлений;

3) *отчуждение личности может приводить к формированию ее негативного отношения к среде, ощущению враждебности окружающих.* Это способно породить агрессию в качестве защиты от чаще всего воображаемого нападения или угрозы, что, как показывают наши исследования, лежит в основе мотивации многих тяжких преступлений против личности. Субъективное восприятие среды как враждебной или безразличной существенно затрудняет профилактику преступлений, исправление и перевоспитание преступников в плане их внутренней переориентации, изменения наиболее важных установок и отношений;

4) *изоляция субъекта от нормальных контактов в микросреде в большинстве случаев приводит к тому, что он ищет признания среди подобных себе.* Это выражается в уходе в группы антиобщественной направленности и длительном функционировании в их составе. В данном обстоятельстве можно видеть одну из главных причин существования групповой преступности, если рассматривать группу не только как объединение тех, кто помогает друг другу совершать преступления, но и как общность, в которой личность получает возможность самовыражения, поддержку и признание. Здесь отчужденным выступает не только отдельный человек, но и группа, куда он входит, в психологии которой закрепляются черты отчужденности, присущие ее отдельным членам. В то же время групповое сопротивление позитивной среде может быть более

упорным, чем сопротивление отдельного человека, поскольку сплоченность участников группы в рамках этого объединения повышает устойчивость последнего. Таким образом, психологическая зависимость личности от группы (и наоборот) может быть прослежена и по линии их общего отчуждения.

Вместе с тем непринятие индивида в группу или изгнание из нее может стать началом отчуждения или его усугублением, что также способно порождать преступное поведение. Личности же, отличающиеся повышенной предрасположенностью к отгороженности от среды, могут вообще не входить ни в какую группу либо пребывать в ней эпизодически. В этих случаях социальный контроль за ними еще более ослабевает;

5) *существенные нарушения связей человека со средой приводят и к нарушениям установленных норм поведения.* Если человек отрывается от группы, он не только выходит из-под ее контроля, но и перестает разделять ее ценности и нормы. Чрезмерная привязанность только к данной группе, решительное предпочтение ее всем иным коммуникациям со средой серьезно заслоняют индивиду окружающий мир. Это может иметь криминогенные последствия, особенно если угроза утраты связи с группой, являющейся единственным адаптирующим фактором, способна привести (и приводит) к глубоким психическим травмам. Например, такие ситуации способны стимулировать корыстные преступления ради непомерных материальных запросов семьи. Столь же вредные последствия могут наступить, если группа совершает правонарушения и “платой” за членство в ней являются преступные действия;

б) *личностные особенности индивида, выражающиеся в уходе в себя, обособлении от других, часто связаны с отсутствием эмпатии, с неумением чувствовать эмоциональные состояния другого человека, сопереживать ему, с нарушением идентификации с другими людьми, т. е. с отсутствием способности поставить себя на их место.* Подобные черты содействуют совершению тяжких насильственных преступлений.

В целом, как показывают исследования, отчуждение личности существенно влияет на совершение многих видов преступлений, в особенности тяжких против личности, хищений, взяточничества, краж, грабежей и разбоев, хулиганства и др. Весьма ощутима его роль в совершении преступлений несовершеннолетними и рецидивистами. Длительное преступное поведение, например, алкоголиков-воров или бродяг - это по существу полностью отчужденное, дезадаптированное поведение.

В широком смысле любое преступное поведение можно назвать отчужденным, поскольку оно свидетельствует о неприятии виновным ценностей и норм, установленных обществом. Оно является и отчуждающим, так как способствует изоляции преступника от среды, причем не только от ее формальных структур, например трудовых коллективов, но и от неформальных малых групп и их ценностей. Если проанализировать индивидуальные биографии преступников, то окажется, что их уголовно наказуемым поступкам обычно предшествовало совершение мелких правонарушений и аморальных действий, свидетельствующих об их отчуждении. Повторное преступное поведение усугубляет, изоляцию, расширяет дистанцию между субъектом и обществом. Способствует этому и пребывание в местах лишения свободы.

Однако нужно отметить, что переживание человеком своей изоляции, связанной с преступлением, и желание ее преодолеть могут выступать мощным стимулом человеческих поступков. Это блестяще показал Ф.М. Достоевский в романе “Преступление и наказание”. В письме к М.Н. Каткову, излагая центральную идею романа, он писал: “Божья правда, земной закон берет свое, и он (Раскольников. - Ю.А.) кончает тем, что принужден сам на себя донести. Принужден, чтоб хотя погибнуть на каторге, но примкнуть опять к людям: чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его”.

Переживания человека (связанные одиночеством, ощущением ненужности и “выброшенности” из жизни), долгое время проведенного в заточении, а затем неожиданно обретшего свободу, ярко описал выдающийся английский писатель Ч. Р. Метьюрин: “Я стал все меньше значить в собственных глазах - я ведь уже больше не был жертвой преследования, от которого столько выстрадал. Покамест люди еще думают, что им есть смысл нас мучить, у нас остается какое-то ощущение собственного достоинства, пусть даже тягостное для нас, пусть иллюзорное. Даже находясь в тюрьме Инквизиции, я кому-то принадлежал: за мной следили, меня охраняли. Ныне же я был изгоем в целом мире; я горько плакал; я был подавлен ощущением огромности расстилавшейся передо мной пустыни и невозможности ее перейти”.

Многие исследователи и практические работники исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) давно обратили внимание на такое, на первый взгляд парадоксальное, явление: отдельные неоднократно судимые рецидивисты, не имеющие устойчивых семейных и иных связей, освободившись, стремятся вернуться в места лишения свободы. Их повторные преступные действия выступают (часто неосознанно) способом преодоления отчуждения в условиях свободы, где они не могут адаптироваться.

Длительное антиобщественное, часто бездомное существование, жизнь в антисанитарных условиях, правонарушения, постоянное употребление спиртных напитков, отсутствие какого-нибудь разумного режима и т. д. создают реальную угрозу здоровью. Поэтому лица, ведущие такой образ жизни, не всегда отдавая себе в этом отчет, стремятся вновь попасть в места лишения свободы. Добавим, что некоторые преступники-рецидивисты старших возрастов, давно утратившие общественно полезные связи, в беседах с нами не скрывали своих желаний вообще не покидать исправительно-трудовую колонию.

Конкретные исследования убедительно свидетельствуют о том, что наиболее отчужденными являются бродяги, а из них - алкоголики. Изолированность этих людей обычно выражает их личностную позицию по отношению к окружающему миру. Другая категория отчужденных - осужденные к лишению свободы, и в первую очередь к длительным срокам наказания, причем многие из них раньше были достаточно хорошо адаптированы к обществу. Но за время пребывания в ИТУ могла появиться и значительно возрасти их социально-психологическая дистанция от общества, могли сформироваться соответствующие внутренние качества и позиции.

Значительная и весьма опасная часть осужденных, очень хорошо адаптировавшаяся к условиям ИТУ, не выключается из социального общения. Это относится к рецидивистам старших возрастов, которые большую часть своей жизни провели в местах лишения свободы. Они, как правило, являются активными и признанными членами различных неформальных групп антиобщественной направленности, нередко их лидерами. Напротив, другая часть преступников очень тяжело переживает условия изоляции, что может вызывать у них состояния безысходности, апатии, чувство безнадежности, утрату перспектив в жизни, неверие в людей и т. д. Это обычно осужденные за взяточничество, хищения государственного и общественного имущества, спекуляцию, убийства на бытовой почве.

В практической работе по исправлению осужденных важно учитывать не только временные состояния и переживания, но и общую социально-психологическую позицию личности как ее фундаментальную особенность в плане отчуждения или, напротив, адаптации к жизни вообще, и условиям ИТУ в частности. От того, насколько включен индивид в жизнь и солидарен с ее позитивными нормами, зависит успешная адаптация после отбытия наказания.

Нами был разработан специальный опросник с целью выявить социально-психологическую включенность осужденных и в среду в целом, и в их непосредственное окружение, их отношение к отдельным общественным ценностям, их временные психологические состояния. С помощью этой методики в 1989 г. была опрошена большая группа осужденных (400 человек) и законопослушных граждан (200 человек) - контрольная группа.

Среди всех ответов в ходе обработки были выделены наиболее "благополучные", т. е. такие, которые свидетельствуют о хорошей адаптации личности, ее достаточно удовлетворительном самоощущении, и "неблагополучные", которые говорят о неудовлетворительном приспособлении к среде. Количество "благополучных" ответов среди изучаемой группы осужденных было в 2 раза меньше, чем в контрольной. При этом создавалось впечатление, что многие такие ответы осужденных носят декларативный характер и больше отражают желаемое, чем действительность. Это говорит о том, что значительная часть осужденных отнюдь не утратила стремлений к успешной адаптации, но не может реализовать их в силу сложившихся условий. Поэтому считать, что все лишённые свободы лица находятся в строгой психологической изоляции, нет никаких оснований.

Так, среди осужденных оказалось больше, чем среди законопослушных, тех, кто может утверждать следующее: "Я смог бы назвать всех друзей детства и юности"; "В отношениях между людьми преобладают доброжелательность и дружелюбность"; "Друзья никогда меня не подводили". Однако в действительности большинство преступников друзей не имеют, что в значительной степени связано с утратой дружеских связей в местах лишения свободы. Об этом, например, свидетельствует распределение ответов на вопрос: "Как Вы думаете, стали бы Ваши друзья переживать Ваши неудачи и неприятности?" Они распределились следующим образом:

“Стали бы очень сильно” - осужденные - 26,5%, законопослушные - 30,8%; “Переживали бы, но не очень” - соответственно 33,1 и 49,2%; “Переживали бы очень мало” - 8,5 и 4,6%; “Вообще не переживали бы” - 5,8 и 0,8%; “Друзей у меня нет” - 6,9 и 3,1% (остальные на этот вопрос затруднились ответить). Сходным оказалось распределение ответов на более “прямой” вопрос: “Есть ли у Вас друзья?”

Высказанные выше соображения могут быть отнесены и к ряду других результатов опроса. Так, среди осужденных оказалось больше, чем среди законопослушных, тех, кто считает, что “люди очень любят маленьких детей” и что “люди очень счастливы в семейной жизни”. Однако на вопрос: “О ком из членов семьи Вы не задумываясь могли бы сказать, что любите его?” - относительно детей утвердительно ответили 34,6% осужденных и 52,3% законопослушных, а относительно жен - соответственно 19,6 и 43,1%. Поэтому есть основания думать, что идеальные стремления лишенных свободы очень часто не подтверждаются их жизненной практикой. Но, даже несмотря на такой разрыв, можно полагать, что их адаптивные возможности не исчерпаны до конца.

Несомненный интерес представляют и другие ответы осужденных: “В целом люди ко мне относятся очень хорошо”; “Люди понимают меня хорошо”; “Люди, с которыми я беседую, действительно интересуются тем, что я говорю”; “Я редко испытываю состояние, когда не хочется ни с кем встречаться”; “Мне безразлично, чтобы меня понимали другие люди” (т. е. потребность в понимании удовлетворительна); “Мне не кажется, что люди избегают меня”; “Я не очень легко меняю место работы, когда возникает такая необходимость”; “Считаю, что близкие мне люди всегда правильно понимали мои желания, действия, мысли, чувства, намерения”; “Я очень часто испытывал доброе к себе отношение”; “В жизни мне люди не мешали”; “Думаю, что люди редко обманывают друг друга”. Эти ответы можно рассматривать и как достаточно оптимистические жизненные взгляды.

Количество наиболее “неблагополучных” ответов из группы осужденных было в 9 раз большим, чем из контрольной группы. Соотношение ответов осужденных и законопослушных распределилось следующим образом: “В отношениях между людьми преобладают враждебность и завистливость” (8,8% осужденных и 3,8% законопослушных); “Очень часто или почти всегда я испытываю состояние, когда не хочется ни с кем встречаться” (10,4 и 3,4%); “Очень хочу жить тихо, незаметно” (32,5 и 8,5%); “Люди не были бы счастливее, если бы больше времени проводили с друзьями” (6,2 и 3,8%); “Я никогда не нуждаюсь в помощи других людей” (11,2 и 6,2%); “Я очень часто испытываю нужду в том, чтобы побыть одному” (20,0 и 6,9%); “Мне совсем не нравятся общительные, “компанейские” люди” (12,7 и 6,2%); “Я никогда не чувствую потребность высказываться” (11,5 и 3,8%); “Среди моих знакомых нет такого человека, к которому я не задумываясь мог бы обратиться за помощью” (18,8 и 10,8%); “Я очень редко испытывал доброе к себе отношение” (12,7 и 6,2%); “Совершенно справедливо мнение, что люди заводят знакомства потому, что друзья могут оказаться полезными” (29,2 и 15,4%); “Мне очень трудно поддерживать разговор с человеком, с которым я только что познакомился” (20,0 и 12,3%); “Я считаю, что безопаснее всего никогда не доверять людям” (36,5 и 21,5%); “Люди всегда обманывают друг друга” (7,7 и 2,3%).

Анализ этих высказываний позволяет предположить, что большинство осужденных (не в последнюю очередь по причине изоляции) психологически отчуждено от окружающего мира, не “вписано” в него, испытывает трудности в общении, не доверяет людям. Независимо от того, происходит ли это отчуждение в результате действия внешних причин или выражает позицию личности, ее отношение к миру, криминогенная роль такого явления очевидна.

Наши наблюдения показывают, что в целом психологическое отчуждение личности можно определить как развившуюся чаще всего в результате эмоционального отвергания родителями (психической депривации), из безразличия, социально-психологической дистанции между индивидом и средой, изолированность от ценностей, общества, невключенность в эмоциональные контакты. Психическая депривация и порождаемое ею отчуждение могут рассматриваться в качестве причины преступного поведения. Сами по себе эти факторы фатально не ведут к совершению преступлений. Однако они формируют общую нежелательную направленность личности, ее бессознательные установки, предопределяющие уголовно наказуемые формы реагирования на конкретные конфликты.

2. Начало возможной жизненной катастрофы

Рассмотрим проблемы семьи и семейного воспитания в аспекте причин преступного поведения, чтобы понять эти причины через отчуждение личности, начало которому кладется в семье. Разумеется, не только она “виновата” в этом, хотя бы потому, что часть (хоть и незначительная) детей вообще воспитывается вне семьи. Однако несомненно, что многие родители ненадлежащим образом относятся к своим детям из-за того, что их в свою очередь так воспитали, что у них в силу занятости, материальной нужды, невежества и т. д. объективно нет возможности иначе осуществлять семейное воспитание. Но немалая часть людей попросту не хочет иметь детей, не любит и психологически не принимает их. Думается, что это одна из основных причин того, что наша страна занимает позорное первое место в мире по числу аборт.

Известно, что родители, семья, детство играют исключительную роль в воспитании человека, определении его дальнейшей жизни, формировании его нравственных и психологических качеств. Об этом прекрасно сказал Ф.М. Достоевский устами одного из Карамазовых: “...ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить нам во спасение”.

Криминологические аспекты отвергания родителями ребенка не привлекали к себе внимания отечественных исследователей. Между тем лишь с помощью имеющейся информации о составе семьи правонарушителей, характере отношений в ней, совершении родителями аморальных или противоправных действий и т. д. нельзя объяснить преступное поведение.

В нашем исследовании мы исходим из того, что именно отсутствие эмоционально теплых отношений в семье главным образом порождает такие особенности личности, которые затем определяют ее преступное поведение. Мы полагаем, что условия жизни ребенка не сами по себе (прямо и непосредственно) определяют его психологическое развитие, что в одних и тех же условиях могут формироваться совершенно разные черты характера. Результаты влияния среды зависят от того, с какими природными особенностями они встречаются и через какие ранее возникшие психологические свойства ребенка преломляются.

Психологическое отчуждение ребенка родителями является не единственной причиной формирования личности преступника. Нередко это происходит и иным путем: у ребенка и подростка есть необходимые эмоциональные связи с родителями, но последние демонстрируют ему пренебрежительное отношение к нравственным и правовым нормам, образцы противоправного поведения. Подросток сравнительно легко усваивает эти образцы, соответствующие взгляды и представления. Усвоенные, они начинают стимулировать его поступки. Этот путь криминогенного заражения личности достаточно хорошо изучен, и поэтому мы его не рассматриваем.

Криминогенные последствия может иметь и то, что ребенка не приучают к выполнению обязанностей по отношению к другим, к соблюдению тех или иных нравственных норм. В этих случаях возникает наивный детский эгоизм, грозящий превратиться впоследствии в значительно более опасный эгоизм взрослого.

Перечень криминогенных недостатков семейного воспитания можно было бы продолжить. Нисколько не принижая их роли, мы сосредоточим внимание на отчуждении ребенка от родителей как наиболее значимом явлении. Вместе с тем подчеркнем, что оно не действует фатально. Иные воздействия, в том числе специальные воспитательные, благоприятные жизненные ситуации, внимание и забота, проявленные к человеку на более поздних этапах развития, способны изменить его внутренние установки и побуждения и тем самым скорректировать его поведение. Однако психотравмирующие факторы на ранних этапах жизни при отсутствии затем других, благоприятных, компенсирующих обстоятельств главным образом и формируют мотивы преступного поведения отчужденных личностей. Поэтому эти факторы могут рассматриваться в качестве первопричин, исходных побудителей такого поведения.

Специфика семейного воспитания состоит прежде всего в том, что оно более эмоционально по своему характеру, чем любое другое, поскольку осуществляется через родительскую любовь к детям и их ответные чувства (привязанность, доверие). Ребенок, особенно в раннем возрасте, больше предрасположен к воздействию семьи, чем к любому другому. Именно в ней он бессознательно ищет защиты, именно семья помогает ребенку обрести уверенность в себе, свое

место в жизни. Семья постепенно приобщает ребенка к социальной жизни и поэтапно расширяет его кругозор и опыт.

Поскольку качества, привитые с детства, так или иначе сказываются в течение всей жизни человека, семья не только воспитывает, но и “удобряет” или, наоборот, истощает почву для последующего общественного воспитания. В раннем детстве, когда семья является монополистом в воспитании, формируются те элементы “автоматизма”, которые свойственны поведению каждого человека (манеры, привычки и т. д.). Не последнюю роль в семейном воспитании играет вся обстановка семейной жизни, и в частности эмоциональный характер взаимоотношений между родителями и маленькими детьми.

Психологические особенности человека начинают формироваться с младенческого возраста. Об этом возрасте Л.С. Выготский писал, что решительно все поведение младенца, вся его деятельность реализуется либо непосредственно через взрослого, либо в сотрудничестве с ним. Без него у ребенка как бы отнимаются руки и ноги, возможность передвижения, изменения положения, захватывания нужных предметов. Поэтому он накрепко связан со взрослым человеком. Приспособление к действительности, начиная с удовлетворения примитивных органических потребностей младенца, опосредовано через другого человека. Вот почему взрослый для младенца всегда “психологический центр” всякой ситуации, и смысл ситуации определяется для него в первую очередь именно этим социальным по своему содержанию центром. Это означает, что отношение ребенка к миру является зависимой и производной величиной от самых непосредственных его отношений к взрослому человеку. Отсюда понятно, почему любая потребность младенца становится для него потребностью в другом человеке, в общении с ними.

В силу своей физической, умственной и эмоциональной беспомощности дети весьма чувствительны к грубым и непоследовательным формам отношения к ним. У них мало опыта в избегании неблагоприятных условий. В физическом отношении ребенок быстро развивается, но он намного слабее взрослых великанов, которые могут его переносить, поднимать, давать шлепки. Пропасть между ребенком и взрослым еще значительнее в сфере умственной и эмоциональной. Дети не могут понять окружающего их мира и не умеют контролировать свои реакции. По этой причине они более остро, чем взрослые, переживают эмоциональные состояния.

Нет ничего удивительного, что в детстве возникают острые эмоциональные конфликты. Младенец еще не научился ждать. Он не знает правил, господствующих в окружающем мире, он не умеет доверять кому-то, он не может объяснить себе, что хорошие минуты еще вернуться, а неприятности пройдут. Поэтому он не в состоянии избавиться от нынешних трудностей путем контролируемого построения желаемого будущего.

Ребенок более всего нуждается во внимании и мягкости именно тогда, когда он наиболее беспомощен. Конечно, было бы лучше, если бы дети были ограждены от вступления в серьезные конфликты, пока у них не разовьется достаточно способностей к этому. Родители должны обеспечить наибольшую опору для ребенка в первые недели, месяцы и годы их жизни.

В тех случаях, когда “психологический центр” в лице матери, отца или любого заменяющего их лица не выполняет возложенные на него природой и обществом функции, у младенца появляется ощущение своей незащищенности и беспокойства. Если ситуация не изменится в лучшую сторону, подобные ощущения у ребенка способны прогрессировать, находя выражение в постоянной неуверенности и тревожности, в бессознательном страхе смерти. Важно подчеркнуть и другое: если потребности ребенка в другом человеке не удовлетворяются в надлежащей мере или не удовлетворяются вообще, у него может не сформироваться потребность в других людях, в общении с ними.

Так могут быть заложены основы будущего психологического Отчуждения человека, его личностной позиции неприятия окружающей среды, непонимания ее и даже ожидания угрозы с ее стороны. Незрелость социальной по своему происхождению потребности в общении берет начало в сензитивном, т. е. наиболее чувствительном к влияниям окружающей действительности, периоде жизни.

В этот период ребенок наиболее чувствителен к определенным социально-психологическим воздействиям со стороны окружающих. Это всегда ожидания ласки, любви, защиты и заступничества, “единственности” для родителей, полной уверенности в них. При благоприятных условиях социальное окружение адекватно отвечает на такие ожидания, что составляет абсолютно необходимое условие благоприятного формирования личности. Только при

оптимальном соотношении характера воздействий с возникшей готовностью к их принятию возможно ожидать нормальное развитие личности.

По - иному складывается личность, у которой в сенситивный период возникают отрицательные, опасные для ее дальнейшей судьбы социально-психологические новообразования, которые, постепенно обобщаясь и углубляясь, становятся все более устойчивыми и ригидными, застревающими. Они деформируют личность, препятствуют формированию одних ее сторон, подчиняют себе другие. Начинается самостоятельное развитие подобных новообразований, обретающих собственную логику движения и становящихся стержневыми свойствами личности. Создаются аномальные структуры и искаженные контуры отдельных сторон, которые избирательно реагируют только на некоторые, как бы для них "предуготовленные" социальные воздействия, отфильтровывая их из массы одновременно действующих для человека факторов!. Нарушение первичных социальных связей, в особенности отсутствие необходимого положительного эмоционального контакта на ранних этапах развития ребенка, может не только породить отчужденность, но и способствовать возникновению нервно-психических аномалий, в свою очередь обладающих немалым криминогенным потенциалом.

Мы хотели бы обратить внимание на то, что отчуждение ребенка от родителей - объективно-субъективный процесс. Это следует понимать так, что данное явление существует объективно, но, главное, оно воспринимается таковым самим индивидом, т. е. субъективно. Достаточно часто ситуация может быть такой, что ребенок в действительности любим родителями, но в силу занятости они не могут уделять ему необходимое внимание и заботу. В связи с этим он чувствует себя ненужным, заброшенным, покинутым ими. Среди преступников, особенно среди тех, кто воспитывался в малообеспеченных семьях, удельный вес лиц, лишенных родительского, и в том числе материнского, попечения именно по причине занятости на работе, особенно велик.

Чехословацкие ученые И. Лангмейер и З. Матейчек, исследовавшие многие аспекты проблемы психической депривации (лишения) в детском возрасте, установили, что отсутствие стойких и эмоционально теплых связей ребенка с матерью приводит к целому ряду нарушений его психического здоровья, являющихся в соответствии со степенью данной депривации в различной мере тяжелыми и даже непоправимыми. Особенно опасны последствия длительной полной депривации, что ведет к глубокому вмешательству в структуру личности, которая начинает формироваться на значительно более сниженном (примитивном) уровне, что приводит к возникновению психопатического "бесчувственного" характера, склонностей к правонарушениям.

О роли матери в воспитании ребенка существует множество наблюдений. От нее зависит не только уход, но и удовлетворение большинства психических потребностей ребенка - она составляет основу его отношения к людям, его доверия к окружающему миру, прежде всего именно мать создает для ребенка "дом". Ребенок выделяет мать по голосу очень рано, и она, как правило, является основным объектом привязанности, которая далее распространяется на отца, брата, сестер и т. д. Таким образом, у ребенка формируется привязанность сразу к нескольким объектам. Возникает вопрос: хорошо ли это? Можно предположить, что большое количество объектов привязанности должно отрицательно влиять на интенсивность привязанности к основному объекту. Однако это не так. Чем благополучнее отношения между ребенком и матерью, тем прочнее контакт между ребенком и другими объектами привязанности. Этому дается следующее объяснение: чем менее надежной является связь с матерью, тем больше ребенок склонен подавлять свое стремление к другим социальным контактам.

Отсюда можно сделать весьма важный вывод. Именно любовь матери к ребенку создает у него ощущение защищенности и безопасности и становится базой для расширения его позитивных контактов с другими лицами. И наоборот, у ребенка, лишенного материнской любви, видимо, возникает ощущение угрозы, исходящей от среды.

Источником депривации ребенка является не только отсутствие материнской заботы, что аналогично его проживанию в детском учреждении, но и целый ряд иных ситуаций. Известно, что большое число детей, страдающих от недостатка материнской заботы, в действительности проживают со своими матерями. Поэтому так важно изучение эмоциональной депривации в условиях семьи. В детских учреждениях избежать негативных последствий психической депривации возможно лишь при условии высокого профессионального мастерства воспитателей, совершенного материального оснащения этих учреждений и подчинения всей их работы идее, что личность каждого отдельного ребенка - в центре внимания.

И. Лангмейер и З. Матейчек отмечают, что отсутствие отца - более частое и не столь трагическое явление. Это касается многих детей, живущих в неполных семьях. Если нет влияния отца, то естественно, что значение личности матери возрастает. Ребенок, растущий без отца, лишен мужского примера, особенно значительного для мальчиков старшего возраста в регуляции их поведения и для девочек в качестве модели их будущего партнера. Ребенок страдает от недостатка авторитета, дисциплины и порядка, олицетворяемых отцом. Поэтому дети, лишенные отцовского попечения, часто бывают недисциплинированными, агрессивными, склонными к асоциальным действиям.

Мы хотели бы отметить еще один очень важный аспект последствий воспитания без отца: отсутствие уверенности и устойчивости в социальном включении ребенка, в его месте в жизни, что составляет основу его будущего соответствующего отношения к себе и другим. В этом плане профессия отца, его работа и социальный престиж, экономическое обеспечение семьи, его психологическая фигура являются порукой уверенности. К тому же он представляет собой естественный источник познаний о мире, труде, может активно помогать в постановке и достижении жизненных целей и идеалов. Роль отца осознается в более позднем возрасте, но существенна уже в ранние годы жизни ребенка.

Если родители не просто безразличны или недостаточно внимательны к ребенку, а явно отвергают его, отрекаются от него, в особенности с очевидной жестокостью и цинизмом, то он оказывается в эмоциональной и социальной изоляции, подвергается грубому травмированию. Его самые актуальные в этот период потребности не удовлетворяются.

Мы полагаем, что отсутствие или значительное сужение эмоциональных контактов ребенка с матерью и отцом, отвергание его одним из родителей и особенно обоими есть психологическое отчуждение индивида, закладывающее начало дальнейшей дезадаптации. Отвергание в детстве представляет собой и социальное отчуждение, порожденное конкретными отношениями, сложившимися в этой малой социальной группе. Следовательно, дезадаптация, наблюдаемая у многих преступников, имела социальное происхождение. Здесь мы руководствуемся одним из основных принципов психологии: каждая психическая функция, прежде чем стать интрапсихической (внутренней, присущей личности), первоначально является функцией интерпсихической (межличностной). Этот принцип положен в основу одной из центральных идей настоящей работы, а именно: криминологически значимые психологические особенности имеют свои корни в характере ранних внутрисемейных отношений.

Психолог В.Я. Титаренко, суммируя результаты ряда исследований, приходит к выводу, что, чем меньше тепла, ласки, заботы получает ребенок, тем медленнее он формируется как личность. Следствием этого является сенсорный голод, недоразвитость высших чувств, инфантильность, отставание в развитии интеллекта и нарушения психики. Грубость, недружелюбие, равнодушие родителей - самых близких людей - дают ребенку основание считать, что чужой человек способен причинить ему еще большие неприятности и огорчения. Отсюда - состояние неуверенности и недоверия, неприязнь и подозрительность, страх перед другими людьми, враждебность к ним, острое ощущение своего одиночества. Пытаясь как-то приспособиться к трудной ситуации, избежать жестокости старших, дети вынуждены искать иные, порочные, средства самозащиты. Ложь, хитрость, лицемерие - наиболее распространенные из них. Со временем эти черты становятся качествами личности, основой приспособленчества, низости, беспринципности и других пороков.

Такого рода наблюдения и мысли можно найти у разных авторов - психологов, медиков, педагогов, социологов, юристов. Однако, к сожалению, следует признать, что отечественная наука этим проблемам не уделяет достаточного внимания.

Отчуждение ребенка в семье может происходить, во-первых, потому, что по преимущественно внешним причинам родители не могут вести себя иначе (например, при неполной семье, чрезмерной занятости на работе, длительной болезни, продолжительных выездах, в случае низкого культурного и материального уровня и т. д.), во-вторых, когда ребенок (или дети) попросту не нужен родителям, хотя в большинстве случаев последние в этом не признаются даже самим себе. Более того, если им сказать о таком их отношении к собственным детям, они с гневом будут все отрицать. Названные причины тесно связаны между собой и даже могут определять друг друга. Так, нелюбовь к детям может быть причиной длительной командировки, оправдываемой, разумеется, интересами службы или необходимостью дополнительного заработка для семьи.

Мы не будем останавливаться на объективных социальных причинах, влияющих на нравственно-психологические и социально-психологические отношения в семье, которые в свою очередь участвуют в формировании психической депривации ребенка. Однако такие причины существуют, поскольку семья множеством нитей связана как с иными сферами микросреды, так и с более широкими социальными процессами, находится в фокусе экономических, идеологических, нравственных и других отношений. Кроме того, как писал видный психолог Б. Г. Ананьев, “формирование ребенка как личности происходит в зависимости не только от статуса семьи, который он застает сложившимся, но и от освоения его родителями с момента рождения ребенка новых для них семейных ролей. Духовная атмосфера семьи - относительное согласие или напряженность во взаимоотношениях, близость родителей к ребенку, общность стратегии и тактики воспитания зависят в большей степени от этих социальных функций и ролей родителей, чем от статуса семьи, ее положения в обществе”!

К сожалению, у нас нет собственного эмпирического материала о личности родителей, отвергавших в детстве детей, которые впоследствии стали преступниками, а также о причинах отвергания. Тем больший интерес представляют результаты исследований известного немецкого психолога и психиатра Г. Аммона, который пришел к выводу, что причинами жестокого обращения с детьми являются неустроенность в семейной жизни, разрушение контактов индивида с семьей и обществом, отсутствие работы и т. д., а также психические расстройства пограничного характера. В основном же, считает он, люди, жестоко обращающиеся с детьми, сами подвергались такому же обращению в детстве.

В зарубежной литературе можно найти ряд прямых указаний на кри-миногенность психологического отчуждения детей от родителей. Так, польский криминолог Б. Хлыст считает, что отвержение ребенка, не удовлетворяя столь важных для него потребностей в безопасности, любви, уважении, порождает так называемое психическое сиротство и вследствие этого частичное либо полное торможение высших чувств и неспособность на длительную привязанность. Он ссылается на исследования американских криминологов Ш. и Э. Глюк о том, что изученные ими 450 подростков, совершившие преступления, испытывали (по сравнению с законопослушными подростками) недостаток в эмоциональной связи в семье и таким образом неудовлетворенность потребности в чувстве принадлежности и контактах. Б. Хлыст приводит результаты исследования, осуществленного Институтом криминологии Польской академии наук и охватившего 716 несовершеннолетних преступников. Оно показывает, что в отношении 320 из них имели место грубое обращение, полное пренебрежение родительскими обязанностями либо глубокое безразличие.

Подчеркивая необратимый характер психологических нарушений, связанных с отвержением ребенка матерью, Б. Хлыст останавливается на исследованиях Д. Вуйчик, которая сравнивала ответы несовершеннолетних преступников и непереступников по поводу атмосферы в семье и отношений с родителями с ответами матерей. Почти все опрошенные ею законопослушные несовершеннолетние чувствовали любовь и одобрение одного либо обоих родителей, тогда как большинство преступников (77,2%) ответили, что родители не проявляли к ним своего эмоционального отношения.

В. Фоке справедливо связывает психическую депривацию с нарушениями эмоциональных связей или отсутствием этих связей. Например, один из родителей отсутствует или далек от ребенка либо, наоборот, живет в семье, но подавляет или запугивает ребенка. И в том и в другом случае это дефектная модель будущего поведения для подрастающего ребенка. Результаты действия этой модели могут быть самыми разными, но очень возможно, что развитие личности в условиях конфликта затем приведет ее к появлению предрассудков, повышенной ранимости, к догматизму, шизофреническим расстройствам, гомосексуализму и многим другим отклонениям.

Семья, как известно, характеризуется психологической взаимосвязью между членами, а именно наличием взаимных идентификаций, которые порождают теплоту отношений, взаимопонимание, общие интересы и ценности, способность каждого из них принимать на себя роль другого. Человек может понять состояние другого человека, сочувствовать и сопереживать ему, если он способен почувствовать или представить себя на его месте, если ему понятна (хотя бы в общих чертах) чужая позиция. Идентификация осуществляется с помощью межличностных коммуникаций, ибо, только вообразив себя на месте другого, человек может догадаться о его внутреннем состоянии. На идентификации основывается одна из главных функций семьи - формирование у ее членов способности учитывать в своем поведении интересы других людей общества.

Включая детей в свою психологическую структуру, семья обеспечивает тем самым их первичную, но чрезвычайно важную социализацию, т. е. “через себя” вводит их в структуру общества. Если этого не происходит, ребенок отчуждается от нее, в результате чего закладывается основа для весьма вероятного отдаления в будущем от общества, его институтов и ценностей, микроокружения. Отдаление способно даже принять форму стойкого дезадаптивного существования, если не будут осуществлены специальные воспитательные мероприятия. Последнее обстоятельство нужно подчеркнуть особо, так как просто наступление благоприятных, по мнению окружающих, условий жизни может не привести к желаемым результатам, поскольку они субъективно будут восприниматься как чужие, не соответствующие потребностям данного индивида.

Как показывают конкретные исследования, существуют два основных способа отвергания ребенка родителями: явный и скрытый. Оба они, конечно, приводят к общественно вредным результатам, но второй менее опасен, в нем меньше вызова принятой нравственности, он менее оскорбителен для нее, более простителен. Здесь родители часто сами заблуждаются, думая, что делали для своего ребенка если не все, то очень многое, да и он, будучи совсем взрослым, пройдя тюрьмы и колонии, подчас уверен, что был если не нежно лелеемым, то вполне любимым чадом. И в этом заблуждении он обретал опору, надежду, уверенность, что все еще может сложиться хорошо, шанс, который обязательно следует использовать. Эту надежду стараются поддерживать некоторые родители, которые, спохватившись и чувствуя свою вину, стараются искупить ее.

Другое дело - явное отвергание ребенка, с жестокостью, побоями, оскорблениями, не проявление элементарнейшей заботы о нем, когда его постоянно унижают, бьют, не кормят и даже попрекают куском хлеба, выгоняют из дома. Здесь озлобление против родителей сохраняется на всю жизнь, человек чрезвычайно ожесточается, сам становится циничным, грубым, очень агрессивным, эмоционально глухим, не считается с интересами и чувствами других людей.

Приведем пример явного отвергания ребенка, довольно редкого даже в уголовной хронике.

Ш., 25 лет, образование 8 классов, дважды судимый за кражи, родился и жил в Алтайском крае в семье, в которой помимо родителей у него (он - старший) было трое братьев и сестра. Отец не любил его с раннего детства и относился к нему очень плохо. Однажды после ссоры с отцом (тогда Ш. было 6 лет) его мать взяла детей и ушла к своим родителям. Отец приехал за ними на тракторе и ночью повез домой. Посадил Ш. у самой двери, ребенок там заснул, но от толчка дверь трактора открылась, и он выпал наружу, получив тяжелую травму головы. Остался глубокий шрам, часто болела голова, были припадки, потеря сознания, год не учился в школе. В настоящее время нет, конечно, возможности квалифицировать эти действия отца, но они граничат с преступной неосторожностью; не исключено, что они были продиктованы умыслом избавиться от нелюбимого ребенка.

Отец избивал Ш. постоянно, причем других братьев и сестру никогда не трогал, что причиняло ему двойные страдания. После очередного избиения, когда Ш. было 19 лет, он убежал из дома и стал жить на острове в кустах. Еды не было, на работу не мог устроиться, так как документы оставил дома, а пойти за ними боялся. Стал ночами воровать еду в детском саду, больнице, столовой; с наступлением холодов украл у чабанов одежду. Его все-таки обнаружили, судили за кражи и приговорили к двум годам лишения свободы. После освобождения он вернулся домой, стал работать в совхозе. Но вскоре отец (в нетрезвом состоянии) стал попрекать его, что он живет за его счет. Обидевшись, Ш. ушел из дома в соседний район, по дороге проник в чужой дом и украл там носильные вещи, которые сразу же надел на себя. На новом месте устроился работать на кирпичный завод; через полгода написал обо всем отцу с матерью, упомянув в письме и о краже вещей. Отец сразу же донес на него, и его вновь арестовали.

Мы полагаем, что в основу объяснения преступного поведения может быть положена идея о том, что оно по большей части определяется неблагоприятными влияниями, которые оказывались на человека в детстве. Поведение как бы воспроизводит содержание раннесемейных отношений, является как бы ответом на них, их продолжением или следствием. В то же время оно в силу пластичности и динамичности психики может корректироваться и даже существенно изменяться под влиянием новых жизненных обстоятельств.

В целях выявления особенностей семейного воспитания преступников нами (совместно с Е.Г. Самовичевым) были опрошены лица, виновные в совершении убийств. Для сравнения те же вопросы были поставлены перед правопослушными гражданами. Основная цель опроса состояла

в установлении эмоциональных отношений в семье, в первую очередь со стороны родителей к детям. Большинство ответов было ранжировано.

Приведем некоторые результаты этого исследования. В ходе его респондентам был задан вопрос: “Можете ли Вы сказать, что мать любила вас?” Ответы на данный вопрос должны были показать степень уверенности в безусловном и полном приятии их со стороны матери. Именно в этом смысле мы использовали здесь слово “любила”. Степень уверенности, определенности ответа на этот вопрос мы отождествляли со способностью матери к полному и безусловному приятию своего ребенка и, следовательно, с наличием наиболее благоприятных эмоциональных условий его социализации.

Таблица 1.

Ответы на вопрос: “Можете ли Вы сказать, что мать любила вас?”

Группа	Да, уверен	Пожалуй, да	Не уверен	Нет, не могу этого сказать
Преступники	66,4	13,5	7,9	10,0
Правопослушные граждане	86,1	12,4	0,73	0,73

Как видно из табл. 1, уверенных в любви матери среди преступников значительно меньше, чем в контрольной группе. Кроме того, степень уверенности в способности матери к полному приятию сына у преступников меньше в десять с лишним раз. Этот результат можно рассматривать как психологическое подтверждение известного в криминологии положения: чем менее тесными являются внутрисемейные связи, тем более вероятными становятся связи лица вне семьи и соответственно снижается значение семьи.

С целью выявления отношений опрашиваемых к матери и к другим членам родительской семьи был задан такой вопрос: “О ком из членов своей семьи Вы не задумываясь могли бы сказать, что любите его?” Предполагается, что эти отношения во многом являются следствием отношений родителей к детям.

Из табл. 2 видно, что среди правопослушных лиц значительно больше тех, кто уверен в своей любви к матери, чем среди преступников. Можно предположить, что в жизни последних мать реже выполняла положительные функции, чем в жизни первых. В то же время интересно отметить: в целом для представителей обеих групп респондентов характерна большая уверенность в любви матери к ним, чем в собственной любви к ней, при этом разница между тяготением матери к сыну и сына к матери ниже у преступников, чем у правопослушных.

Таблица 2

Ответы на вопрос: “О ком из членов своей семьи Вы не задумываясь могли бы сказать, что любите его?”

Группа	О матери	Об отце	О бабушке	О дедушке	О сестре	О брате	О других родственниках	Ни о ком
Преступники	59,9	9,0	9,3	1,7	5,2	3,5	1,0	5,5
Правопослушные граждане	75,9	6,6	5,8	0,73	2,2	5,8		1,4

Одним из показателей межличностных отношений является частота контактов между людьми. Отраженный в сознании индивида, этот показатель характеризует потребность в общении. Собственно, частота контактов формирует как отношение интенсивности потребности в общении с мерой ее удовлетворения. Субъективная оценка степени удовлетворенности контактами с матерью была получена из ответов на следующие вопросы: “С кем из членов семьи Вам чаще всего хотелось быть вместе?”; “Кто из членов семьи уделял Вам в раннем детстве больше времени?”

Таблица 3

Ответы на вопрос: “С кем из членов семьи Вам чаще всего хотелось быть вместе?”

Группа	С матерью	С отцом	С бабушкой	С дедушкой	С братом	С сестрой	С другими родственниками
Преступники	53,0	15,6	8,3	2,8	8,6	5,9	2,4
Правопослушные граждане	65,0	17,5	5,8	0,73	8,0	0,73	1,5

Таблица 4

Ответы на вопрос: “Кто из членов семьи уделял Вам в раннем детстве больше времени?”

Группа	Мать	Отец	Бабушка	Дедушка	Брат	Сестра	Другие родственники
Преступники	63,6	7,9	16,9	1,4	2,4	4,5	0,3
Правопослушные граждане	74,4	5,8	13,9	0,73	3,6	1,4	

Сопоставляя табл. 3 и 4, первую из которых можно представить как выраженную интенсивность потребности в контактах, а вторую - как степень реального удовлетворения этой потребности, можно увидеть, что потребность в общении с матерью выше у правопослушных лиц, чем у осужденных. Из табл. 4 видно, что матери уделяли больше внимания правопослушным гражданам. У преступников круг неудовлетворенных внутрисемейных связей шире. Так, для них потребность в общении с братом в 4 раза превышает реальное удовлетворение, с отцом - в 2 раза, с дедом - в 2 раза, с сестрой - в 0,3 раза и с другими людьми - в 8 раз.

Эти факты показывают, что в семьях преступников связи значительно менее тесные, чем в семьях законопослушных респондентов. У первых также меньше возможностей для полноценного мужского воздействия и соответственно усиливается влияние женской части семьи. Это не может не влиять на формирование их личности и регуляцию поведения. Ниже мы покажем, что данное обстоятельство влияет на совершение и насильственных, и корыстных преступлений.

Подтверждением нашего заключения могут быть ответы респондентов на довольно общий вопрос: “Кто в большей степени повлиял на Вашу жизнь, женщины или мужчины?”

Таблица 5

Ответы на вопрос: “Кто в большей степени повлиял на Вашу жизнь, женщины или мужчины?”

Группа	Женщины	Мужчины
Преступники	55,7	34,6
Правопослушные граждане	51,8	37,2

Ответы (табл. 5) показывают, что в обеих группах существует субъективное ощущение большего влияния на их жизнь женщин, чем мужчин, причем соотношение ответов примерно соответствует указанной выше структуре внутрисемейных контактов и их интенсивности

Как было отмечено выше, в самый ранний период развития ребенка в его психике жестко фиксируется окружение, образуя эмоциональный прототип личности. Этот сензитивный период совпадает с доречевой фазой развития: ребенок не владеет еще формами осознания отношений, какими являются фиксированные в слове социальные значения. На доречевой стадии развития личность ребенка формируется окружающими посредством включения его в контекст

межличностных отношений. Ранняя социальная ситуация обеспечивает первичную самоидентичность ребенка.

Эти выводы подтверждаются и результатами изучения с помощью Тематического апперцептивного теста (ТАТ) лиц, совершивших хищения государственного и общественного имущества, кражи личного имущества граждан и убийства. Для выявления отношений с матерями и отцами нами были интерпретированы рассказы испытуемых по картинкам методики № 6 (“Пожилая женщина и молодой мужчина”) и № 7 (“Пожилой и молодой мужчины”). Рассказы по первой из них дают возможность охарактеризовать отношения с матерями, а по второй - с отцами.

Изучение показало, что примерно в 95% случаев отношения с матерями носят конфликтный характер, матери и сыновья плохо понимают друг друга, их контакты развиваются на фоне конфликтов со средой, ожидания несчастья. Типичны высказывания: “Что-то случилось”; “Как-то горе”; “Они переживают большие неприятности” и т. д. Несколько иначе складываются отношения с отцами: сыновья находят общий язык с отцами, понимание и поддержку с их стороны в 5% случаев. Однако в остальных случаях между ними имеют место конфликты или непонимание друг друга. Характерно, что отдельные испытуемые вообще ничего не могли сказать об отношениях между “пожилой женщиной и молодым мужчиной” и “пожилым и молодым мужчинами”. Это может свидетельствовать о том, что они вообще не представляют себе сущности и содержания контактов между родителями и детьми в силу невключенности в них.

Можно по-разному именовать семьи, которые не могут обеспечить нормальное, социально-приемлемое формирование личности ребенка:

неблагоприятные, криминогенные, аморальные, конфликтные, трудные и др. Они обычно отражают те конкретные негативные функции, которые выполняет семья данного типа в отношении ребенка и подростка. Например, к трудным нередко относят неполные семьи, не имеющие возможности обеспечить нужное воспитание детей, к конфликтным - те, которые характеризуются ссорами, неприязненными и враждебными отношениями между членами семьи, что не может не оказывать отрицательное влияние на подростка, а к криминогенным - семьи, родители в которых совершают правонарушения и т. д. Наиболее общим для таких семей является термин “неблагополучные”, хотя он и не отражает того, в чем их социальная вредность.

Семьи, родители в которых отвергают ребенка, что может привести к социально-психологическому отчуждению личности, ее дезадаптации, можно именовать десоциализирующими, дезадаптирующими. Они не обеспечивают приспособление детей к условиям общественной жизни, к выполнению социальных норм, готовности занять определенное место в общественной системе, т. е. не выполняют задач, поставленных перед ними природой и обществом.

Мы изложили некоторые исходные положения о влиянии психологического отчуждения личности в детстве на последующее преступное поведение. Считаем необходимым еще раз подчеркнуть: далеко не каждый преступник был отвергнут в детстве родителями, поэтому утверждение о наличии в каждом случае генетической связи между преступным поведением и психической депривацией лишено основания. Подобная депривация в семье, равно как и психологическое отчуждение индивида в целом, лишь одна из причин (но важнейшая!) преступного поведения в дальнейшем. И хотя, наверное, можно говорить, что преступность в целом - отчуждаемое явление в том смысле, что отвергается обществом, видеть его корни только в отчуждении ребенка родителями неверно.

Таким образом, отчуждение родителями ребенка в качестве изначального криминогенного фактора, основного источника преступного поведения характерно для большинства преступников, но не для всех. Напомним, что отвергание ребенка может принимать скрытую форму, такое же криминогенное значение имеет и безразличие родителей. Для ребенка в конце концов не имеет значения, любят ли они его в действительности, для него важнее всего чувствовать, воспринимать себя любимым, а значит, защищенным, нужным, уверенным в своем бытии. Криминогенное заражение личности может иметь место и при приятии родителями ребенка, но когда они подают ему уроки безнравственности. Все это в целом, а именно эмоциональное отношение к ребенку, можно назвать раннесемейным неблагополучием личности.

3. Преступное поведение как реализация отчуждения

Проблема криминогенности психологического отчуждения ребенка в семье нуждается не только в общей оценке. Изучение влияния такого отчуждения на отдельные виды преступного поведения, определение его конкретных механизмов и общественно опасных последствий необходимо и для решения многих практических задач по профилактике преступлений, исправлению и перевоспитанию преступников.

Из предыдущих рассуждений можно сделать вывод, что, чем уже сфера состояний, в которых ребенок полностью и адекватно принимается матерью, тем больше его личность приобретает акцентуированные и ригидные, застревающие черты, что позднее приводит к патологическим адаптациям типа психологических симптомов, психопатическим особенностям характера, к различным формам антиобщественного поведения. Негативные последствия отсутствия отцов достаточно известны, однако дети без отцов, но с любящей и понимающей матерью обнаруживают меньше психологических проблем, чем дети, имеющие доминирующую мать и пассивно-подчиненного отца. Как показывают проведенные нами исследования, именно доминирование, деспотия матери является существенной, а чаще непреодолимой преградой к установлению эмоционально теплых отношений между нею и ребенком. Это кладет начало отчуждению, нередко скрытому, маскирующемуся опекой, а по существу - гиперопекой.

Отсутствие отца для ребенка четырех-пяти лет, как свидетельствуют некоторые авторы, имеет больший отрицательный эффект, чем для ребенка старшего возраста. Так, мальчики, лишившиеся отца в возрасте четырех-пяти лет, имеют слабую мужскую сексуально-ролевою ориентацию и больше сексуально-ролевых конфликтов, чем дети, имевшие отца или лишившиеся его в более позднем возрасте. Мы считаем возможным предположить, что мотивы некоторых убийств на бытовой почве лежат в сфере неадекватного представления о себе как о сексуальном партнере, бессознательного ощущения своей несостоятельности. Поэтому, на наш взгляд, многие так называемые убийства из ревности на самом деле вызываются реакцией мужчин на демонстрацию женщиной его социальной и (или) сексуальной несостоятельности. Поэтому он уничтожает в лице женщины источник психотравмирующих воздействий.

А., по мнению суда, совершил убийство своей сожительницы Г. из ревности при следующих обстоятельствах. Они жили вместе в рабочем общежитии, и во время очередного совместного распития спиртных напитков он ударом ножа убил ее после того, как она сказала, что у нее есть некто получше него. Эти слова потерпевшей чрезвычайно важны для объяснения происшедшего, но из них отнюдь не следует, что преступник действовал по мотивам ревности. Нужно учитывать другие обстоятельства. Как выяснилось в беседе с А., он и раньше прекрасно знал, что Г. изменяет ему, так как она ночами нередко уходила от него, стараясь делать это незаметно, к другим мужчинам, жившим в том же общежитии. Так что поводов для ревности у него и раньше было предостаточно, он иногда в связи с этим скандалил, но не предпринимал решительных действий. Когда же потерпевшая облачила свое отношение к нему в явную, в данном случае словесную, форму, сказав, что у нее есть некто получше, чем А., тем самым она нанесла ему глубокую психическую травму. По существу негативная оценка его как биологического существа в мужской роли, конечно, несет в себе угрозу его бытию, поскольку отрицает такую роль. Поэтому реакция его была мгновенной, он сразу же уничтожает источник психотравмы. Показательно, что А. рассказывал об этом довольно спокойно, не выказывая никаких угрызений совести, что, впрочем, характерно для убийц. Дополним наш пример тем, что А., по его словам, воспитывала властная мать, к тому же не уделявшая своим двум детям особого внимания.

Эмоциональное отвергание родителями ребенка в детстве в решающей степени может предопределить его дальнейший жизненный путь, его изоляцию, оторванность от среды. Особенно важно отметить, что оно порождает весьма тягостные воспоминания и ощущения, которые сублимируются, переносятся в сферу бессознательного, но могут быть настолько травматичными, что способны мотивировать насильственное преступное поведение. Его личностным смыслом выступает "снятие" психотравмирующих переживаний, связанных с детством, путем уничтожения объекта, который вызывает ассоциации с этим периодом жизни. Это как бы символическая ликвидация своего детства, уход от него. Проиллюстрируем сказанное следующим примером.

Б., 30 лет, образование 8 классов. Осужден на 15 лет лишения свободы за покушение на изнасилование 12-летней девочки, изнасилование девочки в возрасте одного года и хулиганство. Как следует из приговора, явившись вместе со своим товарищем в дом знакомых последнего, он пытался изнасиловать 12-летнюю девочку. Девочка сопротивлялась и сбежала. В тот же день в том же доме дважды изнасиловал девочку в возрасте одного года. Б. пояснил, что был пьян и

очень хотел вступить в половую связь. После изнасилования вышел на улицу и напал на незнакомую женщину. Несколько раз ударил ее по голове, угрожал изнасилованием.

Ранее Б. судим за угон автомашины, вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность, грабеж, нанесение легких телесных повреждений и дважды за нарушение правил административного надзора.

Психиатрическая экспертиза констатировала у Б. возбудимую психопатию эксплозивного (взрывчатого) типа со склонностью к злоупотреблению алкоголем; были суицидальные попытки. Как известно, возбудимая психопатия указанного типа характеризуется аффективной несдержанностью, реакциями злобно-агрессивного плана, вслед за которыми наступают симптомы психической слабости (утомляемость, раздражительность, головные боли). Как показывает практика, среди возбудимых психопатов эксплозивного типа очень часто встречаются сексуальные перверсии (отклонения).

О детстве Б. известно: постоянно убегал из дома, родителей не слушал, воровал вещи дома и в школе, учился плохо, дважды оставался на второй год. Б. рассказывает: “Родители часто ссорились. Мать била отца, а он ее не трогал. Мать меня никогда не ласкала, не играла со мной. Отец много пил. Однажды, когда мне было 14 лет, напившись, выгнал из дома. Меня часто били, не кормили, приходилось ходить к соседям и просить поесть. К младшему брату родители относились лучше. Ему покупали новые вещи, ласкали, рассказывали сказки, но мать тоже выгоняла его из дома. Отношения у нас с братом были хорошие...” Первой женщиной у него была В. Она любила выпить, курила, была старше его на десять лет. Обследуемый женился на Рите, которая была моложе его на два года, прожил с ней три года.

Зачем и почему совершил последние преступления, не знает, поскольку был пьян. По его словам, когда он пьян - возникают мысли “побить кого-нибудь”. О совершенном преступлении рассказывает довольно спокойно, тон эмоционально бесстрастен, на деталях не останавливается, ссылаясь на опьянение. Раскаяние или самоупрек отсутствуют, ни разу не высказал сожаления о содеянном. Показательны его слова: “Говорили, что девочка умерла, но она жива”, сказанные им лишь в контексте “снижения” своей вины.

Как мы видим, Б. был отчужден от семьи, дезадаптирован с детства. Особая неблагоприятность семейной ситуации проявляется в том, что Б. был отвергнут и матерью, и отцом. Причем мать не только не выполняла материнских функций (не смотрела за сыном, не ласкала его и т. д.), но и демонстрировала выполнение больше мужских ролей (пила, била мужа). В связи с этим обоснованы предположения о нарушении сексуально-ролевой ориентации Б., что мешало ему впоследствии должным образом ориентироваться в отношениях с женщинами. Таким образом, следствием психической депривации в детстве стала для Б. его дезадаптация в сфере отношений с женщинами.

Нарушение сексуально-ролевой ориентации особенно четко проявилось при применении ТАТ. Относительно картинки № 6, которая обычно порождает рассказ о матери и сыне, так как на ней изображены пожилая женщина и молодой мужчина, Б. пояснил: “Здесь действуют муж с женой”. В рассказе по картинке в качестве семейного и сексуального партнера у него выступает пожилая женщина, поэтому небезосновательна гипотеза, что в этой фигуре он бессознательно ощущает свою мать.

Очень важно отметить, что в рассказах по картинкам ТАТ у Б. немолодая женщина все время выступает в роли существенного препятствия в установлении весьма желаемых для него близких отношений мужчины с молодой женщиной, мешая и даже разрушая эти отношения. То, что Б. видит свою мать в качестве такого дезорганизирующего фактора, особенно отчетливо выступает в его рассказе по картинке № 18, в котором пожилую женщину он охарактеризовал так: “Старая, пьянствует, драчливая”, т. е. почти полностью повторил характеристику своей матери. Это еще раз подтверждает враждебность в отношении к матери и бессознательное восприятие ее как источника собственной дезадаптации в межполовых отношениях.

Межполовые отношения имеют доминирующее значение в жизни Б. Он рассказал, что его “всегда тянуло ко взрослым женщинам 25-30-лет. Молодых я не любил, они мне не нравились, потому что наглые. За ними я не пытался ухаживать. В детстве с девочками никогда не играл, даже с родственницами”.

Б. отвергает своих сверстниц, но лишь вербально. На самом же деле он постоянно стремится к ним, и это в сексуальной сфере решающим образом направляет его поведение. Так, по 13 картинкам ТАТ (из 20) в его рассказах четко звучит тема молодой, красивой женщины. С ней он

связывает свое личное счастье. Однако влечение к ней блокируется сексуальной дезориентацией, преградой выступает “пожилая женщина”.

В аспекте сексуальной дезадаптации Б. следует отметить весьма важный факт: жена Рита была моложе его на два года. Однако совместная жизнь была неудачной из-за частых конфликтов, возникающих обычно, когда он находился в нетрезвом состоянии. Причем инициатором конфликта выступал он сам, во время ссор избивал ее. Происходило это, на наш взгляд, по причине бессознательного ощущения мужской несостоятельности по отношению к жене как молодой и красивой (по его словам) женщине, восприятия ее как источника, демонстрирующего ему эту несостоятельность. В то же время он находится по отношению к ней в, так сказать, страдательной позиции как к недостижимому для него в психологическом плане идеалу. Данный вывод подтверждается, в частности, наличием на руке татуировки: “Ах, Рита, крошечка моя”.

Вместе с тем с В., которая была старше его на 10 лет, у него отношения внешне нормальные, бесконфликтные, но он не воспринимает ее как постоянного партнера и отказывается, несмотря на ее предложения, жениться на ней. Напомним, что В. довольно часто выпивала, в чем можно видеть ее сходство с матерью Б. и тем самым оценивать указанное обстоятельство в качестве препятствия к установлению с ней длительных отношений на прочной основе.

Таким образом, для Б. характерно амбивалентное, двойственное отношение к молодым женщинам, занимающим ведущее место в его мироощущении. Это отношение словесного отвергания их, страха перед ними и в то же время тяготения к ним.

Б. - дезадаптированная личность, находящаяся в изоляции от среды и ее ценностей, которые не стали его ценностями, регуляторами его поведения. Они постепенно воспринимаются им как “не его”, чуждые ему, для него необязательные, а среда, общество - враждебными. Отсюда постоянное антиобщественное поведение, совершение преступления в 16-летнем возрасте. В связи с этим обращает на себя внимание факт, что последние два раза он был судим за нарушение правил административного надзора, т. е. упорно игнорировал нормы, которые должны были регулировать его поведение после освобождения.

Отчуждение, а затем дезадаптация Б. - и социального, и психологического происхождения. Мы полагаем, что Б. вначале стремился к общению. Он рассказывал, что в детстве, когда его запирали дома с младшим братом, он выбивал стекло и с братом на руках уходил играть к ребятам. Как поясняют представители администрации исправительно-трудовой колонии (ИТК), где он в первый раз отбывал наказание, Б. был человеком достаточно общительным. Впоследствии же дистанция между ним и средой увеличивалась. Можно сказать, что его отчуждение, начиная с раннего детства (отвергание родителями, побеги из дома, кражи, плохая учеба и т. д.), было нарастающим.

Другой отличительной чертой Б. является агрессивность. В этом убеждают не только преступления, за которые он был осужден в последний раз, но и все его поведение: он бил свою жену, угнал автомашину, совершил грабеж, нанес телесные повреждения.

С учетом сказанного попытаемся объяснить преступные действия Б., за которые он был осужден в последний раз. Их анализ может привести к выводу о том, что Б., предпринимая попытку изнасиловать 12-летнюю девочку, изнасиловав годовалого ребенка, лишь стремился к удовлетворению сексуальных потребностей. Тем более что об этом он сказал сам и что эти преступления были совершены им на пятый день после освобождения, а следовательно, после длительного сексуального воздержания. Однако такой вывод является поверхностным, не основанным на глубоком анализе личности Б., его жизненного пути и ряда других существенных факторов.

Прежде всего отметим, что сразу же после освобождения Б. выяснил, что жена Рита бросила его и куда-то уехала, оставив ребенка его матери. Следовательно, ему была нанесена психическая травма, поскольку “молодая и красивая” отвергла его.

На второй день после освобождения он встретился с В., которая ночевала у него подряд три ночи. Поэтому предположение, что Б. совершил преступные действия в силу острой сексуальной потребности, необоснованно. Поэтому нужно искать другие, неситуативные, движущие начала его поведения, попытаться ответить на главный вопрос - каков личностный смысл его преступных действий, ради чего они совершены?

Обращает на себя внимание, что Б. вначале пытался изнасиловать 12-летнюю девочку, но эта попытка была достаточно вялой в том смысле, что он не прилагал необходимых усилий, чтобы силой совершить с ней половой акт, и дал ей возможность скрыться. После чего он дважды изнасиловал годовалого ребенка, который, естественно, не мог оказать ему сопротивления.

На наш взгляд, с учетом личности Б., особенно факта отвергания его родителями, изнасилование ребенка есть действие, с помощью которого он, как можно предположить, хотел уничтожить объект своего преступного посягательства, поскольку не просто вступил с девочкой в половой контакт, причем дважды, но и тем самым нанес ей телесные повреждения. Важно отметить, что уже после первого контакта ей были нанесены тяжкие увечья и второй был осуществлен, несмотря на это, что можно расценивать как “добивание” жертвы.

Личностный смысл, мотив этого акта, как представляется, состоит в уничтожении бессознательных психотравмирующих переживаний собственного детства. Данный акт, по-видимому, носит характер символического самоубийства. В связи с этим следует вспомнить, что у Б. наблюдались попытки суицида. Именно такой мотив мы устанавливали и во многих других случаях насильственных преступных посягательств в отношении детей, в том числе их убийств. Сексуальная форма уничтожения в разбираемом случае связана с тем, что именно сексуальные переживания, как мы пытались показать выше, составляют одну из важнейших особенностей внутреннего мира Б. и направляют его поведение.

Существенно, что он является возбудимым психопатом взрывного типа, а для этого типа характерны сексуальные перверсии. Однако наличие психопатии само по себе не указывает на мотив совершенного им преступления, хотя эта аномалия могла способствовать его преступным действиям, влиять на процесс мотивации. Любое расстройство психической деятельности относится к сфере медицины, мотив и мотивация - к сфере психологии, а психологическое явление не может быть объяснено с медицинских, в данном случае психиатрических, позиций. С помощью констатации названных расстройств невозможно раскрыть внутренние причины любого поведения. Иными словами, утверждение типа: “Он совершил это преступление, потому что психопат” - абсурдно, так как множество лиц с психическими отклонениями не допускают никаких предосудительных действий.

Действия Б. в отношении 12-летней девочки и женщины, которая стала объектом хулиганских действий, есть проявление его спонтанной агрессивной установки к женщинам, о чем мы уже подробно сказали. То, что он фактически не предпринимал реальных усилий изнасиловать их, свидетельствует в пользу нашего предположения о том, что личностным смыслом насилия над годовалым ребенком является уничтожение тяжелых переживаний собственного детства и что им двигала не сексуальная потребность. Таким образом, истоки его преступного поведения следует искать в раннем детстве.

Мы уже отмечали, что не все преступники в детстве были отвергнуты родителями, но тем не менее их преступное поведение в той или иной степени связано с отвержением. Так, по всем изученным нами фактам изнасилований установлено, что преступники на ранних этапах своей жизни не имели должных эмоциональных контактов в семье. Оказалось, что в 80-85% случаев у них были враждебные или неприязненные отношения с матерями либо последние были безразличны к ним. Как можно интерпретировать эти обстоятельства? По-видимому, подобные контакты с матерями формируют такое же, т. е. негативное, неуважительное, даже резко отрицательное отношение к женщине вообще, желание видеть в ней не личность, а только биологическую особь, годную лишь для удовлетворения физиологических нужд. Отсюда не только само изнасилование, но и издевательство, глумление над жертвой, унижение ее достоинства, нанесение телесных повреждений и даже убийство, что, казалось бы, не связано с конкретными обстоятельствами самого сексуального преступления.

Отсутствие должных эмоциональных контактов с матерью приводит к тому, что мальчик, а затем юноша не приобретает социальных и психологических навыков и умений общения с представительницами другого пола, начинает бояться и сторониться их, выражать враждебное к ним отношение. Постоянное фрустрирование, блокирование сексуальных влечений приводит к накоплению аффективных психотравмирующих переживаний. В обстановке, субъективно расцениваемой как подходящая, подобное напряжение может разрядиться насильственными сексуальными действиями, тем более вероятными, что иными путями такие люди не умеют устанавливать контакты с женщинами.

При изучении (совместно с В. П. Голубевым и Ю.Н. Кудряковым) случаев изнасилования мы обратили внимание на весьма опасную категорию насильников - лиц, внезапно нападающих на незнакомых женщин, старающихся силой преодолеть их сопротивление, для чего наносящих им сильные удары, душащих и т. д. Поведение таких лиц можно сравнить с действиями охотника, поджидающего или выслеживающего добычу. Большинство таких преступников положительно характеризуются на работе и в быту, хорошо относятся к своей семье, но в отношении других

женщин испытывают отрицательные эмоции, говорят о них пренебрежительно, считают безнравственными.

Исследование показало, что подобные насильники занимают по отношению к женщине подчиненную, пассивную позицию, женщина доминирует над мужчиной и направляет его. Как правило, у них нарушена аутоидентификация с мужской ролью при мощном напряжении сексуальной потребности, фиксации на половых отношениях, сводящихся лишь к половым актам вне нравственно-психологической близости. Установлено также, что подобные лица имели в детстве властную, доминирующую мать и безвольного, подчиненного отца. Создавая собственную семью, они психологически воссоздавали свою раннесемейную ситуацию, образно говоря, занимали место отца и выбирали в качестве жены женщину, похожую по своим психологическим чертам и поведению на мать. Иными словами, "охотники" эмоционально прочно слиты с матерью, испытывая потребность постоянно воссоздавать психологические контакты с ней, т. е. у них как бы не произошло психологического рождения в качестве самостоятельной личности.

"Охотники" зависимы не только от матери и жены, но и от женщин вообще, так как отношения с ними строятся на материнско-детской базе. Разумеется, все эти психологические установки и контакты в подавляющем большинстве случаев полностью бессознательны, в том числе и то, что такие мужчины фактически не воспринимают себя в автономной мужской роли. Поэтому в качестве мотива изнасилования у этой категории преступников выступает стремление к преодолению преимущественно психологического доминирования женщин вообще, а не конкретных лиц. Психологическая задача, которая решается в акте внезапного сексуального насилия, - это попытка резко идентифицироваться с мужской половой ролью, доминировать, обрести личностно-эмоциональную автономию, самостоятельную адаптацию, осуществить свое психологическое "рождение" за счет уничтожения зависимости от женщин, которые по отношению к нему (с его позиции) осуществляют материнскую функцию. Однако подобная попытка остается не более чем попыткой, поскольку сохраняющаяся патологическая психологическая структура препятствует действительной автономии личности. Именно по этой причине неожиданные и яростные нападения на женщин носят "серийный" характер, иногда преступник совершает такие действия несколько десятков раз. Иначе говоря, даже в тех случаях, когда он действует внешне "успешно", психологического удовлетворения тем не менее не наступает, доминирующую позицию в отношениях с женщинами он занять не в состоянии. Поэтому "охотник" может вновь решиться на подобный поступок.

Думается, что попытка избавиться от психологического диктата женщины, "навязанного" в детстве матерью, лежит в основе большинства изнасилований женщин старческого возраста. Во всяком случае изученные нами подобные факты говорят именно об этом.

Попытаемся объяснить совершение некоторых имущественных преступлений, прежде всего краж, в связи с раннесемейными условиями формирования личности будущих правонарушителей.

Установление причин имущественных преступлений (краж, хищений, взяточничества, спекуляции т. д.) на первый взгляд не представляет особой сложности: они совершаются ради удовлетворения материальных потребностей, для приобретения одежды, продуктов питания, спиртных напитков, ведения образа жизни, связанного со свободной тратой денег, и т. д. Однако при таком подходе остаются неясными субъективные причины выбора именно преступного поведения в качестве способа решения важных жизненных проблем. Непонятно также, почему человек совершает преступление, если он не испытывает материальной нужды. Поэтому, чтобы вскрыть подлинные личностные причины совершения названных преступлений, необходимо обратиться к анализу жизненного пути преступников, условий их социализации, особенно в детстве.

Такой анализ, не затрагивая вопроса о выборе уголовно наказуемого способа приобретения материальных благ, необходимо связать с тем, "что в психологическом плане "выигрывает" личность, приобретая материальные блага. Можно предположить, что обладание ими придает человеку уверенность, снижает беспокойство по поводу своей социальной определенности, устраняет, часто лишь временно, чувство зависти; он способен испытывать удовольствие и удовлетворение, особенно если с помощью похищенного может приобрести престижные вещи, изменить свой образ жизни, войти в состав эталонной группы, завоевать внимание интересующих его лиц.

Есть основание выдвинуть гипотезу о том, что и корыстные мотивы связаны с психической депривацией в детстве, а именно дефицит эмоционального общения, в первую очередь с матерью,

а затем с отцом, отвергание ими ребенка, невключение его в стойкие эмоциональные контакты формируют общую неуверенность индивида в жизни, неопределенность его социальных статусов, тревожные ожидания негативного воздействия среды. Эти особенности закрепляются в нем и оказывают существенное влияние на его поведение.

Можно предположить, что совершение имущественных преступлений является своеобразной компенсацией эмоционального дефицита, психологического отчуждения в детстве, поскольку такие преступления предоставляют субъекту материальные средства для того, чтобы прочнее и увереннее ощутить свое место в жизни и тем самым преодолеть состояние неуверенности и неудовлетворенности, порожденное указанными неблагоприятными условиями.

Однако, как и в других подобных случаях, отчуждение в детстве не может напрямую приводить к совершению корыстных преступлений, равно как не может и выступать их непосредственным мотивом. Между неблагоприятным детством и преступным поведением лежит жизненный опыт индивида. К тому же высказанные предположения еще не полностью раскрывают причины того, почему общая неуверенность преодолевается именно с помощью совершения краж или других имущественных преступлений. Видимо, здесь необходимо иметь в виду другие обстоятельства.

Криминологические исследования показывают, что в очень редких случаях родители непосредственно втягивают детей в преступную деятельность, советуют им совершать преступления и т. д. Их негативное влияние обычно проявляется в том, что они подают пример отрицательного отношения к законам и моральным запретам, ведут антиобщественный образ жизни, совершая правонарушения. Все это не остается секретом для ребенка. Однако очень часто родители будущего правонарушителя вообще не совершают никаких аморальных действий. Напротив, они предпринимают необходимые усилия для нравственного воспитания своих детей или как минимум пытаются добиться внешне нравственно послушного (законопослушного) поведения. Но усилия их обычно не достигают цели потому, что они исходят от лиц, с которыми у ребенка нет или существенно ослаблены эмоциональные контакты. Иначе говоря, он слушает их, но не слышит, так как не воспринимает именно от них нравственные нормы и стандарты.

Здесь уместна аналогия с воспитанием и обучением в школе: если учитель вызывает негативные чувства, ученик остается глух к его нравственным поучениям и даже будет плохо усваивать преподаваемый им материал.

Зачастую ребенок видит у других детей, в магазине или иных местах вещи, которыми ему хотелось бы обладать, но по той или иной причине этого сделать нельзя, поэтому у него может появиться чувство зависти. Закрепление такого чувства при отсутствии надлежащего нравственного воспитания способно спровоцировать в последующем желание совершить кражи и другие имущественные преступления. Иными словами, содержанием корыстной мотивации в данном случае является стремление иметь в своем распоряжении вещи, приносящие удовлетворение или удовольствие. На основании сказанного, казалось бы, можно сделать вывод, что все (или большинство) те, кто вырос в необеспеченных или малообеспеченных семьях, должны совершать корыстные преступления. Однако, как известно, это совсем не так. Нам представляется, что если ребенок переживает по поводу отсутствия у него понравившейся, престижной для него вещи, то соответствующее поведение матери или отца по данному поводу может компенсировать негативные переживания и “снять” их. Если родители не предпримут необходимых действий, возникшее чувство зависти может сохраниться и приобрести криминогенную окраску, переплетаясь с ощущениями собственной неуверенности и беспокойства.

Зависть может быть нейтрализована в процессе школьного воспитания. Однако нейтрализация может запоздать, если чувство зависти и сопутствующие ему переживания стабилизируются в психике. Отсутствие необходимых психологических контактов в семье чаще всего компенсируется в малых неформальных группах. Если последние придерживаются антиобщественных ориентации, то при стремлении к членству в них их нормы и ценности сравнительно быстро и “легко” аккумулируются личностью. Чем слабее связи несовершеннолетнего с семьей, тем прочнее они с неформальным окружением вне семьи, которое может оказывать негативное влияние на подростка, стимулировать его антиобщественное поведение. Явно недостаточны у них контакты со школой и другими учреждениями и группами, которые могли бы оказать благотворное воздействие. Так, исследования криминолога С.А. Тарарухина показывают, что правонарушения совершаются тогда, когда утрачивается психологический контакт со взрослыми наставниками и воспитателями. Среди

несовершеннолетних правонарушителей высказали положительное отношение к отцам только 30%, к матерям - 42%. Они, как правило, не могут точно сказать, где и кем работают родители, не могут вспомнить их привычки, любимые книги, интересы и т. д. В отношении учителей 60% опрошенных ответили, что любимых учителей у них не было, 12% заявили, что любимые учителя у них были, но их ответы носили общий характер, остальные от ответа уклонились.

Отмечая попадание индивида в психологическую зависимость от группы, нужно остановиться на таком важном обстоятельстве. Психологическое изучение лиц, виновных в совершении краж, показывает, что причиной включения их в антиобщественные группы во многом послужило либо отсутствие отцов, либо отсутствие доверительных, близких отношений с ними. Иными словами, взрослый мужчина, призванный сыграть роль отца, не выполнял этой роли, необходимой для всесторонней социализации личности мальчика или подростка. Между тем, как уже отмечалось выше, роль отца в воспитании ребенка трудно переоценить.

Образующийся эмоциональный вакуум из-за депривации в семье заполняется отношениями не просто в неформальной группе сверстников, а в группе, где функционируют лица старших возрастов. Поскольку потребность в идентификации с группой велика, ее нормы и стандарты активно усваиваются и начинают стимулировать противоправное поведение. Можно сказать, что в такой группе человек пытается получить то, что “недополучил” от отца. Поэтому, как показывают клинические исследования многих преступников, в юности они тяготели к группам, в которых доминировали лица старших возрастов, демонстрирующие свою физическую силу, ловкость, уверенность, сообразительность, умение преодолевать трудности и т. д. С ними подростки начинают совершать вначале мелкие, а затем все более опасные правонарушения. Не исключено, что в такой группе они видят “коллективного” отца. Для иллюстрации приведем следующий пример.

М., 25 лет, образование 10 классов, холост. Родился в семье служащих. В первый раз в 1979 г. совместно с другими лицами совершил ряд квартирных краж, за что был осужден на четыре года лишения свободы. После освобождения вновь совершил несколько краж из квартир.

М. весьма положительно характеризует своих родителей (он был единственным ребенком), отмечает их заботливое отношение к себе, достаточно доверительные контакты с ними, особенно с матерью. Обучаясь в радиомонтажном училище, М. познакомился с группой молодых людей, которые “весело” проводили время, посещали рестораны, дискотеки, хорошо одевались, при этом располагая свободными деньгами. Как он выяснил впоследствии, они занимались спекуляцией и совершали квартирные кражи. Общение с ними было для М. лестным. Он стремился к постоянному членству в группе, поэтому они постепенно втянули его в занятия спекуляцией, а затем и в совершение краж из квартир. По первому впечатлению причиной преступного поведения М. является антиобщественное влияние названной группы. Однако такое объяснение является совершенно недостаточным и неполным, не раскрывает субъективных причин уголовно наказуемых действий М., их личностного смысла.

Как показало психологическое изучение, положительная оценка М. его отношений с родителями не соответствовала действительности. Он, как и многие люди, оказался неспособным вскрыть те реальные связи, которые существовали между ним и родителями, сосредоточивая внимание на внешних обстоятельствах, в первую очередь на том, что родители постоянно контролировали его поведение и особенно учебу. Высказывания самого М., которым он не придавал значения, говорят о том, что необходимых психологических контактов у него с родителями не было, т. е. его отвергание родителями носило скрытый характер. Так, о матери он сказал, что хотя она его физически не наказывала, но была категорична, резка, постоянно пыталась в чем-либо разоблачить. В этом нельзя не видеть жесткий, психотравмирующий контроль со стороны матери. Не удивительно, что на самом деле он не доверял ей: “Я обманывал ее, чтобы скрыть плохое. Я подхалтуривал в оркестрах, занимался мелкой спекуляцией, чтобы выглядеть лучше, хорошо одеваться”. С отцом отношения были еще менее доверительны.

Особенно красноречиво рисуют отношения М. с родителями его рассказы по методике ТАТ. Например, по картинке № 6 он пояснил: “Сын и мать, мне бы так хотелось. У них был серьезный разговор. Он собирается уходить и сказал ей об этом. Она поражена, что останется одна. Я бы назвал эту картину “Сын уходит”. Он уйдет медленно, не может не уйти, такие у него обстоятельства. Очень грустная картина, впечатляющая”. Как мы видим, здесь отчетливо видна проекция на его отношения с матерью.

Однако дефицит эмоциональных отношений с матерью не восполняется контактами с отцом. В рассказе по картинке № 7 М. пояснил: “Отец с сыном. Сын похож на предыдущего. Они в очень

хороших отношениях. Отец снисходительно смотрит на своего отпрыска. Сын ему что-то доверил. Отец анализирует рассказ сына, а сын ждет. Эту картину можно соединить с предыдущей. Отец посоветует сыну поступать так, как тому велит трезвый разум". Таким образом, М. не находит удовлетворения и в отношениях с отцом, поддержки у него. Отец не дает никаких советов сыну, не помогает ему, а лишь призывает поступать так, "как велит трезвый разум", следовательно, переносит тяжесть жизненных решений с себя на сына. Характерно, что рассказы по картинкам № 6 и 7 - в сущности единый рассказ об одной и той же семье, т. е. проекция на собственную родительскую семью. В ней отношения строятся по схеме: уход от матери - обращение к помощи отца - его отказ.

Психологическое отчуждение М. в детстве от родителей во многом обуславливает его слабую включенность в межличностные отношения, тревожность, сверхобостренную чувствительность к внешним воздействиям, постоянные ожидания угрозы. Связанные с этим переживания порождают множество конфликтов с окружающими. Так, о М. известно, что его несколько раз жестоко избивали другие преступники.

Тестирование М. с помощью "Методики многостороннего исследования личности" (ММИЛ) показало следующее: чрезвычайно чувствителен ко всему, что имеет к нему отношение, особенно в сфере межличностных контактов. Обидчив, подозрителен. Считает, что против него постоянно что-то замышляют. Обнаруживает упорство в отстаивании своего мнения, его трудно переубедить. Агрессия направлена на окружение, которое он считает недоброжелательным по отношению к себе. Черты импульсивности проявляются во внезапных, необдуманных поступках. Низкий интеллектуальный контроль поведения, плохо разбирается в социальных нормах и требованиях. Испытывает сильное внутреннее психологическое напряжение, дискомфорт, тревожность; нарушена адаптация. При оценке окружения обнаруживает "свою логику", интерпретирует все в рамках имеющихся у него аффективных установок, которые не соответствуют реальности, преувеличены. Считает, что его недостаточно объективно оценивают окружающие, всячески ущемляют его права, стремятся унижить.

Жесткий контроль над М. в детстве при отсутствии эмоциональных контактов с родителями привел к потере контакта с ними. М. дезадаптирован и в сфере межполовых отношений. Хотя любовь к женщине считает наивысшей ценностью, устойчивых связей с женщинами у него никогда не было. Касаясь этой темы, М. в беседе пояснил, что наконец-то встретил женщину, отвечающую его желаниям во всех отношениях. Она его идеал, он будет с ней до конца жизни. Однако выяснилось, что он ее видел только на фотокарточке, переписывается с ней, поскольку она тоже отбывает уголовное наказание. На наш вопрос, не разочаруется ли он в ней при встрече, М. после некоторого замешательства ответил, что это вполне возможно.

Отношения М. в группе соучастников носят в целом подчиненный, пассивный характер, что в значительной степени определяется его общей дезадаптацией, при которой ограничены возможности выбора. Группа является для него эталонной, поэтому он достаточно легко подпадает под ее влияние, быстро усваивает ее стандарты и ценности, совершает в ее составе преступления. Влияние группы является устойчивым, поскольку М. дорожит членством в ней.

Таким образом, совершение М. первых краж мотивируется потребностью преодоления своего социального и психологического отчуждения, желанием обрести членство в группе. Затем все более четко начинают проявляться мотивы корысти, и кражи становятся главным источником получения средств к существованию.

Криминолого-психологические исследования показывают, что отчуждение в детстве от родителей относительно редко компенсируется другими факторами или благоприятными жизненными ситуациями. В подтверждение этого приведем следующий пример. :

Д., 30 лет, образование среднее техническое. Родители расстались, Г когда ему было около трех лет. Отца не помнит. Со слов матери знает, что он спился, его лишили отцовства, отбывал уголовное наказание. Жив он сейчас или нет, не знает. Никогда не пытался его найти и чувствует, что повторил его судьбу.

Мать относилась к Д. хорошо, и, хотя была властной, с характером, он ее не боялся. "Мать отбила у меня в детстве самостоятельность своей строгостью, и я думал, что к своему ребенку не буду так строг".

Семьей руководил отчим, но с ним Д. не мог общаться, так как тот был строгим и замкнутым, иногда физически наказывал пасынка. Отчим считал, раз у него нет своих детей, то Д. и его сестра должны стать такими, чтобы его никто не мог ни в чем упрекнуть, а поэтому "требовал от нас хорошую учебу. Я его в детстве очень не любил, потом мне его стало жалко, так как все его

попытки были безуспешными. Можно всего было достичь добротой. Он и сестру замучил”. В последние годы, считает Д., он чувствовал, что мать как бы упрекает себя.

Д. учился в техникуме, служил в армии. После армии заочно поступил в институт, работал, оклад составлял 110 рублей. Так как в связи с женитьбой денег не хватало, подрабатывал в магазине, на фабрике. Жена не работала в связи с рождением ребенка. Он не мог удовлетворить ее запросы в вещах, она была недовольна им, хотя вначале и не упрекала. Пошел на мыловаренный завод рабочим, стал получать больше, но стал чаще выпивать из-за углубления конфликтов с женой, которая постоянно была недовольна материальным положением.

В 1976 г. украл в такси деньги и был на месте задержан. Жена узнала, что он совершил кражу, однако тогда от него не ушла. Но все-таки потом из-за постоянной нехватки денег она уехала к матери в Рязань. В этот период он уже “здорово пил”. Еще когда жили вместе, Д. подозревал, что она ему изменяет, поэтому пил, чтобы отомстить за ее “гулянки”. Решил ей тоже изменять. Жена, со слов Д., “с характером”, как и его мать.

Трижды ездил в Рязань, но она не соглашалась вернуться. Стал пить систематически. “Пить - выход из положения, чтобы ни о чем не думать. Я мучился около года оттого, что она меня бросила. Даже попал в психиатрическую больницу с диагнозом “депрессия”. Стал часто менять место работы, совершал мелкие кражи, в основном из магазинов. Однажды в столовой украл портфель-дипломат, и меня задержали на месте”. Был осужден на четыре года лишения свободы.

После освобождения вернулся в Москву. Не мог устроиться на работу в течение двух месяцев. Пил не очень много, не воровал, продавал свои книги. Потом совершил кражу портфеля и был задержан. Осужден на четыре года лишения свободы. У Д. диагноз: алкоголизм второй стадии.

Д. - отчужденная, дезадаптивная личность. Основы ее дезадаптации заложены в детстве путем эмоционального отчуждения от родителей. Они были ориентированы на внешний успех, которого пытались достичь с помощью запретов и строгости в ущерб внутренним контактам между членами семьи. Этим объясняется, что Д. в первую очередь с помощью строгих мер пытались заставить хорошо учиться. Семье нужно было в основном внешнее подчинение, а не подлинная близость.

Необходимо подчеркнуть, что у Д. не было близких эмоциональных контактов с матерью на ранних этапах жизни, что положило начало дезадаптации. По его рассказам видно, что он чувствует ее вину перед собой. Он говорит об этом прямо: “Мать отбила у меня самостоятельность в детстве своей строгостью, и я думал, что к своему ребенку не буду так строг” - и косвенно: “В последнее время я чувствовал, что мать как бы упрекает себя”. Однако Д. ощущает сильную психологическую зависимость от матери и ее решающую роль в его жизни, что достаточно четко проявилось при его обследовании с помощью ТАТ. В целом у него сохранились тягостные воспоминания о детстве, неудовлетворенность им.

Отчим усугубил его отчуждение. Д. боялся его, в том числе физических расправ, и даже убежал из дома. Такие отношения с отчимом помешали формированию “мужских” черт в характере Д., во многом предопределив его слабоволие, инертность, подчиняемость обстоятельствам, желание “плыть по течению”, столь характерные для преступников асоциального типа. Мать не стала для него основным адаптирующим фактором. Логично, что эту роль могла бы сыграть другая женщина, поскольку его социализация, хотя и неудовлетворительная, главным образом шла все-таки через мать. Однако жена, на которую он бессознательно возложил эту функцию, достаточно быстро отказалась от него. Следует заметить, что до этого он совершил кражу денег в такси, чтобы обеспечить материальные потребности жены, что еще раз подтверждает его психологическую зависимость от нее.

Жена ушла от Д., не поддаваясь уговорам. Он бессознательно ощущал свою зависимость от жены и предвидел “бедствия”, которые его ждут в случае окончательного разрыва с ней. Поэтому он трижды едет к ней в Рязань, но ничего добиться не может.

Дезадаптация (и деградация) Д. обострилась тогда, когда он оказался несостоятельным в обеспечении запросов жены. Именно в этот период и по этой причине он начал выпивать и совершил новую кражу. Окончательный, после длительных конфликтов, уход жены углубил его отчужденность: он стал постоянно пить, часто менял место работы, подолгу не работал, продавал из дома вещи, совершал кражи. Употребление алкоголя снимало состояние тревоги, но в то же время активно способствовало его десоциализации. Уход жены был для Д. настолько травмирующим, что он заболел депрессией.

Отметим и такую важную деталь, характеризующую его общую дезадаптацию и свидетельствующую о стремлении к пассивному уходу из психотравмирующей ситуации: у него

были веские основания подозревать жену в неверности, однако он отреагировал лишь тем, что сам стал ей изменять и еще больше выпивать.

Нельзя не видеть сходство в характерах матери и жены Д., равно как сходство судеб Д. и его отца, что отмечает и сам Д. Можно предположить, что мать Д. сыграла в жизни отца примерно ту же роль, что сыграла жена в его жизни.

Мотивы краж, совершенных Д., не носят, так сказать, чисто корыстного характера. Мотивом, личностным смыслом преступлений лиц алкогольно-дезадаптивного типа является сохранение определенного асоциального образа жизни. По-видимому, их можно назвать дезадаптивными мотивами. Возможность рецидива преступлений у таких лиц в силу дезадаптации и алкоголизации чрезвычайно велика, тем более что они обычно слабо опираются на прошлый опыт и не извлекают из него урок.

Д. - подавленный, с постоянно сниженным настроением человек. Для него характерны общая пессимистическая оценка жизни при одновременно декларируемом желании построить ее заново. Ему не хватает решимости и воли, он не уверен в себе, что является в значительной мере следствием воспитания в семье. Не случайно у него вызывают антипатию сильные, довольные собой, уверенные в себе люди, умеющие за себя постоять, т. е. именно те, которые демонстрируют черты, которых у него нет. Это тоже может способствовать рецидиву преступлений.

В приведенных примерах имело место отчуждение от родителей в детстве. Отсутствие необходимых воспитательных мероприятий и воздействие при этом различных криминогенных факторов приводят к преступному поведению, развивающемуся на фоне утраты контактов с позитивной микросредой и значительного ослабления ее контроля. В этих жизненных ситуациях совершение краж является способом поддержания определенного образа жизни, что наиболее ярко выступает в тех случаях, когда алкоголизация играет роль мощного мотивирующего фактора при общей дезадаптации. Преступная деятельность М. начинается под влиянием мотивов приспособления к группе, обеспечения необходимого ему образа жизни, преодоления своей изолированности. В дальнейшем совершение квартирных краж в одиночку приобретает, так сказать, более корыстный характер, и корыстные мотивы начинают играть доминирующую роль.

Таким образом, мы выдвигаем гипотезу, что эмоциональное отвергание в детстве ребенка родителями формирует у него состояние неуверенности, тревожности, беспокойства по поводу своей социальной определенности. Подобные особенности становятся фундаментальными структурами личности. Однако эти структуры неоднородны: по-видимому, если попытаться ранжировать их, высшей точкой будет страх и ожидание агрессии среды, низшей - неуверенность и беспокойство. Страх и ожидание агрессии способны порождать насильственное преступное поведение, неуверенность и беспокойство - совершение корыстных преступлений в попытке обрести определенность и положительные эмоции, даваемые материальными благами.

Между названными крайними точками могут существовать иные образования. Можно предположить, что снижение страха до уровня только неуверенности и беспокойства способно, при общей антиобщественной направленности личности, трансформировать насильственное преступное поведение в корыстное, а повышение неуверенности и беспокойства - наоборот. Возможно, что в этом заключена одна из главных причин изменения конкретных форм противоправного, поведения индивида. Не исключено и совпадение этих явлений, в чем можно усмотреть причину, например, совершения краж и нанесения тяжких телесных повреждений или убийства одним и тем же лицом.

В настоящее время трудно дать более или менее полный ответ на вопрос о том, почему отвергание, отчуждение ребенка родителями в детстве у одних приводит в дальнейшем к формированию страха, а у других - только состояния неуверенности и беспокойства. Можно предположить наличие нескольких причин:

- врожденные особенности нервно-психической конституции, определяющие различные типы реакций на отчуждение;
- характер и степень отчуждения от родителей;
- усвоение в детстве, а также в юношеском возрасте конкретных форм антиобщественного поведения - насильственного или корыстного как в семье, так и в иных малых группах;
- состояние психики данного человека, ее нарушения.

Разумеется, отчуждение в детстве, как и вся неблагоприятная раннесемейная ситуация личности, может и не иметь негативных последствий, если будут предприняты специальные воспитательные меры.

4. Образ жизни преступников

Неблагоприятные раннесемейные ситуации, отчуждение от родителей, вхождение в антиобщественные группы таких же отчужденных сверстников, неуспехи в учебе и работе постепенно формируют дезадаптивный, неприспособленный образ жизни правонарушителей. Он характеризуется эмоциональной отгороженностью, значительным ослаблением нормальных связей и отношений, во многих случаях выключенностью из них, совершением аморальных и противоправных поступков с целью обеспечения такого существования, постоянным пьянством, общением преимущественно с другими правонарушителями, неприятием общественных ценностей, в целом неприспособленностью к нормам и институтам. Происходит деградация личности, она становится все менее способной к выполнению различных трудовых, гражданских и иных обязанностей. Такой образ жизни на долгие годы становится привычной формой жизнедеятельности, некоторые не расстаются с ним никогда.

Разумеется, подобное существование нехарактерно, например, для многих расхитителей, взяточников, некоторых убийц, но и среди них можно найти отдельные существенные элементы дезадаптации: слабость позитивных контактов, систематическое пьянство, отвергание общесоциальных ценностей. Наиболее дезадаптивный образ жизни, как уже отмечалось, ведут бродяги и лица, многократно судимые за кражи, грабежи и разбои. Из числа последних немало особо опасных рецидивистов, а также тех, кто признается преступниками “ворами в законе”. Между этими крайними группами находится значительная часть правонарушителей, чья дезадаптация носит временный или частичный характер, немалая часть из них впредь вообще может воздержаться от нарушений закона.

Не только дезадаптивный образ жизни правонарушителей влияет на преступное поведение, но и преступное поведение содействует такому образу жизни. Уклонение от работы, невыполнение других важных гражданских обязанностей могут быть следствием преступного поведения, особенно если оно продолжается длительное время. Не случайно длительное антисоциальное существование более типично для рецидивистов, чем для впервые совершивших преступление.

Известно немало случаев, когда совершение преступления данным человеком может быть неожиданным для окружающих, поскольку ему не предшествует противоправное или аморальное поведение, во всяком случае в очевидной форме. Поэтому такие преступления часто (и, на наш взгляд, ошибочно) расцениваются как случайные. В то же время антиобщественный образ жизни всегда проявляется в систематическом совершении правонарушений или аморальных поступков, которые обычно становятся известны значительному кругу людей и выявление которых, как правило, не представляет особой сложности. Отдельные действия перерастают в антиобщественный образ жизни постепенно. Преступные же действия являются его наиболее опасной формой.

Но всегда ли дезадаптивный образ жизни предшествует преступлению, все ли преступники ранее вели себя предосудительно? Отнюдь нет, но их преступные действия внутренне закономерны и в силу прожитой жизни, из-за отчуждения в детстве, закреплённой в психике отгороженности от окружающей среды субъективно целесообразны. Практически никакая ситуация однозначно не диктует субъекту совершить убийство или кражу, она всегда содержит в себе возможность и иного варианта поведения. Однако если субъект выбирает, пусть часто и бессознательно, преступный путь решения жизненной задачи, то происходит это в силу того, что он именно такой, а не какой-нибудь другой. Поэтому рассуждение типа: “Он мог и не красть” - недостаточно корректно, если иметь в виду не ситуацию, а самого человека. Но повторяем, в большинстве случаев совершению преступлений предшествует то, что мы обозначили понятием “дезадаптивный образ жизни”.

Нередко бывает и так, что лицо, “внезапно” совершившее преступление, а до этого асоциально никак себя не проявлявшее, с этого момента как бы срывается. Начинается длительное антиобщественное существование, содержащее в себе благоприятную почву для последующих преступлений.

Вопросы адаптации и дезадаптации всегда необходимо рассматривать в аспекте того, в отношении чего человек адаптирован или дезадаптирован. Так, некоторые взяточники и расхитители адаптированы в семье или среди друзей, но занимают негативную позицию к тем закреплённым в соответствующих правовых нормах общественным ценностям, на которые они

посягают своими преступными действиями. Многие преступники-рецидивисты давно привыкли к условиям лишения свободы. Поэтому ее угроза их отнюдь не пугает.

Наши эмпирические исследования показали, что у отчужденных личностей мало субъективных возможностей для успешной адаптации к обществу. У них по сравнению с другими категориями правонарушителей и особенно с законопослушными гражданами ниже уровень образования и трудовой квалификации, среди них меньше лиц, имеющих семью. Они хуже других работают, часто меняют место работы, а нередко и жительства, не имеют прочных контактов в семье, трудовых коллективах, в дружеских группах.

Характер совершаемых преступлений говорит об их значительной социальной изоляции. Прежде всего это систематическое занятие бродяжничеством, что само по себе представляет дезадаптивное существование. Они часто совершают сексуальные преступления, особенно по отношению к детям и подросткам, что свидетельствует об их дезадаптации в сфере половых отношений. В местах лишения свободы они отчуждены от других преступников. Подобная социальная изоляция, во многих случаях оставаясь неизменной в течение всей жизни субъекта, приводит по существу к полному крушению личности.

Совершение краж и хищений также говорит о неприспособленности, социальной изоляции человека. Простейший пример: нуждаясь в деньгах, субъект совершает кражу (или хищение), хотя, казалось бы, мог взять их взаймы. Но это невозможно, поскольку друзей нет, а с родственниками связи утрачены; в иных случаях товарищи или родственники отказывают в помощи, нередко по причине опять-таки слабости социальных связей.

О том же может свидетельствовать и убийство. Например, убийство жены или сожительницы в том случае, если она намеревается покинуть мужчину, для которого является главным связующим звеном с окружающим миром, той основой, на которой строится его адаптация. В данном случае утрата женщины воспринимается чрезвычайно травмирующе, и с помощью убийства уничтожается “виновница” мощного эмоционального удара.

Мы акцентируем внимание на слабости социальных связей преступников как типичном проявлении отчужденного образа жизни по той причине, что такое явление получает, к сожалению, все большее распространение в наши дни. Оно может быть отнесено к числу факторов, порождающих тревожность людей, их неуверенность в своем социальном положении и жизненных перспективах. Естественно, что слабые социальные связи (особенно в условиях урбанизации) ослабляют социальный контроль, и прежде всего за поведением правонарушителей.

Образ жизни многих правонарушителей характеризуется постоянным желанием куда-либо уехать, переменить место жительства и работы. Во-первых, в этом можно усмотреть стремление выйти из трудной или конфликтной ситуации, причем конфликтность может ощущаться субъективно и не иметь места в реальной жизни. Такое стремление мы наблюдали у всех категорий дезадаптивных преступников (бродяг, убийц, воров, расхитителей государственного имущества и т. д.). Как правило, оно носит бессознательный характер, и не случайно большинство не в состоянии объяснить, почему они часто меняют место работы и переезжают из одного населенного пункта в другой. Во-вторых, “уход” может представлять собой попытку избежать идентификации, членства в группе, например в семье или трудовом коллективе, что характерно для лиц, систематически ведущих бездомное существование.

Мы полагаем, что тенденция “ухода” берет свое начало в психической депривации ребенка в семье. Его отвергание родителями, особенно явное и в жестокой форме, унижение человеческого достоинства либо опека, ведущая к эмоциональным барьерам между ним и родителями, и т. д. становятся психологически невыносимыми и постоянно травмирующими. По мере взросления и приобретения самостоятельности подросток получает возможность уйти от подобных условий жизни, избежать придинок, упреков, безразличия, а во многих случаях - побоев и издевательств. Эта возможность реализуется путем все более активного участия в неформальных группах сверстников или (и) побегов из дома. В группах он надеется получить признание и эмоциональное тепло, но не всегда встречает понимание. Со временем стремление уйти закрепляется в личности как устойчивая поведенческая тенденция, которая начинает мотивировать его образ жизни.

А., 30 лет, был судим за сбыт похищенного и кражу. Его воспитывали суровая, деспотичная мать и слабовольный, с истероидными чертами отец. Мать была несправедлива к нему, не прощала проступков. Он не помнит, чтобы она его ласкала. “Ближних, теплых отношений с ней у меня не было. Больше смотрела за мной старшая сестра. Что касается старшего брата, то он очень сильно бил меня”. В детстве А. убежал из дома, тяготел к группам, в которых были старшие

ребята, а после службы в армии стал постоянно разъезжать по стране. “Я много ездил, иногда сам не понимал, зачем приехал в тот или иной город. Больше всего люблю быть один”. Как мы видим, неблагополучное детство, негативные отношения в родительской семье предопределили его стойкое стремление к “уходу” от нее и скитанию по стране. Нигде он долго не задерживался.

Рассказы других дезадаптивных личностей по поводу постоянной тенденции “ухода” и перемены места проживания практически не отличаются от того, что пояснил А. Такую тенденцию мы обнаружили среди как насильственных, так и корыстных преступников, не говоря уже о бродягах.

Причиной постоянных странствий является и неприязненная, враждебная позиция по отношению к другим людям, стремление уйти от постоянного общения с ними. Это во многом объясняет и совершение насильственных преступлений. Любопытны в этом плане “откровения” некоего К., осужденного за изнасилование и нанесение тяжких телесных повреждений с особой жестокостью: “Я не люблю людей, мне они не нравятся. Человек - подлое существо, приносящее другим горе, женщины же лишь вначале кажутся людьми. В колонии мне нравится больше, чем на воле. Если честно, то я бы весь срок провел в одиночной камере”.

По нашим выборочным данным, среди наиболее дезадаптивных преступников в четыре-пять раз больше хронических алкоголиков, чем среди других категорий правонарушителей. Дезадаптирующая, криминогенная роль алкоголизма достаточно хорошо известна. Тем не менее отметим компонент физической зависимости от алкоголя. Потребность в нем приобретает характер “вынужденного” влечения. Это основа, на которой развивается деградация личности, ее отдаление от общества. Алкоголик ради удовлетворения потребности в алкоголе поступает рядом социальных ценностей, которые перестают оказывать регулирующее влияние на его поведение, в чем также проявляется его психологическое отчуждение.

У многих алкоголиков отмечается неспособность к длительной деятельности, даже если она может обеспечить средства для приобретения спиртного. Именно поэтому они обычно не доводят дело до конца. В преступном поведении это часто выражается в том, что алкоголик не способен готовиться к преступлению и, образно говоря, “хватает” первое, что попадает под руку. Так, поступая на работу, многие алкоголики при первой возможности сразу же совершают хищения, не проявляя особой осторожности и не дожидаясь благоприятных ситуаций. Загораясь желанием совершить какое-то полезное дело и даже с энергией принимаясь за него, большой алкоголизмом обычно не доводит его до конца. По этой причине общественно полезная деятельность сама по себе редко выступает в качестве “способа” лечения и исправления его поведения.

Влечение к алкоголю в качестве ведущей потребности сопровождается асоциальным поведением, снижением социальных ролей и статусов, деградацией личности. Этому способствуют нарастающая возбудимость, мало зависящая от доболезненного склада личности, недостаточный самоконтроль и низкий уровень саморегуляции.

Поведение правонарушителей-алкоголиков нередко отличается пассивностью и не является результатом продуманных решений, осмысленных; зрелых взглядов. Это особенно свойственно лицам, длительное время ведущим паразитическое, бездомное существование. Они не могут активно противостоять жизненным трудностям и склонны “плыть по течению”. Их поведение отличается пониженной избирательностью, неумением найти правильный выход, бедным эмоциональным содержанием. Отчуждению таких людей способствует то, что среди них часто встречаются хронические больные, в том числе психические, а сами люди отличаются низким культурным, образовательным и профессиональным уровнем.

Многие правонарушители этого типа, особенно из числа многократно судимых лиц старших возрастов, инертны, безразличны и к себе, и к другим. Безразличны они и к оценкам окружающих, даже если сами признают их справедливость, в чем также выражается значительная психологическая дистанция от среды. Порицая свой образ жизни, они тем не менее не находят в себе силы изменить его, в чем резко проявляется разница между их вербальным и действительным поведением. У них нет стойкости в стремлениях и постоянства в делах, они небрежно относятся к любым обязанностям и бросают их, как только происходит смена настроения.

У алкоголиков из числа тунеядцев, бродяг и попрошайек отсутствуют стойкие и глубокие связи с другими людьми, с позитивной микросредой, их социальные контакты случайны и непродолжительны. Эти люди развиваются в направлении растущей социальной изоляции, постепенно отказываясь от многих функций и ролей в обществе, что приводит к деградации, оскудению их духовного мира. Выпадение из системы нормальных социальных, прежде всего

трудовых и семейных, связей является одним из главных препятствий в приобщении тунеядцев, бродяг и попрошайек, страдающих алкоголизмом, к честной трудовой жизни.

Случайные, неглубокие и кратковременные контакты с ранее незнакомыми или малознакомыми людьми и с хорошо знакомыми, которые ведут аналогичный образ жизни, происходят обычно на почве совместного распития спиртных напитков и внешне бесцельного времяпрепровождения. Подобные контакты приводят к образованию неформальных малых групп, являющихся основной сферой повседневного общения рассматриваемой категории правонарушителей. Специальные наблюдения за такими группами показывают, что они не постоянны по составу участников, в них отсутствуют более или менее четкая иерархия ролей, ясно осознаваемые всеми или большинством членов групповые цели, кроме, конечно, употребления алкоголя.

Алкоголики, утратившие нормальные трудовые, семейные и дружеские связи, как правило, только в таких неформальных группах находят признание и поддержку, что является одной из причин относительно длительного их функционирования. Группа, несмотря на ее нестабильность, в их жизни играет значительную, порой определяющую, роль, поскольку является важнейшей сферой социального бытия. Традиции же и стандарты группы, как одно из выражений ее субкультуры, выполняют в числе прочих функцию защиты ее участников, поскольку несут в себе некоторое оправдание их антиобщественного существования. Вне таких групп алкоголики, естественно, ощущают дискомфорт, раздражаются по пустякам, не знают, куда себя деть, чем заняться.

Прием алкоголя помогает устанавливать и поддерживать социальные контакты в таких группах, снимает неуверенность и страх, подавляет скованность и позволяет проявить агрессию, получающую поддержку в групповом общении. Однако в конечном счете алкоголь порождает еще более сложные социально-психологические проблемы, приводя ко все большей социальной изоляции. Замкнутые и аутичные люди, страдающие алкоголизмом, не стремятся к групповому общению, употребляют спиртное в одиночку.

Хотя среди преступников-алкоголиков немало рецидивистов, преступления, совершаемые ими, в основном не представляют значительной общественной опасности. Это кражи небольших сумм денег или вещей на незначительную сумму, хулиганство, значительно реже - грабежи и разбои, но, как правило, примитивными, наиболее простыми способами.

Это тоже является следствием оскудения, особенно интеллектуального и волевого, личности алкоголика, ее примитивизации, неспособности совершить сложные (в данном случае преступные) действия, требующие умственных усилий, сообразительности, ловкости, опоры на прошлый опыт и умения предвидеть последствия своих поступков, а в ряде случаев и организаторских способностей.

Какую роль в жизни человека играет опьянение (любое - алкогольное, наркотическое, иное), для чего оно нужно, в чем его личностный смысл? Конечно, не мы первые ставим этот вопрос и пытаемся ответить на него. Есть основания полагать, что опьянение необходимо личности для ухода от социальной среды или (и) социального в самом себе, травмирующего, чуждого, непонятного окружения или (и) собственных культурных запретов и заграждений, сформированных воспитанием и препятствующих реализации актуальной потребности, а тем самым достижению видимости своего освобождения. Если это так, то становится понятным, почему во всех без исключения случаях изнасилования, например, малолетних девочек преступники были в состоянии сильного алкогольного опьянения. Постоянное пьянство становится привычным, формой приспособления человека к миру.

Но почему же появляется сама нужда в уходе? По-видимому, ответ надо искать не только в истории жизни человека, но и в происхождении и истории человечества, в каких-то прирожденных человеческих особенностях, о которых мы еще не имеем достаточной информации. Однако уже сейчас можно сказать, что начатое в детстве и закрепленное впоследствии отчуждение личности определяет потребность ухода от нежелательного мира (в том числе и от себя) путем опьянения. Отсюда ясно, что лишь изменение условий жизни людей, начиная с детства, способно быть эффективным путем борьбы с алкоголизмом, наркоманией и другими социальными патологиями.

Длительная дезадаптация формирует искаженное восприятие среды, чему способствуют также расстройства психической деятельности. Если на человека достаточно долго действуют негативные социальные факторы и он не может их устранить, то срабатывает защитный психологический механизм "отстранения", который легко может перерасти в отчуждение. Тогда

нежелательные социальные факторы воспринимаются как имманентно чуждые, посторонние или эмоционально незначительные. Утрачивается эмоциональная связь с лицами, ситуациями и переживаниями, которые как бы отодвигаются, становятся чужими и бессмысленными для индивида, хотя он и осознает их физическую реальность. Отчуждение как средство сделать эмоционально незначимыми травмирующие отношения может быть направлено как на среду, так и на “я”.

Нашими исследованиями установлено, что среди дезадаптивных преступников в отличие от других правонарушителей более значительно распространены другие психические аномалии, например среди них больше олигофренов, лиц с остаточными явлениями черепно-мозговых травм и хроническими заболеваниями центральной нервной системы, в несколько раз больше тех, у кого обнаружены сосудистые заболевания с психическими изменениями. Названные аномалии психики играют достаточно мощную дезадаптирующую роль, поскольку препятствуют или существенно осложняют участие во многих видах трудовой деятельности, получение более высокого образования и повышение производственной квалификации, установление нормальных связей и отношений с окружающими, в частности создание семьи, а в целом успешную социализацию личности.

Длительное преступное поведение, связанное с постоянным ведением антиобщественного образа жизни, и пребывание в среде преступников способствуют возникновению и развитию психической патологии, которая в свою очередь ведет к дезадаптации. Выборочное изучение образа жизни преступников позволило установить, что с увеличением количества судимостей растет и доля лиц с расстройствами психики, т. е. увеличивается количество факторов, усугубляющих их социальную изоляцию. Лица с такими расстройствами чаще, чем здоровые, вновь через короткий промежуток времени после отбытия наказания совершают преступления, что также надо рассматривать в аспекте отчуждения личности, во многом не приспособленной жить в обычных условиях.

Но вернемся к наиболее дезадаптивной части правонарушителей - бродягам. Их число сейчас велико, и мы полагаем, что оно будет увеличиваться. Такое предположение основано на растущей тревожности и напряженности между людьми, серьезной дезорганизации семьи, сужении ее компенсирующих возможностей. Существенную роль сыграет и переход народного хозяйства к рынку. В этих условиях к квалификации и дисциплине работников будут предъявляться значительно более жесткие и строгие требования, которым большая часть дезадаптивных личностей вряд ли сможет соответствовать. Поэтому доля незанятых рабочих рук, очевидно, возрастет, причем они преимущественно будут вести антиобщественный образ жизни. Это неизбежно повлечет за собой рост корыстных преступлений и нарушений общественного порядка.

Сейчас бродяжничество принято объяснять в основном тремя причинами: нежеланием работать, пьянством и распадом семьи. Однако при таком объяснении остаются непонятными причины всех этих трех факторов, поскольку, например, нежелание работать не возникает само по себе и должно иметь какую-то питательную почву. Пьянство может, конечно, способствовать разрушению семьи и уклонению от трудовой деятельности, но и оно имеет свои причины.

Бродяжничество вряд ли вызывается распадом семьи. Последнее может приводить (и в подавляющем большинстве случаев приводит) к иным, непротивоправным формам поведения. Следовательно, бездомное существование как реакция на жизненные трудности предопределяется главным образом субъективными особенностями тех, чья семья распалась. Поэтому еще раз следует отметить, что ни одна жизненная ситуация не приводит с неизбежностью к совершению преступлений.

Не могут рассматриваться в качестве причины бродяжничества и плохие жилищные условия. Специальное изучение показало, что у бродяг они были в целом не хуже, чем у других граждан. Интересно, что те бродяги, которые раньше имели хорошее жилье, семью и работу, оказались неспособными объяснить причину перемены образа жизни.

Не следует считать причиной бродячего образа жизни то, что им не оказывалась необходимая помощь со стороны государственных и общественных организаций. Как показало изучение, почти каждому из них содействовали в решении трудовых и бытовых вопросов. Помощь они обычно с благодарностью принимают и нередко искренне заверяют, что изменят свой образ жизни. Однако субъективные, слабо или вовсе не контролируемые сознанием стимулы к бездомному существованию оказываются сильнее данных обещаний, и субъект вновь становится на путь бродяжничества. А некоторые из них, убедившись в невозможности изменения

собственного поведения, даже не предпринимают сколько-нибудь серьезных усилий к его перестройке.

Кроме лиц, систематически занимающихся бродяжничеством, наибольшее число дезадаптивных личностей встречается среди тех, кто совершает кражи, особенно неоднократно. Наблюдения показывают, что такие лица, даже имея определенное место жительства и работу, ведут по существу дезадаптивный образ жизни. Их связи с семьей и трудовыми коллективами весьма поверхностны и неустойчивы, в ряде случаев связей попросту нет, они систематически пьянствуют, кражи являются для них основным источником поддержания такого существования и получения средств на употребление спиртного. Такие лица, как правило, совершают мелкие кражи, реже занимаются спекуляцией. При этом они нередко крадут и друг у друга, а также у родственников, соседей, знакомых, что еще раз убедительно свидетельствует об их дезадаптации в микросреде. Все похищенное почти сразу же пропивается. Дезадаптация и отчуждение подобных лиц стремительно прогрессируют при распаде семьи, уходе от родителей, переезде на жительство в другой регион, перемене длительного рода занятий (например, увольнение из армии), а также при освобождении из мест лишения свободы. Иными словами, их “скатывание” имеет место тогда, когда значительно ослабевает или вообще перестает действовать привычный, но достаточно жесткий социальный контроль. Здесь наблюдается внешне противоречивая картина: многие из них стремятся избавиться от такого контроля, но, обретя “свободу”, в силу своей общей неприспособленности к жизни, весьма слабых субъективных адаптационных возможностей быстро деградируют. Некоторые из них осознают это, но не находят в себе сил изменить ставший обычным образ жизни.

Для иллюстрации приведем рассказ Б., 42 лет, имеющего среднее специальное образование, судимого четыре раза за кражи личного имущества граждан. “Родился на Украине. Отец погиб на фронте, мать умерла, когда мне было шесть лет. Жил вначале у бабушки, но она со мной не справлялась, и меня отдали в детский дом. Оттуда я часто убегал и просто так, и к бабушке. Там закончил 10 классов, там же стал употреблять водку. Закончил военное училище, стал офицером. В 1968 г. женился, в 1970 г. родился сын. Служил в Иркутске, но в армии мне не нравилось, так как не было свободного времени, и я уволился в запас. Жили мы у тещи, работал инженером по снабжению, а затем заместителем директора птицефабрики. Имея свободный доступ к материальным средствам, стал злоупотреблять этим, скопил капитал, но часто пил. Уволился оттуда сам, так как почувствовал, что рано или поздно все вскроется и меня могут посадить за хищения. Уехал с семьей в Харьков. Там получил квартиру и вначале жил хорошо. Устроился работать в фотографию, ездил по селам и брал заказы. Затем стал странствовать и очень много пить.

Как-то приехал в Улан-Удэ, познакомился с женщиной, поселился у нее. Запил сильно, дошел “до ручки”, познакомился с подобными себе и в основном общался с ними, нигде не работал. Во время одного запоя пошел в фотоателье погреться. Там лежала куртка клиента. Я надел ее и вышел, но был задержан и осужден. После освобождения вернулся к сожительнице (с семьей отношений давно не поддерживал), но на работу не устраивался и вообще уже никогда больше не работал. Она иногда меня корила. Пил каждый день, в том числе одеколон, настойки, политуру и другие заменители. Изюм в день воровал на рынке мясо и другие продукты. Как-то, пьяный, зашел к знакомому и, пока тот ходил в магазин за водкой, украл у него куртку и транзистор, понес продавать их на рынок. Однажды с сожительницей встречали Новый год у ее матери. Там я похитил мельхиоровую посуду на 12 персон, все спиртное и унес домой. Были и другие случаи краж в состоянии сильного опьянения, подробностей обычно не мог вспомнить. Спал в подъездах и других местах, у малознакомых женщин, заразился сифилисом.

Стал я спиваться еще в армии, но она все-таки удерживала. Если бы остался с женой, ничего бы не случилось, но я не стал с ней жить, не стремился вернуться к ней. Почему - не знаю”.

Б. - дезадаптивный алкоголик. Его отчуждение началось с детства (смерть родителей, отказ бабушки от воспитания) и закрепилось в детском доме. Социальный контроль для него неприемлем, он вступает в противоречие с его основными мотивационными тенденциями “выхода” из среды. Отсюда увольнение из армии и уход от семьи с целью ведения дезадаптивного существования, одним из основных элементов которого является избегание контроля при всем том, что его отсутствие часто ощущается как условие, способствующее деградации. Это ощущение снимает состояние опьянения, снижающее уровень тревожности по поводу своего положения. Совершение краж надо рассматривать только в аспекте такого образа жизни, который

характеризуется постоянным пьянством, отсутствием семьи и места работы, устойчивого круга общения. Кражи - способ обеспечения такого существования.

У нашего персонажа можно отметить некоторые проявления самоконтроля: во время отбывания наказания за последнее преступление он бросил курить, занимался спортом, не нарушал режим, т. е. в условиях жесткого контроля может демонстрировать правопослушное поведение и стремление к ведению социально одобряемого образа жизни. Однако такие тенденции вступают в противоречие с ведущими мотивами поведения Б., содержанием которых является стремление избавиться от социального контроля. Поэтому вероятность рецидива преступного поведения здесь достаточно высока. Стало быть, его поведение амбивалентно, двойственно, поскольку он стремится и к контролю, и к уходу от него.

Б. - представитель наиболее деградированной категории корыстных преступников, которые наряду с бродягами составляют по существу деклассированную группу людей. Однако среди дезадаптивных преступников, постоянно совершающих кражи, нередко встречаются и такие, которые отличаются совершенно иными типологическими особенностями и другим образом жизни. Во-первых, эти лица отнюдь не склонны к алкоголизму и употребляют спиртные напитки относительно редко. Поэтому их отношения с ближайшим окружением на первый взгляд более широки и устойчивы, они активнее участвуют в общественно полезном труде или, в худшем случае, создают видимость такого участия, что может говорить об их более высоких адаптивных способностях. Вместе с тем углубленное изучение их личности и образа жизни свидетельствует о том, что их социальные связи и отношения все-таки недостаточно стабильны и широки: большая часть из них не имеют семьи, не трудятся длительное время в одном и том же коллективе, не имеют стойких привязанностей, не дорожат мнением и оценкой тех, кто не совершает преступлений. Для них характерны частые изменения места жительства.

Во-вторых, преступное поведение таких лиц отличается большей общественной опасностью, так как они обычно совершают крупные кражи, часто в группах, в которых нередко выступают организаторами. Отметим среди них квартирных и карманных воров, а также тех, кто совершает кражи из магазинов, складов и других охраняемых помещений. Их выявление и разоблачение представляет, как правило, большую сложность. Мировоззрение подобных индивидов отличается сформированностью и достаточной четкостью, у них есть то, что можно назвать убеждениями. Они стремятся к доминированию в группах, способны убеждать других и направлять их поведение, их высказывания спокойны и отличаются силой. Интеллектуальное развитие таких преступников выше, чем, например, бродяг или алкоголиков.

В целом криминологически значимым представляется то, что их дезадаптация в жизненно важных и социально одобряемых сферах сопровождается адаптацией на криминальном уровне.

Разумеется, рассмотренные категории дезадаптивных преступников вовсе не исчерпывают всего типологического многообразия лиц, совершающих кражи и иные корыстные преступления. Изучение показывает, что среди корыстных преступников можно встретить достаточно много лиц, не отличающихся дезадаптацией.

Следует, по-видимому, остановиться на одной психологической особенности лиц, совершающих квартирные кражи, а именно на той, которая связана, как представляется, с совершением именно таких преступлений.

Известно, что жилище человека представляет собой значительную социальную ценность. Его неприкосновенность провозглашена законом. Целая отрасль права регламентирует отношения граждан по поводу жилища, охраняет их права в этой области. Охраняет жилище и уголовный закон.

Дом, квартира не являются лишь местом, где находится личное имущество: Здесь люди проводят большую часть своего досуга, находят покой и защиту, поддержку близких, восстанавливают физические и психологические силы, здесь развиваются эмоциональные и духовные контакты, интимные отношения и чувства, здесь человек получает свой первый социальный опыт и знания. Некоторые предметы домашнего обихода не столько имеют материальную стоимость, сколько могут быть связаны с дорогими воспоминаниями; многие личные вещи попросту необходимы для жизни, выполняя свое функциональное, эстетическое и иное назначение. Поэтому семья и ее члены дорожат неприкосновенностью своего жилища, часто выраженного понятием домашнего очага как чего-то священного для них. Следовательно, оно имеет огромную духовную ценность. Однако такое отношение к нему не возникает само по себе, а формируется теми благоприятными психологическими контактами, в которые включается

индивид с первых дней своей жизни, субъективно полезным интимным общением в семье с близкими ему людьми.

Есть основания предположить, что психологическое отвержение ребенка и подростка родителями приводит к образованию таких личностных особенностей дезадаптивных преступников, которые не создают внутренних барьеров, препятствующих проникновению в чужие квартиры и совершению краж из них. Конечно, это еще не мотивы квартирных краж, но та психологическая почва, благодаря которой они могут реализоваться.

Дезадаптивные личности составляют большинство корыстных и насильственных преступников, много их и среди расхитителей государственного и общественного имущества. Дезадаптивный тип расхитителей представляют лица, находящиеся за рамками нормальных связей и отношений. Это, как правило, мелкие и средние расхитители, многие из которых ранее привлекались к уголовной ответственности. Среди них немало пьяниц и алкоголиков. Основная их черта - выключенность из социально полезного общения, слабые контакты со средой, они как бы плывут по течению и относятся к числу "асоциальных" преступников. К угрозе наказания чаще всего безразличны. Их образ жизни подчас не отличается от образа жизни воров.

Одним из мотивов совершения ими хищений является сохранение или приобретение необходимых для них отношений с другими людьми, преодоление своего отчуждения, одиночества, дезадаптации. Корысть не всегда основной мотив, часто она бывает дополнительной, параллельной. Она может возникнуть не сразу, и на первых порах похищенное имущество просто раздается, разбазаривается бескорыстно для завязывания и закрепления контактов с нужными людьми, приобретения спиртных напитков для их угощения. Корыстные стимулы начинают развиваться и крепнуть. Для таких преступников характерны поиск дружеских связей, приспособление, пассивное повиновение и потребность поддержки.

Некоторым расхитителям дезадаптивного типа свойственны отгороженность, замкнутость, неустойчивость ситуациями, непосредственно влияющими на них. Они легко поддаются под влияние, подчиняемы, их активность снижена.

Значительный интерес представляют собой мотивы соучастия в хищениях у подобного типа людей. Очень часто мотивы определяются не материальной нуждой, а потребностью закрепиться в данной группе, совершающей хищения, нежеланием выпасть из группового общения, боязнью социально-психологической изоляции и изменения желаемого образа жизни. Конечно, со временем, поняв, что участие в хищениях дает весьма ощутимые материальные преимущества, корыстные мотивы способны вытеснить, подавить остальные. Но чаще те и другие стимулы соседствуют, дополняя друг друга.

Как мы видим, образ жизни всех категорий преступников в той или иной степени всегда связан с их отчуждением. Преступное поведение органически вписывается в соответствующий образ жизни, и его причины могут быть поняты именно в такой взаимосвязи.

Глава III. Тревожность — основа преступного поведения

1. Значимость тревожности

Тревожность, тревога, страх - психические явления. Однако эти явления, оказывающие существенное влияние на поведение человека и отношения между людьми, еще не привлекли должного внимания наших исследователей. Криминологи, насколько нам известно, вообще не изучали их. Между тем криминологический анализ и адекватная оценка тревожности, ее источников, конкретных проявлений в преступном поведении позволят существенно расширить наши представления о причинах и природе такого поведения, увидеть новые возможности и средства его профилактики.

Особую роль тревожности и тревоги отмечали выдающиеся психиатры и патопсихологи прошлого. Так, Э. Крепелин писал, что самая распространенная форма неприятных, болезненных ощущений - это тревога, которую можно рассматривать как соединение чувства недовольства с внутренним напряжением. Ни одно чувство не отражается так на духовном и физическом состоянии, как это. Внутреннее напряжение обнаруживается в положении тела, выразительных движениях, судорожных напряжениях мышц, оно разряжается в воплях и криках, в буйных попытках защиты и бегства, в покушениях на окружающих или на собственную жизнь. К этому присоединяются все нервные явления, сопутствующие тревоге: головокружение, тошнота, чувство расслабленности и т. д. Вначале чувство тревоги может быть беспредметным: даже ощущая его, человек может совершенно ясно осознавать, что ему нечего бояться. Для высших степеней тревоги характерно затемненное сознание, при очень сильном возбуждении появляются неясные и спутанные представления.

Применительно к больным Крепелин выделил особую группу лиц, отличающихся боязнью произвольного совершения преступных действий. Для многих из них типично навязчивое состояние, что они могут схватить подвернувшийся нож и убить кого-нибудь, изнасиловать встретившуюся на улице женщину, совершить непристойность с ребенком, напасть на человека и т. д. Очень существенной представляется его мысль о том, что важную почву для возникновения навязчивых состояний образует внутреннее чувство неуверенности и беспокойства.

В психологии тревожность понимается как повышенная индивидуальная склонность испытывать беспокойство в самых различных жизненных ситуациях, в том числе и таких, которые объективно не содержат никаких для этого причин. Она обычно повышена при нервно-психических и тяжелых соматических заболеваниях, а также у здоровых людей, переживающих последствия какой-нибудь психотравмы. Очень важно отметить, что **тревожность** - это выражение субъективного неблагополучия личности, и необходимо различать ситуативную тревожность, связанную с конкретной внешней ситуацией, и личностную, являющуюся стабильным свойством личности. **Тревога** - эмоциональное состояние, возникающее в ситуациях неопределенной опасности и проявляющееся в ожидании неблагоприятного развития событий.

В отличие от страха как реакции на конкретную угрозу тревожность представляет собой беспредметный страх, так сказать, страх вообще. Она часто бывает обусловлена неосознаваемостью источника опасности. Тревожность не только предупреждает субъекта о возможной опасности, но и побуждает к поиску и конкретизации этой опасности, к активному исследованию окружающей действительности в поисках угрожающего предмета. Она может проявляться как ощущение беспомощности, неуверенности в себе, бессилия перед внешними факторами, преувеличение их могущества и угрожающего характера. Такое ощущение может приводить к дезорганизации поведения, изменению его направленности. Тревожность может возникать из-за завышенных притязаний, которые не могут быть удовлетворены. Очень часто это приводит к совершению преступлений корыстного характера, но если тревожность является личностной чертой, ее удовлетворение с помощью, например, хищений не может привести к ее снятию вообще.

Отсюда вывод, что тревожность способна активно стимулировать преступное поведение, но это происходит тогда, когда человек начинает ощущать необходимость защиты от людей или явлений, субъективно воспринимаемых как угрожающие или деструктивные. Искаженное

восприятие реальности особенно характерно для лиц с психическими аномалиями именно в силу этих аномалий.

Е.В. Черносвитов и А.С. Курашов считают, что феномен тревоги является уникальным и, пожалуй, психически самостоятельным состоянием человека, формой его духовности. Тревога связана с основами сознания, проявлениями внутренней жизни. Уяснение субъектом предмета своего переживания, утрата этого предмета или его смена - все знаменуется феноменом тревоги. Ни в рамках нормальных, т. е. повседневно-обыденных, субъективных состояний, ни в патологических тревогах как таковая не имеет психологически понятной связи ни с одним из Предметов переживания. Тревога - это состояние самосознания, которое охватывает любое переживание человека. Но источники ее всегда в предметном мире. Тревога словно указывает на какое-то внутреннее противоречие между сознанием и самосознанием в предметном переживании человека как непреходящий атрибут субъективной реальности. Предметная неопределенность тревоги субъективно выражается в ее мучительности, непереносимости.

Однако если предмет тревоги найден, то возникает другой феномен тревожного ряда - страх, чей генезис весьма примечательное явление. Как бы ни была мучительна тревога, как бы ни опустошала она субъекта, справедливо отмечают Е.В. Черносвитов и А.С. Курашов, страх стремится не к противоположному психологическому состоянию - покою, а к поиску источника тревоги. Неудержимое влечение к этому источнику - логика аффекта, еще не имеющего предмета. Этот предмет всегда является сознанию в качестве "не-я", т. е. непременно чужд личности и находится по отношению к ней в некоей оппозиции.

Упомянутые авторы выделяют следующие основные формы страха:

- отвага-отчаяние;
- панический страх;
- неистовое возбуждение, внезапно возникающее подобно взрыву, прерывающееся заторможенностью, или ступором;
- нарастающее чувство напряженности, тревоги, таящейся угрозы перед ситуацией: в некоторых случаях возможно при этом и повышение настроения;
- деперсонализация (утрата или нарушение восприятия самого себя), когда в состоянии страха возникает психологически защитное переживание - "это происходит не со мной!" или "это мне снится!".

В этих формах происходит разрушение реальности, воспринимаемой субъектом. Субъект теряет очертания своего "я", которое как предмет и как собственный смысл исчезает. Самосознанию в этом случае определяется категориями "небытие" и "ничто", человек как бы заглядывает в бездну. В этих видах нарушения самосознания происходит расстройство его основных функций - самопознания и саморегуляции, нарушение ориентировки в предметно-смысловом мире.

Эти положения имеют непосредственное отношение к криминологическим усилиям понять природу преступного поведения, его субъективные движущие силы. Например, в состоянии отчаяния совершаются многие насильственные и ненасильственные преступления, в состоянии панического страха бегут с поля боя, отказываются выполнять боевой приказ, совершают некоторые неосторожные преступления и т. д. Неистовое возбуждение при суженном сознании и ограниченном волевым самоконтроле поведения часто сопровождает убийства, особенно когда жертвами становятся посторонние (для данного конфликта) люди. Страх перед небытием, перед "ничто" выступает мощным стимулом преступных действий. Последние нередко выступают в качестве следствия постоянных конфликтов, в ходе развития которых нарастают возбуждение, тревога, опасение за себя, ухудшается ориентировка в окружающем мире, а привычные, казалось бы, ценности отступают на второй план.

Страх и тревога неисчислимо множество раз проанализированы и оценены в мировой художественной литературе. А. Камю называл тревогу легким отвращением перед будущим. Значительное внимание тревожности уделил другой выдающийся французский писатель и философ - экзистенциалист - Ж.-П. Сартр. Герой одного из его романов, Рокантен, все время испытывает неясную и неопределенную угрозу своему существованию и поэтому постоянно ищет возможность "спастись". Он готов стать звуком музыки, простой обыденной вещью, ему нужны какие-то действия, совсем несложные, обычные физические движения, которые он называет приключениями, лишь бы сохраниться Рокантен, подобно герою романа А. Камю "Посторонний", глубоко одинок и отчужден, связи его с окружающим миром эфемерны, но он знает, что таких, как он, много.

Ж.-П. Сартр отмечает одну существенную черту личности своего отчужденного героя: он весьма агрессивен, и в первую очередь в отношении тех, кто как-то покушается или, по его мнению, может покушаться на его свободу. Эта агрессия связана со страхом перед чем-то беспредметным и неопределенным. Рокантен пишет в дневнике: “Не надо поддаваться страху”. И далее: “Случиться может все, что угодно, все, что угодно, может произойти”. Не случайно он склонен к тотальной панике и приписывает страх другим людям, бытие которых представляется ему столь же зыбким, как и его собственное!

Исключительно тонкое наблюдение тревожности принадлежит Ф. Мориак. Он пишет: “...безумное желание заснуть навеки, стремление - не жить... Эта болезнь, подобно всем прочим болезням, у нас в крови, она порождена тоской, отпущенной нам в смертельных дозах, она составляет самую сердцевину нашего существа, она появляется на свет вместе с нами и звучит уже в первом нашем младенческом крике. Здесь читаемый между строк страх перед небытием и в то же время страстное стремление заглянуть в него предстают как то, что составляет единое целое и властно притягивает человека, всегда внутренне присуще ему и составляет неотъемлемую, необходимую часть его существования. Страх смерти сливается, во всяком случае во многом, с желанием смерти, тяготением к ней. К сожалению, в отечественной науке еще нет внятного научного объяснения этого феномена.

Глубокий бытийный психологический анализ тревожности и связанных с ней травматичных переживаний можно найти в романе В. В. Набокова “Защита Лужина”. Его главный герой, проживший несчастливое детство и отрочество, отчужденный, одинокий человек и замечательный шахматист, ищет наилучший вариант не шахматной защиты, а защиты своего бытия, поскольку постоянно ощущает ему угрозу. Шахматная игра незаметно, но неуклонно переходит в сложнейшую и грозную жизненную борьбу. Набоков так передает переживания и внутренние состояния героя: “Ночью, особенно если лежать неподвижно, с закрытыми глазами, ничего произойти не могло. Тщательно и по возможности хладнокровно Лужин проверял уже сделанные против него ходы, но, как только он начинал гадать, какие формы примет дальнейшее повторение схемы его прошлого, ему становилось смутно и страшно, будто надвигалась на него с беспощадной точностью неизбежная и немислимая беда. В эту ночь он особенно остро почувствовал свое бессилие перед этой медленной изощренной атакой и ему захотелось не спать вовсе, продлить как можно больше эту ночь, эту тихую темноту, остановить время на полночи... Во сне покоя не было, а простирались все те же шестьдесят четыре квадрата, великая доска, посреди которой, дрожащий и совершенно голый, стоял Лужин, ростом с пешку, и вглядывался в неясное расположение огромных фигур, горбастых, головастых, венценосных”. Самоубийство Лужина означает победу страха, его полное поражение перед жизнью, в которой он так и не смог адаптироваться, и поэтому неизбежен уход из нее.

Пусть читателя не смущает, что, говоря о вполне жизненных, реалистических вещах, мы приводим примеры из художественной литературы. У настоящего художника вымышленные истории и вымышленные образы обретают силу подлинной реальности. Чем глубже его знание жизни и людей, их психологии, чем полнокровнее художественность, чем выше, следовательно, мастерство, тем достовернее созданная им вторичная реальность. Именно поэтому такая литература является мощным средством познания.

Впрочем, в психологии и психиатрии давно и активно используются достижения художественного творчества. В криминологии, в объяснениях преступного поведения, это, как ни странно, делается значительно реже. Между тем не вызывает сомнений, что для понимания преступления и его движущих пружин совершенно необходимо обращение к произведениям, например Ф.М. Достоевского, и особенно к роману “Преступление и наказание”. Отметим, кстати, что преступные действия его героя Раскольникова в основном мотивированы именно тревожностью, постоянным стремлением доказать себе и другим, что он есть, что он может. Он внутренне принимает и каторгу потому, что не в состоянии прожить без людей, поскольку именно они ежечасно подтверждают ему его существование.

В качестве объяснительной схемы причин преступного поведения может быть предложена идея о том, что отвергание родителями ребенка и его последующее отчуждение приводят к формированию необратимых психологических особенностей: общей неуверенности индивида в себе и в своем месте в жизни, в своем бытии, боязни утраты себя, своего “я”, небытия, несуществования, ощущения неопределенности своих социальных статусов, тревожных ожиданий негативного, даже разрушительного воздействия среды. Эти психологические

особенности, заложенные отношением родителей на ранних этапах жизни, затем закрепляются в школе, трудовом коллективе, среди товарищей, всеми условиями жизни индивида.

Все названные особенности составляют то, что можно обозначить понятием “тревожность”. Но среди них особенно значим страх смерти. По мнению Е.Г. Самовичева, именно отвергание родителями ребенка создает у него специфическое психологическое образование - полностью неосознаваемый страх смерти. Это не клинический симптом, его очень редко можно наблюдать в форме прямого, открытого высказывания преступника. Страх смерти связан с наиболее глубокими онтологическими основаниями бытия личности - чувства, права и уверенности в существовании, в своей самоидентичности, автономии “я” от “не-я”. Эти фундаментальные основы индивидуального бытия в норме никогда не рефлексированы сознанием, и должны сложиться определенные условия, чтобы человек начал осознавать эти основы.

Психическое отражение индивидом факта собственного существования образуется на стадии отделения “я” от “не-я”. В основе этого отделения лежит чувство безопасности, формирующееся как способ индивидуального бытия в условиях полного прития ребенка другими людьми, прежде всего родителями. Совершенно иная жизненная ситуация складывается в случае неприятия ребенка другими. Можно полагать, что отвергание как крайняя форма неприятия ведет к отсутствию чувства безопасности, к несформированности или дефектности психического отражения существования и как результат к личностной диспозиции, выраженной в понятии страха смерти.

Страх может приводить к распаду целостного ощущения “я”. Поэтому внешние факторы, порождающие такой распад, отвергаются ребенком, который оказывается неспособным их принять, включить в свое “я”, поскольку он сам недостаточно включен в структуру той социальной среды, которая это “я” создает, и прежде всего семьи.

Отвергание ребенка родителями в детстве порождает реакцию тревоги, что связано со стремлением психики приспособиться к таким условиям, которые никак не соответствуют потребностям данного периода развития. В этот период человек, как и другие виды живых существ, максимально нуждается в поддержке и защите, без чего не может быть обеспечено его нормальное развитие и функционирование. Со временем, если отношение родителей к нему не изменится, ребенок приспосабливается к данным обстоятельствам, но это не снимает тревоги и страха, которые в связи с отверганием не принимают социализированной, т. е. общественно приемлемой, формы. Совершение насильственных действий свидетельствует о крайнем истощении субъективных адаптационных возможностей, когда иные средства в индивидуальном арсенале отсутствуют.

Поэтому мы считаем, что в развитии психологически отчужденных индивидов можно различать три фазы:

- возникновение реакции тревоги;
- накопление негативных бессознательных переживаний, которые могут носить и скрытый характер;
- состояние истощения, проявляющееся в насильственных действиях в ответ на воздействие среды, субъективно воспринимаемое в качестве враждебного.

Отвергание родителями ребенка не всегда приводит к появлению бессознательного страха смерти. Зависит это, по-видимому, от конкретных форм негативного отношения родителей и в не меньшей степени от прирожденных качеств индивида, состояния его здоровья, прежде всего психического. Но во всех случаях тревожная личность совершенно иначе видит мир, иначе воспринимает внешние воздействия и реагирует на них. Мы полагаем, что тревожность может быть разного уровня. Если она достигает уровня страха смерти, то человек начинает защищать свой биологический статус, свое биологическое существование - отсюда совершение насильственных преступлений можно объяснить как способ защиты от мира, субъективно воспринимаемого как опасный. Тревожность может сформироваться и на уровне беспокойства и неуверенности как свойств, внутренне присущих данной личности. В этих случаях она может защищать свой социальный статус, социальное существование, свою социальную определенность путем совершения корыстных и корыстно-насильственных преступлений.

Вот почему есть основания считать, что наличие тревожности, бессознательное ощущение призрачности и хрупкости своего бытия, опасение небытия качественно отличают преступника от непроступника и выступают основными причинами преступного поведения. Иными словами, человек совершает преступление, чтобы не разрушались его представления о самом себе, своем месте в мире, его самооощение, самооценность, не исчезло его биологическое и социальное

бытие. Следовательно, причины преступного поведения следует изучать на бытийном уровне, что представляет собой качественно иной подход к их объяснению.

У тревожных личностей угроза бытию, биологическому или социальному, способна преодолеть любые нравственные преграды. Именно поэтому такая личность попросту не принимает их во внимание, не реализует их в своем поведении. Социальные нормы, регулирующие отношения между людьми, в силу указанных особенностей и отсутствия целенаправленного воспитания не воспринимаются ими. Конечно, с помощью целенаправленного, индивидуализированного воздействия с одновременным, если это нужно, изменением условий жизни возможна компенсация указанных черт. Если такое воздействие имеет место, оно снимает страх смерти и общую неуверенность в себе и своем месте в жизни. Однако чаще всего этого не происходит, и поэтому преступное поведение отчужденных личностей становится реальностью.

Страх смерти, неуверенность в своем месте в жизни и другие черты, связанные с тревожностью, закрепляясь в личности, обрастают другими положительными или отрицательными наслоениями, поэтому изначальные контуры этого психического и психологического явления как бы исчезают, затушевываются более поздними образованиями, в первую очередь культурными. Упомянутые черты бывает трудно, а иногда и невозможно обнаружить даже с помощью тестов. Нужен скрупулезный анализ его жизненного пути в сопоставлении с результатами применения тестовых методик, оценок реакций на конкретные жизненные обстоятельства. Но главное - интерпретация всех сведений с определенных исследовательских, теоретических позиций.

Сказанное позволяет считать, что защита своего бытия является глубинным личностным смыслом преступного поведения. При этом не имеет значения, действительно ли имело место посягательство (в любой форме и любой силы) на это бытие, важно, чтобы какие-то факторы субъективно воспринимались как угрожающие. Необходимо отметить и то, что субъект может совершать насильственные преступления не только с целью защиты своего биологического существования, но также и с целью завладения материальными ценностями, а это дает возможность упрочить свое социальное положение, снять неуверенность и т. д.

Повышенная тревожность личности, выступая в качестве субъективной причины преступления (и соответственно отражаясь в мотивации), не может, на наш взгляд, рассматриваться как причина всей преступности. Мы хотим сказать, что преступность в целом не порождается простой арифметической суммой индивидуальных тревожностей, а имеет социальное происхождение. Следовательно, криминогенное значение имеют те условия жизни людей, которые порождают у них повышенную тревожность.

Вот почему криминологическая оценка указанного личностного качества позволяет "выйти" на широкие социальные явления и процессы. Последние, конечно же, имеют прямое отношение к человеческому поведению вообще. Наша задача - показать, что тревожность у преступников выражена сильнее, чем у законопослушных граждан, в первую очередь потому, что они, как мы попытались доказать выше, более дезадаптивны. При этом их отчуждение обычно начинается с детских лет. Вот почему и вероятность совершения ими преступных действий как средства компенсации, преодоления тревожности, защиты своего биологического и социального статуса выше.

Проведенное (совместно с В. П. Голубевым и Ю.Н. Кудряковым) психологическое обследование преступников с помощью ММ ИЛ показало, что их психологический профиль по сравнению с законопослушными гражданами существенно отличается следующими сочетающимися друг с другом особенностями: импульсивностью, склонностью поступать по первому побуждению, под влиянием эмоций и т. д., ригидностью, застреманностью аффекта, приверженностью определенному способу действия, подозрительностью, злопамятностью, повышенной чувствительностью в межличностных отношениях, изолированностью, тенденцией к соблюдению психической дистанции между собой и окружающим миром, уходом в себя, отчужденностью в целом. Эти данные можно интерпретировать как наличие у большинства обследованных преступников заостренных личностных черт, в значительной мере определяющих их поведение. Они свидетельствуют также о сниженной социальной адаптации и серьезных нарушениях межличностных контактов.

Что означает снижение социальной адаптации и к чему приводят существенные нарушения в сфере межличностного общения, отсутствие привязанностей, уклонение от членства в малых группах? На наш взгляд, снижение социальной адаптации - это более или менее глубокое и длительное разрушение отношений с окружающим миром, который начинает выступать в

качестве враждебной, разрушительной и в то же время часто непонятной силы, несущей угрозу для данного человека, что, несомненно, приводит к подозрительности, злопамятности, повышенной чувствительности к внешним воздействиям, непониманию среды, поддерживающим тревожность, порождающим страхи.

Нарушение социальной адаптации может вызывать немотивированность в соблюдении социальных требований. В этом случае индивид понимает, что от него требует социальная среда, но не желает эти требования выполнять. Впрочем, от него и не следует ждать солидарности с этими требованиями, поскольку они исходят от враждебной и постоянно тревожащей его среды.

Согласно результатам тестирования с помощью названной методики, среди преступников гораздо сильнее, чем среди законопослушных людей, выражены внутренняя напряженность, неуверенность, тревога, снижение настроения, пониженная самооценка, пессимистическая оценка перспективы, т. е. явления тревоги и депрессии.

Необходимо отметить, что многие тревожные личности как среди преступников, так и среди законопослушных граждан производят впечатление исключительно замкнутых людей, уходящих от любых контактов. Однако это далеко не всегда так, поскольку утрата (подлинная или мнимая) нужных связей для них глубоко травматична и болезненна, она воспринимается ими как настоящая катастрофа. Поэтому жизненные ситуации такого рода способны вызывать у них серьезную тревогу, высокий уровень которой может поддерживаться в течение длительного времени и даже тогда, когда источник тревоги (если он был) исчез. Иногда угроза исчезновения жизненно важных контактов может вызвать у таких лиц агрессию.

Есть основания думать, что некоторые люди уходят в себя, замыкаются в своем субъективном мире еще и по той причине, что они боятся внешнего мира и поэтому живут со значительным внутренним напряжением. Это напряжение затрудняет разделение, дифференциацию значительных и незначительных раздражителей, адекватную оценку ситуации, что значительно усиливает тревожность в целом. Действительно, если по той или иной причине человек отгорожен от общества и от мира, то постепенно он перестает понимать их, а непонятное как раз и способно вызывать тревогу, беспокойство, неуверенность.

Остановимся на такой характерной черте насильственных преступников, и особенно убийц, как эмотивность, т. е. высокая чувствительность, уязвимость, ранимость в сфере межличностных отношений и глубокие реакции в области тонких эмоций. Наличие эмотивности установлено рядом наших исследований, в том числе с помощью ММ ИЛ, о чем мы писали выше, а также методики Шмишека (последнее - совместно с В. Г. Самовичевым). Но эта же черта свойственна поэтам и художникам - так могут ли они иметь отношение к убийцам и в чем ее специфика применительно к последним и их преступным действиям?

Наш опыт изучения названных лиц убеждает в том, что им действительно свойственны высокая чувствительность и ранимость, но выражаются эти качества не в сопереживании, а обращены на себя, на "охрану" своей личности. Поэтому у преступников они могут быть адекватно поняты только с этих позиций и при сопоставлении с другими личностными чертами в свете совершенных поступков. Оказалось, что эмотивность преступников развивается по своей сугубо субъективной логике, а не в соответствии с внешними обстоятельствами или с объективным содержанием возникающих ситуаций. Наибольшую связь эмотивность у убийц обнаруживает с упорством, которое обусловлено ригидностью, малоподвижностью, застреванием эмоций, аффективных переживаний. Их эмоциональная сфера длительное время сохраняет воспринятые ранее впечатления, хотя породившие их события уже прошли. Поэтому эмоциональные переживания начинают окрашивать и другие, не соответствующие им события, в результате чего происходит искажение восприятия действительности, которой приписываются несвойственные ей особенности и тенденции.

Мы полагаем, что связь сверхчувствительности с упорством и застреванием эмоций может служить основанием для предположения о том, что ранее, до нынешней актуальной ситуации, уже возникала серьезная угроза для данного человека. Следовательно, уже тогда сформировалась неясная, неопределенная и, конечно, полностью бессознательная тревога или страх по поводу ситуаций, носящих бытийно угрожающий характер. Именно такой их характер и может вызвать ответную разрушительную реакцию. Но повторяем, поскольку речь идет главным образом о ригидных и эффективных переживаниях, связанных с прошлым, есть основание полагать, что в этом прошлом и появилась глубоко лежащая ныне тревожность.

Скорее всего это могло иметь место в детстве. Тогда становится понятной типичная для убийц подозрительность, мнительность, злопамятность, защитная агрессивность.

Подозрительность убийц и других насильственных преступников - в постоянном ожидании нападения извне и готовности сопротивляться ему, хотя во многих случаях опасения не имеют достаточно реальной основы. Наличие агрессивности заставляет предположить, что подозрительность этих людей возникает по механизму проекции, т. е. приписывания внешнему окружению черт, присущих самой личности преступника, а именно собственной тенденции к агрессии, доминированию, подавлению других, активному воздействию на среду.

Поэтому мы полагаем, что убийцы и другие насильственные преступники - это лица с повышенной тревожностью, если понимать тревожность как ощущение угрозы своему бытию и постоянную готовность оборонять его, т. е. защитная агрессивность может быть расшифрована как защита по содержанию и агрессивность по форме, но главное, что это защита от того, что ставит под сомнение существование индивида, угрожает ему.

Исследование тревожности у преступников, осуществленное В. В. Кулиничем с помощью методики Спилбергера, показало различное ее содержание в разных группах. Оказалось, что у воров тревожность носит, так сказать, ровный, одинаковый характер. Это позволяет многим из них постоянно чувствовать опасность, быть готовым к ней, вовремя скрыться. Повышенная тревожность убийц носит характер вспышек, скачкообразна. Актуализируясь в определенных - как правило, психотравмирующих - ситуациях, она часто приводит к дезорганизации поведения, игнорированию внешних обстоятельств. Не случайно столь значительная часть убийств совершается в условиях очевидности.

Приведем следующий пример. О. еще подростком часто учинял хулиганские действия и избивал своих сверстников, если ему казалось, что они хоть как-то ему угрожают. Был постоянно готов к отпору и для этого всегда носил с собой нож. Уже после службы в армии ударил на работе кулаком мастера, который якобы оскорбил его. В другой раз он, подойдя к группе мужчин, ударил одного из них сзади ножом (но лишь порезал пиджак) - ему показалось, что они говорили о нем что-то плохое. Через год, увидев у входа в клуб группу подростков, подошел к ним и ударил юношу ножом в сердце, от чего тот на месте скончался. Объяснение этого поступка примерно то же: "Он меня обругал, а я ни от кого не потерплю такого". Важно отметить, что О., по его же словам, убил не того, кто его оскорбил, а другого, рядом с ним стоявшего. Это говорит о недифференцированности его агрессии, о том, что ему в большей степени важно реализовать свою готовность к нападению, чем подавить действительные внешние угрожающие факторы. Оскорбления, следовательно, выступают лишь как повод для выявления внутренней психологической и весьма опасной черты личности.

Действия О. убедительно говорят о том, что это крайне тревожная личность, постоянно живущая в ощущении беды. Исправить такого преступника, не сняв страх смерти, что само по себе очень трудно, практически невозможно. К тому же он одинок: никогда не был женат, друзей не имеет и, как утверждает, не нуждается в них. Можно считать, что его отчужденность и тревожность тесно связаны между собой, питают друг друга. Рецидив насильственных преступных действий со стороны О. (и подобных ему людей) достаточно велик.

Тревога и тревожность могут быть рассмотрены в аспекте стресса, потому что в стрессовых ситуациях совершаются многие насильственные и неосторожные преступления. В этих случаях субъект часто вынужден действовать под сильным влиянием внешних психотравмирующих факторов и острого дефицита времени на их обдумывание и принятие решения. Поведение становится сугубо эмоциональным, а тревожность, вспыхивая мгновенно, выполняет свои защитные функции. Особенно неблагоприятные последствия вызывают стрессогенные воздействия у лиц с психическими аномалиями, поскольку их адаптационные возможности ниже.

Криминогенность тревожности заключается не только в том, что она включает в себя беспокойство, субъективное ощущение своей уязвимости, незащищенности, личностной неопределенности, она детерминирует специфическое восприятие окружающей среды тоже как неопределенной, расплывчатой, неясной, чуждой и даже враждебной. Поэтому непонятны и чужды ее нормы и запреты, перестающие играть регулирующую роль. Именно совокупность всех этих моментов образует тревожность не только как состояние, но и как устойчивую психологическую черту, личностную позицию, формирующую в конечном счете дезадаптивное поведение индивида, его отношение к миру. Очень важно подчеркнуть, что тревожная личность

бессознательно проецирует свои состояния и переживания на среду и воспринимает ее уже таковой.

Проиллюстрируем приведенные соображения на следующем примере.

П., 43 лет, образование 8 классов, ранее не судим, в 1981 г. осужден за изнасилование своей девятилетней дочери: хронический алкоголик. Родился в 1944г. в Германии, куда его мать была угнана с Украины. Отцом, со слов матери, был поляк, также угнанный немцами, но П. допускает, что его отцом мог быть кто-нибудь из местных немцев. Во всяком случае никаких достоверных сведений об отце у него нет, и он его не помнит. После окончания войны мать с ним вернулась в Одесскую область, где вышла замуж; от этого брака она родила еще четверых детей. Жили все вместе. П. до службы в армии закончил 6 классов, в армии - еще два. Со сверстниками был в основном дружен, но вспоминает, что они его дразнили “немцем”. Мать разошлась с мужем, оба брата погибли - один в автомобильной катастрофе, а второй отравился этиловым спиртом. Сестры остались жить с матерью, но с ней очень часто конфликтуют. Старшая вышла замуж, но живет с мужем плохо, время от времени они расходятся; младшая “нажила ребенка от кого-то, нигде не работает, гуляет”. По словам П., с матерью у него всегда были хорошие отношения.

В 1962 г. П. вступил в брак с Л., в 1963 г. у них родилась дочь, и он вскоре ушел в армию. За время его службы Л. с дочерью куда-то (куда - не знает) уехала, и с тех пор он жену не видел; сам же стал проживать с матерью. В 1977 или в 1976 г. (точно не помнит) дочь ненадолго приехала к нему со своим “парнем”, она была беременна, через 2 года она еще раз приехала, с ребенком, пояснила, что с тем парнем разошлась. Через некоторое время дочь с ребенком уехала, после П. ее не видел и, где она, не знает. В 1968 г. он вступил в фактические брачные отношения с Н. В 1972 г. у них родилась Марина (ее он и изнасиловал), в 1974 или в 1975 г. - Света, через год - Жанна. Однако П. считает себя отцом только Марины, поскольку Н. “гуляла”, остальные двое детей родились от каких-то неизвестных ему мужчин. Тем не менее он с женой окончательно не расходился. В последний раз он вновь сошелся с ней потому, что ему негде было жить, так как его из дома выгнала старшая сестра. Н. написала ему письмо в колонию, что “теперь живет с одним мужиком, но он ее бьет. Пишет, что будет ждать меня”. За изнасилование Марины не упрекает. Отметим, что после изнасилования П. неоднократно вступал с ней в половую связь.

Автобиографические данные убедительно свидетельствуют о сильнейшей дезадаптации П. Психологическое изучение также подтвердило то, что тревожность является ведущей чертой его личности. В этом отношении рассказы П. по картинкам ТАТ настолько красноречивы, что следует привести некоторые из них полностью.

По картинке № 2 (деревенская сцена): “Пахота, будут сеять. Мужик пашет. Жена или дочь. Старшая - мать или жена, младшая - жена или дочь. Посеют и будут обрабатывать”.

По картинке № 3 (женщина заглядывает в комнату): “Женщина заходит в квартиру. Этажерка с книгами, стол с настольной лампой, цветы в вазе. Женщина, наверное, хозяйка, тревожно, ненормально. Дальше бог его знает. Если тревожно, значит, что-то там есть. Будет ли с ней нормально, то это по обстоятельствам”.

По картинке № 4 (человек на полу): “Женщина сидит на полу, то ли плачет, не знаю почему. Что произошло, не знаю, всякие несчастья бывают. И любовные, и трагические, и семейные. Может, муж бросил, может, родной кто умер”.

По картинке № 6 (пожилая женщина и молодой мужчина): “Мать и отец, мать и сын. Что-то случилось, какое-то горе, потрясение. Мать тревожно смотрит в окно и что-то говорит, а сын, наверное, виноват в чем-то или что. Или слушает ее, что она говорит. Она говорит неприятности. Если он попросит, она, может, ему поможет”.

По картинке № 10 (мужчина и женщина): “Встреча, что ли, муж с женой, что ли, встретились, наверное, после долгой разлуки. Тревожная или радостная встреча или расставание, лица печальные, не хотят расставаться, видно, он уходит и ему неохота, он не по собственному желанию. Больше что можно сказать”.

По картинке № 14 (фигура у окна): “Из темной комнаты, потушенный свет, человек смотрит на улицу. Ну и асе. Наверное, у него нормально, не видно, чтобы хотел броситься. Может, и хочет выпрыгнуть в окно. Или сидит замечтавшись, или хочет выпрыгнуть из окна, бог его знает”.

По картинке № 18 (мужчина, на фигуре которого видны три руки): “Мужик или пьяный, или что, и его кто-то сзади поддерживает. Что-то такое: или больной он, или толкают, или поддерживают, он или стоит, или сидит, не могу разобрать. Стоит, но неуверенно как-то”.

По картинке № 20 (фигура у фонаря): “Какой-то человек стоит или идет возле столба или фонаря где-то. Руки в карманах, а что? Бог его знает. Дальше огни, провода какие-то. Я не знаю, что он там”.

Из анализа жизненного пути П., его психологических особенностей, выявленных с помощью ТАТ, следует, что он представляет собой тревожно-депрессивную, пассивно-подчиненную личность. Истоки его тревожности можно связать с обстоятельствами его рождения, поскольку у него нет определенности в отношении того, кто был его отец. Это негативно повлияло на его контакты еще в детстве: дети дразнили его “немцем”. В родительской семье жизнь складывалась крайне неблагоприятно, даже трагически: мать П. разошлась с мужем, оставшись с пятью детьми, двое братьев погибли, сестры конфликтовали с матерью и с ним. Очень неблагоприятными оказались семейные отношения у П. и его сестер, ни у кого из них брак не сложился. Он проявляет полнейшее равнодушие к первой, затем ко второй жене и к детям: куда уехали первая жена и дочь от нее, какова их судьба, не знает, совершенно спокойно относится к постоянным изменам Н., которая от других мужчин родила двух дочерей, а его якобы хорошее отношение к последним тоже может быть оценено как безразличное. Интересно, что Н. написала ему в колонию письмо, что живет сейчас с другим мужчиной, который ее бьет. Это свидетельствует о том, что она не боится сообщать ему о таком факте, вполне обоснованно предчувствуя, что подобное сообщение не вызовет с его стороны негативной реакции в силу его полного равнодушия к ней.

Рассказы П. по ТАТ со всей очевидностью говорят не только о тревожности как его личностной черте, но и о том, что в силу этой тревожности мир воспринимается им как нечто туманное, неопределенное, непонятное, аналогично он и ощущает себя в нем. Отсюда множество слов и выражений, отражающих именно такие отношения и ощущения: постоянно встречающиеся “или”, “бог его знает”, “не знаю”, “что-то” и т. д. Он не знает, например, муж это или сын, тревожная или радостная встреча, стоит мужчина или идет. Тревожность и связанная с ней крайняя, чрезмерная осторожность прослеживаются почти по всем рассказам, обращает на себя внимание и суицидальная тенденция. Напрашивается вывод, что, если мир его непонятен, непонятны и его нормы, которые поэтому отчуждены от него. Алкоголизация П. развивалась на почве тревожности и дезадаптивности, она же оказала обратное стимулирующее влияние на его тревожность и дезадаптивность.

Учитывая все названные обстоятельства, попытаемся объяснить •причины совершенного П. преступления. Оно представляет собой инцест, т. е. вступление в половую связь с ближайшим родственником. Как известно, такого рода связи, особенно в отношении собственных детей, находятся под строжайшим моральным запретом. Но П. при его тревожности, отчужденности, равнодушии к окружающим не воспринимает эти запреты, не ощущает себя обязанным следовать им. Он поступает так, как диктует ему его влечение; его действия, следовательно, не опосредуются культурными нормами. Они носят скорее животный, чем человеческий, характер. Мы полагаем, что при совершении изнасилований имеет место попытка компенсации индивидуально-психологических дефектов личности. Человек, как правило, бессознательно прибегает к насилию, а не к иным способам разрешения жизненной ситуации, чтобы компенсировать эти дефекты. Причины этих преступлений связаны с особенностями представления преступника о самом себе. Совершая насилие, он тем самым пытается изменить психотравмирующее, постоянно тревожащее представление о себе и тем повысить собственное самоприятие.

Иными словами, человек не принимает себя таким, каков он есть в собственных глазах. Причем в данном случае это связано с такой жизненно важной и сугубо интимной системой, как сексуальная сфера, отношения с женщинами, их принятие. Неблагоприятные внешние воздействия и неудачи в этой сфере чрезвычайно болезненны, они порождают глубокое беспокойство, неуверенность в себе, опасения относительно своего будущего. Неприятие себя в таком качестве проявляется в негативном эмоциональном отношении к самому себе, своим ролевым функциям, сексуальному статусу.

Разумеется, особенности межполовых взаимоотношений только в том случае могут угрожать самоприятию, если именно они являются субъективно ведущими в мироощущении личности, и в первую очередь определяющими в “я”-концепции, т. е. выступают как необходимое условие приемлемой самооценки. Можно сказать, что когда межполовые отношения становятся субъективно наиболее значимыми, переживаемыми, то это и определяет фиксацию в сексуальной сфере и повышенную восприимчивость к любым элементам отношений между

мужчиной и женщиной. Утверждение себя в требуемой сексуальной роли для таких мужчин равносильно тому, чтобы “быть” (а неудача в этом - “не быть”), т. е. это утверждение происходит на бытийном уровне. Совершая половое насилие, они как бы подтверждают свое право на существование в собственных глазах, ибо их бытие зиждется на роли и поведении в сексуальной сфере.

Как мы уже отмечали, роль тревожности весьма значительна в совершении корыстных преступлений. Можно предположить, что обладание материальными благами и пользование социальными услугами придают человеку уверенность, снижают беспокойство по поводу своей социальной определенности, устраняют в какой-то мере чувство зависти. Надо отметить, что тревожность постоянно питает корыстную мотивацию, тенденцию сохранить или изменить свое социальное положение, добиться большего, чем уже есть.

Конечно, стремление достичь большего материального достатка могут испытывать и не преступники. Однако эти люди добиваются желаемого иным путем, поскольку они не отличаются отчужденностью и повышенной тревожностью. Человек же, испытывающий постоянную тревогу по поводу своего бытия, под страхом его утраты отмечает все требования общества. Он, собственно, идет против общества, людей, их интересов и ценностей, он, не доверяя им, редко прибегает к их помощи и столь же редко предлагает свою. Не следует думать, что тревожность как личностная черта присуща лишь тем преступникам, которые совершают умышленные преступления. Исследование личности преступников, совершивших неосторожные Преступления при управлении автотранспортом (осуществленное совместно с В.П. Голубевым, В.Е. Квашисом и ЮН. Кудряковым с помощью ММИЛ), показало, что по своим психологическим особенностям они являются относительно однородной категорией. Анализ психологического профиля этой группы преступников показал, что наиболее характерными для них качествами являются тревожность и ограничительное поведение.

Из сказанного становится ясно, что лица, характеризующиеся повышенной тревожностью, не могут отвечать требованиям, предъявляемым к успешному разрешению экстремальной ситуации, например в условиях дорожного движения.

Подводя некоторые итоги, мы можем констатировать, что *тревожность, порождаемая в основном отчуждением личности, представляет такое ее свойство, которое выражается в субъективно серьезных опасениях за свое биологическое или (и) социальное существование, в беспокойстве и опасениях, страхах перед небытием, несуществованием.* Это свойство порождает подозрительность, мнительность, сверхосторожность, стремление защитить себя, и, чем острее ощущение угрозы, тем меньше принимаются во внимание нравственные запреты и тем вероятнее совершение преступных действий. Тревожность может существовать не только как стабильное, фундаментальное свойство личности, но и как временное состояние. В своей массе преступников от не преступников отличает именно наличие этого свойства личности, а не временное состояние тревожности, которое может появиться у любого человека. Можно говорить о повышенной тревожности как свойстве и в том случае, когда она появляется слишком часто, не имея логической связи с реальностью.

2. Факторы тревожности

Сегодня уже мало кто будет отрицать, что в нашем обществе значительное, даже угрожающее распространение получили такие явления и процессы, которые дестабилизируют отношения между людьми, порождают их враждебность друг к другу, неуверенность в себе и своем социальном положении, в своем будущем, неудовлетворенность своим настоящим, отчуждение от среды, в целом крайне неблагоприятно сказывающиеся на общественной нравственности. Нельзя сказать, что все эти крайне опасные явления появились только сегодня: они формировались десятилетиями продолжавшимся закабалением и закрепощением людей, развращением человеческих душ в самых жестоких, разрушительных и циничных формах. Под воздействием экономических неурядиц и провалов, растущего дефицита товаров, услуг и элементарных жизненных удобств, разбойничьего отношения к природе эти болезненные факторы резко обострились.

В такой ситуации человек оказывается как бы голым под напором социальных бедствий, от которых ему трудно, а подчас и невозможно защититься. Поэтому он все острее ощущает свою беспомощность, ненадежность своего существования и все больше растет его тревожность. Она

порождена не только материальной необеспеченностью, но и недостатком обыкновенной порядочности, высоким напряжением в отношениях между людьми, их измотанностью, что опять-таки связано с этой борьбой. Другое тревожащее обстоятельство - растущее и отнюдь не обосновательное неверие в возможность изменения жизни к лучшему, апатия и пессимизм, утрата привычных моральных и идеологических ориентиров, особенно среди молодежи, проверенных критериев оценки своих и чужих действий.

Показателем высокого уровня тревожности в обществе является пессимистическая окраска многих радио- и телепередач, статей в газетах и журналах, критика и обвинения в которых превалируют над конструктивными мыслями и обоснованными, разумными предложениями. Почти исчезли кино- и театральные комедии, очень мало юмористической литературы, а юмор вытесняется горькой сатирой. Духовная культура продолжает отступать по всему фронту перед заботой о хлебе насущном. Это естественно для общества, озабоченного главным образом тем, как накормить, одеть и обуть своих граждан, дать им крышу над головой, и, пока не будет решена эта главная задача, трудно ожидать выделения достаточного количества средств на развитие духовной культуры. Но именно в ней должен и может черпать человек силу и уверенность, находить точку опоры, возможности духовного роста и нравственных решений. Нельзя забывать, что бедное общество бедно и духовно, что является одной из главных причин нынешнего высокого уровня безнравственности и преступности.

Огромные духовные потери мы понесли в результате борьбы с религией. Основной причиной ее подавления было то, что тоталитарное государство как политическая и идеологическая система не могло мириться с существованием другой, церковной, системы, играющей значительную роль в обществе. Однако воинствующие атеисты, будто бы занимающиеся важным делом формирования нового мировоззрения и, казалось бы, одерживающие одну победу за другой, начисто забыли, что религия - это не только вера в бога, загробную жизнь и т. д., это еще и набор нравственных постулатов, принципов и норм, имеющих общечеловеческое значение. В религии отражена и общечеловеческая вековая мудрость, многотысячно проверенная и испытанная, чему убедительным свидетельством является, например, Библия. С помощью выработанных взглядов и правил религия наряду с другими социальными институтами испокон веков помогала человеку разрешать сложнейшие жизненные ситуации и, главное, воспитывала людей, формировала их нравственность, давала утешение, снимала напряжение и тревогу. Эти важные функции, несмотря на все гонения и потрясения, она не утратила и сейчас.

Конечно, не стоит преувеличивать значение религии в обеспечении высокой нравственности. Не забудем, что с именем бога и во имя бога совершались тягчайшие преступления, в том числе против целых народов. В недавнем прошлом да и сейчас за рубежом основная масса преступлений совершается верующими людьми. Наивно полагать, что только с помощью религии можно обеспечить высокую нравственность и рост духовности, тем более что духовная жизнь отнюдь не сводится к религиозности людей.

Однако несомненно, что вера и связанные с ней нравственные нормы способны многих удержать от аморальных поступков и в целом религия может существенно способствовать снижению напряженности в обществе. Нельзя забывать, что религиозная психология и этика глубоко проникли в быт, в отношения людей, во многом слились с народной жизнью. Это одна из веских причин того, что антирелигиозная пропаганда иногда воспринимается как оскорбление национального достоинства.

Были и есть религиозные запреты, преступить которые считалось и считается величайшим грехом, и древнейший, главнейший среди них:

“Не убий!” В этом строгом запрете заложены отношение к жизни как к сверхценности, непреходящей и невосполнимой, уважение и преклонение перед ней. Мы же фактически забыли, что такое отношение к жизни, к личности нужно воспитывать.

Неоднократно предпринимавшиеся попытки вместо общечеловеческой системы моральных норм “изобрести” свою были неуклюжи и бестолковы, как, например, создание мертворожденного морального кодекса строителя коммунизма. Прямое противопоставление так называемой классовой морали общечеловеческой сразу же обрекло ее на полный крах, да и не могло быть иначе.

Христианская проповедь о ненасилии, любви и прощении решительно отвергалась и зло высмеивалась. Вместо нее категорически предлагалось уничтожать всех врагов, которые не сдаются, причем особенно настойчиво это внушалось молодым людям. И конечно, “враги”, внутренние и внешние, отыскивались в превеликом множестве и ликвидировались решительно и

в небывалых масштабах, что сделало нашу тоталитарную державу одной из жесточайших в истории. Развязанная государством война против собственного народа требовала беспощадности. О милосердии никто не заикался, прощение врага или какое-либо послабление ему расценивались как измена, бескорыстная помощь насмешливо и цинично объявлялась никому не нужной филантропией. Появились люди, готовые по приказу, даже без страсти и ненависти, убивать кого угодно, за что угодно и сколько угодно. На этом кровавом фоне христианская мораль объявлялась гнилой. Она стала неконкурентоспособной.

Одним из следствий тотального террора, развязанного в годы сталинизма государством против своих граждан, стал всеобщий парализующий страх. В этом смысле террор достиг своей цели устрашения людей. Многие из них под страхом смерти были готовы на любое преступление, лишь бы выжить или спасти своих близких.

Все это не прошло бесследно для общественной психологии и нравственности, не могло не повлиять на души тех, кто оставался на свободе. Можно ли при таком наследии, сегодняшней социальной напряженности в обществе рассчитывать на скорое смягчение нравов и улучшение общественной морали? Не в этом ли, учитывая и потерю многими людьми, особенно молодыми, привычных жизненных ориентиров и идеологических ценностей, уступивших место бездуховности и чистогану, причина высокого уровня насилия, вспышки сопровождающихся особой жестокостью разбойных нападений и вымогательств? Ведь материальные притязания в сочетании с бездуховностью и низкой нравственностью требуют своего удовлетворения немедленно и любыми средствами.

Социальная напряженность в обществе усиливается в связи с резким и неожиданным для большинства расслоением общества, что оказалось весьма болезненным при господствовавших на протяжении десятилетий уравниловке и усиленно внедрявшейся побасенке о грядущем всеобщем равенстве людей. Неравенство порождается не только значительным разрывом в доходах различных групп населения, что совершенно естественно, но и тем, что дефицитными товарами и престижными услугами может пользоваться лишь определенная категория людей, как правило, и так отличающаяся высоким материальным достатком.

Обостряется неравенство в положении пожилых людей. Средний размер государственной пенсии сейчас не обеспечивает прожиточного минимума. Основная масса пожилых людей лишена подчас самого необходимого. Стоит ли после этого удивляться тому, что в нашей стране бурно растет число бродяг и нищих, среди которых самую заметную группу составляют инвалиды и престарелые.

Особенно неблагоприятно социально-экономическое положение молодежи из необеспеченных и малообеспеченных семей, которой почти наглухо закрыт доступ к модным и престижным вещам, обладающим в их глазах огромной притягательной силой. Вместе с тем их информированность об этих земных благах благодаря телевидению, печати и социальной мобильности исключительно высока, а поэтому столь же значительны у них чувства зависти, ущемленности, выброшенности. Это может их толкать и толкает на совершение погромов, краж, грабежей и разбоев, проявляемые же при этом ожесточенность, агрессивность и вандализм служат средством психологической компенсации пережитых унижений.

По мнению некоторых экономистов, степень имущественного неравенства у нас значительно выше, чем в развитых странах. В США, например, около 80% составляют богатые и обеспеченные люди, в России же примерно такой же удельный вес занимают малообеспеченные и просто бедные.

Не забудем при этом, что и обеспеченность, и бедность у них и у нас совершенно разного содержания.

Экономическое неблагоприятие и социальное расслоение общества порождают конфликты, которые в свою очередь вызывают новые конфликты и т. д., но почти всегда в той или иной мере связанные с правонарушениями. Бесспорен факт нарастания социальной напряженности. Акции гражданского неповиновения, прямого насилия над людьми, причем и со стороны неформальных объединений, число которых растет, демонстрации и митинги протеста, забастовки стали чуть ли не ежедневным явлением.

Появившиеся у нас богатые люди, достаток многих из которых отнюдь не праведного происхождения, стали объектом вымогательства. Чаще всего богатые люди - это предприниматели, банкиры, торговцы и некоторые другие. В крупных городах они часто становятся жертвами убийств, вымогательств, применения пыток. Угроза стать жертвой насилия, опасения за жизнь и здоровье своих близких не могут не стать причиной тревоги и страха у этих

людей, не толкать в целях самозащиты некоторых из них на противоправные поступки. Отметим в этой связи, что государство очень плохо защищает от преступных посягательств вообще, обеспеченных людей в частности.

Заметное расслоение общества ведет к тому, что люди, не обладающие нужным материальным достатком и не получающие психологической компенсации, начинают испытывать серьезное беспокойство по поводу своей социальной определенности, социального положения, места в среде, что, как мы попытались показать выше, может стимулировать совершение корыстных преступлений. Вымогательства или кражи у богатых или просто у людей с достатком могут выступать в качестве попытки преодоления разницы в материальной обеспеченности и социальной устроенности.

Постоянным источником тревоги и страха стали межнациональные конфликты, ставшие, к величайшему сожалению, страшными реалиями сегодняшнего дня, необъявленной войной без правил, где господствует грубая сила и слепая ярость. Льется кровь невинных людей, причем прежде всего страдают наименее защищенные - женщины, старики, дети. В межнациональных столкновениях происходят отвратительные сцены насилия.

У конфликтующих сторон формируется пагубное и ни на чем, в сущности, не основанное убеждение в том, что люди "враждебного" народа - это вовсе не люди или совсем не такие, как все, и прежде всего "мы". Они непривлекательны, мерзки, лживы, грязны, глупы, вероломны, агрессивны и т. д., поэтому с ними можно обращаться как угодно, делать с ними то, чего они "заслужили". На них, стало быть, не распространяются "наши" моральные запреты и предписания, их можно грабить, убивать, насиловать, унижать человеческое достоинство, уничтожать жилище и имущество, изгонять неизвестно куда - ведь они же не обладают тем "превосходным" и "настоящим" набором прав и достоинств, которые, конечно же, есть у своего народа, у "нас".

В настоящий период межнациональные конфликты возникли не только потому, что ранее соответствующие отношения не были урегулированы на демократической основе, а государственный статус и национальные границы определены произвольно. С распадом СССР резко ослабла высшая власть ("верховный правитель"), которая могла насильно заставить выполнять свои решения и не терпела никакого противодействия. Между тем угольки национальной вражды давно тлели под сладкоголосое хоровое пение о новой исторической "общности" - советском народе.

Причиной высокой тревожности в обществе являются не только межнациональные распри, достигающие кровавой развязки, но также конфликты, выражающиеся и в других, но тоже опасных формах, таких, как неприязнь, недоверие, пренебрежение, презрение к представителям других наций, насмешки и издевательства над ними. Все это вызывает (например, антисемитизм) глубокие страдания, оборонительную, в том числе в виде агрессии, реакцию. Подобные отношения наиболее пагубны для детей и подростков, поскольку формируют у них (обычно на всю жизнь) ощущение враждебности среды, собственной беззащитности, неполноценности, неуверенности. К чему это может привести, мы уже говорили.

Социальная напряженность, выступающая питательной почвой повседневных конфликтов, нередко ведущая к убийствам, телесным повреждениям, хулиганству и другим преступным действиям, вплетена в обыденные отношения людей. Эти отношения часто связаны со взаимным неуважением, жестокостью, грубостью, невниманием, недоверием, неуступчивостью, циничностью и т. д., одним словом, всем тем, что каждый день отравляет жизнь человеку.

Многие дети приходят в этот мир нежеланными. Их ненужность часто запрограммирована еще до рождения житейской неустроенностью и неприкаянностью, болезнями и неудачами родителей, неуверенных в себе и своем будущем, а поэтому испытывающих острое беспокойство и тревожность. "Случайные" дети на всю жизнь могут оставаться "нежеланными", отторгнутыми, выброшенными.

Иногда дети чувствуют себя ненужными и потому, что родители, и в первую очередь матери, слишком заняты по работе, а это составляет одну из наиболее важных и распространенных причин детской безнадзорности и беспризорности. В таких семьях они лишены необходимой заботы, внимания и попечения, развитие и формирование их личности происходит как бы без участия родителей. Конечно, бывает и так, что трудовой занятостью и даже общественными обязанностями отец или мать оправдывают (и в своих глазах) подлинное нежелание заниматься своим ребенком. Но в большинстве случаев при наших низких заработках, остром дефиците

товаров и услуг без заработка матери семья попросту не сможет существовать. В связи с этим очень многие женщины вынуждены работать, что особенно пагубно для многодетных семей.

Поэтому необходимо осознать, что воспитание детей - это и есть самый главный женский труд и именно он должен быть важнейшей жизненной обязанностью женщины. Десятилетиями мы бездумно вовлекали женщин в общественное производство (еще и похваляясь, что платим им наравне с мужчинами), не считаясь с их природой и подлинными интересами, а в итоге получили растущую детскую беспризорность и высокий уровень преступности несовершеннолетних и как следствие бурный рост преступности в целом. Думается, что с этим же можно связать детскую смертность, многие соматические и психические болезни.

Высокий уровень тревожности людей может быть связан с некоторым ослаблением компенсирующих возможностей семьи. Это связано не только с низким заработком во многих семьях и их материальной нуждой. Невозможность или крайняя затрудненность обеспечить свою семью и себя, выбраться из нужды обесценивают человека, особенно мужчину, унижают его, снижают его самоуважение и уважение других, его социальный статус в целом, формируют тревогу за судьбу семьи.

Заметный ущерб существующее положение нанесло мужчине, которого теперь отцом семейства чаще называют с оттенком насмешки. Он во многом перестал быть той фигурой, которая передает ребенку уверенность в жизни, в определении путей в ней и базовых ценностей, тем лицом, которое способно обеспечить эффективную защиту, в том числе психологическую, своей семьи, и особенно детей. Снижение авторитета отца не позволяет ему, как в прежние времена, столь же успешно и твердо руководить поступками детей, контролировать и направлять их. Нынешние изменения в возможностях отца семейства прежде всего связаны с тем, что он один материально не может обеспечить семью. Заработок матери, поддержка родственников мужа и жены становятся совершенно необходимыми. Но вместе с тем все они в соответствии со степенью своей помощи и материального участия в делах семьи получают право решать ее проблемы, в том числе активно вмешиваться в воспитание детей. Очень часто из-за этого образуется ситуация "семи нянек", а воспитывающая, обеспечивающая роль отца сводится к минимуму.

В целом современная семья проявляет серьезные симптомы неустойчивости и дезорганизованности, выражающиеся во внутреннем разладе, отсутствии прочных материальных и эмоциональных связей. Это выступает одной из основных причин роста числа разводов и дезертирств из семьи, падения рождаемости, увеличения числа неполных и неблагополучных семей, изоляции семьи от общества, возрастания числа неврозов семейно-бытового происхождения, уменьшения престижа семейных ценностей и увеличения числа одиноких в брачном возрасте.

Высокая тревожность может порождаться социальной мобильностью людей - мы имеем в виду прежде всего переезды их на новое место жительства. Новые условия жизни всегда требуют более или менее длительной адаптации, привыкания, установления контактов с новыми людьми, определения своего места в новом микроокружении. Адаптация далеко не всегда проходит гладко, она может осуществляться с большими трудностями или вообще не состояться в силу низких адаптивных возможностей самого человека. В том и другом случае он может испытывать неуверенность, беспокойство, опасения, чувствовать себя не защищенным в новых условиях, непонятым, ненужным.

Поэтому возрастает его подозрительность, мнительность, ожидание неприятностей и даже агрессии: ему начинает казаться, что его не любят и не ценят, смеются над ним или в лучшем случае равнодушны к нему, не принимают его, что он был и остается чужаком. Так нарастает напряженность, множатся страхи и как следствие желание защитить себя, отомстить обидчику, мнимому или действительному, острая зависть к другим, живущим лучше, комфортнее, богаче, решимость добыть средства или занять положение любым путем, лишь бы не выглядеть хуже, чем окружающие. Под влиянием таких переживаний многие молодые люди всеми путями стремятся проникнуть в группы, жизнедеятельность которых им кажется эталоном. Чтобы удержаться в качестве их членов, они готовы пойти даже на преступления.

Перечисленные факторы в значительной мере объясняют причины совершения преступлений приезжими и недавними жителями крупных и сверхкрупных городов. Преступность среди некоренных жителей, как показывают некоторые выборочные исследования, в частности наши, выше, чем среди постоянных жителей.

Причину повседневной тревожности людей порождает страх перед преступниками. Это тем более важно отметить, что растет число насильственных преступлений, в том числе совершаемых подростками и женщинами. Особую тревогу вызывает то, что повсеместно возрастает количество преступлений, совершенных с особой жестокостью, когда жертве причиняются исключительные страдания и мучения.

Особая жестокость нередко проявляется в убийствах на бытовой и семейной почве. По выборочным данным, перед совершением почти половины “бытовых” убийств жертвам наносилось множество телесных повреждений, почти в 70% случаев истязания длились в течение 1,5-5 лет. В 40% убийств жертве было нанесено от 30 до 300 телесных повреждений. Чаще всего жертвами особо жестоких преступлений становятся женщины (до половины потерпевших) и несовершеннолетние (каждый десятый), в том числе малолетние. Крайние формы жестокости имеют место и при нанесении тяжких телесных повреждений.

Жестокость сопровождает и некоторые хулиганские проявления. Так, она часто наблюдается при массовых хулиганских действиях молодежных групп (Москва, Казань и др.). Подобное массовое хулиганство - относительно новое явление. Жестокие увечья, истязания и другие аналогичные насильственные действия можно наблюдать при разбойных нападениях на жилища граждан, на улице, в транспорте и в других общественных местах.

Не могут не привлекать внимания многоэпизодные жестокие убийства на сексуальной почве, как правило, женщин и детей, причем многие из них совершаются в течение длительного времени. Такие преступления, несмотря на вызываемый ими огромный общественный резонанс и всеобщее возмущение, раскрываются очень плохо, а их продуманная профилактика вообще отсутствует.

Крайние формы жестокости, имеющие место при убийствах, изнасилованиях, нанесении телесных повреждений, учинении хулиганских действий на почве повседневных бытовых и семейных конфликтов, отличаются какой-то особой ожесточенностью, неистовостью и почти всегда сопряжены с пьяным разгулом. Раньше нередко убивали, чтобы завладеть дешевыми наручными часами или дрянным пальто, ворвавшись в дом и учинив насилие над хозяевами, тут же выпивали всю водку. Сейчас “ставки” при разбойных нападениях повысились, но стала изощренней и проявляемая при этом жестокость. Однако ошибочно полагать, что рост жестокости произошел только за счет этих “обыденных” преступлений. К сожалению, появились новые грозные реалии, которые заставляют бить в набат. Мы имеем в виду вымогательства (рэкет) и насильственные преступления, совершаемые представителями организованной преступности.

В стране не развилась психотерапевтическая, психокоррекционная служба, которая могла бы оказывать помощь населению, как во всех развитых странах. Лица, испытывающие сложные внутренние конфликты и переживания, как правило, интимного характера, лишены квалифицированной, профессиональной помощи. Между тем, как показывает наше изучение насильственной и сексуальной преступности, именно такие личностные противоречия и глубокие психические травмы являются причиной многих жестоких преступлений.

Высокий уровень социальной напряженности сохраняется и в местах лишения свободы. Помимо “естественных” причин, связанных с неволей, такое положение порождается совершенно неудовлетворительными условиями жизни осужденных, а также слабой психолого-педагогической подготовкой сотрудников исправительно-трудовых учреждений. Они почти не используют специальные методики индивидуального воспитательного воздействия на тех, кто отбывает наказание, недостаточно изучают конкретную личность и прожитую ею жизнь, не умеют помочь в решении очень сложных жизненных проблем. По этой причине внутренняя психологическая напряженность, тревожность таких лиц, уже приведшая их к преступным действиям, не только не снижается, но под влиянием неблагоприятных условий мест лишения свободы даже может возрастать. Это повышает риск рецидива таких действий.

Вообще в исправительно-трудовых учреждениях тревожность людей значительно возрастает. Именно этим можно объяснить постоянное эмоциональное напряжение многих осужденных, напряженность в отношениях между ними, между ними и представителями администрации, аффективные взрывы, острые конфликты, порой переходящие в преступные действия, которые нередко возникают по внешне ничтожным поводам. Для преступников характерны бурные реакции, они возмущаются, кричат, угрожают, чего-то требуют. Однако внимательный взгляд на их поведение позволяет установить, что значительная часть из них отнюдь не преследует конкретные, так сказать, внешние цели, они просто хотят снять внутреннее напряжение,

выплеснуть его. Постепенно такой стиль поведения, равно как и уровень тревожности, становится привычным, сохраняясь даже после освобождения от наказания и оказывая сильное влияние на повторное преступное поведение.

Какие же объективные факторы порождают такие субъективные состояния? Прежде всего изоляция от общества, резкое изменение привычного образа жизни, насильственное помещение в новые, необычные и значительно более худшие условия, поскольку человек теряет свободу. Но это самый общий взгляд на проблему. Надо выделить отдельные и существенные моменты, поставив вопрос: какое же, собственно, наказание отбывает осужденный в местах лишения свободы, да и что такое вообще лишение свободы?

Лишения свободы - это существенные ограничения в передвижении, в общении и выборе вида труда, что порождает определенные права и обязанности осужденных, регламентацию их жизни. Однако беда нашей исправительной системы и ее основной недостаток в том, что некоторые провозглашенные цели, принципы и формы не совпадают с фактическим исполнением уголовных наказаний. Дело в том, что, лишая свободы, государство подвергает человека таким страданиям и мучениям, которые юридически не вытекают из данного вида наказания. В силу традиционно низкого уровня материальной обеспеченности людей, отсутствия правовой культуры и демократических традиций, привычного взгляда на преступника как на существо, не нуждающееся даже в элементарных, простейших жизненных удобствах, над тем, что же такое - "лишение свободы", мало кто задумывается.

Прежде всего остановимся на жилищных условиях осужденных. Как правило, они живут в огромных, не разделенных на комнаты или иные помещения бараках, в которых обитает до ста, а иногда и более человек, причем часто койки расположены в два яруса.

Наши многолетние наблюдения свидетельствуют о том, что проживание в подобных общежитиях наносит огромный, подчас непоправимый вред личности, а значит, и делу исправления и перевоспитания осужденных, является одной из причин нарушений режима, совершения правонарушений. Постоянно, круглые сутки находясь среди других лиц, осужденный становится как бы голым, он в значительной мере лишается возможности уединиться, уйти в себя, сосредоточиться, задуматься о себе, о содеянном и своей вине, своей жизни и ее перспективах, об ответственности перед близкими и т. д. Между тем это особенно важно именно для тех, кто грубо нарушил основные моральные и правовые запреты. Создается известный феномен одиночества в толпе, когда вокруг всегда много людей, а также, с кем можно было бы поговорить, поделиться, довериться, нет или почти нет. Это одна из основных причин того, что осужденные испытывают острое одиночество, психологическую отчужденность, недоверие к окружающим.

Проведенное нами специальное исследование показало, что по сравнению со свободными людьми среди преступников значительно больше доля тех, кто ощущает себя изолированным, вытолкнутым за пределы человеческого общения и бессознательно воспринимает среду как непонятную, чуждую и даже враждебную. Именно среди последних особенно часты такие весьма красноречивые ответы: "Других людей я вообще не понимаю"; "Я всегда стараюсь скрыть от других свои чувства, желания, побуждения"; "Очень хочу жить тихо, незаметно"; "Очень стремлюсь бывать в местах, где наверняка никого не встречу"; "Почти всегда испытываю состояние, когда мне ни с кем не хочется встречаться"; "Друзей у меня вообще нет"; "Я никогда не нуждаюсь в помощи других людей" и т. д.

Все эти состояния и переживания во многом вызываются именно одиночеством в толпе, стадным образом жизни, скученностью в общежитиях, совершенно ненужной открытостью каждого, отсутствием даже простейших прикрытий для интимных сторон жизни. В этих условиях понятие стыда, простого житейского стыда, о котором мы иногда забываем, но который тем не менее несет немалую воспитательную и этическую нагрузку, почти исчезает.

Значительно усугубляются уже сформировавшиеся негативные особенности личности, снижается ее самооценка, самоценность, происходит ее огрубление, усиливается психологическая незащищенность и в то же время создается почва для конфликтов между осужденными и их группами.

Что касается других бытовых условий, то в колониях они крайне скудны, примитивны, убоги, неизмеримо хуже, чем у населения вообще. Это относится к питанию, лечению, санитарно-гигиеническому обслуживанию, развлечениям и т. д. Понятно, что жизнь в местах лишения свободы неотделима от жизни общества, и если в стране острая нехватка продовольствия,

лекарств, услуг и т. п., то это наихудшим образом отражается на осужденных, социально-бытовые условия, уровень и качество жизни которых будут соответственно еще хуже.

Конечно, могут возразить, что мы имеем дело с преступниками и их надо держать в суровых условиях, чтобы им впредь неповадно было преступать уголовные законы. Но вопреки распространенному обывательскому представлению об исключительной целительности суровости и ненависти к преступникам наука давно известно, что самые жестокие наказания, как и угроза их применения, отнюдь не удерживают от преступного шага и тем более не способны кого-то перевоспитать. Если же оставаться в рамках закона, то позволительно поставить вопрос: если суд приговаривает “только” к лишению свободы, то почему осужденный вынужден жить в многолюдном бараке, в условиях скученности, недоверия и враждебности, пользоваться лишь примитивнейшими услугами, плохо питаться, не получать необходимого лечения и т. д.?

Обратимся теперь к другой стороне жизни лишенных свободы, быть может, не менее существенной, чем физические условия их существования. Мы имеем в виду отношения с другими осужденными, точнее - негативное, антиобщественное, развращающее влияние одних преступников, как правило наиболее опасных, на других, унижения, порой глубокие и беспредельные, в самых изощренных, издевательских и садистских формах. Некоторые осужденные, даже загнанные в угол, далеко не всегда находят защиту и у администрации, а иногда просто боятся к ней прибегнуть и уж, разумеется, не могут рассчитывать на снисхождение или милость своих мучителей.

Специальные наблюдения показывают, что значительная часть взятых под стражу или направляемых в колонию, особенно в первый раз, боится не представителей администрации и, конечно, не самих следственных изоляторов или колоний с их камерами, решетками и т. д. В этот момент они мало думают и о предстоящей каре. Больше всего они страшатся тех, с кем придется вместе отбывать наказание, тюремных обычаев и традиций, которые успешно конкурируют с официальными правилами и предписаниями. Их страхи небеспочвенны, поскольку некоторые лица выталкиваются, изгоняются из среды осужденных, опускаются ими на самое дно, причем почти всегда в наиболее оскорбительной форме. Это побои, нанесение телесных повреждений, издевательства и насмешки, гомосексуальное насилие.

Пресс унижительного положения отвергнутых не ослабевает никогда, и если в данный момент открыто не попирают их человеческое достоинство, то делают это в иной форме: с ними попросту не общаются, не позволяют сидеть и стоять рядом, обедать за одним столом, дотрагиваться до дверных ручек и т. д. Запрет на общение распространяется на всех, контактировать они могут лишь друг с другом. Такой оскорбительный статус практически всегда закрепляется за определенным лицом на весь срок пребывания в местах лишения свободы, и изменить такое положение невозможно. Ярлык “отверженного” следует за ним и в случае перевода в другую колонию, помещения в больницу, а очень часто и после выхода на свободу. Не случайно некоторые отвергнутые, сознавая безысходность и трагизм своего положения, иногда убивают своих обидчиков или совершают побег.

Вернемся к еще одному аспекту негативного влияния среды на осужденного. Это - криминогенное заражение его личности антиобщественными идеями, взглядами и представлениями, влияние более опасных и опытных преступников. От таких явлений существующая система защищает плохо. Поэтому расхожая житейская сентенция, что тюрьма - школа преступности, имеет под собой веские основания.

Все насилия, унижения и преследования одних осужденных другими находятся в вопиющем противоречии с законом и исправительно-трудовой политикой. Отнюдь не к такому наказанию приговаривает суд, лишая свободы, но это - реальность, с которой нельзя не считаться.

Вот почему есть все основания утверждать, что, приговаривая к лишению свободы, суд тем самым заставляет осужденного жить в явно ненадлежащих жилищно-бытовых условиях, нередко в отдаленных местностях с весьма суровым климатом. Причем не обеспечивается в должной мере его питание, лечение и т.д., а также личная безопасность, защита чести и достоинства, из-за чего некоторые становятся жертвами насилия и издевательств.

Итак, непосредственную причину преступного поведения в целом, и причину роста количества преступлений за последнее время в частности, мы видим в возрастании трудностей жизни, напряженности в межличностных и межгрупповых отношениях, в тревожности и беспокойстве людей, в их неуверенности в своем социальном положении и дальнейших перспективах, слишком значительном объеме забот для решения повседневных и обыденных проблем.

Александр Мень писал, что наш дом разворочен, взорван и ограблен. Да, он действительно разворочен, взорван и ограблен, но разве в осознании и открытом признании этого не заключена основа для оптимизма, возможность веры в то, что даже наши невероятные трудности преодолимы? Разве история не убеждает в том, что на смену кризису и даже разложению приходят подъем и процветание, являющиеся фундаментом высокой нравственности? Впрочем, кто знает, сколько будет длиться зима тревоги нашей.

Глава IV. Мотивы преступного поведения

1. Ради чего совершаются преступления?

Мы приступаем к анализу последнего звена причинной цепочки, которое после отчуждения личности и ее повышенной тревожности непосредственно предшествует преступному поведению, - мотива. Несмотря на его огромное значение для понимания человеческого поведения, он еще не привлек к себе должного внимания отечественных психологов. Что касается криминологии, призванной объяснять преступное поведение, то его познание еще не совсем вышло из круга обыденных представлений, основанных прежде всего на здравом смысле, а не на результатах научных исследований. Юристы полагают, что преступления совершаются главным образом из корысти, мести, ревности, хулиганских побуждений, не очень задумываясь над тем, какие глубинные психологические и внешние социальные реалии они отражают, в чем их субъективный смысл.

Разумеется, указанная цепочка достаточно условна, поскольку основные мотивы, ведущие мотивационные тенденции формируются в том же процессе, в котором возникают черты отчужденности личности и ее тревожность. Отчуждение, начавшееся с отвергания родителями ребенка, порождает тревожность как личностное свойство, а она - мотивы преступного поведения, связанные с “охраной” биологического или (и) социального существования индивида. Социальная дезадаптивность и тревожность в связи с теми или иными событиями в жизни человека или развитием у него психических аномалий могут возрастать. Соответственно большую значимость приобретают и порожденные, обусловленные этими явлениями мотивы.

Напомним, что многие преступники не отвергались родителями в детстве и не отличаются тревожностью. Они были любимы ими, были “приняты” ими, но именно эмоционально близкие родители передали им негативные нравственные представления и аналогичные образцы поведения. У таких лиц мотивы преступлений не порождаются социально-психологической изоляцией и тревожностью. Они отчуждены от широкой социальной среды и ее ценностей, но вполне адаптированы в малых социальных группах и общностях.

В целом же мотивы преступного поведения нельзя понять вне связи с прожитой человеком жизнью, с теми влияниями, которым он подвергался и которые определили его личностные особенности. Мы утверждаем, что проблема мотивов - это во многом проблема их происхождения, их обусловленности внешними и внутренними факторами в ходе индивидуальной истории личности. В мотивах как бы воспроизведено, отражено прежде всего содержание раннесемейных отношений, а затем и последующих событий. Отношения и события детства обретают вторую жизнь, новую форму существования и, реализуясь через мотивы в поведении, являются как бы ответом на них, их продолжением или следствием. Если же не связывать мотивы со всей жизнью индивида, то можно прийти к абсурдному выводу, что любой мотив возникает мгновенно под воздействием актуальной ситуации. Подобный вывод означал бы также, что мотивы не имеют личностных корней.

Конечно, нет жесткой и однозначной зависимости между условиями жизни и содержанием мотивов, равно как и совершением преступлений. Однако неблагоприятные условия формирования личности оказывают определяющее влияние на дальнейшую жизнедеятельность человека.

Итак, мотивы выражают наиболее важные черты и свойства, потребности и стремления личности. Поэтому обосновано утверждение, что, каковы мотивы, такова и личность, и наоборот, а поэтому они являются наиболее полной и точной ее характеристикой. Это тем более верно, что мотивы не только то, что побуждает к определенному поведению, но и то, ради чего оно совершается, в чем его внутренний смысл для действующего субъекта (“Каждый стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет”. Марк Аврелий). На это мы обращаем особое внимание потому, что отдельные исследователи под мотивами понимают любые стимулы, в том числе внешние, способные вызвать или активизировать поведение. Для решения вопроса об ответственности, в частности уголовной, человека за свои поступки это чрезвычайно важно, поскольку, рассуждая логически, он не должен отвечать за те действия, причины которых лежат вне его.

Однако содержание мотивов не может быть сведено и к отдельным психическим явлениям (интересам, потребностям, чувствам и т. д.), несмотря на то что они играют существенную роль в мотивации и очень часто проявляются именно в отдельных мотивах. Например, в насильственном преступном поведении весьма заметна роль эмоций, особенно тех, которые отличаются интенсивностью, яркостью, длительностью. Обычно эмоции отражают в мотивации острые противоречия между личностью и средой, конкретной жизненной ситуацией. Однако простая констатация гнева, ярости или ревности еще далеко не раскрывает содержание мотивов, поскольку она не дает ответа на вопрос, каков субъективный смысл совершаемых действий. Пытаясь понять мотив, нельзя, на наш взгляд, ограничиваться указанием на то, что в момент совершения преступления виновный испытывал сильнейший приступ гнева, хотя эта эмоция оказывает значительное влияние на принятие решения.

Состояния гнева, возмущения и т. д. можно расценивать как свидетельство слабой приспособленности личности к среде, ее недостаточной адаптированности. Не случайно многие исследователи справедливо отмечают повышенный эмоциональный характер преступлений, совершаемых подростками. Для них характерны слабая адаптация к жизни, неумение преодолевать трудности и как следствие повышенная тревожность. Она помимо прирожденных особенностей формируется и в связи с тем, что молодые люди еще не обрели прочного места в жизни, часто попадают в ситуации сложного выбора, стоят перед необходимостью обретения основных ориентиров, имеющих кардинальное значение для их жизни. Не забудем и отсутствие или недостаточность психологической и материальной поддержки со стороны родителей в переходный период жизни несовершеннолетних.

В мотивах конкретизируются потребности, которые не только определяют мотивы, но в свою очередь изменяются и обогащаются вместе с изменением и расширением круга объектов, служащих их удовлетворению. Это, естественно, означает изменение и обогащение самой личности, особенно, если нравственны способы реализации мотивов. У одного человека не может быть беспредельного числа мотивов, но богатство мотивационной среды, а стало быть, и самой личности проявляется в их разнообразии и взаимодополняемости. При таком положении они могут не только "сотрудничать" между собой, но и усиливать или ослаблять друг друга, вступать во взаимные противоречия, следствием чего может быть непоследовательное, даже правонарушающее поведение. Но гораздо хуже, когда мотивы вступают в конфликт с нравственными нормами, регулируемыми способами их удовлетворения. Именно в этих случаях чаще всего наступает преступное поведение.

Мотивы - явление психологическое, но они могут формироваться лишь при условии вступления человека в разнообразные отношения с окружающими, его включенности в общественные связи. Поэтому можно сказать, что они присущи только личности и представляют для нее канал связи со средой. В этом канале отражается то, как человек воспринимает мир, что он видит в нем, какие цели преследует, насколько близок к нему и, главным образом, к людям, насколько ценит их и свое место среди них. Чем беднее этот канал, тем отчужденнее индивид, тем слабее его социальные связи.

Следует допустить, что криминогенное значение имеет недостаточное число, так сказать немногочисленность, мотивов. Основанием для подобного предположения помимо общетеоретических соображений служат и некоторые эмпирические данные о том, что у так называемых общеуголовных преступников (убийц, воров, грабителей, разбойников, хулиганов) по сравнению с законопослушными гражданами заметен уже спектр мотивов и соответственно способов их реализации. Блокирование даже одного из наиболее значимых мотивов при общей скудости их набора вызывает не только психотравмирующие переживания, но и еще большее отчуждение от среды и норм, регулирующих поведение. Все это повышает вероятность совершения преступных действий.

Мотив, представляя собой одну из психологических форм отражения действительности, лежит как бы внутри поведения. Он пронизывает все его содержание и проявляется на всех его этапах, соединяя поведение с личностью. Мотив - внутренняя непосредственная причина преступления, выражающая личностное отношение к тому, на что направлены преступные действия.

Хотя мотив не может сформироваться без влияния внешних условий, он не является лишь простым передатчиком этих условий, существовавших в различные периоды жизни человека. Испытывая на себе влияние биологических и личностных особенностей, мотив олицетворяет единство объективного, социальной среды, и субъективного, личностных качеств, в которые трансформировались и через которые преломились объективные обстоятельства. В то же время

он образует особое личностное свойство, в котором фокусируются ее ведущие жизненные тенденции. Поэтому о мотиве можно сказать, что он и зависим, и автономен.

Очень важно отметить, что нет мотивов, которые порождали бы только преступное поведение. В этом смысле мотивы как бы нейтральны. Следовательно, прокурор, суд, а затем и работники исправительно-трудовых учреждений, как правило, квалифицируют мотив в рамках содержащейся в уголовном законе “номенклатуры” мотивов. При этом практически игнорируется то обстоятельство, что многие мотивы не являются специфически криминогенными, так как могут определять и не преступное поведение. Нередко даже в тех случаях, когда указываются, казалось бы, специфически криминогенные мотивы, например “хулиганские побуждения”, оказывается весьма неопределенным их содержание как непосредственных побудителей именно данных, а не каких-либо других преступных действий.

Сами мотивы не могут быть преступными. Преступным способно быть только поведение, а оно зависит от выбора средств для реализации мотивов, от нравственной направленности личности, ее солидарности с правовыми нормами, притяжения их. Изучение мотивов преступного поведения, по нашему мнению, всегда должно осуществляться в тесной связи с личностью преступника, их понимание всегда должно вытекать из понимания самой личности, ее сущности. Только подобный подход позволит вскрыть, почему данный мотив свойствен именно данному человеку. Таким путем может быть осуществлен переход от констатации неспецифичности мотива только преступления к признанию его специфичности, закономерности для конкретного индивида.

В качестве психологического явления мотивы не могут быть и антисоциальными (асоциальными, псевдосоциальными), поскольку это не более чем их внешняя оценка, не раскрывающая их сути. Точно так же не следует, по нашему мнению, считать антиобщественными некоторые потребности личности. Таковыми безоговорочно не должна признаваться даже потребность в наркотиках, нужда в которых может быть велика, например при болезни. Вот почему неверно утверждение, что тяжкие преступления порождаются антиобщественными, т. е. более опасными, мотивами, а менее тяжкие - асоциальными, т. е. менее опасными.

Рассмотрим так называемые **псевдосоциальные** мотивы, в основе которых лежит предпочтение норм, интересов и ценностей отдельных социальных групп, противоречащих охраняемым законом нормам, интересам и ценностям общества в целом. К типичным мотивам такого рода обычно относят: “ложноваришеские” - в межгрупповых агрессивно-насильственных столкновениях, групповых хулиганских действиях; “ведомственно-корпоративные” - при совершении должностных и хозяйственных преступлений, а также преступлений против правосудия (например, должностные подлоги, укрывательство преступлений и т. д.).

Однако анализ псевдосоциальных мотивов не может ограничиваться констатацией противоречивости интересов группы интересам общества. Поскольку в каждом случае виновный знает, что такой конфликт имеется и своими поступками он нарушает уголовно-правовой запрет, их мотив надо искать в том, в чем именно заключен для него смысл преступных действий, что психологически он выигрывает, совершая их. Вот почему мотивом является не ложно понятый интерес группы, а определенная польза для себя, хотя, в чем именно она состоит, преступник не всегда четко осознает. Таким образом, мы приходим к выводу, что нет ложно понятых групповых интересов, выступающих в качестве так называемых псевдосоциальных мотивов, т. е. преступник не ошибается в правовой и нравственной оценке этих интересов, а есть потребность утверждения, улучшения своего социального статуса, подтверждения своего социального бытия, наконец, страх быть низвергнутым или уничтоженным системой, если не пойти ей на уступки, даже поступаясь собственной совестью.

Именно в этом мы видим мотивы, например, грубейших нарушений законности, массовых репрессий. Рассуждения о пользе репрессий для Родины, для социализма и партии или для борьбы с преступностью не более чем маскировка подлинных стимулов. Конечно, некоторые люди могут даже поверить в такие свои “чистые” побуждения, но в подавляющем большинстве случаев это будет то, что в народе попросту называют шкурным интересом. Это очень точное выражение - спасение собственной шкуры под видом борьбы за якобы общий интерес.

Можно ли говорить о неадекватных мотивах, т. е. о сугубо индивидуальных, свойственных данной личности и не соответствующих тем ситуациям, в которых они реализованы? О таких мотивах упоминают в тех случаях, когда, казалось бы, ничтожные поводы вызывают разрушительные и яростные вспышки, взрыв страстей. Чаще всего виновными в таких случаях бывают лица с психическими аномалиями, которые не могут управлять своими эмоциями.

Представляется, что ставить вопрос о существовании подобных мотивов можно лишь с очень большой долей условности, помня о том, что каждая ситуация, объективно существующая, всегда воспринимается с субъективных позиций. По внешним оценкам, мотив может расцениваться как неадекватный внешним условиям, но он всегда будет строго соответствовать особенностям данной личности, потому что это ее мотив.

Эти, казалось бы, теоретические конструкции имеют тем не менее колоссальное значение для правосудия, для эффективного исправления и перевоспитания осужденных, предупреждения рецидивной преступности. Сейчас одно из важных требований закона об установлении мотива преступления остается почти нереализованным в своей основной функции - в функции непосредственного предмета исправительного воздействия, а следовательно, и предупреждения рецидива.

Указываемые в приговорах мотивы преступлений по своему значению чаще всего являются внешними социальными оценками приписываемых преступнику побуждений, не характеризуют смысл, суть самих этих побуждений. Особенно ярко это выявляется в отношении осужденных к справедливости вынесенного им приговора (наказания). Их отношение в огромной степени зависит от того, в какой степени удалось суду и следствию выявить и сформулировать обвиняемому истинные мотивы его преступных действий.

Чаще всего суду и следствию не удается раскрыть мотивы преступления, в том числе и по той весьма распространенной причине, что данному вопросу они попросту не придают никакого значения. Это одна из веских причин того, что подавляющее большинство преступников считают приговор и наказание несправедливыми, а себя не признают действительным источником наступивших общественно опасных последствий. Они искренне убеждены, что действительными виновниками являются потерпевшие, свидетели, жизненные трудности и иные обстоятельства, признают же себя виновными лишь формально. Понятно, что при таком отношении трудно рассчитывать на осмысление содеянного, на раскаяние, на стремление исправиться.

Отдельные поступки, а тем более поведение человека в целом направляется не одним каким-то, а рядом мотивов, находящихся друг с другом в сложных иерархических отношениях. Среди них можно выделить основные, ведущие, которые и стимулируют поведение, придают ему субъективный, личностный смысл. Вместе с тем изучение мотивов краж, хищений и некоторых других преступлений убеждает в том, что одновременно и параллельно могут действовать два ведущих мотива, например мотив корысти и мотив утверждения себя в глазах престижной группы. Они взаимно дополняют и усиливают друг друга, придавая поведению целенаправленный, устойчивый характер, значительно повышая его общественную опасность. В этом можно видеть главную причину длительного совершения преступлений, например, ворами и расхитителями.

Конечно, в те или иные периоды жизни один из ведущих мотивов как бы вырывается вперед, приобретает главенствующую роль, затем они "идут" наравне или меняются местами и т. д. Так, преступник вначале совершает кражи, чтобы утвердиться в качестве члена группы, и здесь мотив утверждения - основной. В дальнейшем, по мере осознания в полной мере материальных, порой значительных, выгод от совершения краж, его действия начинают диктоваться и корыстью.

Совокупность мотивов и лежащих в их основе потребностей создает мотивационную сферу личности и являются ее ядром. Правда, в качестве такого ядра может выступать и система ценностей, в свою очередь влияющая на мотивы поведения.

Ценности окружающего мира усваиваются (накапливаются, изменяются и т. д.) человеком с самых ранних этапов его развития и могут мотивировать его поведение, они могут выступать в качестве побудительных сил человеческой активности. Однако понятие мотива, а тем более мотивационной сферы, включающей, в частности, мотивы различной силы и значимости, их иерархию, взаимоотношения, влечения и эмоции, не идентично, на наш взгляд, понятию ценностей или ценностно-нормативной системы. Для нас данный вопрос имеет важное значение в целях решения сложной практической проблемы: что же должно быть объектом индивидуального воздействия в сфере охраны законности и правопорядка - мотивы преступлений или ценностно-нормативная система личности. Думается, и то и другое.

Отметим, что наиболее стабильные ценности могут и не охватываться сознанием и на этом уровне мотивировать поведение. Можно полагать, что именно ядерные образования максимально определяют свойства всей системы, каковой является личность. Вместе с тем ядро

и периферия обладают различной степенью податливости внешним воздействиям. Однако разрушение ядра, если понимать под ядром и такие ценности, которые сохраняются и функционируют на бессознательном уровне, - задача не только исключительно трудная, но во многих случаях и невыполнимая. Напротив, как нам представляется, значительно легче перестроить ценностно-нормативную систему, охватываемую сознанием.

Например, можно изменить собственно мотивы корысти, лежащие как бы на поверхности и почти всегда осознаваемые, но очень трудно повлиять на те психологические механизмы, которые дают человеку возможность подтвердить или утвердить свое социальное бытие путем незаконного овладения материальными благами. Также сложна коррекция мотивов имущественных преступлений ради адаптации к среде либо, наоборот, для ведения дезадаптивного, часто бездомного, паразитического образа жизни. В первом случае взгляды и представления, а следовательно, и лежащие в их основе ценности носят наиболее рациональный характер, достаточно осознаются личностью. Стремление к обладанию материальными ценностями непосредственно стимулирует поведение. Во втором же случае внутренние, субъективные детерминанты краж, хищений и т. д. как бы завуалированы для самого индивида теми отношениями, которыми он связан со средой, или тем образом жизни, который он ведет.

Исходя из сказанного, особенно учитывая неосознаваемый характер многих мотивов, можно предположить, что мотивы, точнее, их совокупность шире ценностно-нормативной системы личности. При этом ценности, как мы отмечали, могут выступать в качестве мотивов, в том числе на бессознательном уровне.

Не пытаясь дать определение мотивов преступлений, отметим лишь, что они, по-видимому, включают в себя не только ценности, но и потребности, эмоции, влечения и другие компоненты, составляющие целостность личности и детерминирующие ее активность. Поэтому мы полагаем, что объектом индивидуального предупредительного воздействия на личность должна быть вся мотивационная сфера, а не только ценности. Однако именно ценности в силу рационального характера многих из них в наибольшей степени могут поддаваться изменению и перестройке, в чем мы видим одну из основ успеха предупредительной деятельности, включая исправление преступников.

Здесь мы вплотную подошли к чрезвычайно сложной и практически важной проблеме **бессознательных** мотивов преступного поведения. Их раскрытие позволяет ответить на вопросы: почему и ради чего совершены те преступления, смысл которых неясен или неочевиден, почему в данной ситуации человек совершил именно эти преступные действия, а не какие-либо другие, каково вообще происхождение ведущих мотивов поведения конкретного лица, какую роль они играют в его жизнедеятельности в целом? Изучение бессознательных мотивов, как и всей сферы бессознательного, позволяет значительно лучше понять конкретную личность и ее отношение к миру.

До сих пор юристы и криминологи очень редко обращались к сфере бессознательного для установления действительных мотивов многих преступлений. Они исходят, во-первых, из осознанности всех мотивов преступлений и, во-вторых, не владеют методами выявления таких мотивов. Имеющиеся в литературе объяснения субъективных причин значительной части преступлений, особенно насильственных и сексуальных, носят поверхностный характер и не способствуют решению актуальных проблем теории и практики борьбы с преступностью. Обычно мотив не “извлекается” из личности, а приписывается ей, исходя из внешней оценки преступных действий на базе установившихся традиций. Именно по этой причине преступники редко осведомлены о том, почему они совершили преступления, и поэтому у них существенно затрудняется возможность контролировать свое поведение.

Можно ли утверждать, что бессознательные мотивы преступного поведения начинают формироваться в детском возрасте? По-видимому, такое утверждение будет не совсем точным. Однако справедливо, что именно в детстве начинает формироваться отношение человека к окружающему миру, ощущение себя в этом мире, устанавливаются и развиваются связи с ним. Именно в детстве возникают отношения и ощущения, лежащие в основе мотивов преступного поведения. Роль бессознательных мотивов определяется степенью зависимости субъекта от конкретных условий его существования. Чем более жесткой является эта зависимость, тем более вероятным оказывается совершение преступления, причем зависимость начинает управлять поведением в той степени, в которой он не осознает ее существования.

Ощущение среды как опасной для индивида, несущей угрозу его бытию чаще всего не осознается в первую очередь потому, что оно слишком травматично и поэтому “переводится” в

сферу бессознательного. В то же время зависимость тревожной личности от неблагоприятной среды весьма велика, поскольку эта личность постоянно и жестко привязана к этим внешним условиям. В данном смысле такая личность несвободна в целом и по отношению к конкретным жизненным ситуациям, так как еще недостаточно выделила сама себя из среды. Соответственно низок у нее уровень осознания сущности и смысла собственных действий, их субъективной значимости.

Преступники почти не способны “подняться” над возникшей жизненной ситуацией, взглянуть на нее со стороны, избрать иной, кроме противоправного, разрушительного, способ ее разрешения. Психологически это происходит в первую очередь потому, что они, можно сказать, без остатка растворяются в происходящем, намертво связаны с определенными внешними условиями, действиями других лиц, что исключает или во всяком случае серьезно затрудняет анализ и оценку этих условий и действий, а следовательно, и принятие автономных решений. То, что значительное большинство преступников не способно к анализу и оценке, доказывается приведенными выше эмпирическими данными о том, что они отличаются по сравнению с законопослушными гражданами повышенной эмоциональностью и застреманностью эмоций и переживаний.

Тот факт, что мотивы некоторых преступлений могут быть скрыты от сознания субъекта, не освобождает лиц, совершивших преступления по неосознаваемым ими мотивам, от уголовной ответственности и наказания. Совершая убийство, субъект обычно не осознает собственных глубинных побуждений к данному поступку, их внутреннего смысла, но он должен осознавать преступный характер своего действия.

То, что бессознательные мотивы преступного поведения определяются повышенной тревожностью личности, а тревожность в свою очередь порождается ее отчужденностью и дезадаптацией, подводит нас к мысли о том, что, во-первых, эти мотивы отражают личность как целостность, как сложную систему ее свойств, проявляемых в тех или иных ситуациях. Такой подход избавляет от однолинейных и примитивных объяснений типа “корысть - кража”, искажающих истинную природу преступного деяния. Во-вторых, указанные мотивы, выявляющие основные личностные тенденции, связаны со всей прожитой жизнью индивида и вне ее не могут быть поняты. В-третьих, бессознательные мотивы, поскольку они вызваны тревожностью, на уровне психики выполняют функции защиты - и физической, и психологической.

Можно, следовательно, выстроить схему: такая личность - такие Е мотивы - такое поведение. В этом случае последнее не предстает : чем-то случайным. Напротив, оно целесообразно и закономерно именно для данного субъекта. Преступное поведение регулируется, как правило, не сиюминутно актуальной, а основной, постоянно готовой к реализации установочной потребностью. Ею, на наш взгляд, выступает необходимость защиты своего биологического или (и) социального бытия, его подтверждения, обретения уверенности и снижения таким путем беспокойства и тревожности.

Очевидно, что мотивы имеют определенные пласты и верхние из них, особенно те, которые выполняют функции непосредственного побуждения к действию, чаще всего осознаются личностью. Значительно меньше, а обычно вообще не охватываются сознанием глубинные уровни, которые и заключают в себе субъективный смысл поведения, его личностную значимость. Например, похищая чужое имущество, преступник понимает, что это принесет ему материальный комфорт, лучший достаток, а следовательно, “целесообразно” совершать такие поступки. Но от его сознания ускользает, что подобным образом он утверждает (или подтверждает) свое социальное бытие и обеспечивает его защищенность, снижает беспокойство по поводу своей социальной определенности и положения среди окружающих. Глубинный и в данном случае наиболее мощный пласт мотивации как раз в этом и состоит.

Аналогичную картину можно обнаружить при анализе мотивов бродяжничества. Лицо, систематически ведущее бродячий образ жизни, конечно, осознает, что своим поведением уклоняется от общественно полезной деятельности, поддержания нормальных отношений в семье и иных малых социальных группах. Как правило, эти люди и не оспаривают негативную оценку своего образа жизни, более того, они вполне искренне заверяют в желании раз и навсегда покончить с бездомным существованием. Но они не осознают, что все это им нужно для того, чтобы избежать социальной идентификации, социального контроля, сохранить личностную целостность. Тем более они не знают причин такого поведения, заключающихся в их отвержении родителями в детстве, точнее, не осознают отвержения в качестве криминогенной причины.

Поэтому без специального воспитательного воздействия с целью перестройки внутренних установок они не способны жить иначе. Поскольку же бродяги, как и другие преступники, лишены такой помощи, у них не формируется способность управлять своим поведением, самостоятельно принимать решения, а не попадать в жесткую зависимость от внешних обстоятельств.

Чаще всего человеком не осознается психологическая структура своей личности. Если в этой структуре личности преобладают какие-то особенности, то они могут не только “срабатывать” в неадекватных для нее психотравмирующих или провоцирующих условиях, но и порождать соответствующие ситуации. Например, человек, в структуре личности которого преобладают паранойяльные черты, характеризующиеся подозрительностью и мнительностью, всегда найдет повод для ревности и обиды. Можно полагать, что это закономерность функционирования данного типа, которая, однако, не ведет с неизбежностью только к преступным действиям.

Унижения, несправедливое, жестокое обращение в детстве могут оставлять неизгладимый след в эмоциональной структуре личности и при определенных условиях порождать соответствующие формы поведения. Однако в сознании личности эта связь обычно не отражается. В повседневной жизни она наиболее ярко проявляется в выборе друзей, подруг, жен, сожительниц, мужей. Зафиксированные в психике ребенка, прежде всего в его эмоциональной сфере, образцы, ассоциированные с конкретными лицами, являются как бы моделью для последующего выбора или создания ситуаций и круга общения. Чем сильнее эти ранние фиксации, тем жестче модель определяет выбор и поведение вплоть до полной зависимости лица от ситуации или от другого человека. Нередко тот (или та), от кого лицо находится в жесткой зависимости, становится его жертвой, о чем мы уже писали выше.

Мотивы почти всегда носят бессознательный характер при совершении так называемых **замещающих** действий. Суть этих действий в том, что если первоначальная цель становится недостижимой, то лицо стремится заменить ее другой - достижимой. Например, если действие, при помощи которого лицо рассчитывало добиться осуществления своей цели, является нереальным, оно выполняет иные действия, могущие привести к той же цели. Благодаря “замещающим” действиям происходит разрядка (снятие) нервно-психического напряжения. Примером может служить поведение насильственных преступников. Как правило, их преступления направлены против определенных, конкретных лиц. В отдельных же случаях насилие применяется к лицу, не являющемуся непосредственным поводом преступного поведения. Создается иллюзия отсутствия какой-либо психической причинности в действиях правонарушителя. “Замещающиеся” действия часто встречаются в бытовой сфере. Знание их психологической природы приобретает практический интерес и для уголовно-правовой сферы.

“Замещение” действий, т. е. смещение в объекте действия, может проходить разными путями. Во-первых, путем “растекания” поведения, когда насильственные побуждения направлены не только против лиц, которые являются источником недовольства, но и против близко связанных с ним родственников, знакомых и т. д. В этих случаях правонарушитель, поссорившись с одним человеком, переносит свои враждебные чувства на близких и друзей этого человека. Во-вторых, путем выражения так называемых смежных ассоциаций. Например, школьник, недовольный учителем, рвет или кидает учебники по предмету, который преподает этот учитель. В-третьих, путь “замещающих” действий состоит в том, что они направлены против лица или неодушевленного предмета, которые первыми “попались под руку”. В этом случае объект нападения беззащитен, а нападающий уверен в своей безнаказанности. В-четвертых, видом “замещающих” действий выступает “автоагрессия”, т. е. перенос насилия на самого себя. Не имея возможности исполнить свои агрессивные намерения вовне, лицо начинает “бичевать себя” и нередко причиняет себе увечья или кончает жизнь самоубийством.

Выявить мотивы так называемых замещающих действий всегда достаточно сложно, и, к сожалению, следствие и суд не всегда в состоянии с этим справиться, так как, анализируя действия виновного, должностные лица не выходят за пределы той ситуации, в которой было совершено преступление. Разумеется, это необходимо, но абсолютно не достаточно. Знание субъективно важных обстоятельств, предшествовавших ситуации преступления, всей жизни обвиняемого поможет понять, каково значение для него совершенных им уголовно-наказуемых действий, какие субъективные задачи он при этом решал, почему, не решив их вначале, он продолжал искать иные возможности, т. е. почему ему было необходимо совершить эти действия.

Интересно отметить, что сами виновные обычно пребывают в полном неведении по поводу того, почему они их совершили, что двигало ими. Поскольку преступники при совершении этих действий чаще всего бывают в нетрезвом состоянии, то этим они обычно и объясняют свое поведение.

Наиболее же общим для всех изученных нами преступников был факт почти полной неосознаваемости ими смысла своих действий, они не могли ничего сказать ни о мотиве убийства, ни о цели. Причем на осознание этого их не могли натолкнуть никакие “наводящие” вопросы. По картине поведения при ответах на вопросы, касающиеся мотивов и цели убийства, можно было заключить, что эти лица вообще не “входят” в смысл подобных вопросов, и они звучат для них как бы на другом, совершенно непонятном языке. Как правило, преступные действия, за которые они были осуждены, воспринимаются ими как случайность, как нечто, что не могло с ними произойти. Все это создает впечатление отчуждения осужденным своего преступления, причем это отчуждение не всегда носит характер активного отрицания, но пассивного, молчаливого неприятия.

Для иллюстрации бессознательного характера мотивов преступного поведения приведем следующий пример.

Н., 17 лет, ранее был судим за разбойное нападение, осужден за убийство из хулиганских побуждений. Оно совершено им при следующих обстоятельствах: около 23 часов недалеко от своего дома, будучи в состоянии опьянения, встретил свою родственницу К., 67 лет, заташил ее между частными гаражами, где повалил на землю и, не предпринимая попыток изнасилования, изуверски вырвал рукой влагалище. После этого он ударил ее ножом в сердце, отрезал правую грудь и отбросил ее. Ничего не сделал для сокрытия преступления, Н. ушел домой и сразу же уснул. Убийство квалифицировано как совершенное из хулиганских побуждений. Признан виновным с констатацией психопатоподобных черт характера.

В этом преступлении прежде всего надо отметить внешне ничем не мотивированные особо жестокие и циничные действия преступника, который никогда не имел никаких конфликтов с потерпевшей. Данных о намерении изнасиловать ее, человека пожилого, или ограбить не имеется. Поэтому вызывает несогласие утверждение “убийство из хулиганских побуждений”. Необходимо искать мотивы убийства в обстоятельствах жизни преступника, в тех реальных социальных условиях, в которых он находился, в глубинах его психики.

Как выяснилось в ходе беседы с осужденным и изучения имеющихся в его деле материалов, Н. отличался наглым, несдержанным поведением, часто употреблял спиртное, учинял хулиганские действия, дрался, всегда был агрессивен. В то же время, по сделанному им в беседе признанию, он был девственником, хотя очень стремился к половым контактам с женщинами, но это ему не удавалось. Был влюблен в девушку, жившую по соседству (татуировка с ее именем (“Надя”) имеется на кисти его левой руки), однако, несмотря на его неоднократные усилия и благоприятные ситуации, половой близости с ней не смог достичь.

Следовательно, есть все основания предполагать, что у Н. из-за невозможности удовлетворения актуальной половой потребности нарастала фрустрация, аффективное напряжение, развивались неосознаваемые состояния неуверенности, неполноценности, ущемленности. Это причиняло ему страдания и требовало выхода вовне, что в сознании могло выступать под маской “справедливого негодования” против кого-либо из окружающих, чему способствовали постоянная агрессивность, а также нетрезвое состояние, ослабляющее, как известно, самоконтроль.

События непосредственно перед убийством благоприятствовали спонтанному повышению напряженности имеющегося у Н. агрессивного аффекта. Как он рассказал в беседе, в этот день он после выписки никак не мог найти Надю, хотя много раз приходил к ней домой. Впоследствии оказалось (с его же слов), что Надя была в кино, но ее отец, отрицательно относившийся к Н., говорил ему, что она уехала из города. В последний раз он сказал ему об этом около 23 часов, после чего Н. сразу пошел домой, но по дороге встретил К. и убил ее. Иными словами, это произошло в момент наивысшего напряжения аффекта у Н.

Теперь сопоставим приведенные данные, не нашедшие оценки в приговоре, с событиями преступления. По существу Н. лишил К. признаков ее пола, десексуализировал ее, в чем убеждают все его действия. Поступки Н. носят как бы символический характер, и его жертвой, по-видимому, могла быть любая женщина, кроме Нади, которую он, по его словам, любит до сих пор и ни за что бы не обидел (татуировка на руке свидетельствует о том же). Женские половые органы являлись для него источником страданий, и он уничтожил их. То, что после

убийства Н. сразу уснул, говорит о том, что оно привело к разрешению, снятию сильнейшего напряжения, подтверждая тем самым наше толкование событий.

Таким образом, действия Н., которые вначале представляются непонятными и немотивированными, подвергнутые психологическому анализу, приобретают определенное значение и смысл, для него - неосознаваемый. Мотивы данного преступления - в сфере бессознательного. Следовательно, утверждение суда о хулиганских мотивах ничем не подтверждается и представляет собой неудачную попытку объяснения события, сущность которого могла быть понята лишь с помощью специальных психологических усилий, предпринятых психологом-экспертом. Заметим, что вообще многие убийства квалифицируются судами как совершенные из хулиганских побуждений только потому, что ни следствие, ни суд не смогли найти их действительные мотивы. Это еще одна причина, говорящая о необходимости более интенсивных психологических исследований в теории и практике борьбы с преступностью.

Что касается самого Н., то он вообще не смог дать никаких вразумительных объяснений по поводу содеянного. Они сводились лишь к тому, что он был пьян и ничего не помнит. Перевоспитание Н. в колонии сводилось к разъяснению ему вреда злоупотребления спиртными напитками и учинения хулиганских действий, что, как мы попытались показать, в данном случае никак не соответствует действительным мотивам совершенного тяжкого преступления.

Бессознательная мотивация убийств связана с тем, что у большинства убийц отсутствует чувство вины за совершенное преступление. В этом убеждает то, что содержание и эмоциональный тон их высказываний лишены элементов раскаяния. Психологически весьма симптоматично, что некоторые преступники-убийцы легко принимают вынесенное им наказание, согласны с ним, иногда даже считают его недостаточным. Объяснением этому может быть то, что при отсутствии чувства личной виновности имеет место осознание социальной ответственности, ее неизбежности и необходимости.

Следует отметить, что почти все обследованные нами осужденные, за убийства, согласные с наказанием, не удовлетворены ходом следствия и суда по их делу, указывают на неточность либо искажение следователем и судом важных, по их мнению, фактов. Они считают, что их действия юридически неправильно квалифицированы, что не учтены многие смягчающие их личную ответственность обстоятельства. При этом эмоциональный тон их высказываний о ходе следствия носит достаточно выраженный индифферентный характер. Однако мы склонны видеть в обсуждении темы следствия и суда попытку переместить внимание с совершенного преступления на действия следователя, суда или прокурора по поводу этого преступления. Преступники охотнее обсуждают действия следователя или судьи, свидетелей или очевидцев, чем свои собственные. Следовательно, отношение преступника к наказанию начинает формироваться не после вынесения приговора, а задолго до этого, еще в период следствия, что достаточно красноречиво говорит об их общей отчужденности.

В таком смещении акцентов еще раз проявляется отчуждение осужденным факта преступления от собственной личности и осознание его через действия других людей. Ведь по существу именно следствие и судебное разбирательство вводят этих людей в круг их собственных действий. Именно следствие и суд показывают им все детали преступлений, именно следствие и суд через анализ преступных действий и других обстоятельств устанавливают, кто их совершил. Однако констатация такого факта чаще всего существует лишь для следователя и суда, преступник же не ощущает себя источником наступивших последствий. В определяющей степени это связано с бессознательным характером мотивации преступлений.

Часто возникает вопрос: являются ли открыто провозглашенные намерения "реальными" мотивами их поведения? Т. Шибутани считает, что, конечно, между публично провозглашенными и осознаваемыми субъектом намерениями иногда существует различие, но важно другое: является ли объяснение причин того, что люди делают, адекватным толкованием их поведения? Поскольку многие их поступки произвольны и неосознанны, ответ, очевидно, должен быть отрицательным.

Прежде всего отметим, что и в преступном поведении достаточно часто можно встретить расхождение между провозглашенными намерениями и реальными мотивами. Если они не совпадают, то не только и не столько по причине того, что преступник желает обмануть окружающих. Скорее дело в неосознаваемости значительного числа мотивов преступлений, которые из-за этого не совпадают, да и не могут совпадать, с высказанными намерениями. Например, главарь хулиганствующей группы подростков может заявить, что избиение

участников конкурирующей группы необходимо, чтобы покарать их за какие-то враждебные действия. На самом деле подобная акция нужна ему для того, чтобы сплотить своих и усилить среди них свою лидирующую роль. Расхождение декларируемых намерений и истинных мотивов можно часто обнаружить при совершении хищений государственного и общественного имущества.

Конечно, выявить мотивы преступлений всегда достаточно сложно, и особенно если они носят бессознательный характер. То, что на первый взгляд иногда представляется ведущим мотивом, в действительности может оказаться одним из второстепенных стимулов или вообще не иметь никакого стимулирующего значения. Поэтому перед сотрудниками органов внутренних дел и других правоохранительных учреждений да и перед многими исследователями стоит задача кропотливого поиска подлинных мотивов преступлений и при этом они должны помнить, что мотив и мотивировка далеко не одно и то же. Между тем именно мотивировка, данная следствием или судом либо самим преступником, юристами, научными и практическими работниками воспринимается именно как мотив. Нередко мотивировки, данные обвиняемым, кладутся в основу определения мотивов, формулируемых затем следствием и судом в их процессуальных актах.

Мотивировка - рациональное объяснение причин действия посредством указания на социально приемлемые для данного субъекта и его окружения обстоятельства, побудившие к выбору данного действия. Мотивировка выступает как одна из форм осознания мотивов, с ее помощью человек иногда оправдывает свое поведение или маскирует его с целью психологической защиты. Не следует упускать из виду и те, в общем-то редкие, случаи, когда посредством мотивировки пытаются скрыть подлинные мотивы.

В воспитательной работе, например с осужденными, сотрудники исправительно-трудовых учреждений обычно исходят из тех мотивировок, которые имеются в приговорах по уголовным делам. Однако во многих приговорах, даже по уголовным делам об убийствах и нанесении тяжких телесных повреждений, указания на мотивы преступлений вообще отсутствуют. Так, изучение значительного числа уголовных дел об умышленных убийствах показало, что во многих из них данные о субъективных причинах преступлений ничего общего с мотивами не имеют (например, в них указывается на убийство "на почве пьянства", убийство "из-за враждебных отношений и ссоры" и т. д.).

Правоохранительные органы, пытаясь определить мотив, во-первых, исходят из перечня, который имеется в некоторых статьях уголовного закона и за пределы которого, даже если это диктуется обстоятельствами дела и личностью виновного, следствие и суд, как правило, не выходят. Между тем, например, ст. 102 УК РСФСР не содержит перечня мотивов убийств. В ней лишь указаны признаки, квалифицирующие наиболее опасные виды этого преступления. Во-вторых, указанные органы при определении мотивов руководствуются давно устоявшимися, устаревшими представлениями, не соответствующими современным достижениям психологии о субъективных источниках человеческой активности. Слабо разработаны проблемы мотивации в криминологии и уголовном праве. В-третьих, многие работники следствия и суда, милиции и исправительно-трудовых учреждений считают, что корыстные преступления порождаются корыстными мотивами, насильственные - хулиганскими побуждениями. Однако известно, что, например, подростки совершают кражи не для того, чтобы завладеть какими-то материальными ценностями, а с целью демонстрации своей силы, ловкости, сообразительности. Указание на хулиганские побуждения тоже мало что дает для индивидуальной работы с преступниками, поскольку не содержит конкретных данных о побудительных силах преступления. Практика показывает, что к формулировке "хулиганские побуждения" прибегают обычно тогда, когда неясны истинные мотивы преступлений.

Выявление и изучение мотивов преступного поведения важно не только для расследования преступлений, предупредительной работы с конкретными лицами, успешного воспитательного воздействия на отдельных преступников, правильной квалификации преступлений, но и для решения более общих задач профилактики преступности. Мы имеем в виду типологии личности преступника в зависимости от мотивов преступного поведения. Созданные на этой основе, они будут весьма ценны именно в профилактических целях, поскольку нельзя успешно предупреждать преступления, если не знать мотивы, по которым они совершаются. Однако вначале следует назвать и проанализировать эти мотивы.

Будем помнить, что, поскольку преступники в своей массе отчуждены и дезадаптивны, а также отличаются тревожностью, мотивы преступного поведения выполняют функции защиты их

личности. На этом глубинном и в то же время бытийном уровне они не фиксируются сознанием. Этот вывод представляется чрезвычайно важным для понимания природы такого поведения. Подводя некоторые итоги, мы хотели бы вновь подчеркнуть, что изучение мотивов преступного поведения, попытка понять его глубинные, неосознаваемые личностью причины продиктованы желанием не оправдать, не защитить преступника, а понять движущие силы преступления, объяснить его и вызываются потребностями цивилизованного правосудия. Одно наказание заслуживает виновный, убивший, например, обидчика, и другое, более суровое, - тот, кто "просто" стрелял по прохожим и убил одного из них. Знание мотивов необходимо и для того, чтобы предметно перевоспитывать конкретного осужденного, помочь ему начать новую жизнь без рецидивов правонарушений.

Нелишне еще раз обратить внимание на то, что незнание преступником подлинных мотивов своего поведения не освобождает его от уголовной ответственности. Виновный наказывается только за то, что он совершил поступок, запрещенный уголовным законом.

2. Самоутверждение и защита

Среди мотивов преступного поведения чаще всего фигурируют следующие: корысть, месть, ревность, хулиганские побуждения. Выше мы уже говорили о том, что эти субъективные факторы сами по себе вряд ли способны порождать только уголовно наказуемые действия. Корысть, месть, ревность - очень широкие "житейские" понятия, включающие самое различное содержание. Еще более неконкретно понятие "хулиганские побуждения".

Необходимо знать, какую функцию (или функции) выполняют названные мотивы в отношении личности, какую "службу" ей служат, в чем для нее психологическая "выгода" от совершения преступных действий, побуждаемых данными стимулами. Этот момент мы считаем наиболее важным для понимания мотивов преступлений, и именно по той причине, что любое субъективное побуждение должно освещаться с позиций личностного смысла, личностной значимости. Но к такому пониманию мы вернемся несколько позже, а сейчас хотя бы в общем виде рассмотрим, что такое корысть, месть, ревность и хулиганские побуждения.

В большинстве словарей русского языка корысть определяется как .выгода, материальная польза и на первый взгляд не содержит ничего дурного. Однако отражаемое этим понятием явление со временем стало пользоваться у нас плохой репутацией. В нем начали усматривать только жадность и накопительство, стремление лишь к наживе и достатку, сведение всех отношений к материальной выгоде, абсолютизацию личного материального интереса. При этом в недавнем прошлом провозглашалось, что советские люди, наподобие первых христиан, менее всего должны думать об имущественных благах и не преследовать личные интересы. Разумеется, объявлялось, что в нашем обществе корысть - это пережиток, а в буржуазном - основная движущая пружина действий людей в сфере общественной деятельности и личных взаимоотношений.

Вот что написано о корысти у советских юристов: это одно из самых сильных побуждений, толкающих людей на совершение преступлений; она порождает больше всего зла на земле и возникла вместе с частной собственностью. Корысть, стремление к обогащению становятся при капитализме основным стимулом человеческой активности, а накопительство осуществляется ради накопительства. В советском же обществе корысть рассматривается как отрицательное моральное качество и обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность, а некоторые формы проявления корысти, с которыми сталкивается судебная практика в условиях капиталистического общества, в советской действительности не только не встречаются, но и просто немыслимы. Наряду с такими прекрасноречивыми утверждениями некоторые юристы справедливо отмечали, что этот мотив связан со стремлением получить какое-либо имущество или право на него, избавиться вследствие совершения преступления от каких-либо материальных затрат, незаконно обогатиться или получить выгоду, нарушая тем самым имущественные права других.

Однако не следует безоговорочно соглашаться с подобным пониманием корысти, поскольку здесь в сущности имеется в виду не корысть, а корыстолюбие, что далеко не одно и то же. В то же время совершенно неверно объяснять корыстью или корыстолюбием совершение всех имущественных преступлений: разве страсть к накопительству и нажива определяют действия

мелкого воришки, крадущего для того, чтобы приобрести средства на водку? Разве всегда исключительно из жадности воруют и грабят подростки, а расхитители похищают имущество?

Мы полагаем, что корысть, а точнее, корыстолюбие может быть мотивом многих имущественных преступлений, но необходимо понять, что психологически выигрывает человек, приобретая таким путем материальные блага. Очевидно, что ни жадность, доведенная до скопидомства, ни постоянное алчное стремление к материальной выгоде и ориентация в жизни только на нее, ни страсть к накопительству сами по себе однозначно не порождают преступное поведение. Однако одного мотива корысти (или корыстолюбия) недостаточно, чтобы встать на преступный путь, нужен и иной стимул. Им, на наш взгляд, может быть еще один мотив - утверждения (или подтверждения) себя в жизни, о чем будет подробно сказано ниже. Только действуя вместе, они и приводят к преступлению.

Месть означает ответное намеренное действие в отплату за зло, возмездие за что-нибудь, например за оскорбление, обиду, страдание, материальный убыток. В далеком прошлом она считалась важной общественной добродетелью и одним из регуляторов отношений между людьми. В современной нравственности месть в основном расценивается как порок, в чем немалая заслуга христианской религии. Действительно, она не может считаться эффективным и человеческим способом разрешения конфликтов, подчас же создает лишь видимость восстановления справедливости, но на самом деле не может обеспечить ее, так как по большей части зиждется на агрессии и грубой силе. Одна месть влечет другую, одно насилие - Другое, и в целом это порождает атмосферу вражды, ненависти, настороженности и недоверия между людьми или группами. Национальные конфликты можно представить себе как, в общем-то, бессмысленную месть.

Невозможно дать хотя бы примерный перечень ситуаций, вызывающих месть, или ситуаций, в которых она реализуется. Это действия, начиная с насилия в ответ на устное оскорбление и кончая кровной мстью (в данном случае нас интересует лишь уголовно наказуемая месть). Вызвавшие ее поводы могут быть совершенно неадекватны характеру ответных действий, и здесь все или очень многое зависит от субъективного восприятия виновным сложившейся ситуации и от его собственных возможностей. Поэтому так важно выяснить все обстоятельства, породившие месть.

Что же такое месть как мотив преступления? Прежде чем пытаться решить эту сложную проблему, поставим еще один вопрос: всегда ли отомстивший человек получает удовлетворение от мести, т. е. от нанесения другому ущерба, порой очень серьезного и даже непоправимого? Думается, что это далеко не так, и особенно в тех случаях, когда отмщение предписывается ему окружением, причем сама месть выступает в качестве одной из норм ценимой или навязываемой ему культуры. Мы имеем в виду в первую очередь кровную месть, когда виновный стремится не только, а иногда и не столько получить удовлетворение от предпринятого насилия, сколько исполнить обычай, который лично ему, может быть, даже чужд. Предписанная месть не носит поэтому сугубо личного характера, а приобретает общественное звучание, нередко достаточно широкое. Так, в среде преступников жестко предписывается, что определенные действия, в том числе словесные оскорбления, обязательно должны вызывать ответное насилие. В противном случае, как и при неисполнении кровной мести, человек осуждается сообществом и в связи с этим подвергается различным санкциям, подчас весьма унижительным и жестоким.

Сказанное позволяет утверждать, что иногда месть носит вынужденный характер и о личном удовлетворении можно говорить не в связи с тем, что преступник причинил страдание или смерть потерпевшему, а потому, что он исполнил обычай. Но можно ли подобные действия назвать мстью, если она навязана извне, и в чем тогда ее личностный смысл? Представляется, что по внешним признакам это все-таки месть, но она не может оцениваться в качестве мотива соответствующих действий. Им выступает стремление утвердиться на социально-психологическом уровне, т. е. "сохраниться" в глазах группы, подчас очень большой, например национальной, или иного сообщества. Неподчинение обычаям означает катастрофу, полное крушение, утрату всего наиболее ценного: социального положения, авторитета, уважения окружающих, иногда имущества и даже жизни, - изгнание из общности, а значит, небытие, несуществование, чаще всего социальное. Таким образом, здесь мотив как бы защищает личность, и он отражает главным образом отношения не с жертвой мести, а со своей средой и с самим собой.

Теперь рассмотрим другой вариант: месть осуществляется по инициативе, по желанию самого преступника, его никто на это не толкает и к этому не принуждает; если давление извне и есть, то

оно минимально, не носит характера ультиматума и, уж во всяком случае, не расходится с его собственным стремлением. Но выступает ли здесь месть в роли мотива? Думается, что не всегда, поскольку субъективный смысл агрессивных "мстящих" действий состоит не просто и не только в причинении вреда кому-то. Эти действия, напомним, всегда совершаются в ответ на оскорбление, обиду и т. д., на уже содеянное зло, которое воспринимается мстящим именно в таком качестве. Оно, это зло, может вызывать тяжкие, глубокие страдания, потрясение, психотравмирующие аффективные переживания.

Можно предположить, что собственно месть может выступать в качестве мотива в тех случаях, когда она не связана с необходимостью психологической защиты себя, своего бытия, представления о себе в глазах окружающих. Это, например, месть (в том числе кровная) за убийство близкого человека, когда убийце наносится такой же или примерно такой же вред, чтобы этим удовлетворить свое чувство справедливости и, возможно, хотя бы в такой форме компенсировать (психологически!) понесенную утрату. Стремление обеспечить справедливость может заявить о себе, когда обдумывается месть человеку, который представляется носителем опасных пороков или совершил тяжкие преступления. При этом он мог и не причинить ущерб самому мстителю, а совершить безнравственные или преступные действия в отношении третьих лиц, даже и незнакомых. В таком аспекте мотив отражает в основном отношения с объектом мести.

В других случаях, когда агрессия совершается с тем, чтобы на психологическом уровне отстоять представление о самом себе, отразить посягательства на свой биологический или социальный статус, мотивом выступает не месть, а утверждение (подтверждение) себя в среде, а также самоутверждение. Здесь, как и при вынужденном подчинении давлению окружающих, определяющая роль принадлежит повышенной тревожности, которая окрашивает все возникающие связи и процессы в соответствующие тона. Мотив же отражает отношения не с жертвой мести, а со всей средой и с самим собой, причем тревожность часто мешает адекватно воспринимать действительность. Конечно, одни и те же поступки могут порождаться и мотивами мести, и мотивами утверждения, что делает их еще более целеустремленными.

Месьть может быть связана с ревностью. Последняя представляет собой не только недоверчивость, мучительные и тягостные сомнения в чьей-то верности и любви, в полной преданности, но и желание владеть чем-то. По своему содержанию ревность есть не что иное, как стремление человека к тому, чтобы все - и успехи, и заслуги, и расположение других людей - безраздельно принадлежало только ему, "однако проявление этого чувства не следует всегда расценивать в качестве анахронизма или пережитка прошлого, ибо ревность представляет собой хотя и побочный, но неизбежный продукт соревнования между равноправными индивидами или группами"!

Нет сомнений, что ревность, как и зависть к чужим успехам, страстное стремление владеть всем тем, что человек видит у других и что в его глазах представляет значительную ценность, может побуждать к совершению преступных действий. Но давайте разберемся, почему это происходит, почему такие желания неумолимо толкают одних людей к безнравственным поступкам, а у других ничего подобного даже не возникает? Почему личность испытывает неприязнь и вражду к лицам, достигшим каких-то успехов или положения в жизни?

Конечно, одних эти успехи и достижения совсем не взволнуют, других - лишь отчасти, а третьи - именно они нас и интересуют - почувствуют острую и непроходящую зависть, беспокойство и неуверенность в себе и своем социальном существовании, поскольку не они владеют вожаделенными ценностями. Вот если бы эти ценности были в их руках, тревожность и беспокойство значительно снизились бы или вообще исчезли, они перестали бы ощущать эту травмирующую угрозу своему бытию, этот неясный и глубоко лежащий страх за себя. Но такого рода надежды напрасны, поскольку повышенная тревожность как фундаментальная черта их личности вновь и вновь будет порождать зависть, ревность и страх.

Да, страх как желание удержать достигнутое и одному наслаждаться им, одному пользоваться вниманием, расположением и приязнью другого лица. Поэтому ревность можно понимать как вид страха при стремлении обладать какой-то ценностью и удержать ее. Ревность всегда питается боязнью потери этой ценности, причем для ее возникновения не имеет значения, вызвано это чувство действительными или ложными причинами.

Как мы видим, не сама ревность является мотивом поведения, а то, что лежит в ее глубине и ее же в определенной мере порождает - стремление утвердить себя, подтвердить свое бытие путем овладения новыми благами, которые есть у других. Этот мотив может порождать имущественные

преступления, особенно кражи. В еще большей мере он характерен для преступных действий, в которых четко проявляется насилие, прежде всего для грабежей, разбоев и вымогательств. Можно полагать, что здесь насилие выступает в качестве инструмента мести тому, кто демонстрировал до этого несостоятельность, незначительность, несущественность виновного, поскольку не он, а "обладатель" имел ту самую ценность и распоряжался ею. Тем самым преступник утверждает себя, и в первую очередь в собственных глазах.

Представляется, что подобного рода мотив имеет гораздо большее распространение при совершении преступлений, чем нам представляется сейчас. Очевидно, что такой мотив достаточно часто можно обнаружить в уголовно наказуемых действиях молодых людей, завидующих чужому достатку, общественному положению или признанию тех, кто имеет престижную одежду, автомобиль, мотоцикл или магнитофон либо пользуется расположением девушек и т. д. Именно этим во многом можно объяснить особую жестокость, цинизм и разрушительность действий преступников при совершении некоторых разбойных нападений, когда, например, потерпевший подвергается бессмысленному избиению, уничтожаются его вещи и т. д.

В том, что мы сейчас сказали о ревности, не выделен один очень важный и сложный аспект, который связан с отношениями между полами. Этот аспект обоснованно вызывает повышенный криминологический интерес, поскольку многие преступления против личности совершаются из ревности.

Неосознаваемое ощущение своей неполноценности и ущемленности, угрозы своему бытию может мотивировать многие преступления, обычно относимые к тем, которые совершаются из ревности. Подобное ощущение связано с тем, что лицо, вызывающее ревность, демонстрирует другому его неполноценность, недостаточность как мужчины (женщины), поскольку предпочитает ему какого-либо иного человека. Эта демонстрация может быть чрезвычайно травматичной и невыносимой, и, по-видимому, в моменты, когда тревожность достигает наивысшего уровня, а насильственные действия представляют собой попытку как бы защитить себя, нравственные и иные запреты теряют силу.

Так, мотивом действий Карандышева ("Бесприданница" А.Н. Островского) является, на наш взгляд, не ревность, а стремление защитить свой социальный и биологический статус. Он убивает Ларису не просто потому, что она ушла к другому, а потому, что этим она показала ему его ничтожность как мужчины и мелкого чиновника, предпочтя блестящего Паратова. В его преступлении нет ни безмерного эгоизма, ни просто стремления во что бы то ни стало обладать любимым существом, поскольку мы не знаем, действительно ли он любил Ларису. Это скорее месть судьбе, реакция на тяжкое унижение, когда смертельной опасности подвергается все то, что составляет основу жизни. Именно под влиянием такой опасности зреет ненависть и злоба.

Иногда ревностью полагают месть за поруганное доверие, за бесчестное поведение и обман. Ошибку эту совершают и те, которые считают ревнивым Отелло. На самом деле это совсем не так. Пушкин справедливо сказал о нем: "Отелло от природы не ревнив - напротив: он доверчив". Сам Отелло говорит:

*Ты думаешь, я жизнь бы мог заполнить
Ревнивыми гаданьями? О нет!
Я все решил бы с первого сомненья.
Что я, козел, чтоб вечно возжелеть,
И, растравляясь призраком измены,
Безумствовать, как ты изобразил.*

В этой шекспировской трагедии по-настоящему ревнив Яго, остро завидующий боевой славе и доблести Отелло, тому, что он пользовался уважением и признанием окружающих, был самостоятелен и смел, что у него молодая, красивая и умная жена. Именно это мотивировало его поступки.

Действительно, ревность существует и может играть роль мотива преступного поведения в отношениях между мужчиной и женщиной. Но неверно относить к ней все, что похоже на нее лишь внешне. Например, супружеская или иная измена либо угроза ее не всегда вызывают только ревность в традиционном ее понимании, рамки которого мы пытались расширить.

Ревность проявляется вовне, отражая отношение к потерпевшему, обиду и недовольство его (ее) действиями, досаду, гнев, негодование. Вне отношений с ним она попросту не может

существовать. В некоторых случаях поведение жертвы, особенно если оно носило аморальный характер (например, не вызывающая сомнения супружеская измена), может порождать состояние сильнейшего душевного волнения.

Отметим, что все эти проблемы носят отнюдь не умозрительный характер. Закон требует, чтобы мотив преступления устанавливался в отношении каждого обвиняемого и отражался в приговоре. Установление мотива имеет огромное значение для предупредительной работы.

Обычно, когда у юристов не хватает знаний, чтобы объяснить причины конкретных преступлений или отдельной группы преступлений, "мотивами" указывают хулиганские побуждения. Так, при анализе мотивов убийств и некоторых других насильственных преступлений исходят из того, что хулиганские действия совершаются по хулиганским мотивам. Иначе говоря, сам мотив вроде уже преступен, но это мало кого смущает, ведь все становится просто и совсем не нужно ломать голову, особенно когда надо установить субъективные причины необычных или внешне непонятных преступлений. Удобнее все "списать" на эти самые хулиганские побуждения. В предыдущем параграфе мы приводили пример, когда суд счел сексуальное преступление с очень сложной мотивацией совершенным из хулиганских побуждений. Судя по всему, суд совершенно не смутило, что сексуально окрашенные действия виновного даже отдаленно не напоминают хулиганские.

Хулиганскими побуждениями принято называть стремление в вызывающей форме проявить себя, выразить пренебрежение к обществу, другим людям, законам и правилам общежития. Такие побуждения предполагают отсутствие личных отношений вражды, зависти, неприязни и т. д. между виновным и потерпевшим. В основе хулиганских побуждений обычно лежат эгоизм, озлобленность и неудовлетворенность, доходящие до тупой злобы, вызванные явным расхождением между уровнем притязаний человека и имеющимися возможностями их удовлетворения. Выбор именно хулиганской формы преодоления указанного противоречия предопределяется условиями нравственного формирования личности, бескультурьем, невоспитанностью.

Хулиганские побуждения часто проявляются по незначительному внешнему поводу, когда ситуация, и в том числе будущий потерпевший, не дает субъекту преступления предложения для учинения преступных действий, в частности расправы над ним. Поэтому жертвами часто становятся совершенно случайные лица, которые выступают в качестве одного из объектов насильственного посягательства.

Однако при исследовании мотивов хулиганских побуждений трудно объяснить, почему в одних случаях подобные побуждения приводят к убийствам и тяжким телесным повреждениям, а в других - к хулиганству.

Поэтому получается, что о различиях между ними можно судить лишь по характеру и тяжести наступивших последствий, т. е. в зависимости от того, какой ущерб нанесен конкретной личности,

Итак, хулиганские побуждения - это стремление в вызывающей форме проявить себя, выразить пренебрежение к обществу и его установлениям. Но, во-первых, в вызывающей форме можно проявить себя, отнюдь не преступая уголовные законы (например, манерами, одеждой). То же самое можно сказать и о пренебрежении к обществу, формы и способы которого столь многообразны, что перечислить их попросту невозможно. К тому же любое преступление есть вызов обществу, пренебрежение к закону и интересам других людей, а не только те, которые совершаются по так называемым хулиганским побуждениям. Во-вторых, если хулиганские побуждения диктуются стремлением бросить вызов обществу, то в чем же заключается этот вызов, если, например, глубокой ночью и без свидетели совершается убийство ранее незнакомого человека, причем без каких-либо попыток завладеть его имуществом? В-третьих, почему невоспитанность и бескультурье приводят именно к тяжкому насилию над личностью, а не к каким-либо другим формам антиобщественного поведения, например к обыкновенному хамству? В-четвертых, если в основе хулиганских побуждений лежат бескультурье и невоспитанность, почему насильственные преступления по таким мотивам совершают люди, получившие хорошее воспитание и отличающиеся достаточным уровнем культуры? Очевидно, что дело совсем не в желании проявить себя в вызывающей форме и показать неуважение к обществу, не в отсутствии культуры и воспитанности. К тому же не ясно, зачем нужно вести себя таким образом.

Чтобы понять мотивы внешне беспричинных действий, которые привычно относят к совершаемым по хулиганским побуждениям, необходимо найти ответ на неоднократно ставившийся нами вопрос: ради чего субъект поступает так, в чем здесь личностный смысл, что

он от этого выигрывает в психологическом отношении? Мы полагаем, что в этих случаях мотивы носят глубинный, бессознательный характер и связаны с психотравмирующими переживаниями неуверенности, страха, беспокойства, боязни за свое существование, место в жизни. Причем тревожность столь велика, а переживания достигают такого уровня, что человек, чтобы "защитить" себя, начинает пренебрегать всеми людскими законами.

Мы считаем, что в природе не существует никаких хулиганских побуждений или хулиганских мотивов, а есть стремление защитить, обеспечить свое бытие, подтвердить себя в качестве социального и биологического существа, т. е. все тот же мотив утверждения. Почему же утверждение происходит за счет других, и притом обычно в разрушительных формах?

По этому поводу мы могли бы представить некоторые соображения. Прежде всего отметим, что если человек ощущает вокруг себя угрожающую атмосферу (а как раз таких людей мы и имеем в виду), то снять свою бессознательную боязнь можно, только потеснив других, как бы отодвинув их от себя, а еще надежнее - уничтожив носителей угрозы. Именно последний путь субъективно наиболее выгоден, так как создает иллюзию мгновенного решения всех психологических проблем, приобретших бытийный смысл. При совершении хулиганских действий страдают не только люди, иногда вандалически уничтожаются вещи, животные. Это происходит потому, что весь мир, все его элементы ощущаются как враждебные и несущие угрозу.

Вообще насилие в руках агрессивного и жестокого человека приобретает самостоятельное, самодовлеющее значение как орудие установления его власти. В сам момент применения насилия, терзая, пытая, уничтожая другого, причиняя ему страшные страдания, преступник ощущает всю полноту своей власти. Быть может, именно в этот момент, без остатка поработав свою жертву, он живет наиболее полной жизнью. Эту очень важную сторону насилия и власти очень хорошо выразил Дж. Оруэлл: "Цель репрессий - репрессии. Цель пытки - пытка. Цель власти - власть". И далее: "Власть состоит в том, чтобы причинять боль и унижать. В том, чтобы разорвать сознание людей на куски и составить снова в таком виде, в каком вам угодно".

Мы полагаем, что жестокие пытки, применяемые сейчас многими рэкетирами при вымогательстве денег и других материальных ценностей, часто мотивируются желанием не только получить эти ценности, но и, причинив особые страдания и мучения, установить свою власть в данный момент.

Таким образом, в целом можно считать, что большинство убийств имеет субъективный, как правило, неосознаваемый смысл защиты от внешней угрозы, которой в действительности может и не быть.

Страх перед возможной агрессией извне обычно мотивирует совершение упреждающих поступков. Он ведет свое начало, как мы уже говорили ранее, с первых дней жизни индивида. Напомним только, что, изначально он формируется психическим лишением ребенка в детстве, эмоциональным отвержением его родителями, что затем может приводить к отчуждению личности, характерному для большинства преступников, особенно насильственных. Это не означает, что эмоция страха может фатально приводить к преступлению, однако недостаточно социализированные ее формы могут иметь такие последствия. Поэтому, на наш взгляд, мотивом многих убийств выступают защита от агрессии среды или мотив утверждения.

Как мы отмечали выше, этот мотив в "союзе" с корыстью способен порождать и имущественные преступления, когда личностным смыслом поведения выступает стремление утвердить себя на **социальном, социально-психологическом и индивидуальном (самоутверждение) уровнях.**

Утверждение личности на социальном уровне означает стремление к достижению определенного социально-ролевого положения, связанного с трудовой, профессиональной или общественной деятельностью, часто без ориентации на микроокружение, мнение и оценки которого могут не иметь никакого значения. Выдвижение на социальном уровне обычно соотносится с завоеванием престижа и авторитета, карьерой, обеспечением материальными благами.

Утверждение на социально-психологическом уровне предполагает стремление к приобретению признания со стороны лично значимого ближайшего окружения, т. е. чаще всего на групповом уровне. Он включает в себя утверждение в глазах семьи или эталонной группы, с которой в данный момент субъект может и не иметь необходимых контактов. В таких случаях преступление выступает в качестве способа его включения в подобную группу, его признания. Утверждение на социально-психологическом уровне может осуществляться и вне

зависимости от социального признания в широком смысле, от карьеры, профессиональных достижений и т. д. Для многих людей, особенно молодых, признание в глазах ценимой группы сверстников является вполне достаточным.

В самом общем виде под самоутверждением личности можно понимать желание достичь высокой оценки и самооценки, повысить самоуважение и уровень собственного достоинства. Однако это часто реализуется не путем требуемых оценок со стороны других групп или общества, а изменением отношения к себе благодаря совершению определенных поступков, направленных на преодоление своих внутренних психологических проблем: неуверенности, субъективно ощущаемой слабости, низкой самооценки. Причем все это чаще всего происходит бессознательно.

Самоутверждение характерно, например, для расхитителей так называемого престижного типа, которые стремятся к приобретению или сохранению определенного социального статуса любым путем, в том числе преступным. Недостижение такого статуса, равно как и "падение вниз", для них катастрофа. Можно предположить, что ведущим, глубинным мотивом, личностным смыслом их преступлений является опасение, даже страх быть подавленным, униженным, возможно даже уничтоженным, средой, а отсюда неосознанное стремление занять такое место в жизни, которое позволило бы оказать среде необходимое сопротивление.

Из названных уровней утверждения личности именно самоутверждение, по всей вероятности, имеет первостепенное значение, стимулируя жажду признания на социальном и социально-психологическом уровнях. Самоутверждаясь, человек чувствует себя все более независимым, раздвигает психологические рамки своего бытия, сам становится источником изменений в окружающем мире, делая его более безопасным для себя. Это дает ему возможность показаться в должном свете и в глазах ценимой им группы, и в глазах общества. Эти признания, взаимно дополняя друг друга, обеспечивают индивиду внутренний психологический комфорт и ощущение безопасности.

Среди взяточников и расхитителей можно встретить тех, кто стремится к утверждению на любом из перечисленных уровней. Среди воров, грабителей, разбойников, мошенников и спекулянтов чаще всего обнаруживаются те, которые желают признания группы и (или) самоутверждения, т. е. утверждения на социально-психологическом уровне и тем самым решения своих внутриличностных проблем, т. е. самоутверждения. Надо отметить, что среди воров в отличие от расхитителей мы не обнаружили лиц, которые стремились бы утвердить себя на социальном уровне (своей профессией, достижением должности, "деланием" карьеры и т. д.).

Иногда решение внутренних проблем достигается преимущественно путем самого факта совершения преступления. Здесь ценность похищенного как бы сдвинута на второй план. В этом случае преступное поведение носит явно компенсаторный характер, поскольку добытые материальные ценности не имеют первостепенного значения и практически могут даже не использоваться. Для преступников главным является, например, преодоление собственной неуверенности, страха, тревоги, чувства неудачника, подтверждение своих волевых качеств и т. д. Тем самым обеспечивается приятие самого себя, повышение уверенности в собственной личностной ценности, самоуважение и приобретение возможности доминирования над социальной средой, другими людьми.

Как видим, индивид, желая самоутвердиться, постоянно соотносит себя со своей средой, и вне ее его социальное существование невозможно. При этом средой следует понимать исключительно как среду данной личности, "мою среду", "мое жизненное пространство", "мою территорию". Вот почему "моя" жизнь будет лучше и "мои" психологические проблемы будут успешнее решены, если это пространство будет значительно улучшено, освоено, укреплено, защищено. Можно сказать, что это одно из условий, причем наиболее существенных, бытия личности. Поэтому удивительно ли, что многие расхитители в личную территорию включают и место работы, особенно если они занимают руководящее кресло. Поскольку на этой территории решаются такие жизненно важные задачи, они не жалеют для нее сил и используют даже противозаконные средства для решения производственных проблем. При этом лично для себя они могут не иметь весомых материальных выгод. Здесь улучшение производства означает не что иное, как улучшение своей психологической территории, условие формирования необходимого представления о самом, себе, своей ценности, а значит, лучшей защищенности и получения возможности снижения уровня тревожности.

Среди воров и расхитителей выделяется группа, характеризующаяся исключительностью из социально полезного общения, слабыми контактами со средой. Для многих из них основным

мотивом, смыслом совершения хищений и краж являются сохранение или приобретение значимых для них отношений с другими людьми, преодоление своего отчуждения, одиночества, приспособление к группам, поиск поддержки в них.

Самоутверждение ярко проявляет себя в качестве мотива при совершении изнасилований. Да, именно утверждение своей личности, а не удовлетворение лишь половой потребности, не частнособственническая психология и пережиточное отношение к женщине, не только неуважение к ней, к ее достоинству и чести, не низкая личная культура и т. д., хотя все эти факторы влияют на совершение таких сексуальных преступлений.

Субъективные причины изнасилований, как и других преступлений, в первую очередь связаны с особенностями представлений преступника о самом себе, "я"-концепцией, самопрятием. В этом аспекте преступление есть попытка изменить имеющееся, нередко психотравмирующее, представление о самом себе и тем самым повысить собственное самопрятие. Неприятие прежде всего проявляется в негативном эмоциональном отношении к самому себе и собственным действиям. Поэтому человеку кажется, что нужны некоторые специфические условия, чтобы было осуществлено самопрятие. Такими условиями является преодоление, прежде всего в психологическом плане, доминирования противоположного пола или осуществление самоутверждения в мужской роли, которое при этом трактуется весьма субъективно.

В других случаях перед насильником стоят чисто защитные задачи. Изнасилование выступает формой защиты имеющегося представления о себе от угрозы, связанной с определенным субъективно унижающим преступника поведением женщины, которое наносит удар по его самопрятию и оценке себя в мужской роли. При этом поведение женщины объективно может и не быть таковым, более того, она может и не знать об этом. Представление насильника о себе есть следствие его взаимоотношения с конкретными женщинами, через которое формируется его отношение к женщинам вообще.

Особенности межполовых взаимоотношений только в том случае могут угрожать самопрятию, если они в силу определенных личностных дефектов становятся субъективно наиболее значимыми, переживаемыми, что и определяет фиксацию на сексуальной сфере и повышенную восприимчивость к любым элементам отношений с женщинами. Утверждение себя в требуемой сексуальной роли для таких мужчин равносильно тому, чтобы существовать, т. е. на бытийном уровне. Совершая изнасилование, они в первую очередь как бы подтверждают свое право на существование в собственных глазах, ибо их бытие зиждется на роли и поведении в сексуальной сфере. Надо отметить, что такие внутриличностные тенденции, как правило, не осознаются человеком, от него ускользает их личностный смысл.

Реализации названного мотива часто способствуют циничные взгляды и представления о женщинах, отрицательное, презрительное отношение к их личной свободе, достоинству, половой неприкосновенности. Для насильника ценность женщины в силу его психологических особенностей велика, но в то же время чрезвычайно низка ее половая неприкосновенность.

Многие имущественные преступления совершаются лицами, ведущими антиобщественный, паразитический, часто бездомный, образ жизни. Многие из них являются бродягами. Не имея законных источников получения средств к существованию, они добывают их путем совершения правонарушений корыстного характера. Однако ими движет не стремление к приобретению материальных благ или к получению особых выгод, а тем более к их накоплению, а лишь желание обеспечить свое существование и в большинстве случаев потребность в спиртном. Поэтому мотив имущественных преступлений со стороны таких дезадаптивных личностей может быть определен как "обеспечение". Можно, конечно, хищения с целью накопления материальных благ рассматривать как обеспечение определенного образа жизни, но в этом случае они совершаются, чтобы утвердиться в определенной социальной среде, а уйдя из нее, сохранить субъективно приемлемую жизнедеятельность.

На наш взгляд, по мотивам обеспечения совершаются и преступления с целью получения средств на приобретение спиртных напитков или наркотических веществ. В этих случаях реализация таких мотивов позволяет удовлетворить известные болезненные влечения.

Как мы видим, мотивами многих имущественных преступлений наряду с корыстью могут быть "утверждение" ("самоутверждение") и "обеспечение" в зависимости от решения личностью жизненно важных для нее задач.

Дезадаптивное существование присуще не только лицам, систематически занимающимся бродяжничеством, но и многократно судимым рецидивистам, выпавшим из сферы нормального

общения. Поэтому важно знать мотивы такого поведения, тем более что многие его формы наказываются в уголовном порядке.

Что же мотивирует бродяжничество? Большинство отечественных исследователей полагают, что основным мотивом такого поведения является стремление уклониться от участия в общественно полезном труде. Но такое мнение не представляется обоснованным, поскольку неучастие в труде характерно не только для бродяг. Нужно отметить и то, что немалая часть бродяг, в том числе злостных, работает, правда, частным образом.

Исследования показали, что неблагоприятные условия социализации на первых этапах жизни будущих бродяг предопределили особенности их личности и поведения. Это в детстве неприятие в родительской семье, невключение в ее эмоциональную структуру, отчуждение от нее, причем еще более жестко и грубо, чем других будущих преступников. Это обусловило психологическую невозможность в дальнейшем их адаптации в собственной семье, в трудовых, дружеских и иных социальных группах. Бессознательным мотивом бродяжничества является стремление к тому, чтобы не "закрепляться" в какой-либо малой группе, уйти от нее, не идентифицироваться с ее членами, поскольку индивид еще в детстве не "закреплялся" и не идентифицировался в своей первичной социальной группе - родительской семье, т. е. человек поступает так, как поступали с ним в детстве, воспроизводя в своем "взрослом" поведении то, что зафиксировалось в его психике на уровне бессознательного в результате весьма неблагоприятных условий воспитания в детстве.

Если принять эту нашу точку зрения, становится понятным и стремление бродяг к праздному, паразитическому существованию, желание уклониться от труда и т. д. Дело в том, что, например, участие в труде предполагает, как правило, членство в трудовом коллективе, а выполнение семейных и родственных обязанностей - жизнь в семье, постоянное общение с ее членами. Однако в силу отвергания будущих бродяг в детстве они оказываются неспособными закрепляться в малых группах (семье, коллективах и т. д.). Мы предлагаем называть мотив бродяжничества "уходом", т. е. стремлением выйти из микросреды, освободившись тем самым от основных человеческих обязанностей и ведя существование, которое порождено всей прожитой жизнью, и в первую очередь эмоциональным отверганием родителями в детстве.

К числу основных мотивов преступного поведения принадлежит игровой. Этот тип мотивации достаточно сложен и мало изучен. Между тем доля преступников-"игроков" среди воров, расхитителей, особенно мошенников и некоторых других категорий относительно велика. К ним относятся те, кто совершает преступления не только, а во многих случаях и не столько ради материальной выгоды, сколько главным образом ради игры.

Чтобы выявить игровые мотивы преступного поведения, необходимы определенные подходы и даже специальная психологическая подготовка исследователей и практических работников. Изучение таких мотивов необходимо для объяснения причин совершения сложных преступлений и, следовательно, повышения эффективности их предупреждения.

Например, наличие игровых мотивов позволяет объяснить хищения имущества, совершающиеся в течение длительного времени, когда, казалось бы, преступник похитил уже достаточно много и мог бы удовлетвориться приобретенными материальными благами, однако продолжает участвовать в хищениях. Это обычно вызывает удивление, тем более что постоянно возрастает риск быть разоблаченным да и наказание в этих случаях может быть более суровым. Мы считаем, что некоторые из подобных преступлений стимулируются уже не столько корыстью, сколько потребностью человека в игре, удовлетворяющей жизненно важные эмоциональные ощущения.

Игровые мотивы часто наблюдаются в преступлениях воров-карманников и нередко тех, кто совершает кражи из квартир, складов, магазинов и других помещений. Эти мотивы ярко проявляются в мошенничестве, где можно выделить интеллектуальное сопротивление, состязание в ловкости и сообразительности, умение своевременно и адекватно оценивать складывающуюся ситуацию, максимально использовать благоприятные обстоятельства и быстро принимать наиболее правильные решения. Как правило, мошенники не совершают других преступлений, а если и совершают, то почти всегда с элементами игры. Карточные шулера, например, играют как бы в двойную игру - и по правилам, и обманывая, так что получают от всего максимальные эмоциональные переживания.

Вообще распространенность азартных игр среди преступников, в первую очередь корыстных, как раз и объяснима постоянным стремлением к риску.

Изучая (совместно с В.П. Голубевым и Ю.Н. Кудряковым) преступников-"игроков", мы выделили среди них два типа личности и соответственно два типа подобной мотивации: игрового активного и игрового демонстративного.

Для первого из них характерно сочетание способности к длительной активности и импульсивности, что рождает постоянное влечение к острым ощущениям и переживаниям. Они активно ищут возбуждающие ситуации и нуждаются во внешней стимуляции. У них это сочетается с пренебрежением социальными нормами, правилами, обычаями, сверхактивностью, импульсивностью в поступках, безответственностью. Это люди, в значительной степени идущие на поводу своих желаний и влечений, у них часто встречается склонность к злоупотреблению алкоголем, беспечной праздности, легкой жизни. Они чрезвычайно общительны, легко устанавливают контакты и всей душой отдаются игре. Пускаясь на отчаянные авантюры, не испытывают страха перед возможным разоблачением и не думают о последствиях, часто совершая такие действия без видимой необходимости. Они рискуют, "играя" не только с законом, но и с соучастниками, невзирая на угрозы расправы со стороны последних, поскольку основным в их мотивации является удовлетворение потребности в острых ощущениях.

Лица второго типа обладают хорошо развитым механизмом вытеснения эмоций и поэтому сравнительно легко игнорируют трудности и неудачи, с которыми встречаются. Главное для них - произвести сильное впечатление на окружающих. За счет своей артистичности и психологической пластичности они хорошо приспосабливаются к изменениям ситуации, без особого труда меняют принятую роль, что помогает им совершать преступления. В их поведении часто сохраняется игра в нужного, полезного для всех человека, причем обыкновенно они больше говорят, чем делают, что мешает им занять лидирующие позиции в преступных группах, пользоваться там постоянным авторитетом.

Таковы в общих чертах игровые мотивы преступного поведения, позволяющие многое понять в его природе.

Мы проанализировали не все, а только основные мотивы преступлений. Полагаем, что могут быть обнаружены и иные, не названные нами их субъективные стимулы. Некоторые мотивы можно обозначить иначе, и мы отнюдь не уверены, что наши названия отдельных мотивов самые удачные. Но как бы дальше ни развивались исследования проблем мотивации поведения, преступного в том числе, они, насколько нам позволяют судить сегодняшние знания, должны ориентироваться на обнаружение того, ради чего поведение реализуется, в чем его личностный смысл.

Глава V. Основы психологии следственной деятельности

1. Личность следователя и его познавательно-удостоверительная деятельность

Цель следственной деятельности - правовая охрана основных социальных ценностей, установление истины при расследовании правонарушений, предание виновных суду.

Профессионально-психологические особенности личности следователя обусловлены социально-правовыми, нравственными и психологическими особенностями следственной деятельности.

Деятельность следователя характеризуется:

- процессуальной регламентированностью средств и сроков следствия, высокой формализованностью социально-ролевой функции следователя;
- познавательно-поисковой направленностью;
- оперативностью (практические результаты одного действия определяют выбор другого);
- направленностью на преодоление возможного противодействия заинтересованных лиц;
- наличием властных полномочий, широкой социальной коммуникативностью, повышенной единоличной ответственностью за принимаемые решения.

Наличие властных полномочий является одним из самых существенных психологических факторов межличностного взаимодействия следователя с другими участниками уголовного процесса. Эти полномочия могут создать иллюзию обвинительной направленности деятельности следователя, а в некоторых случаях - вызвать соответствующую профессиональную деформацию. Между тем функция следователя - не обвинение и не защита, а поиск истины в процессе расследования посредством полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств дела.

Закон запрещает следователю применять психическое насилие, прямое и скрытое внушение по отношению к лицам, привлеченным к уголовному делу, домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер, задавать свидетелям, потерпевшим, опознающим лицам наводящие вопросы, оглашать на очной ставке ранее данные показания ее участников.

При производстве следственных действий следователь руководствуется процессуальными предписаниями, многие из которых объективно связаны с определенными психическими закономерностями.

В тех случаях, когда законом предусматривается очередность проведения следственных действий (например, необходимость предварительного допроса опознающих), в этой последовательности отражается логика и психология познавательного процесса.

Следователь постоянно сталкивается с разнообразными проявлениями человеческой психики. Он ведет борьбу не с человеком, совершившим преступление, а с конкретными его пороками, борьбу за человека.

Справедливость, объективность, избегание обвинительного уклона, неукоснительная реализация закона - основные требования к следственной деятельности.

Повышенная психическая напряженность работы следователя, необходимость постоянной оперативной реактивности предъявляют особые требования к нейрофизиологической организации психики следователя.

К важным нервно-психическим качествам профессии следователя можно отнести:

- сензитивность - повышенную нервно-психическую чувствительность к внешним воздействиям;
- оптимальное соотношение реактивности (импульсивности) и активности;
- эмоциональную устойчивость;
- пластичность психических процессов;
- пониженный уровень тревожности - умеренную эмоциональную возбудимость в опасных ситуациях;
- резистентность - сопротивляемость внешним и внутренним условиям, препятствующим осуществлению начатой деятельности;
- толерантность - устойчивость к нервно-психическим перенапряжениям.

Для деятельности следователя существенны также общие особенности организации его сознания, такие, как объем, устойчивость, переключаемость и распределенность внимания,

уравновешенность аналитической и синтетической сторон восприятия и мышления, высокий энергетический уровень активности.

Среди *характерологических качеств следователя* первостепенную значимость имеют интеллектуальные, волевые и коммуникативные качества.

Как отмечает известный советский психолог Б.М. Теплов, многие психологи за единственный образец умственной деятельности принимают работу ученого, теоретика. Между тем практическая деятельность требует не меньших интеллектуальных усилий, чем деятельность теоретическая.

Практическое мышление не сводится лишь к наглядно-действенному мышлению. Умственная деятельность теоретика сосредоточена преимущественно на первой части пути познания, на временном отходе, отступлении от практики. Умственная деятельность практика (каковым является следователь) сосредоточена главным образом на второй части этого пути - на переходе от абстрактного мышления к практике, то есть на том "попадании" в практику, ради которого и производится теоретический отход. "Теоретический ум отвечает перед практикой лишь за конечный результат своей работы, тогда как практический ум несет ответственность в самом процессе мыслительной деятельности".

Практическое мышление следователя подвержено постоянному испытанию практикой. Этим обусловлены повышенная ответственность и напряженность, присущие работе следователя.

Особенностью практического мышления следователя являются тонкая наблюдательность, способность сконцентрировать внимание на отдельных деталях события, умение использовать для решения частной задачи то особенное и единичное, что не входит полностью в теоретическое обобщение, умение быстро переходить от размышления к действию.

Весьма существенно оптимальное соотношение ума и воли следователя - познавательных и энергетических способностей. Ум и воля - стороны одного и того же явления. Это подметил еще Аристотель, указав, что волевого стремления самого по себе не может быть, люди "совершают действия не под влиянием стремления, а следуют предписаниям разума". По Аристотелю, воля - это и есть практический ум.

Действенная направленность - одно из отличительных качеств интеллекта следователя. И если говорят, что тот или иной следователь имеет незаурядный ум, но лишен необходимых волевых качеств - решительности, мужества и т. п., то можно утверждать, что он не обладает необходимыми для этой профессии качествами.

Познавательно-поисковые, эвристические качества следователя - это его базовые качества. Однако они должны сочетаться с рядом других профессионально-характерологических качеств. Среди них первостепенную значимость имеют система *ценностной ориентации* следователя, его социальная, нравственная позиция, высоко развитое чувство гражданского и служебного долга, способность последовательно и целеустремленно реализовывать государственные интересы, не поддаваясь ситуативным воздействиям, преодолевая межличностные и внутриличностные конфликты на основе положительной социальной мотивации.

Непримиримая борьба со злом, беззаконием и социальной несправедливостью, решительность, гражданское мужество, стойкость и целеустремленность - таковы важнейшие личностные качества, необходимые человеку, выбравшему профессию следователя.

Процессуальная независимость следователя требует от него высокой инициативности, организованности и социальной ответственности. Чтобы справиться с нервно-психическими перегрузками, он должен обладать эмоционально-волевой выносливостью, выдержкой, хладнокровием, упорством, неиссякаемой верой в успех своего дела. Кроме того, физическая выносливость, развитые адаптационные возможности необходимы для работы в сложных, нередко "полевых" условиях, для проведения неотложных следственных действий в любой обстановке. Эти психические качества не являются, однако, исходными. Они формируются в процессе следственной деятельности (на базе общих регуляционных возможностей личности).

С другой стороны, длительная профессиональная деятельность следователя при недостаточной самокритичности может привести к профессионально обусловленной личностной деформации. В силу того что следователь обладает определенными полномочиями, у него могут закрепиться такие негативные личностные качества, как высокомерие, чванливость, грубость, душевная черствость.

Постоянным подчинением деятельности процессуальной регламентации нередко обусловлены ригидность, негибкость, приверженность к шаблонным решениям, формализм; частым соприкосновением с асоциальными проявлениями - устойчивая подозрительность, предвзятость,

обвинительный уклон; часто возникающим дефицитом времени - торопливость, поверхностность, правовой нигилизм, проявляющийся в пренебрежении отдельными процессуальными требованиями, в нарушении прав подследственных лиц; ложным чувством корпоративности, "чести мундира" - нежелание исправлять допущенные ошибки.

Указанные проявления негативной личностно-профессиональной деформации могут быть сняты развитым устойчивым самоконтролем, социальным контролем и профессиональным отбором следователей.

Познавательная деятельность следователя проявляется в решении им системы простых и сложных мыслительных задач, в стратегиях решения проблем, в творческом подходе к ситуациям, требующим познавательной активности.

Простые задачи решаются алгоритмически - путем выполнения ряда заранее известных правил. Решение сложных задач связано с творческим, эвристическим поиском ответа в проблемных ситуациях. Так, обнаружение и изъятие материальных следов, процессуальная их фиксация - пример простой алгоритмической задачи.

Мышление следователя должно быть *оперативным*, то есть высокодинамичным интеллектуальным процессом, постоянно корректируемым условиями и результатами практической работы. Многоплановость следственного процесса предъявляет повышенные требования к *синтетической стороне* познавательной деятельности, обуславливает предельные нагрузки на оперативную память.

Недостаток информации, необходимость предпринимать определенные действия в условиях дефицита времени и нередко в условиях активного противодействия требуют высокой пластичности интеллекта следователя, повышенной продуктивности мыслительной деятельности. В силу того что работа следователя связана с юридической оценкой тех или иных обстоятельств, с решением нестандартных задач, его интеллект должен обладать такими качествами, как *критичность, гибкость и продуктивность*.

Наиболее профессионально значимыми качествами интеллекта следователя являются *проницательность и рефлексивность* - способность понимать людей и предвидеть их возможные действия.

Деятельность следователя по раскрытию и расследованию преступлений заключается в *восстановлении истинной картины событий по их прямым и косвенным признакам* - свидетельствам. Как справедливо отметил А.М. Хокарт, характер свидетельств одинаков во всех сферах человеческой деятельности. В судопроизводстве он такой же, как и в различных областях науки и практики.

Различаются два вида свидетельств (доказательств) - прямые и косвенные.

Если человек видел убийство и описывает, как оно произошло - это прямое свидетельство (доказательство). Но воочию увидеть убийство случается редко. В большинстве случаев следователь располагает показаниями свидетелей об образе жизни убитого, о его взаимоотношениях с другими людьми, о психическом состоянии накануне гибели, месте и времени убийства, о положении трупа и др.

По прямым и косвенным доказательствам следователь воссоздает, реконструирует событие преступления, объективную и субъективную стороны состава преступления. При этом косвенные доказательства имеют не меньшую доказательственную ценность, чем прямые. Одинаково важно все, что позволяет установить истину.

Раскрытие преступления по его следам - это глубоко психологизированный процесс знакового, опосредствованного отражения действительности. Люди издревле научились различать в одних явлениях следы других. Свою "родословную" криминалистическое следствие ведет от практики народных следопытов.

На протяжении многих веков формировалась способность людей к тонким наблюдениям, к опосредственным актам мышления в поисковой деятельности. В Индии, например, существовала даже особая каста следопытов - кхои.

Следы - немые свидетели событий, и криминалист - это прежде всего специалист по "прочтению следов". Однако еще Г. Гросс отмечал, что следы останутся непонятными, если не знать, какие факторы их производят.

Возникновение следов имеет свои закономерности. Материальные следы могут нести информацию об антропологических и функционально-психологических особенностях человека, о последовательности произведенных им действий, о динамических характеристиках его движений - амплитуде, скорости и силе. Материальные следы (например, следы орудий взлома)

позволяют в ряде случаев судить о профессии преступника, его возрасте, росте, физической силе, праворукости, леворукости и др.

Каждое событие преступления отражается в материальной среде и в психике людей.

Специфика следственного познания состоит в том, что следователь исследует как взаимосвязи непосредственно воспринимаемых явлений, так и то, что отразилось в сознании людей о расследуемом событии, то есть анализирует психические явления. При этом он выявляет значение исследуемых явлений, ищет ответ на вопрос - что это значит? Ответ будет разным в зависимости от природы исследуемых явлений, от того, что принимается в расчет - природные закономерности или закономерности психики, в частности желания и намерения людей, их эмоционально-волевые особенности. В первом случае решаются объективно обусловленные задачи, во втором - субъективно обусловленные "загадки".

Преступления нередко умышленно маскируют, скрывают, рассчитывая ввести следователя в заблуждение. И не всегда бывает возможно сразу определить, к какому типу относится данная следственная ситуация - к объективно обусловленной задаче или субъективно заданной "загадке". Для распознавания типа этих ситуаций необходимо знать их ключевые признаки.

Психические следы - образы, так называемые личные доказательства, выявляются методом расспроса. Для этого производятся соответствующие следственные действия - допрос, очная ставка, судебно-психологическая экспертиза.

Выявление психических следов имеет свою познавательную специфику - они могут быть обнаружены лишь на основе учета факторов, влияющих на образование психических образов и их воспроизведение.

Исследуя "психические источники" доказательств, анализируя показания, следователь должен дать им оценку, определить их истинность. Для этого необходимо знать психические особенности механизмов образования такого рода доказательств.

В отличие от материальных психические следы нестабильны, подвижны, изменчивы, фрагментарны, имеют тенденцию к "стиранию".

Степень закрепленности психических образов зависит от индивидуальных особенностей человека, его психического состояния, целей, установок и последующих психических наслоений. Поэтому информация, которой располагает следователь, может быть правдивой или умышленно искаженной, но и правдивая информация не является "слепок" прошлого. Представления прошлого всегда обобщаются и реконструируются в сознании.

Следователь должен помнить, что люди описывают события субъективно - под влиянием личностной и ситуативной апперцепции, явлений а константности, личностных особенностей реконструкции материала в процессе его сохранения и воспроизведения и т. п. Учет этих обстоятельств - профессионально обязательное требование.

Существенная способность следователя - **распознавать ложность показаний**. Множество мелких деталей, которые никто из свидетелей не может заранее обдумать, помогают ему осуществлять следственный поиск в правильном направлении. Поэтому одна из важных задач следователя - выявление деталей расследуемого события.

Итак, профессионально направленная наблюдательность, способность к систематизированному сопоставлению фактов, реконструкции явлений по их косвенным признакам, критичность и рефлексивность - таковы особенности мышления следователя.

Наиболее сложные группы следственных ситуаций отличаются крайней информационной недостаточностью. Значительная роль в расследовании таких ситуаций принадлежит эвристическим познавательным-поисковым способностям следователя.

Решение поисковых следственных задач связано с активным поиском новых средств получения недостающей информации. При этом познавательная деятельность следователя осуществляется на основе психологических закономерностей решения сложных нестандартных задач; он должен обладать высокоразвитым воссоздающим и творческим воображением.

Содержанием познавательной деятельности следователя является движение криминально значимой информации при решении следственных задач. Динамика следственного познания определяется объемом и спецификой исходной информации и ориентировочной базой, сформированной у данного следователя (рис. 1).

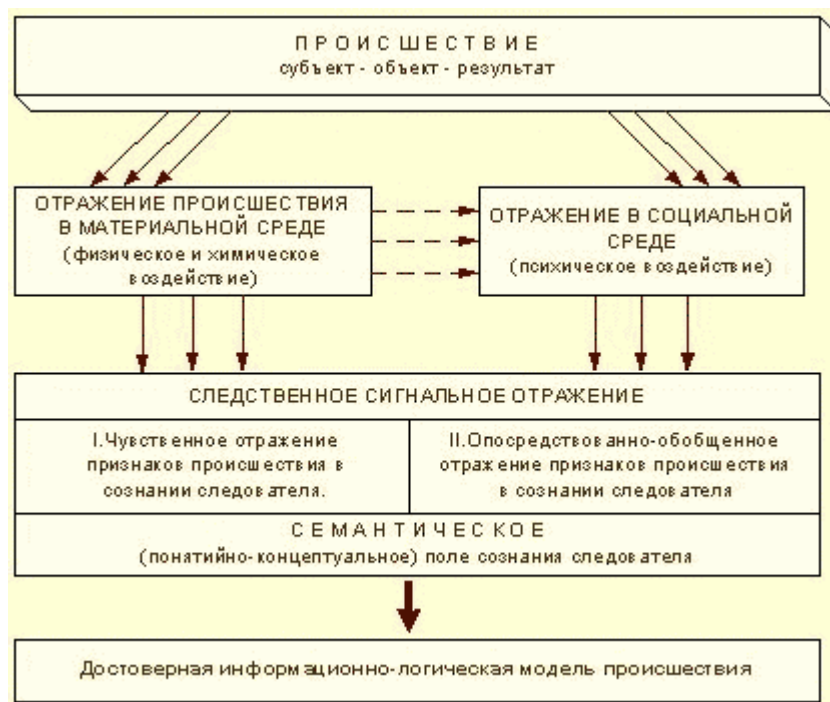

Рис.1 Отражательно-познавательная структура следственной деятельности

Мышление следователя должно быть доказательственным, верифицирующим, характеризоваться проверяемостью всех сделанных выводов. Развиваясь на базе вероятностно-информационного моделирования, оно имеет целью получение достоверного знания о расследуемом событии.

Мыслительная деятельность следователя не является особым видом мышления и подчинена общепсихологическим и логическим закономерностям. Однако специфичность ее содержания выдвигает на первый план такие стороны мышления следователя, как доказательственность, объективность, критичность.

Учет доказательственной значимости исходных фактов, их экстраполяция в реальные жизненные условия, вероятностно-модельный охват расследуемого события, видение “разрывов” в цепи расследуемого события, изыскание способов получения недостающей информации, проверка достоверности фактов и информационных источников - таковы основные характеристики следственного познания.

Главная задача познавательной деятельности следователя - получение системы доказательств по надежным признакам события, позволяющим установить личность преступника и раскрыть механизм совершения преступления.

Одним из основных способов получения доказательств является идентификация. Доказательственная сущность идентификации состоит в том, что она обеспечивает “сведение к одному” и в конечном итоге реализует правовой принцип индивидуализации вины и ответственности.

На принципе отождествления основан весь процесс мыслительной деятельности следователя. В связи с этим ведущими приемами становятся сравнение, классификация и систематизация.

Идентификация основывается на том, что совокупность признаков любого объекта неповторима, уникальна. Следователь ориентируется на те устойчивые признаки объектов, которые информативны для целей расследования, несут идентификационную информацию, являются неопровержимым свидетельством определенного хода событий и причастности к ним конкретных лиц. Он должен распознавать определенные признаки объектов как **знаки, несущих скрытую информацию**.

Сложные следственные задачи отличаются неограниченностью зоны поиска. Их невозможно решить методом последовательного перебора вариантов. Здесь необходим особый механизм мышления - **эвристическое мышление**: предвидение развития событий, моделирование их механизма на основе актуализации соответствующих сфер предшествующего опыта, концептуальных знаний. Этим объясняется необходимость глубокого, **концептуального знания**

следователем типичных следственных ситуаций и соответствующих стратегий поисковой деятельности.

Мышление следователя при решении сложных познавательно-поисковых задач основывается на гипотезе (версии). Гипотеза (версия) дает высоковероятностную информацию о наличии существенных связей в определенной эмпирической базе, указывает путь познания при данных исходных условиях.

Основными задачами следствия являются установление истины по делу, определение наличия или отсутствия события преступления, его квалификация, установление лиц, его совершивших. Эти задачи решаются в процессе познавательно-удостоверительной деятельности. Задача следователя состоит не только в установлении истины “для себя”, но и в ее удостоверении, верификации, в превращении истины “для себя” в истину “для всех”.

Все окончательные выводы следователя должны быть проверяемы системой достоверных фактов. Удостоверить - значит сделать что-либо достойным веры. При этом частные явления осмысливаются, осознаются в свете общепризнанных аксиоматических положений. И чем более типична расследуемая криминальная ситуация, тем большее значение в ее расследовании приобретает **дедукция** - анализ частного случая в свете общеизвестных положений. Чем специфичнее преступление, тем большее значение приобретает **индукция** - творческое обобщение частного случая, исследование его причинной обусловленности путем сравнения, сопоставления, эксперимента, эвристического поиска его релевантных признаков.

В процессе расследования существенное значение приобретает профессиональная **интуиция** следователя. Интуиция - это способность постижения истины путем прямого ее усмотрения, мысленное схватывание сложной ситуации без развернутой системы рассуждений. Она представляет собой своеобразный тип мышления, когда отдельные звенья процесса мышления проносятся в сознании более или менее бессознательно, а предельно ясно осознается именно итог мысли - истина.

“Понятие интуиции часто окружается ореолом некоей мистической таинственности. Поэтому в советской психологии замечается склонность избегать и даже замалчивать его. Едва ли это правильно. Следуя этому способу, пришлось бы избегать большинства психологических терминов, так как все они бывали на службе совершенно чуждых нам целей”. Интуитивная оценка обстоятельств, уяснение их сущности - признанная всеми следователями реальность.

Интуиция ничем, кроме свернутости протекания, не отличается от обычных процессов мышления - это знание, возникающее без осознания способов его получения. Но интуиция не является процессом бессознательным - она связана с высшими, хорошо отработанными механизмами мышления.

Быстрота, свернутость мышления, которой характеризуется интуиция, - необходимые качества следователя. Они вырабатываются на основе опыта, глубоких познаний, как результат длительной интегрирующей деятельности сознания и подсознания в определенном направлении.

Конечно, на интуиции не могут основываться все следственные решения. Интуиция - это лишь строительные леса при возведении здания, познания. Свои интуитивные догадки следователь проверяет посредством процессуально регламентируемых следственных действий, опираясь на всестороннее, полное и объективное исследование доказательств.

2. Психология коммуникативной деятельности следователя

Успех расследования в значительной мере определяется взаимодействием следователя с участвующими в деле лицами - подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем и др.

Межличностное общение является неотъемлемой составной частью деятельности следователя - его **коммуникативной деятельностью**.

На всех этапах следствия осуществляется психическое взаимодействие следователя с другими участниками уголовного процесса. Основу такого взаимодействия составляют информационные и интенциональные (избирательно направленные) процессы. Каждая из сторон является источником и получателем информации, на основе которой стороны оценивают друг друга, **разрабатывают соответствующую стратегию и тактику поведения**. При этом используется самая разнообразная информация - смысл и значение речевых сообщений, речевые интонации,

жесты, мимика, пантомимика (поза), внешний облик, эмоционально-ситуативные реакции, возникают определенные психологические феномены межличностного восприятия:

- *идентификация* - понимание и интерпретация воспринимаемого человека посредством отождествления с ним;
- *социально-психологическая рефлексия* - интерпретация воспринимаемого человека посредством размышления за него;
- *эмпатия* - понимание воспринимаемого человека посредством эмоционального чувствования, сопереживания его состояний;
- *стереотипизация* - оценка воспринимаемого человека посредством распространения на него качеств, присущих определенной социальной группе.

Межличностное общение в условиях следствия характеризуется, как правило, повышенным самоконтролем общающихся лиц, определенной психической напряженностью, в ряде случаев повышенным уровнем тревожности, активной рефлексирующей деятельностью. Поведение каждой из сторон постоянно корректируется на основе обратной связи, происходит смена их психических состояний.

Психические состояния следователя и проходящих по делу лиц при их взаимодействии определяются рядом факторов.

Психическое состояние следователя обусловлено его социально-ролевым статусом, личностно-профессиональными качествами, информационной вооруженностью по данному уголовному делу, уверенностью в способах достижения целей, ситуативными воздействиями. . Общим фоновым состоянием следователя при его взаимодействии с подследственными лицами является повышенный уровень психической активности.

Психическое состояние свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых определяется в значительной мере отношением к правосудию, к совершенному деянию, возможному наказанию, осознанием вынужденной необходимости общения. Общим фоновым психическим состоянием этих лиц является психическая напряженность.

Психические состояния в значительной мере определяются правовым положением лица, то есть тем, является ли оно обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим или свидетелем.

Особенности психического состояния обвиняемого и подозреваемого в значительной мере определяются их отношением к событию преступления и к правосудию. При этом существенное значение имеют социально-ценностные личностные позиции, а также рефлексия подозреваемым (обвиняемым) степени доказанности преступления, состояния его расследования. В зависимости от этих обстоятельств могут возникнуть две различные стратегии поведения, связанные или со стремлением избежать суда и справедливого наказания, или с осознанием неизбежности суда (и даже его необходимости - в случае глубокого раскаяния).

Первая из указанных стратегий поведения ведет к выработке соответствующей защитной тактики, к формированию в сознании подозреваемого (обвиняемого) так называемой защитной доминанты. Эта защитная тактика может быть активной (дача ложных показаний, уничтожение вещественных доказательств, создание ложных доказательств, влияние на свидетелей) и пассивной (отказ от сотрудничества со следователем без активного противодействия).

Защитная доминанта противодействующих расследованию лиц (ими могут быть, кроме обвиняемого и подозреваемого, свидетели, потерпевшие) - основной психический феномен, ориентация в котором особенно важна для тактики расследования.

Защитные механизмы возможного противодействия следователю начинают формироваться уже при возникновении преступного умысла, а затем в ходе совершения преступления и при сокрытии его следов. Опытный преступник делает все, по его мнению, возможное, чтобы скрыть следы преступления, крайне затруднить расследование, ввести следствие в заблуждение. При этом планируется линия поведения и на случай раскрытия преступления.

Однако слабость защитной доминанты как раз и состоит в том, что она определяет направленность психической деятельности обвиняемого, повышенную чувствительность ко всему тому, что охраняется сложившимися защитными позициями.

Каждое слово следователя, его действия непроизвольно экстраполируются обвиняемым на всю систему того, что охраняется защитной доминантой. При этом возникает тенденция к преувеличению информационной вооруженности следователя, к переоценке угрожающих защитной доминанте воздействий.

Психология взаимодействия следователя с подозреваемым (обвиняемым) определяется и теми общими характерологическими особенностями, которые присущи лицам, совершающим

определенные виды преступлений. Следователь должен учитывать, что, например, насильственные преступники, как правило, отличаются крайним эгоизмом, примитивно-анархическими устремлениями, эмоционально-нравственной асинтонностью, жестокостью и агрессивностью. Поведение преступников в этих случаях характеризуется необдуманностью, импульсивностью, стремлением к сиюминутному удовлетворению узкоутилитарных возбуждений, некритичностью поведения в целом, его обусловленностью ригидными установочными механизмами.

При общении с указанной категорией подследственных лиц следует предвидеть возможные аффективные вспышки, ситуативные конфликты. Наряду с этим пониженная критичность их поведения делает невозможным длительное, методически и тактически продуманное противодействие следователю.

Одним из существенных факторов, ориентирующих тактику следователя, является как можно более раннее выявление мотива деяния, совершенного данным лицом. Мотивы поведения служат показателем общей направленности личности, проявлением ее базовых ценностей.

Так, более жесткая позиция необходима в отношении лиц, обвиняемых в умышленном убийстве, систематически пьянствующих, крайне жестоких и циничных.

Взаимодействуя с так называемыми случайными убийцами, следователь должен принимать во внимание неблагоприятные бытовые обстоятельства. Без всестороннего учета личностных факторов он не может адекватно реагировать на отдельные поведенческие проявления этих лиц.

При взаимодействии с лицами, привлеченными к уголовной ответственности по обвинению в изнасиловании, необходимо учитывать общие психические особенности таких лиц - бесстыдство, крайняя вульгарность, разнузданность, чувственность, сознательная аморальность.

Определенные общие психологические особенности присущи и лицам, обвиняемым в корыстно-насильственных и в корыстных преступлениях. Так, грабежи и разбои совершают, как правило, лица с крайней антисоциальной и антиправовой ориентацией. Для них характерны аморальность, пьянство. Наряду с этим они отличаются повышенным самоконтролем, способностью к устойчивому тактическому противодействию.

Взаимодействуя с отдельными участниками преступной группы, следователь должен учитывать и нейтрализовывать их ложную позицию "защищенности группой" ("не один я").

Психическое состояние потерпевшего в значительной мере может определяться его обвинительной доминантой, отрицательными эмоциями, связанными с понесенным ущербом. Эти конфликтные состояния нередко бывают связаны и с общей конфликтностью личности. Конфликтные особенности личности иногда могут спровоцировать преступление.

С другой стороны, объективное установление, в чем же состоит ущерб, причиненный личности потерпевшего, помогает выяснить общественную опасность совершенного преступного деяния.

Показания потерпевшего направлены на защиту его интересов, но не как индивидуума, а как члена общества. Однако показания многих потерпевших перенасыщены оценочными элементами, тогда как доказательственное значение имеют только фактические сведения.

Различно и отношение потерпевших к установлению истины. Наряду со стремлением содействовать становлению истины могут быть и другие мотивы, которыми объясняется поведение отдельных потерпевших, - от безразличия до прямого противодействия следователю.

Значительную информацию, необходимую для раскрытия преступления, следователь получает из свидетельских показаний.

При получении информации от свидетеля необходимо принимать во внимание:

- его отношение к расследуемому событию и личности обвиняемого;
- отношение к правосудию;
- психическое состояние при восприятии расследуемого события;
- психическое состояние при даче показаний.

Особенностью поведения свидетелей на предварительном следствии (и в суде) является их процессуально регламентированная обязанность дать показания, необходимые для раскрытия преступления.

Следователь должен учитывать, что как направленность восприятия, так и его содержание определяются оценочной позицией воспринимающего лица, уровнем его психического, интеллектуального и нравственного развития.

При взаимодействии следователя со свидетелем также реализуется определенная линия поведения в оценке сообщаемых фактов. Поэтому важно выявлять причины допускаемых

свидетелем умолчаний, недомолвок. Они могут быть обусловлены различными побуждениями - боязнью мести, жалостью, стремлением избавиться от свидетельских обязанностей и др. Наряду с этим свидетельские показания сами по себе затруднены рядом психологических обстоятельств - фрагментарностью первоначального восприятия событий, мнемическими и речевыразительными трудностями.

Взаимодействие следователя со свидетелями осуществляется, как правило, в форме сотрудничества. Атмосферу сотрудничества необходимо специально поддерживать, подчеркивая удовлетворенность успехами в общении, проявляя положительное отношение к добросовестному свидетелю. При этом в необходимых случаях следователь оказывает мнемическую помощь (избегая каких бы то ни было внушающих воздействий). Следует, однако, остерегаться **конформности поведения свидетелей**, с готовностью отвечающих на все вопросы следователя, смешивающих истину с домыслом.

Между следователем и отдельными свидетелями могут возникать **псевдоконфликты**. Если подлинные конфликты основаны на противоречивости целей двух сторон, то псевдоконфликты происходят при нейтральном отношении одной стороны к другой, при отсутствии противоречий их целей. Псевдоконфликты возникают при нежелании сотрудничать по мотивам, не имеющим отношения к расследованию (из-за недостатка времени, непонимания смысла сотрудничества со следователем, из-за негативного отношения к нему в силу проявляемой им низкой культуры поведения и т. п.).

Очень важно своевременно выявлять причины псевдоконфликта. Неадекватные действия следователя в подобной ситуации могут привести к перерастанию псевдоконфликта в подлинный конфликт, к формированию у лица устойчивой отрицательной установки по отношению к следователю.

Особенно существенно своевременное, превентивное преодоление позиции на дачу ложных показаний. Люди с большим трудом изменяют первоначальные показания. Психологически очень трудно признать сложность ранее данных показаний. Одной из психологически сложных задач является преодоление психической пассивности отдельных свидетелей, активизация их психической деятельности. Весьма важно при этом преодолеть скрытность, скованность, замкнутость, создать условия для возникновения и развития коммуникативных контактов.

Значительные психологические познания необходимы следователю при взаимодействии с несовершеннолетними. Он должен учитывать как общевозрастные особенности малолетних, подростков и юношей, так и психологические особенности, присущие несовершеннолетним правонарушителям.

Большое значение в следственной практике имеет **подготовка следователя к общению** с проходящими по делу лицами. Следует предварительно ознакомиться с личностными особенностями каждого проходящего по делу лица, особенностями его поведения, образа жизни, кругом его потребностей и интересов, прогнозируя не только собственные действия, но и возможные реакции на них.

При подготовке к общению с проходящими по делу лицами следователь прогнозирует прежде всего их позиции относительно обстоятельств дела, существенных для расследования, разрабатывает стратегию и тактику решения следственных задач.

Общение следователя с проходящими по делу лицами в значительной мере формализовано, обусловлено процессуальными требованиями.

Как у следователя, так и у каждого проходящего по делу лица четко определен правовой статус.

Межличностное общение на предварительном следствии - это не обычный двусторонний процесс, оно односторонне направляется властной инициативой следователя в рамках уголовно-процессуальных норм.

Присущая данному виду общения формализованность в значительной мере затрудняет, сковывает психическую активность проходящих по делу лиц и требует от следователя коммуникативной гибкости, применения специальных средств активизации общения.

Любое формально-ролевое общение имеет индивидуальный стиль, обеспечивающий его успех или неуспех.

Психологически особенно значимо вступление следователя в общение, установление первичных коммуникативных контактов, определяющих в значительной мере их дальнейшее развитие. **Коммуникативный контакт - это взаимоактивизация общения с целью дальнейшего его развития.**

Установление коммуникативного контакта обусловлено психическим состоянием контактирующих лиц, их психической адаптацией к обстановке общения и к личности партнера по общению. Основой установления коммуникативного контакта является актуализация эмоционально значимого предмета общения, вызывающего психическую активность общающихся лиц.

Установление коммуникативного контакта - не простая психологическая задача, оно осложняется в процессе следствия отрицательной установкой отдельных лиц в отношении представителей правосудия, озлобленностью, агрессивностью, скрытностью, подозрительностью. Однако при этом, как правило, всегда имеется повышенный интерес к поведению следователя.

В позиции отдельных следователей также могут преобладать отрицательные установки - крайне негативное отношение к антисоциальной личности подозреваемого (обвиняемого) и связанные с этим высокомерие, надменность, чувство превосходства и т. п. Профессиональным качеством следователя является его способность нейтрализовать свое эмоционально-негативное отношение к подозреваемому (обвиняемому).

При вступлении в общение следователь должен определить психическое состояние допрашиваемого, используя для этого *зондирующие коммуникативные действия нейтрального содержания*. Здесь можно выделить два крайних вида психических состояний - резко возбужденное эмоционально отрицательное (гнев, возмущенность и т. п.) и депрессивно-подавленное (печаль, тоска, уныние и т. п.). Дальнейшее поведение следователя должно строиться с учетом этих состояний.

Не следует допускать каких бы то ни было поведенческих актов, усугубляющих вышеуказанные отрицательные психические состояния подозреваемого (обвиняемого). В равной степени следователю могут повредить как невнимательность, небрежность, суетливость, нервозность, подчеркнутая подозрительность, так и наигранная веселость и т. п.

Установлению коммуникативного контакта содействует все то, что снижает уровень отрицательных психических состояний.

В большинстве случаев коммуникативный контакт создается не на базе житейских мелочей, а на основе информации, способной вызвать оптимальный очаг возбуждения. При этом следует учитывать актуализированные потребности партнера по общению, текущие доминанты. Эти доминанты определяются не столько устойчивыми личностными или профессиональными интересами проходящего по делу лица, сколько проблемами, связанными с расследуемым событием.

У каждого подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля имеются свои животрепещущие проблемы, жгучие вопросы, концентрирующиеся вокруг расследуемого дела. Свои контакты со следователем они планируют, основываясь на собственном отношении к событию преступления. (И здесь неприемлемы расхожие рекомендации некоторых юристов, когда с любителем шахмат предлагается устанавливать “психологический контакт” с разговора о тонкостях ферзевого гамбита, > а с рыболовом - об особенностях клева в осенне-зимний период.)

Вступая в контакт с конкретными подследственными лицами, необходимо исходить из того, что “психологический эффект каждого внешнего действия на личность обусловлен историей ее развития”.

Задача следователя - с самого начала опираться на положительные социальные связи данной личности, усиливать эти связи, пробуждать гражданственность. Поэтому лучше всего найти в “истории развития” данной личности значительные события, связанные с ее самореализацией, и начать общение, опираясь на эти события.

В основе стратегии поведения следователя не должно лежать заигрывание с допрашиваемым лицом, отыскание каких-либо общих любительских интересов. Допрашиваемые лица должны увидеть в следователе честного, принципиального, культурного, знающего свое дело человека, не унижающего их личного достоинства, не ущемляющего, а защищающего их гарантированные законом права.

Установление коммуникативного контакта - это прежде всего *избежание всего того, что может его нарушить*: - примитивности, вульгарности, профессиональной некомпетентности и тем более грубости и психического насилия (угрозы, шантаж, манипулирование ложной информацией, ущемление национальных и религиозных чувств и т. п.). Вся система коммуникативных контактов должна строиться на положительных проявлениях личности, на справедливом и гуманном отношении к личности подследственного.

Наиболее значимым моментом для установления контакта является доступное и убедительное разъяснение юридических прав и обязанностей данного участника уголовного дела.

Подозреваемые (обвиняемые) могут чувствовать себя беззащитными перед нависшей опасностью. И следователь с самого начала расследования должен выступать как защитник закона, в том числе и всех без исключения прав обвиняемого, подозреваемого и других участвующих в деле лиц. Особенно значимо для подозреваемых (обвиняемых) разъяснение следователем отдельных положений закона, раскрытие тех преимуществ, которыми они могут воспользоваться. Следователь должен проявить себя не как преследующее лицо, а как лицо, призванное помочь другому, пусть даже оступившемуся человеку. И эта позиция должна быть не показной, а отражать внутренние устремления следователя.

Поведение подозреваемого (обвиняемого) во многом зависит от поведения следователя. И если следователь внимательно отнесся к нуждам зависимого от него человека, проявил себя как достойный гражданин, с ним всегда захотят установить контакт, взаимодействовать.

Особенно внимательного отношения требуют лица, лишённые свободы. Лишение свободы - сильнейший психологический фактор; ограниченная возможность действий, тяжелые нравственные переживания обостряют защитные доминанты, повышают избирательное отношение ко всем действиям официальных лиц, перестраивают всю ценностно-мотивационную и регуляционную сферу личности, повышают чувствительность к отдельным внешним воздействиям.

Для негативного отношения следователя к подозреваемому (обвиняемому), особенно в начале расследования, нет никаких оснований - истина еще должна быть установлена. Но даже виновный и осужденный остается гражданином Советского государства и обладает определенными правами.

Правосудие должно неотвратимо осуществлять наказание за совершенное преступление, но ему чуждо стремление к мщению.

Ситуации следственного общения в условиях противодействия часто называют **конфликтными ситуациями**. Конфликт как психологическое понятие - это столкновение противоположно направленных, несовместимых тенденций в сознании отдельных индивидов, в межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанное с острыми отрицательными эмоциональными переживаниями. При этом каждая конфликтующая сторона стремится нанести ущерб другой.

Существование конфликтов возможно лишь при наличии условий для длительного противодействия сторон.

Несомненно, не существует общей, глобальной конфликтности между следователем и подследственными лицами. Задача следователя - преодолеть даже временно возникшие конфликтные ситуации и в любом случае достигнуть цели расследования - установить истину происшедшего события.

Устойчивые конфликты возможны, лишь когда стороны располагают равными возможностями. Для длительного поддержания конфликта у обвиняемого и подозреваемого нет никаких средств, тогда как у следователя имеется арсенал возможностей для его снятия. Поэтому представляется, что получившая в последнее время широкое распространение "теория конфликтов" на предварительном следствии не имеет достаточных оснований.

Не всякое противодействие является конфликтом, позиционной борьбой. Противодействие правосудию - это не конфликт и не позиционная борьба, а несостоятельная уловка преступника, для преодоления которой следствие располагает системой научно разработанных средств.

Длительные, конфликты, борьба могут возникнуть только в практике отдельных малоквалифицированных следователей, не владеющих тактикой преодоления противодействия следствию. Преодоление противодействия подследственного лица требует профессионализма, владения соответствующими психологизированными в своей основе приемами. При этом недопустимо психическое насилие.

В законе не перечислены все возможные незаконные меры: они слишком многообразны, однако запрещена сама основа всех возможных незаконных мер воздействия - домогательство показаний.

К приемам психического насилия относятся подсказывающие и наводящие вопросы, угрозы, необоснованные обещания, манипуляция ложной информацией, использование низменных побуждений и т. п. Так, категорически недопустимо проведение следственных действий только в

“тактических” целях (например, проведение очной ставки при отсутствии в показаниях существенных противоречий).

Преодолевая противодействие, следователь не ставит задачу сломить волю подозреваемого (обвиняемого). Он не борется с ним, а осуществляет социальное воздействие на асоциальную личность.

От средств и приемов неправомерного психического насилия, связанных с домогательством нужных следователю показаний, следует отличать правомерные **приемы психического воздействия**.

Эффективное применение средств и приемов нравственного психического воздействия - основа тактического мастерства следователя. Уголовное судопроизводство основано на предусмотренных законом мерах воздействия по отношению к участникам уголовного дела.

Прием психического воздействия - это воздействие на противодействующее следователю лицо путем создания такой ситуации, в которой обнаруживается скрываемая им информация вопреки его желанию. Так, тактически целенаправленная система вопросов может выявить, помимо желания допрашиваемого, такие факты и детали, которые известны только лицу, причастному к совершению преступления.

Выше отмечалась необходимость опираться на положительные социальные связи и положительные качества противодействующего следователю лица. Допустимо ли наряду с этим использование и отрицательных психических и нравственных качеств - эмоциональной неустойчивости, вспыльчивости, беспринципности, тщеславия, мстительности и т. п.? По этому вопросу нет единого мнения. С нашей точки зрения, на него следует ответить утвердительно: средство достижения истины допустимо, если лицо, дающее показания, при этом остается свободным в выборе линии своего поведения. При этом важно, чтобы используемый прием не содержал элементов лжи, обмана, нечестности.

Так, следователем было установлено, что обвиняемый П. вел аморальный образ жизни, сожительствовал одновременно с несколькими женщинами, в том числе с К. Зная, что жена П. ревновала мужа к этой женщине, следователь использовал это обстоятельство. Перед тем как вызвать жену П. на повторный допрос (ранее отрицавшую свою осведомленность о преступной деятельности мужа), следователь разложил на своем столе изъятые у П. фотографии К. Увидев их, жена П. сразу же сообщила об известных ей фактах совершения преступлений ее мужем.

Имел ли следователь моральное право использовать такой прием? Не разглашал ли он при этом интимные стороны жизни подследственного лица? Нет, не разглашал. Фотографии К. могли оказаться у него на столе и по другому поводу. Вымогательства показаний от жены П. не происходило. Процессуальные права и законные интересы личности не были нарушены.

Итак, сталкиваясь с упорным запертостью, следователь использует “жесткие” приемы психического воздействия, но эти приемы не должны быть связаны с его предвзятой, ригидной позицией. **Следователь воздействует не на содержание показаний, а на мотивационную сферу допрашиваемого лица** (путем разъяснения преимуществ правдивого признания, юридического значения имеющих улик, использования особой системы их предъявления и т. п.). Существенное значение имеет при этом воздействие на антиципирующую (предвосхищающую) деятельность лица, уклоняющегося от дачи правдивых показаний.

Все приемы, основанные на эффекте “блокировки” возможных уклонений допрашиваемого от дачи правдивых показаний, являются правомерными. Следователь, предвидя возможные направления уклонений, заранее “блокирует” их, демонстрируя их бесперспективность, и тем самым побуждает к даче правдивых показаний.

Не прибегая к дезинформации, следователь может широко использовать возможность разноплановой трактовки допрашиваемым лицом имеющейся информации.

Каждый прием правомерного психического воздействия имеет свою “сверхзадачу”, которая решается самим подследственным на основе имеющейся у него информации. Узловые вопросы, все наиболее значимое для него важно “подать” в момент его наибольшей психической активности, но с неожиданной стороны. При этом резко повышается значимость получаемой информации - происходит ее эмоциональная генерализация.

Психическим воздействием обладает даже последовательность вопросов. В тех случаях, когда они хронологически ассоциируются с подлинными событиями, возникает впечатление широкой осведомленности следователя о них.

Но даже одиночные, имеющие самостоятельное значение вопросы должны быть всесторонне осмыслены следователем как фактор психического воздействия. Различные редакции одного и того же вопроса могут попасть на различную мотивационную почву.

Не являются ли приемы психического воздействия проявлением предвзятого отношения следователя к подозреваемому (обвиняемому), который до приговора суда не считается виновным? На этот вопрос следует ответить отрицательно.

Во всех сферах жизнедеятельности людей, особенно там, где имеет место тактическое взаимодействие - будь то дипломатия или игра, военное дело или расследование преступлений, неизбежно имеет место психическое воздействие одной стороны на другую.

Каким арсеналом средств правомерного психического воздействия на лиц, противодействующих расследованию, располагает следователь?

Судебная психология рекомендует ряд приемов правомерного психического воздействия в ситуациях противодействия. К ним относятся:

- ознакомление противодействующего лица с системой имеющихся доказательств, раскрытие их юридического значения, убеждение в бесполезности противодействия;
- разъяснение преимуществ чистосердечного раскаяния;
- создание у допрашиваемого лица субъективных представлений об объеме доказательств, оставление его в неведении относительно фактически имеющегося объема доказательств;
- исправление ошибочных представлений о неосведомленности следователя;
- создание условий для действий подследственного лица, ведущих к его разоблачению;
- временное попустительство уловкам, совокупность которых может иметь разоблачающее значение;
- система предъявления улик по возрастающей их значимости, внезапное предъявление наиболее важных, изобличающих доказательств;
- совершение следователем действий, допускающих их многозначное толкование.

Следователь постоянно должен учитывать, какой информацией о ходе следствия располагает подозреваемый (обвиняемый), каким образом он ее переосмысливает и какие действия в связи с этим может предпринять.

Рефлексивное управление поведением противодействующего лица основано на:

- анализе его общих адаптационных способов;
- его ригидности, шаблонности;
- неосведомленности о тактических планах следователя, о мере его информированности;
- использовании внезапности, дефицита времени и информации для продуманных контрдействий.

Использование; дефицита времени и информации у противодействующего лица не следует трактовать в духе традиционного приема “захвата врасплох”. Анализ практики показывает, что получаемые при “захвате врасплох” ответы редко бывают связаны с произвольной “выдачей” истины. В подавляющем большинстве случаев такая “внезапность” не продвигает следователя по пути познания истины, но очень часто ведет к нарушению коммуникативного контакта. Наряду с этим внезапное предъявление веских изобличающих улик в ситуации, содействующей разрушению защитной доминанты противодействующего лица, следует признать эффективным приемом правомерного психического воздействия.

Одним из действенных средств психического воздействия на противодействующее следствию лицо является демонстрация возможностей объективного установления скрываемых обстоятельств вне зависимости от его показаний.

Предположим, что, расследуя дело о получении взяток за продажу стиральных машин “Вятка”, следователь установил два факта получения продавцом А. взяток от В. и С. Ознакомившись с порядком установки этих машин, следователь узнал, что они требуют специального монтажа, который производится через соответствующую мастерскую. Следователь сообщил А. о том, каким путем он может выявить всех лиц, которым А. продавал эти машины. После этого А. назвал еще пятерых покупателей, от которых получил взятки.

Большое психическое воздействие оказывает **предъявление вещественных доказательств** и раскрытие перед подследственным лицом их разоблачающего значения, **возможностей судебной экспертизы**. При этом существенны обстановка предъявления вещественных доказательств, психологическая подготовка к их адекватному восприятию подследственным.

Следователь учитывает и **эмоциональные реакции** на те вещественные доказательства, которые значимы лишь в системе данного расследуемого события и нейтральны сами по себе.

Так, предъявление обуви и одежды убитого эмоционально значимо для виновного и нейтрально для невинного. Однако роль эмоциональных реакций в расследовании не следует преувеличивать. Они могут возникать по разным причинам.

В то же время произвольные эмоциональные реакции, их внешняя выраженность оцениваются самим подследственным, что определяет его дальнейшее поведение. В некоторых случаях он может интерпретировать свои эмоциональные проявления как “провал”, как выдачу “тайны”. И если после этого следует чистосердечное признание, значит, тактический прием эмоционального воздействия оказался эффективным.

Одним из средств правомерного психического воздействия является ***постановка перед подследственным лицом мыслительных задач, связанных с логикой расследуемого события.***

Повышенная психическая активность подозреваемого (обвиняемого) в случае причастности к преступлению может объясняться его информированностью относительно тех данных, которые неизвестны пока следователю, острым повторным переживанием отдельных эпизодов преступления. Так, при осмотре магазина, из которого была совершена кража, следователь обнаружил на полу под окном шерстяное одеяло. На одеяле имелось несколько вмятин, характер которых позволял предположить, что его несколько раз пытались повесить на забитый в верхнюю часть оконной рамы гвоздь. Необходимость в завешивании окна возникла в связи с тем, что уличный фонарь хорошо освещал внутреннюю часть помещения магазина.

Подозрение в краже пало на П. Во время допроса ему был задан только один вопрос “для размышления”: “Как вы думаете, был ли виден прохожим преступник, который пытался занавесить окно в магазине?” Помня о том, что одеяло неоднократно падало и его приходилось вновь вешать на фоне ярко освещенного окна, П. решил, что его увидел и опознал кто-то из знакомых. Считая себя разоблаченным, он признался в краже.

Многие приемы воздействия связаны с явлением “имиджа” --формированием определенного “образа следователя” и “образа его действий” в сознании противодействующего лица. Следователь должен рефлексировать реакции подследственного лица в отношении своих действий и предъявляемых доказательств, устранять все то, что может привести хотя бы к временному успеху противодействия, к упрочению установки на запирательство, воздерживаться от взаимодействия с подследственным в тактически невыгодных ситуациях. В тактически наиболее благоприятных ситуациях следователь усиливает воздействие путем синхронизации своих действий, используя психический эффект “накопления чувств”

Все перечисленные тактические приемы психически принудительного воздействия не являются приемами психического насилия, так как допускают свободу волеизъявления подследственного лица, вариативность его поведения.

Итак, цель психического воздействия - преодолеть установку на противодействие, убедить противодействующее лицо в необходимости дачи правдивых показаний.

Сущность психического воздействия в судопроизводстве состоит не в нагнетании страха и не в соблазнении подследственного лица необоснованными обещаниями, а в убеждении его действенными средствами в преимуществах достойного, честного поведения. Тактические приемы следователя не являются при этом “ловушками”, “хитростями”.

Приемы правомерного психического воздействия создают ***психологические условия, облегчающие противодействующему лицу переход от лжи к правде.***

Следователь должен выяснять истинные мотивы запирательства, гибко преодолевать сложившуюся негативную позицию противодействующего лица, убеждать его в нецелесообразности избранной поведенческой позиции, опираясь на положительные качества личности, всячески укреплять их. Унижение личности, выдвигание на передний план только отрицательных ее качеств ведет к личностной конфронтации, к уходу подследственного от нежелательного для него общения.

Не сломить волю подследственного, а трансформировать “злую волю” в “добрую” - такова психологическая сверхзадача следователя в ситуациях противодействия.

Следователь должен пресекать все, что может усилить отрицательные мотивы поведения противодействующего лица - общение с другими противодействующими и с асоциально настроенными лицами, получение нежелательной в следственно-тактическом отношении информации

Решающим фактором преодоления противодействия является способность следователя распознавать ложные показания, умение раскрывать “стратегии” подозреваемого или

обвиняемого, убедительно разъяснять ущербность их позиций. Немаловажное значение имеет и разъяснение путей возможного достойного выхода из сложившейся конкретной ситуации.

Итак, все способы психического воздействия на проходящих по делу лиц должны быть правомерными. Использование каких бы то ни было приемов психического насилия является противоправным.

Следователь должен знать четкую грань между правомерными и неправомерными приемами психического воздействия. *Психическое воздействие правомерно, если оно не ограничивает свободу волеизъявления проходящего по делу лица.* Все то, что ограничивает свободу волеизъявления подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, “подтягивает” их показания в желаемое русло ранее возникших установок следователя, наносит ущерб раскрытию истины и является противозаконным.

Тактический прием психического воздействия на лицо, проходящее по делу, правомерен, если при этом не нарушено ни одно из трех требований:

- прием не основан на неосведомленности подозреваемого (обвиняемого) или иных лиц в правовых вопросах;
- прием не унижает достоинства личности и не ограничивает свободы ее волеизъявления;
- прием не влияет на позицию невиновного, не побуждает его к признанию несуществующей вины, к оговору невиновных, к даче ложных показаний.

3. Психология взаимосвязи следственной и оперативно-розыскной деятельности

В процессе расследования следователь взаимодействует с оперативно-розыскной службой. В обнаружении преступлений и лиц, их совершивших, органы дознания играют особую роль - они прежде всего осуществляют информационное обеспечение следственной деятельности.

Дознаться - значит разузнать, выведать что-либо. В. Даль считал, что в деловом порядке дознание разнится от следствия тем, что делается для предварительного удостоверения, есть ли основание приступить к следствию.

Отличительной психологической особенностью оперативно-розыскной деятельности является раскрытие преступлений; преодоление противодействия и сопротивления преступника и в связи с этим - использование определенных ухищрений. Эти ухищрения не противоречат законности, их необходимость обусловлена спецификой сыска.

К оперативно-розыскной относится деятельность, осуществляемая гласно и негласно уполномоченными на то государственными органами и оперативными подразделениями, в пределах их компетенции путем проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод личности, собственности, безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Задачами оперативно-розыскной деятельности являются: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц их подготавливающих, совершающих или совершивших: осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также без вести пропавших граждан. Добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

“Оперативность” означает быстрое выполнение практического действия в ответ на определенные обстоятельства. Оперативная деятельность отличается повышенной динамичностью и по своему содержанию не может быть формализована.

Уголовный розыск наряду с гласными средствами и приемами имеет право использовать приемы личного сыска, специальные учеты, оперативную технику и т. п.

По оперативно-розыскным каналам следователь может получить:

- сведения об объектах - возможных носителях доказательственной информации;
- ориентирующие данные об обстоятельствах, определяющих тактические приемы собирания доказательств;
- сведения, содействующие правильной оценке доказательств;
- сведения о подозреваемых лицах.

Получение этих данных во многом зависит от уровня и качества взаимодействия оперативных сотрудников со следователем. С психологической точки зрения важное значение имеют особенности этого взаимодействия, связанные со спецификой решаемых ими служебных задач.

К ним относятся:

- Особенности взаимозависимости задач, решаемых следственными подразделениями и оперативными службами. Здесь следует отметить, что взаимная заинтересованность указанных субъектов далеко не равноценна. В процессе реализации материалов оперативного учета работники оперативных служб в большей степени заинтересованы в следователе, чем наоборот.

- Тесное взаимодействие не всегда обусловлено его глубиной, т. е. степенью проникновения деятельности одного субъекта в работу другого.

Так, негласный характер оперативной работы лишает следователя возможности взаимодействовать с сотрудниками в этом направлении в полной мере. В свою очередь, процессуальная самостоятельность следователя ограждает его деятельность от чрезмерного проникновения в эту сферу оперативного работника.

- Реальные различия в оценочных позициях сторон и соответственно, особенности психологического отношения следователей и оперативных работников к конечной цели совместной деятельности. Так, далеко не всегда совпадают точки зрения о целесообразности возбуждения уголовного дела по оперативным материалам. Различными бывают отношения упомянутых субъектов к судебной перспективе уголовных дел даже при безусловной общности интересов. Оперативные работники часто переоценивают возможности следствия и стараются, при всех обстоятельствах, добиться возбуждения уголовного дела по материалам реализации оперативных разработок. Здесь оперативными работниками не всегда в полной мере осмысливается трудоемкость процесса доказывания, сложность добывания доказательств в тех случаях, когда на момент возбуждения уголовного дела ряд обстоятельств преступной деятельности не установлен. Особенно это характерно для преступлений, совершаемых группой лиц или организованными преступными сообществами. Справедливости ради следует отметить, что и следователи нередко склонны к переоценке возможностей оперативных работников в сборе доказательств.

Следует признать правильным, когда оперативные работники, еще до реализации оперативного дела, в пределах допустимого знакомят следователя с материалами и совместно разрабатывают необходимые меры по обеспечению доказательств. От того, насколько слаженно и продуманно осуществляется взаимодействие на самом начальном этапе, зависит во многом успех расследования уголовного дела в целом. Одним из важных аспектов взаимодействия является соблюдение служебной тайны. Именно на этом этапе, да и на всех последующих, преступники и их соучастники стремятся добыть любыми путями информацию о ходе расследования, степени осведомленности правоохранительных органов. В этой области имеются свои психологические особенности и трудности. Умение быть сдержанным - это не столько природный дар, сколько результаты воспитания, зависящие от стойкости, дисциплинированности. Без этих качеств весьма затруднительно преодолеть потребность поделиться с другими лицами захватывающей новостью, интересными сведениями, имеющими подчас сенсационное значение.

В связи с этим проблема возможной утечки служебных секретов требует немалых усилий по соблюдению требований конспирации, профессиональной этики.

С момента реализации оперативных материалов, деятельность следователя и оперативного работника протекает в остро конфликтных условиях активного противодействия подозреваемых и других лиц психологического противоборства. Противодействие следователю может выражаться в попытках провокаций, дискредитации, угроз, запугивания соучастников и свидетелей. Устранение подобных опасных ситуаций, а также нередко явного, либо только противодействия со стороны отдельных "руководителей, создает у следователей и оперативных работников постоянные повышения волевых напряжений, эмоциональные реакции, преодоление которых во много зависит от уровня качества и позитивной направленности их взаимодействия.

Для преодоления оказываемого противодействия раскрытию преступления следователям и оперативным работникам необходимо твердо владеть методами психологической борьбы. К ним в первую очередь относятся:

- упреждение негативной деятельности преступников;
- координация и синхронность оперативно-розыскных, следственных и иных мероприятий;
- выбор оптимальных условий для проведения процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий;

- своевременное определение и использование средств воздействия на нравственную и эмоционально-психологическую сферу подозреваемых, обвиняемых, заинтересованных свидетелей, потерпевших, способных побуждать их к надлежащему поведению.

Наиболее психологически сложной задачей является **установление лиц, совершивших преступление, по неполной исходной информации**, то есть при отсутствии прямых указаний на личность преступника. В этих случаях используются алфавитный и дактилоскопический учеты, а также информационно-поисковые системы, обеспечивающие автоматическое сличение массива дактилокарт со следами рук, изъятыми на месте происшествия.

Современные информационно-поисковые системы - мощное средство раскрытия преступлений в условиях неполноты исходной информации, при ограниченности вещественных доказательств и свидетельских показаний. Некоторые информационно-поисковые системы обеспечивают и многоаспектный поиск - одновременное использование множества признаков, характеризующих внешность человека, его преступный опыт, особенности совершения преступлений, круг его общения и другие признаки, существенные для раскрытия преступления.

Информационно-поисковые системы требуют постановки информационных вопросов в соответствии с возможностями автоматизированного поиска и особенностями расследуемого события. Как правило, ЭВМ может выдать информацию не о конкретном лице, а о круге лиц, состоящих на криминалистическом учете, среди которых необходимо провести тщательную оперативно-розыскную работу. Эта работа связана с дифференциацией особенностей расследуемого происшествия, с углубленным информационным анализом поисковых признаков

Различные поисковые признаки имеют разную степень информативной значимости. **Наиболее редко встречающиеся признаки имеют наибольшую информативную значимость.** Так, признак "средний рост" имеет низкую информативность - 0,3. При выборке из находящихся на уголовно-розыскном учете только по этому признаку из тысячи лиц средний рост будут иметь 700 человек. Информативность же такого, например, признака внешности, как "белокурый", равна 0,97 (на тысячу лиц приходится только 30 белокурых)

Представим себе, что при поиске особоопасного преступника было установлено несколько его признаков. Кроме других, в запрос был введен малоинформативный, крайне расширительный признак ("возраст от 17 до 29 лет"). Наиболее информативный признак - "невнятная речь" первоначально не был учтен. Поиск оказался безрезультатным. Когда при повторном запросе широкодиапазонный признак был заменен высокоинформативным "невнятная речь", автоматизированная поисковая система указала лишь одно лицо! Им оказался состоящий на учете преступник-рецидивист

Таким образом, при взаимодействии с розыскной службой необходим квалифицированный информационный анализ, осуществляемый следователем

Признаки личности преступника при его поиске **должны быть "прошкалированы" следователем по их информативной значимости.** Эти признаки могут быть вероятными и достоверными, высокоинформативными и малоинформативными. Малоинформативные признаки создают "шумы" в канале информации, затрудняют поиск. Опасный преступник совершил несколько изнасилований, проникая обманным путем в квартиры к одиноким женщинам. После сопоставления показаний о его приметах был составлен запрос информационно-поисковым системам. Из многих тысяч лиц, находящихся на криминалистическом учете, автоматизированная поисковая система указала на высокую вероятность совершения данного преступления 20 лицами. Поэтому требовалась тщательная проработка полученной информации. Однако вместо этого в запрос был введен еще один малоинформативный признак, в результате чего количество заподозренных лиц при этом сократилось до семи, но вероятность совершения расследуемого преступления этими лицами значительно снизилась. Среди них преступник не был обнаружен

После совершения многих других преступлений преступник был задержан. Было установлено, что его личность входила в те 13 "моделей", которые были отсеяны после введения в запрос малоинформативного признака

Значительный объем информации в оперативно-розыскной деятельности не документируется, а сохраняется в памяти отдельных работников. Владея методикой выявления скрытых обстоятельств, оперативно-розыскные работники часто предоставляют следователю материал для принятия первоначальных тактических решений.

Задача следователя - суметь воспользоваться этой информацией. Результаты оперативных проверок в ряде случаев используются для правомерного психического воздействия на проходящих по делу лиц с целью получения необходимой информации.

Взаимодействие между следователем и органами дознания имеет организационно-тактические формы - создание оперативно-следственных групп, выезды на место происшествия, совместное планирование следственных действий. При этом следователь является организатором деятельности малой социальной группы: регулирует межличностные отношения, определяет возможности отдельных членов группы с целью наиболее эффективного их использования. Он должен быть не только формальным руководителем групп, но и общепризнанным ее лидером.

В зависимости от конкретных следственных задач функциональная организация следственно-оперативной группы может принять вид “цепочки”, “звезды”, “круга” или “сети” (рис. 2).

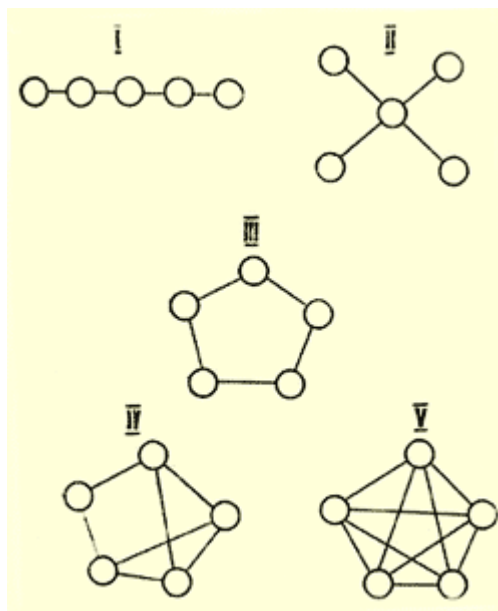

Рис.2 Функциональная группировка участников следственно-оперативных групп:
I - цепочка; II - звезда; III - круг; IV - неполная сеть; V - полная сеть.

Функциональная организация группы связана с особенностями информационных связей между ее членами. Так, если следственная задача сравнительно проста, если ее решение не требует переработки большого количества информации, то наиболее эффективна организация группы по типу “цепочка”, “звезда”, “круг”. При этом следователь дает отдельные поручения конкретным членам группы. При решении более сложных задач, связанных с необходимостью изыскания значительного объема информации, следственно-оперативная группа создается по типу полной или неполной “сети”. При этом специально прорабатываются технические аспекты эффективной коммуникации.

Следует учитывать **типы поведения лиц, подчиненных руководителю.** Наиболее распространенными являются три типа - ведомый, обособляющийся, сотрудничающий.

Лица, относящиеся к ведомому типу, имеют устойчивую установку на добровольное и беспрекословное подчинение руководителю, не проявляют инициативы. Это тип исполнителя. Таким сотрудникам целесообразно поручать простые, алгоритмически решаемые задачи - составить схему места происшествия, изъять след преступника и т. п.

Сотрудников, относящихся к обособляющемуся типу, отличает ярко выраженная индивидуалистическая ориентировка. Они не приемлют мелочной регламентации, проявляют инициативу, самостоятельность, предпочитают уединенную работу. Таким сотрудникам целесообразно поручать решение определенных частных проблем, например самостоятельную проверку возможных следствий из выдвинутых версий и т. п.

Лица, относящиеся к сотрудничающему типу, склонны к совместным действиям. Их целесообразно привлекать к преследованию преступника и к другим активным коллективным действиям.

Для эффективной организации работы следственно-оперативной группы необходимо учитывать и различные аспекты совместимости ее членов - физиологические, психофизиологические и социально-психологические. При этом следует иметь в виду, что при

выполнении тех или других следственных действий существенны различные параметры совместимости индивидов. Так, при преследовании и задержании преступника важны физическая сила, особенности динамики нервных процессов, эмоциональная устойчивость оперативных сотрудников. При опросе очевидцев существенны социально-психологические их качества - общительность, корректность, внимательность, наблюдательность и др.

Лица, входящие в одну группу, в одних видах деятельности могут быть хорошо совместимы, а в других - крайне не совместимы. Понятие совместимости не означает подобия психических свойств индивидов. Многие виды следственной работы требуют взаимодополнения различных психических возможностей, которыми обладают разные сотрудники. Однако *различные ценностные ориентации, неуважение, неприязнь отдельных сотрудников друг к другу делают их, как правило, несовместимыми во всех видах деятельности*. Эта несовместимость особенно резко проявляется в критических ситуациях.

4. Психологические аспекты планирования следственной деятельности, ее достоверности и оценки результатов

Одним из существенных качеств следователя является его конструктивная способность - способность предвидеть развитие событий, перспективно моделировать свою деятельность, правильно ее планировать.

Деятельность человека отличается предвидением ее будущих результатов, способов и условий достижения этих результатов.

Планирование деятельности следователя имеет свои отличительные особенности. Он планирует прежде всего общую стратегию расследования и отдельные узловые тактические приемы, определяет основные этапы следственно-поискового процесса, систему следственных действий и логику каждого следственного действия в отдельности. Планируется также использование специалистов, экспертов, оперативно-розыскных работников

Существенной особенностью конструктивной деятельности следователя является постоянно возникающая необходимость в текущей корректировке его деятельности. Она возникает как в связи с обнаружением новых фактов, так и в связи с изменением тактики поведения заинтересованных в деле лиц. Однако уже с самого начала планирования расследования следователь должен предвидеть те действия заинтересованных в деле лиц, которые, по их мнению, могут дать им определенное преимущество. Проникновение в замыслы оказывающего противодействие подозреваемого, обвиняемого Или свидетеля, определение мер нейтрализации их противодействия - одна из основных исходных задач следователя.

Эффективное планирование следственной деятельности связано с рефлексивным мышлением следователя. Его действия являются не только системой акций - они должны быть и реакцией на поведение подозреваемого (обвиняемого). Поэтому при общем планировании следствия следователь должен проявлять разумную умеренность, не увлекаясь подробным планированием, обилием конкретных преждевременных мер. При этом, конечно, не должно быть упущено из виду все то, что можно и нужно заранее предвидеть. По мнению Б.М. Теплова, идеальный план определяет все, что только можно определить, и чем больше он определяет, тем он, говоря принципиально, лучше. Но если план определяет то, что в данных условиях нельзя ответственно предвидеть, то он может оказаться не только плохим, но даже вредным.

Во многих случаях от правильно спланированного начала следствия будет зависеть его дальнейшее развитие. Только опыт, знания и интуиция, соотнесенные с конкретными обстоятельствами расследования, позволяют составить реально полезные планы. Умение опытных следователей обходиться без предварительных слишком детальных планов обусловлено:

- способностью быстро формировать оперативные планы в зависимости от изменяющихся ситуативных обстоятельств;
- большой силой воображения, позволяющего по отдельным деталям реконструировать целостное событие, предвидеть его дальнейшее развитие;
- развитыми комбинаторными способностями, большой творческой энергией и интуицией.

У следователя должен быть широкий оперативный простор в выборе действий. Однако для этого он должен предвидеть все возможные направления следствия и спланировать примерный ход своих действий в каждом из возможных направлений. Успех конструктивной деятельности

следователя зависит от его информативной и концептуальной вооруженности, которая обеспечивает быструю, оперативную ориентацию в обстановке

Следователь не может связывать себя слишком подробным планом, не зная возможных обстоятельств расследования. Однако нельзя и опоздать с принятием необходимого плана действий. При этом формальная сторона планирования расследования должна быть сведена к минимуму. Планирование должно облегчать, а не затруднять работу следователя, поэтому без особой нужды не следует усложнять и процесс планирования. Стремление навязать следователю, порой без достаточных на то оснований, сложную форму плана расследования, требующую значительных затрат времени, вызывает, как правило, отрицательную психологическую реакцию

Основными элементами в структуре планирования расследования являются:

- выдвижение версии,
- определение общей стратегии расследования;
- определение системы следственных действий и участвующих в них лиц;
- определение тактических особенностей и тактических приемов отдельных следственных действий;
- критическая оценка результатов следствия.

Планируя расследование конкретного преступления, следователь должен *предвидеть возможность и необходимость использования специальных познаний экспертов и специалистов.*

В ряде случаев участие специалиста является обязательным и предусмотрено уголовно-процессуальным законом (участие педагога в допросе несовершеннолетнего свидетеля, участие врача-специалиста при осмотре трупа, в отдельных случаях освидетельствования). Специалист может быть привлечен к производству следственного осмотра, следственного эксперимента, обыска и выемки, к получению образцов для сравнительного исследования.

В зависимости от характера возникающих познавательных проблем в качестве специалиста может быть привлечен криминалист, трассолог, биолог, химик, почвовед, инженер, автотехник, товаровед и т. п. При этом следователь должен ясно представлять, какие конкретные задачи стоят перед специалистом в рамках исследуемого события, знать его познавательные возможности, четко формулировать вопросы для разрешения

Познавательно-практическая деятельность специалиста должна развиваться в русле следственно-познавательного процесса, то есть под контролем следователя. В ряде случаев целесообразно привлекать специалиста к планированию отдельных следственных действий: он может помочь в подборе научно-технических средств, необходимых документов, в создании адекватных условий при проведении следственного эксперимента, в выборе тактических приемов допроса несовершеннолетнего и др.

В отличие от эксперта, исследующего по заданию следователя представленные им доказательства, специалист - участник поиска самих доказательств.

При взаимодействии следователя со специалистом существенны контакты как общие коммуникативные (деловая и психофизиологическая совместимость), так и познавательно-поисковые (солидарность специалиста с познавательно-поисковой деятельностью следователя). Свои частные задачи специалист может успешно разрешить только в контексте общего плана расследования.

Следует различать три аспекта планирования следствия:

- стратегический;
- тактический;
- организационный.

Наиболее гибким звеном следственного планирования является планирование тактических приемов.

Следователь должен проявлять чрезвычайную гибкость по отношению к своим ранее разработанным планам и не допускать, чтобы эвристический поиск тормозился заранее определенным алгоритмом. Все принятые решения он отстаивает только до тех пор, пока обстоятельства не потребуют их изменения.

Диалектическая сущность следствия требует, таким образом, единства двух противоположных тенденций в конструктивной деятельности следователя - упорства и твердости в реализации планов и гибкости ума.

Только развитые динамические конструктивные способности следователя позволят ему контролировать изменчивые жизненные ситуации.

Практика показывает, что, если следователь не считается с объективными взаимосвязями вещей, доводами разума, если его действия продиктованы самолюбием, упрямством, конформностью, если он подобострастничает перед начальством, допускаются, как правило, грубые ошибки в расследовании. В тех же случаях, когда у следователя есть обоснованный план, он должен упорно его реализовывать, несмотря ни на какие трудности.

Итоговым звеном в познавательной-поисковой деятельности следователя являются **оценка достоверности доказательств, установление согласованности совокупности доказательств**, критический анализ сведений о фактической стороне дела.

Факт - это объективно существующая реальность. Достоверность же - свойство знаний о факте. Достоверными и недостоверными могут быть не факты, а только сведения о них. Поэтому нельзя говорить о "степени достоверности доказательств" или о "степени достоверности источника" доказательства. Они могут быть только достоверными или недостоверными. Никакое вероятностное знание не может быть положено в основу следственных и судебных решений.

Достоверный вывод нельзя сделать и из суммы вероятностных суждений. Достоверность знаний об одном факте не может "повышаться" или "понижаться" в зависимости от наших знаний о других фактах. (Так, вероятностное заключение эксперта нельзя присовокупить к другим фактам с целью "усилить" их.)

Достоверность знаний о факте устанавливается проверкой информационных источников доказательств и установлением согласованности доказательств.

Следственные решения имеют повышенную социальную значимость. Следователь не имеет права на ошибку. Его властные полномочия неизбежно сопряжены с большой социальной ответственностью.

Заключения следователя должны соответствовать всем без исключения фактам - целостной совокупности фактов.

Выдвигаемые следователем версии должны быть **динамичными**, охватывать все новые факты. Следует учитывать, что первоначально выдвинутые версии имеют тенденцию к повышенной устойчивости. В психологии отмечается инерционное влияние гипотезы, ее тенденция к самоутверждению. Люди, как правило, склонны преувеличивать информационную ценность данных, подтверждающих их первоначальные предположения, и недооценивать опровергающую информацию. При этом происходит так называемый субъективный прирост информации, который ведет к утверждению даже тех гипотез (версий), которые должны быть устранены. Этот механизм "самоподтверждения" гипотезы лежит в основе многих следственно-судебных ошибок. Степень "самоподтверждаемости" гипотезы зависит от личностных качеств следователя - она особенно высока у лиц с повышенным уровнем притязаний. Настаивая на ранее избранной версии, такие работники отстаивают свою непогрешимость.

Между тем ложной может быть не только версия, но и выводимые из нее следствия. И если проверяются эти ложные следствия, расследование идет по ложному пути.

Категорически недопустимо считать доказательством ссылки на отдельные личностные качества подозреваемого или обвиняемого. К ошибочным следственным решениям ведет любое нераспознанное ложное показание или ложное опознание.

Критическое мышление следователя должно быть высокочувствительным ко всем попыткам противодействующих следствию лиц ввести следствие в заблуждение, ко всем проявлениям преднамеренной лжи, к различным логическим парадоксам, псевдоистинам и софистическим рассуждениям.

При расследовании происшествия должны быть учтены все возможные его причины. Сужение круга этих причин исключает достоверность выводов следователя.

Так, если при расследовании причин пожара следователь исходит только из того, что пожар мог произойти:

- в результате небрежного обращения с огнем;
- вследствие неисправности в электропроводке;
- в результате поджога, и при этом устанавливаются факты, исключаящие какие-либо две группы причин (например, не было небрежного обращения с огнем, не было неисправности электропроводки), то психологически доминирующей будет третья причина (пожар возник в результате поджога). Между тем в данной ситуации упущены из виду другие возможные причины пожара (в результате самовозгорания различных веществ, в результате взрыва, от удара молнии и др.).

Все оценки следователя должны быть фактически обоснованными. Они должны обеспечить правильную квалификацию преступного деяния, определить допустимость и относимость доказательств, их взаимосвязь, непротиворечивость.

На отдельных этапах расследования, особенно при планировании расследования, при решении вопроса о привлечении лиц в качестве обвиняемых, при составлении обвинительного заключения оценочная деятельность следователя приобретает решающее значение.

Закон обязывает следователя всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства, а также обстоятельства, отягчающие и смягчающие юридическую ответственность.

В процессе расследования следователь должен прийти к достоверным знаниям о расследуемом событии. **Достоверность - это полная доказанность факта.**

В системе чувственных и логических оценок следует отдать предпочтение **оценкам логическим**. В оценках следователя не должны брать верх его эмоциональные побуждения.

Оценка - установление достоверной ценности результатов познания - в значительной мере субъективно-психологическое понятие. Она связана с ценностной ориентацией оценивающего субъекта, со значимостью материальных и идеальных объектов для деятельности субъекта. Но в то же время оценка является не только субъективной категорией. Она основывается на объективной значимости фактов.

Достоверность выводов следствия и суда - это правильное, соответствующее действительности отражение события преступления, виновности конкретного лица в его совершении, места, времени, способов и мотивов совершения преступления. При этом содержание мысленных образов и суждений должно всецело зависеть только от сущности тех предметов, которые исследуются.

Объектами оценки должны быть все доказательства, образующие состав преступления, а также все тактические и технические средства получения доказательств. Никакие вероятностные методы не могут лежать в основе итоговых следственных и судебных решений. Не является "царицей доказательств" и признание обвиняемого.

В законе и правовой доктрине используется понятие "внутреннее убеждение следователя". Однако следует учитывать, что внутреннее убеждение - это лишь определенное состояние сознания и может быть не адекватным действительности. Убедением может быть и заблуждение. (В том, что Солнце вращается вокруг Земли, долгое время были убеждены почти все люди.) Внутреннее убеждение - это субъективный фактор. Оно зависит от знаний, мнений, представлений, оценочных позиций. Поэтому следователь постоянно должен контролировать свои выводы системой фактов, проявлять уместные сомнения, осуществлять необходимые перепроверки.

Человек особенно чувствителен к первым ярким впечатлениям, подвержен ряду внушающих и самовнушающих (аутогенных) факторов. Следователь не может исходить только из того, убеждают или не убеждают его отдельные сведения. Даже очень убедительные отдельные факты (опознание, признание вины обвиняемым) не должны предопределять убеждение следователя.

Внутреннее убеждение следователя должно быть обосновано системой доказательств.

Для определения значимости, достоверности и достаточности доказательств существуют объективные критерии.

Внутреннее убеждение как общая предпосылка оценочной деятельности следователя означает лишь его свободу от внешних принуждений, неограниченность в поисках истины.

Находясь под эмоциональным влиянием окружающей микросреды, следователь должен проявлять устойчивость к внешним воздействиям, избегать принятия конформных решений, уходить от "стратегии простого большинства" в условиях группового решения.

В ряде случаев групповые предпочтения могут быть нетранзитивными. В условиях группового, межличностного взаимодействия следователю целесообразно групповые предпочтения упорядочивать таким образом, чтобы лучше обосновать правильность своих решений. При этом следует учитывать, что группа может принимать решения с большим уровнем риска, чем отдельный индивид (групповой сдвиг риска), так как в условиях группы усиливается чувство безопасности (В психологии отмечается даже такое парадоксальное явление: лица с повышенным уровнем тревожности в условиях группы предлагают решения с особо высоким уровнем риска.)

Однако следователь не должен и подавлять критическое мышление отдельных членов группы (оперативных работников, специалистов). До принятия решения целесообразно придерживаться нейтральной позиции, допуская в равной мере все аргументы “за” и “против”.

Итак, профессионально направленная наблюдательность, способность к концептуальному сопоставлению фактов, к реконструкции явлений по их косвенным признакам, умение охватить существенные стороны практической ситуации, анализировать сложные жизненные переплетения, намечать правильный план действий, а по мере обнаружения новых фактов оперативно изменять его, самокритичность, принципиальность, высокая гражданственность и справедливость - таковы основные профессионально-психологические качества следователя.

Деятельность следователя - это деятельность по борьбе с антисоциальными явлениями в условиях взаимодействия с широкими слоями населения, по профилактике преступности, по правовой пропаганде среди населения, по воспитанию правового мировоззрения масс.

Проблема нравственности в судопроизводстве достаточно широко освещена в юридической литературе. Поэтому мы ограничимся лишь напоминанием того, что нравственные качества - это свойства сознания и поведения, в которых проявляется отношение индивида к общему благу как к высшей цели и к человеку как к высшей социальной ценности. Для следователя, достойного своей миссии, вышеназванные ценности должны быть его интернализированными ценностями. Что же касается конкретных нравственных качеств законоблудителя, то они перечислены еще Платоном: скромность, честность, мужество, добродетельность, мудрость, неподкупность, беспристрастность, доброе имя.

Честность следователя - это прежде всего объективное и справедливое отношение ко всем участникам уголовного процесса, без предвзятости, обвинительного уклона, непримиримости к лжи и несправедливости, субъективизму и произволу.

В заключение несколько слов необходимо сказать о типологических различиях личности следователя. В силу особенностей психики, тех или иных качеств, доминирующих в характере, можно выделить несколько типов личности следователя.

Одни следователи более склонны к расследованию сложных, запутанных, малоинформативных на исходных этапах дел, но их способность к эвристическому поиску нередко сопряжена с низкой коммуникативной и организаторской способностью.

Следователи другого типа отличаются повышенной наблюдательностью, большим объемом и высокой распределенностью внимания при менее развитых эвристических возможностях. Высокое развитие коммуникативных качеств отдельных следователей делает их более способными к установлению контактов с различными людьми, к получению значимой информации в процессе умело организованного общения.

Определенные типологические различия проявляются и в самоанализе. Одни следователи свои достижения и неудачи связывают преимущественно с личностными качествами - с компетентностью и рациональностью своих действий. Такие работники отличаются повышенной ответственностью за свои решения. Они перепроверяют данные, если имеет место неопределенная ситуация, более конструктивно действуют в ситуациях, когда рушатся их первоначальные намерения, больше считают с информацией о результатах своих действий, более устойчивы к давлению общественного мнения. Другие следователи связывают свои успехи и неудачи с независящими от них обстоятельствами. Они обычно недостаточно решительны в критических ситуациях, ригидны, консервативны.

Учет профессионально-типологических особенностей личности следователя необходим при комплектации следственного аппарата, при организации отдельных следственных групп, для эффективного использования следователей при расследовании различных категорий преступлений.

Глава VI. Психология отдельных следственных действий

1. Психология допроса (Начало)

В работе следователя допрос занимает более четверти его рабочего времени.

Допрос является и наиболее психологизированным следственным действием, связанным с личностными особенностями допрашиваемого и допрашивающего, с психическим взаимодействием между ними. Знание закономерностей отражения расследуемого события в сознании свидетелей, потерпевших, обвиняемых, знание процессов восприятия, формирование представлений, воспроизведение образов и представлений в устных и письменных показаниях с учетом особенностей воспринимаемого события и личности допрашиваемого - все это составляет теорию допроса.

В ходе допроса следователь должен получить сведения о фактической стороне расследуемого события и дать оценку этим сведениям.

Квалифицированное проведение допроса требует учета психологических закономерностей формирования образных представлений, понимания общих тенденций личностной реконструкции этих представлений, рефлексивного взаимодействия с допрашиваемыми лицами. Центральными психологическими проблемами допроса являются диагностика истинности показаний, система приемов правомерного психического воздействия с целью получения правдивых показаний, способы изобличения ложных показаний.

Становление судебной психологии связано прежде всего с психологическими аспектами допроса.

Первое крупное исследование по психологии свидетельских показаний было проведено в Германии в начале XIX в. Со второй половины XIX в. в связи с развитием экспериментальной психологии и зарождением криминалистики эти исследования приобретают систематический характер.

В “Криминальную психологию” Г. Гросса, изданную в Граце в 1898г., включен большой раздел по психологии свидетелей. Г. Гросс использовал обширный материал из области экспериментальной психологии (исследования В. Вундта, Г. Эббингауза, Т. Рибо, А. Бине и др.) и показал ее важность для криминалистики.

Исследования психологов XIX в. приобретали юридически значимую интерпретацию. Так, в книге А. Бине “Внушаемость” рассматривалось влияние внушения на свидетельские показания. Экспериментально автор доказывал, что формулировки вопросов могут иметь различную меру внушения, вплоть до введения свидетеля в заблуждение. В связи с этим он указывал на необходимость в протоколах судебных заседаний излагать как ответы свидетелей, так и вопросы, которые им задавались. “Вопрос образует вместе с ответом одно неразрывное целое” ч немецкий психолог В. Штерн осуществил ряд экспериментов по психологии формирования свидетельских показаний. В сотрудничестве с Г. Гроссом он в 1903-1906 гг. издавал журнал “Доклады по психологии показаний”.

Исследования Бине, Штерна, Листа вызвали большой интерес у юристов многих стран. На основании полученных данных некоторые психологи и криминалисты пришли к выводу: использование свидетельских показаний в судопроизводстве недопустимо, поскольку в них очень высока вероятность произвольных ошибок, искажений. “Первое впечатление, произведенное этими опытами на юристов, нельзя охарактеризовать иначе, как ошеломляющее. В самом деле, рушились, казалось, основы уголовного правосудия. Это состояние изумления и отчаяния уступило, однако, вскоре место более спокойному отношению к делу.

Произведенные психологические опыты содействовали выяснению того, как и в зависимости от каких влияний изменяются свидетельские показания. Прогрессивные юристы А.Ф. Кони, Е.М. Кулишер и др. считали, что свидетельские показания могут успешно использоваться в правосудии, но они должны психологически анализироваться, подвергаться определенной оценке. “Но можно ли считать доказанным такое обстоятельство, повествование о котором испорчено и в источнике (внимание), и в дальнейшем своем движении (память)? Согласно ли с правосудием принимать такое показание, полагаясь только на внешние процессуальные гарантии и на добрые намерения свидетеля послужить выяснению истины? Не следует ли подвергнуть тщательной проверке и степень развития внимания свидетеля, и выносливость его

памяти? - и лишь узнав, с каким вниманием и памятью мы имеем дело, вдуматься в сущность и в подробности даваемого этим свидетелем показания, от которого иногда зависит справедливость приговора”.

В 20-х годах XX в. юристы и психологи несколько изменили недоверчивое отношение к показаниям свидетелей и задались вопросом: какова система тактических средств получения максимальной правдивости в свидетельских показаниях? В 30-е годы в советской юридической литературе широко обсуждались вопросы тактики допроса, направленные на получение максимально полных и достоверных сведений по расследуемому делу. Однако затем проблемы судебной психологии надолго были преданы забвению. И только в 60-х годах появляются исследования, положившие начало новому этапу развития судебной психологии. Стало общепризнанным положение: обеспечение полноты и достоверности информации, получаемой на базе показаний, требует знания и применения ряда психологических основоположений.

Психология формирования показания

Отражение действительности в сознании человека обусловлено различными **моделирующими** механизмами личности - ее социальным статусом, социальной ролью, профессиональными, национально-культурными и возрастными факторами, жизненным опытом и общекультурным уровнем. В этом и состоит субъективность психического отражения. Однако, поскольку исходной базой психического отражения является объективная действительность, эта база может быть проанализирована, если будут нейтрализованы соответствующие “личностные экраны” лиц, дающих показания.

Так, воспоминания человека всегда связаны с определенными переживаниями тех или иных событий. Одни из них выдвигаются на передний план и подавляют образцы других событий. Это вносит субъективные искажения в процесс воспроизведения. Учет возможных причин подобных искажений, их фильтрация, выявление подлинной чувственной основы воспроизводимого материала - важнейшая задача следователя при допросе.

В своей практике следователь неизбежно встречается с явлениями реконструкции и деформации воспроизводимого материала.

Личностная реконструкция материала при его сохранении и воспроизведении может проявляться:

- в искажении смыслового содержания исходного материала;
- в иллюзорной конкретизации, детализации;
- в замене одного содержания другим сходным содержанием;
- в объединении разрозненных элементов и в разъединении связанных элементов;
- в смещении или перемещении отдельных сторон исходного события.

Отдельные стороны события могут утрироваться в зависимости от устойчивых и ситуативных интересов допрашиваемого лица.

Выявление возможной подсознательной реконструкции материала в значительной мере зависит от психологической подготовленности следователя.

Основным психическим процессом во время допроса является **воспроизведение** - умственное (когнитивное) действие по восстановлению, актуализации ранее воспринятого содержания. В основном это произвольное, преднамеренное восстановление образов, нередко сопровождающееся и непроизвольными, ассоциативными воспоминаниями. Воспроизведение на допросе тесно связано с **репродуктивной задачей** - специально поставленной целью. При этом материал в основном “извлекается” из долговременной памяти. Решающим условием сохранения фактов, событий и т. д. в долговременной памяти является их осмысленная интерпретация. Она зависит от опыта, ориентации, интеллектуального развития личности, от степени активного взаимодействия индивида с материалом запоминания, охвата его системой имеющихся знаний и представлений - включения в семантическое (понятийное) поле данной личности.

При сохранении материала в долговременной памяти происходит его определенная личностная реконструкция, обобщение, фрагментаризация. Прочность же и своеобразие такого сохранения зависит от значения и личностного смысла материала.

Наибольшее значение при допросе имеет такой вид воспроизведения, как **вспоминание** - извлечение из долговременной памяти образов прошлого, мысленно локализуемых во времени и в пространстве. При вспоминании актуализируется не только соответствующий образ, но и вся система отношений (в том числе и эмоциональных), связанных с соответствующим объектом.

Репродукция, восстановление прошлого никогда не может быть его полностью адекватным “отпечатком”. Мера расхождения образа восприятия, представления и реального события у различных людей различна. Она зависит от типа высшей нервной деятельности, особенностей сенсорно-перцептивной системы индивида, от личностных ориентации, установок, мотивов и целей деятельности.

Продуктивность вспоминания в значительной мере зависит и от *мнемических средств* - системы различных индивидуальных приемов, облегчающих запоминание. Среди них наибольшее значение имеет установление связей между запоминаемыми объектами и их мысленным размещением в хорошо знакомом пространстве, в знакомых схемах, включение материала в систему осмысленных связей. При допросе должна “включаться” как произвольная, так и произвольная память, связанная с естественной повышенной восприимчивостью индивида к внезапно возникающим событиям, их необычности (ярко выраженности). Произвольное, специально организованное запоминание связано с выделением “вех” запоминания, опорных пунктов, с выделением в объекте структурных элементов, смысловых образований, их группировкой, систематизацией. Существенна также частота обращения к объекту запоминания.

Произвольная форма вспоминания, связанная с поиском, поэтапным восстановлением необходимой информации, называется *припоминанием*. В большинстве случаев следователь апеллирует к этой стороне мнемической деятельности допрашиваемых лиц, возбуждая ассоциации, подсказывая последовательность рассказа, организуя выезд на место происшествия, с учетом типа памяти допрашиваемого, личностной устойчивости и направленности его памяти. В зависимости от типа высшей нервной деятельности могут возникать различные временные затруднения в припоминании. Они бывают связаны со стойкими очагами возбуждения в других зонах мозга, с возникшим индуктивным торможением.

Задача следователя на допросе - избегать каких-либо сильных возбуждающих воздействий, не связанных с предметом допроса. Если же лицо находится в состоянии перевозбуждения, допрос следует прервать или отложить. Более полное и точное воспроизведение возможно после снятия перевозбуждения, утомления или интерференции (противодействия) какой-либо другой текущей деятельности (так называемое явление *реминисценции*).

Необходимо также иметь в виду, что во многих случаях трудности припоминания связаны и с индивидуальными трудностями *вербализации* чувственно воспринимаемого материала. Словарный запас, речевая культура отдельных допрашиваемых очень ограничены. Отдельные свойства явлений они затрудняются описать в словах, часто используют речевые штампы, не отражающие специфики описываемого объекта. Очевидно, в таких случаях следователь должен оказывать лексическую помощь, не сводя ее, конечно, к подсказкам, избегая внушающего воздействия. Иногда полезно напомнить допрашиваемому лицу набор слов, понятий, из которых он может выбрать наиболее, с его точки зрения, подходящие.

Все количественные оценки, характеристики пространственных качеств объектов крайне субъективны - в процессе допроса они должны специально уточняться.

При допросе следует учитывать и *ведущие анализаторные системы данного индивида* - развитость или слабость зрительной, слуховой, обонятельной, двигательной, обонятельной и вкусовой памяти, а также преимущественное запоминание отдельными людьми различных классов явлений (даты, имена, цифры, цветовые особенности объектов и т. п.). Одни люди лучше запоминают наглядно-образный материал, другие - вербальный, словесно-описательный.

Следователь должен учитывать и *возрастные особенности* психики индивида. Чем меньше возраст ребенка, тем больший удельный вес в его памяти имеют элементы конкретики, непосредственной образности. У несовершеннолетних большие возможности категориального, понятийного охвата явлений. Однако при этом возможна ошибочная, слишком расширенная или крайне ограниченная трактовка явлений.

Развитие памяти индивида неразрывно связано с развитием речи и интеллекта.

В 20-45 лет развитие памяти находится на оптимальном уровне, затем происходит некоторое ослабление отдельных ее параметров. Значительны дефекты памяти у лиц, злоупотребляющих алкоголем. У отдельных людей возможны временные и устойчивые нарушения памяти - амнезия (провалы памяти), обманы памяти, контаминация и конфабуляция.

Все следы памяти (энграммы) имеют тенденцию к угасанию, затормаживанию. Поэтому общим правилом допроса является необходимость его производства при минимальном истечении времени после расследуемого события.

При допросе лиц, находившихся в момент расследуемых событий в *напряженном состоянии*, следует учитывать, что восприятие ими происходящего отличалось пониженной категоризацией, искажением сущности событий, иллюзорностью и т. д.

Особой категорией допрашиваемых являются лица с повышенной внушаемостью, конформностью, а также лица с повышенным уровнем притязаний, истероидные типы, склонные к “разыгрыванию ролей”, к личностной самоцентрации. В силу гипертрофии псевдоличностного самоутверждения возможны проявления произвольной лжи, категорические утверждения об обстоятельствах, в действительности не имевших места.

В процессе допроса важно учитывать *психодинамические особенности* допрашиваемого лица, обусловленные типом его высшей нервной деятельности, - здесь существенны и темп допроса, и мера возрастания сложности выдвигаемых интеллектуально-перцептивных задач.

Объектом анализа при допросе является **сообщение** - словесное описание образов, представлений, сформировавшихся на основе восприятия уголовно-релевантных явлений. Словесное описание явлений и само явление не могут полностью совпадать, быть изоморфными. Одни и те же слова, фразы в устах различных людей могут иметь различный смысл. Второсигнальное отражение действительности качественно отличается от первосигнального отражения.

В процессе изучения вещественных доказательств информация черпается из факта материальной взаимосвязи признаков объектов. Здесь один признак свидетельствует о ряде других признаков на основе их естественного взаимодействия.

При допросе информация извлекается не из материального объекта, а из сферы его вербально-обобщенного отражения.

Личные доказательства - сообщения - имеют знаковую сущность. В знаке должна быть исследована смысловая сторона. Содержание выражаемого знаком образа подлежит специальному выявлению.

Выяснение того, что реально лежит за сообщением, субъективно трактуемым понятием, термином, и составляет основное содержание познавательной деятельности следователя при допросе.

Допрос - это особый тип следственного исследования специфического второсигнального источника информации. Последний имеет свою генетическую структуру - образуется путем получения, сохранения и передачи информации человеком. При его исследовании существенно и четвертое звено познавательной деятельности - прием информации (сообщения) следователем. На стыке этих четырех звеньев (восприятие, сохранение, воспроизведение информации допрашиваемых и ее прием следователем) возможна значительная трансформация информации - ее реконструкция, деформация и значительная утрата.

Итак, достоверность получаемой следователем информации из знакового (словесного) источника зависит от степени снятия с нее субъективных наслоений. Результативность, полнота и объективность исследования этого специфического источника информации зависят от рефлексивности интеллекта следователя - от уяснения особенностей сенсорно-перцептивной сферы лица, дающего показания, его концептуально-ориентировочной модели.

Фактическую осведомленность допрашиваемого нельзя установить путем пассивного слушания, о ней можно получить информацию, используя систему приемов, основанных на знании психики человека.

В юридической литературе распространены термины “формирование показаний” и к стадии формирования показаний”. Эти термины не бесспорны, поскольку только в момент допроса воспроизводимые человеком образы памяти осознаются им как показания. Несостоятельно и сведение стадий формирования показаний к трем психическим процессам - восприятию, сохранению и воспроизведению.

Материал, извлекаемый человеком из фондов памяти, избирательно актуализируется и реконструируется в зависимости от той задачи, которая возникает перед индивидом в данный момент.

Однако и то, что входило в поле сознания и что вошло в фонд памяти человека, также зависит от задач деятельности индивида, его установок и личностной направленности. Восприятие явлений, процессы переработки информации и ее сохранения - это не отдельные стадии, а единый процесс психической деятельности.

Восприятие обусловлено опытом человека и целью его деятельности. Цель текущей деятельности организует поле восприятия: одни объекты приобретают при этом существенное значение, другие отходят на задний план, становятся фоном.

Допрашиваемое лицо не робот, механически действующий по схеме: видел - запомнил - воспроизвел. Все, что человек видит и слышит, он "оценивает, интерпретирует, а видит и слышит он прежде всего то, что значимо в его текущей деятельности и в его концептуальной личностной модели мира.

Человек воспринимает информацию по двум каналам - осознанно и малоосознанно, бессознательно. При этом передать он может только осознаваемую информацию. Последняя постоянно находится под сильным влиянием подсознательно циркулирующих латентных информационных процессов, связанных с установочно-личностными позициями индивида, определяющими его избирательную чувствительность к отдельным сторонам действительности. Отсюда возникает необходимость учитывать индивидуально-психические особенности допрашиваемых лиц.

Индивидуальный подход к допрашиваемому - одно из основных требований следственной тактики. Реализация этого требования связана с диагностикой личностных психических свойств допрашиваемого. Задача эта сложна и многообразна.

Методы экспресс-диагностики личностных качеств еще мало разработаны. В большинстве случаев следователь ориентируется на свои интуитивные предположения. Для научно обоснованного анализа свойств личности допрашиваемого необходимо знание психологии личности.

В самом общем виде личностные качества определяются следующими взаимосвязанными психическими особенностями:

- направленностью личности - ее иерархически организованной ценностной системой;
- природно обусловленными особенностями психической регуляции - темпераментом;
- устойчивыми, приобретенными в социальных условиях способами регуляции поведения - характером;
- социально-статусными психическими проявлениями.

Еще А.Ф. Кони отмечал, что при отправлении правосудия всегда должна решаться формула $X=M+П+П'+E+O$, где М - совокупные свойства организма подсудимого; П - его природные свойства; П' - приобретенные наклонности; Е - внешнее влияние, среда и обстановка; О - случайные влияния и возбуждения.

Диагностика ценностно-мотивационной сферы личности позволяет в определенной мере предположить возможную стратегию поведения индивида на допросе (раскаяние, признание, полупризнание, глобальное противодействие, частичное противодействие, сокрытие фактов определенного содержания), а также выявить наиболее чувствительные зоны.

По качествам темперамента можно судить о возможной динамике поведения лица - уравновешенности, эмоциональной устойчивости (неустойчивости), замкнутости, общительности, ориентированности поведения на внешние (экстраверт) или внутренние (интроверт) факторы, о толерантности. По темпераменту человека можно даже предположить, в каких направлениях он будет строить свое повествование о том или ином событии

"Трамвай наехал на переходящую рельсы женщину и причинил ей тяжкие повреждения или, быть может, самую смерть, вследствие того что она не обратила внимания на предупредительный звонок или что таковой раздался слишком поздно"

Сангвиник, волнуясь, скажет: "Это была ужасная картина - раздался раздирающий крик, хлынула кровь, мне послышался даже треск ломаемых костей. Эта картина стоит перед моими глазами, преследует меня, волнуя и тревожа".

Меланхолик скажет: "При мне вагон трамвая раздавил несчастную женщину; и вот людская судьба: быть может, она спешила к любящему мужу, к любимым детям, под семейный кров - и все разбито, уничтожено, остались слезы и скорбь о невозвратимой потере - и картина осиротелой семьи с болью возникает в моей душе".

Холерик, негодуя, скажет: "Раздавили женщину! Я давно говорил, что городское управление небрежно в исполнении своих обязанностей. Можно ли поручать управление трамваем таким вагоновожатым, которые не умеют своевременно начать звонить" и предупредить тем рассеянного или тупого на ухо прохожего! И вот результат. Судить надо за эти упущения, и строго судить"

А флегматик расскажет: “Ехал я на извозчике и вижу: стоит трамвай, около него толпа народа, что-то смотрят; я привстал в пролетке и вижу - лежит какая-то женщина поперек рельсов, - вероятно, наехали и раздавили. Я сел на свое место и сказал извозчику: пошел скорее!”

Сангвиник, холерик, флегматик более устойчивы к различным сверхсильным воздействиям, меланхолик особенно чувствителен к эмоционально-этическим воздействиям, более сензитивен, чувствителен к отдельным сторонам событий.

При анализе особенностей темперамента индивида по параметру **уравновешенность - неуравновешенность** нервных (возбудительных и тормозных) процессов следует иметь в виду, что холерики, меланхолики более вспыльчивы, менее переключаемы, более категоричны в своих суждениях, импульсивны. Флегматик более спокоен, вынослив, но и более ригиден, стандартен в своих суждениях, оценках, в выборе тактической линии поведения. Наиболее оптимальным типом является сангвиник, отличающийся нервной выносливостью, устойчивостью настроения.

Особенности темперамента, обусловленные **подвижностью - малоподвижностью** нервных процессов (к малоподвижным в нейрофизиологическом плане относятся холерики, меланхолики, флегматики), проявляются в трудности приспособления индивида к новым условиям, в отрицательно-эмоциональных переживаниях в связи с ломкой сложившихся стереотипов. При допросе лиц этого типа необходимо больше внимания уделять уточнению отдельных обстоятельств, деталей события, вести диалог в неторопливом темпе, проявлять большее терпение на стадии свободного рассказа, повышенную чуткость, обходительность, снижающие уровень тревожности, угнетенности. К сангвинику же в ряде случаев следует предъявлять большую требовательность, строгость.

Темперамент взаимосвязан с характером личности. При анализе характерологических свойств личности допрашиваемых необходимо выявлять особенности принятия индивидом решений, особенности поведения в конфликтных ситуациях, качества интеллекта, а также возможные акцентуации характера.

Акцентуация характера (от лат. accentus - ударение) - это гипертрофия отдельных особенностей характера, проявляющихся в избирательной уязвимости личности относительно отдельных психических воздействий: склонность к резкой смене настроений при определенных обстоятельствах (циклоидность), тревожность, раздражительность, склонность к депрессии, подавленности (астенизм), робость, стеснительность, пониженный уровень притязаний, конформность (сензитивизм), эмоциональная холодность, а иногда и тупость, неспособность к состраданию (эмпатизм), болезненная обидчивость, стойкость отрицательных аффектов, повышенная честолюбивость (параноидность), импульсивность, конфликтность, вязкость мышления, педантичность (эпилептоидность), притворство, эгоцентризм, авантюризм, отсутствие самокритичности (истероидность), разбросанность, эйфоричность настроения, словоохотливость, “скачка мыслей” (гипертимность).

У лиц с акцентуированным характером проявляются аномалии не постоянно (в отличие от психопатов), а лишь в трудных психологических ситуациях (каковыми могут быть различные обстоятельства при допросе) В таких случаях могут возникать острые аффективные реакции, патологические нарушения поведения. Обострение акцентуации характера. аффективные вспышки возможны в условиях **когнитивного диссонанса** (от англ. cognition - знание и dissonans - несоответствие), когда оценки и представления личности вступают в конфликтное противоречие.

Учет особенностей поведения лиц с акцентуированным характером, избежание острых аффективных реакций - одна из задач следователя при допросе. Поэтому ему необходимо владеть элементарными приемами психотерапии и релаксации (снятия психического напряжения).

В процессе допроса следователь сталкивается и с различными индивидуальными проявлениями психологической защиты и психического отчуждения.

Психологическая защита индивида - это способ стабилизации личности в критических условиях конфликта, связанный с устранением или ослаблением чувства тревожности путем обесценивания предмета конфликта. При этом сфера сознания индивида ограждается от травмирующих воздействий либо путем **конверсии** (от лат. conversio - превращение), то есть превращения ранее значимого явления в незначимое, либо регрессии, то есть замены сложных задач более простыми, либо проекции - наделения другого человека недостойными, обесценивающими его качествами.

Возникновение психологической защиты может быть значительным препятствием во взаимодействии следователя с допрашиваемым. Еще более сложные ситуации разрыва коммуникативного контакта могут возникнуть при психологическом отчуждении личности.

Отчужденность личности - это нарушение основного механизма ее социализации - идентификации, благодаря которой индивид осознает себя как часть социума. Он чувствует себя отверженным, потерянным, враждебным обществу. При этом доминирующим способом поведения становится **негативизм** - установка на глобальное несогласие с партнером общения, а часто и на отказ от общения. В ряде случаев отчужденность личности и связанная с этим дезидентификация, атрофия социальных чувств ведет к совершению преступления. Алкоголизм, хулиганство, жестокость, садизм коррелируют с отчужденностью личности.

Отчуждение личности связано с разрывом эмоциональных контактов с людьми, с всепоглощающим чувством одиночества. Многие правонарушители отчуждены от первичных социальных групп - семьи, трудового коллектива, друзей. При этом деформируется механизм социального общения индивида, механизм его сознания.

Отчужденным может быть не только отдельный человек, но и та группа, в которую он входит. И развенчание ценностей этой группы в ряде случаев способствует созданию возможностей для контактных взаимодействий.

Отчуждение личности связано с социальной дезадаптацией, неприспособленностью к социальной жизни. Эта неприспособленность является следствием, например, крайне низкой социальной культуры индивида и проявляется в виде бродяжничества, тунеядства, других видах преступного образа жизни. Но отчужденной личностью может быть и высокообразованный человек, сознательно отрицающий ценности, политическую систему, уклад жизни общества. Конечно, в этом случае никакие поучения, моральные сентенции не могут дать положительного результата, помочь наладить коммуникативный контакт.

Отчужденность иногда является следствием временной психической подавленности личности, **психической депрессии** (от лат. depressio - подавление). При этом психические функции индивида затормаживаются, резко сужается его мотивационная сфера, возникает общая пассивность поведения. Очевидно, что это состояние крайне затрудняет получение показаний. Однако и здесь существуют известные оптимальные способы достижения взаимодействия. Учитывая, что допрашиваемый испытывает тоску, отчаяние, нередко мучительные страдания из-за непоправимых последствий совершенного деяния, следователь может показать перспективы социальной реабилитации данной личности.

Поскольку само время в состоянии депрессии деформировано - оно течет для субъекта мучительно долго и тягостно, целесообразно ограничить продолжительность допроса, разделить его на несколько этапов.

Продумывая тактику допроса, следователь должен учитывать, что отчуждение нередко связано с совершением преступления, которое может выступать как психотравмирующий фактор. Зона психической травмы бдительно охраняется индивидом. Все, что связано с преступлением, воспринимается болезненно, субъект стремится избежать каких-либо разговоров об этом. Поэтому вначале вопросы следователя должны быть связаны только с социально-положительными связями данной личности, с дорогими для данного лица воспоминаниями и т. д.

В процессе допроса поведение следователя постоянно корректируется в зависимости от динамики психического состояния допрашиваемого лица. При этом важно фиксировать, в связи с чем происходит смена его настроений (радость, разочарование, неудовлетворение, опасливость), изменения в способах коммуникации (дерзость, грубость, резкость, угодливость, предупредительность и т. п.). Кроме того, необходимо учитывать как вербальную, так и паравербальную информацию, в том числе динамику психических состояний допрашиваемых, для коррекции тактики допроса.

Существенное значение имеют психические состояния самого следователя, его способность сохранять психическое равновесие в сложных конфликтных ситуациях, выдержку, сдерживать эмоции при успехе и неуспехе. Следователь во всех случаях должен быть спокойным, уверенным. Его корректное поведение должно возбуждать у допрашиваемых так называемый личностный резонанс. При этом следует пресекать все проявления со стороны отдельных допрашиваемых лиц недисциплинированности, бескультурья, речевую распущенность. Следователь на допросе реализует официально-ролевую социальную функцию и обладает всеми

необходимыми полномочиями для того, чтобы обеспечить дисциплинированное поведение всех проходящих по делу лиц.

Следует заметить, что рекомендации некоторых авторов о необходимости с самого начала допроса проявлять большую эмоциональную отзывчивость, эмпатию и даже симпатию, изыскивать общие интересы и т. п. сомнительны. Начало допроса у опытных следователей направлено прежде всего на формирование у допрашиваемых лиц ответственного отношения к своим обязанностям. Стремление же следователя с самого начала показаться мягким и отзывчивым может отрицательно сказаться на его позиции. Однако во всех случаях необходимо избегать инициации конфликта, конфронтации, ведущих к ограничению коммуникации.

Психологические аспекты подготовки следователя к допросу

Одна из основных задач следователя при подготовке к допросу - создание его информационной базы. Знакомясь с материалами дела, следователь прежде всего определяет, кого и по каким вопросам следует допросить. С этой целью используются результаты ранее произведенных следственных действий и данные оперативно-розыскной работы.

При изучении личности допрашиваемого следователь выявляет социальный статус данного лица, выполняемые им социальные роли, референтные для него социальные группы, социально-положительные и социально-негативные личностные качества, его психологические возможности в практических ситуациях, имеющих значение для расследования. Для этих целей следователь может получить ряд независимых характеристик, допросить родственников и знакомых допрашиваемого лица, выяснить обстоятельства биографического характера, воспользоваться консультацией педагога или психолога. Для установления образа жизни допрашиваемых, их преступных связей следователь дает поручения органам дознания, получает необходимую информацию от участкового инспектора.

Изучение личности допрашиваемого направлено на определение наиболее эффективных приемов психологического взаимодействия с данным лицом и на построение моделей наиболее вероятного его поведения на допросе. Планируя преодоление возможного противодействия, необходимо учитывать такие личностные особенности допрашиваемого, как рефлексивность, гибкость или ригидность (застойность) его мышления, а также характерологические качества - агрессивность, конфликтность поведения, устойчивость или неустойчивость к стрессорам, к неожиданно возникшим сложным обстоятельствам. Поскольку исходные данные о личности допрашиваемого часто бывают очень скудными, возможно построение нескольких наиболее вероятных моделей поведения подлежащего допросу лица и вариантов тактики его допроса. Подготовка допроса завершается составлением его плана. План может быть развернутым или кратким, письменным или зафиксированным только мысленно. Но он должен содержать систему вопросов, обусловленных общими задачами расследования. Отметим вопросы, наиболее существенные в правовом и психологическом отношениях, подлежащие обязательному включению в план допроса:

- обстоятельства, условия совершения деяния, участвовавшие в нем лица, их взаимоотношения и взаимодействие: поведение потерпевшего;
- мотивация и личностная детерминация деяния, условия, способствовавшие его совершению;
- способ совершения деяния, система использованных приемов и операций, индивидуализированных стереотипов поведения - навыков и привычек, орудий и приспособлений; действия, характеризующие устойчивые психические качества личности;
- способ сокрытия преступления, условия, способствовавшие его сокрытию;
- отношение обвиняемого (подозреваемого) к результатам совершенного деяния.

Подготовка к допросу, его планирование - это моделирование предстоящей деятельности, формирование ее ориентировочной основы.

Особенно детальной предварительной проработке подлежат различные аспекты допроса обвиняемого (подозреваемого).

Следователь критически оценивает материалы уголовного дела, выявляет взаимосвязь всех фактов, обстоятельств расследуемого происшествия, определяет место каждого факта в системе событий, классифицирует имеющиеся доказательства на "сильные" и "слабые".

Предвидя возможность противодействия обвиняемого (подозреваемого), следователь мысленно актуализирует возможную систему приемов правомерного психического воздействия, планирует условия их реализации. Он должен тщательно продумать систему дополнительных,

уточняющих, напоминающих и контрольных вопросов относительно всех имеющихся доказательств. Постановка этих вопросов может преследовать следующие цели:

- получение объяснений по имеющимся доказательствам, по доводам, выдвигаемым обвиняемым в свою защиту;
- получение новых сведений о фактах, имеющих значение для расследования;
- устранение противоречий в имеющихся доказательствах;
- проверка правдивости показаний;
- получение и накопление противоречивых ответов для изобличения ложности показаний.

Планируемые к постановке на допросе вопросы должны отвечать ряду требований - быть понятными для допрашиваемого, конкретными . и в то же время стимулирующими развернутый ответ, не содержать тактически проигрышной информации.

Необходимо учитывать, что сама по себе постановка вопроса несет определенную информацию для допрашиваемого. Система же вопросов может создать впечатление о степени информированности следователя по расследуемому делу. Это обстоятельство используется в качестве одного из тактических приемов.

Перед следователями часто возникает дилемма - какие доказательства и соответствующие вопросы предъявлять в начале допроса. Первоначально целесообразно задавать вопросы по таким фактам, которые не могут быть отвергнуты допрашиваемым. Необходимо также предвидеть, на какие факты может сделать ставку противодействующее лицо. Особенно тщательно продумываются вопросы, намечаемые к постановке при так называемом перекрестном допросе, а также косвенные - двойные вопросы, в которых главный вопрос замаскирован нейтральным.

В отдельных случаях следователь планирует получение не только устойчивых показаний, но и графических изображений - схем, планов, чертежей, рисунков (эти документы подписываются допрашиваемым и приобщаются к протоколу допроса).

Готовясь к допросу, следователь должен предвидеть, какими сведениями может располагать то или иное лицо. При этом он схематически представляет всю совокупность исходных фактических данных, исследует все вещественные доказательства, определяет "разрывы" в цепи доказательств.

Не существует подготовки к "допросу вообще" - подготовка осуществляется к допросу конкретных лиц. Поэтому следователь должен владеть *алгоритмом допроса по делам определенных категорий*.

Так, при расследовании *убийств* выявляются прежде всего свидетели, которые могут дать показания об обстоятельствах преступления, о взаимодействии потерпевшего и убийцы до нападения последнего, где и в каком положении находился потерпевший в момент нанесения ему ранений, какое орудие было в руках убийцы, какова внешность убийцы и т. п.

При допросе родственников убитого и лиц, знавших его, устанавливаются данные об образе жизни потерпевшего, о его связях, знакомствах, о поведении, разговорах и настроении потерпевшего накануне и в день убийства, о том, имелись ли при нем какие-либо ценности, деньги, документы.

При допросе обвиняемого разрабатывается система вопросов, направленных на выявление его причастности к убийству, а также всех соучастников преступления. Особое внимание обращается на сведения, достоверность которых может быть подтверждена проверочными действиями.

При расследовании *краж личного имущества* к первоочередным действиям относится, как правило, допрос потерпевшего. Следователь выясняет способ совершения кражи, обстоятельства ее совершения, количество, признаки и приметы похищенных вещей, а также данные о лицах, знавших о местах хранения ценностей, посещавших квартиру в период, предшествующий краже, выявляет круг возможных свидетелей и др.

При расследовании *грабежей и разбойных нападений* следователь, допрашивая потерпевшего, в первую очередь устанавливает место и обстоятельства нападения, количество участников нападения, их особые приметы, бросающиеся признаки, выясняет, оказал ли потерпевший сопротивление, какие обстоятельства он может конкретизировать и т. п.

При расследовании по делам об *изнасиловании* большое значение имеет этическая сторона. С учетом психической травмированности потерпевшей следователь в процессе ее допроса должен выяснить, где, когда, в какой обстановке совершено преступление, в чем проявились насильственные действия преступника, как потерпевшая оказалась в данном месте, совершился

ли половой акт, какие следы могли остаться на месте происшествия, оказала ли потерпевшая сопротивление и в чем оно выражалось, какие следы от противоборств.? могут остаться на теле и одежде потерпевшей и преступника, приметы преступника, возможные свидетели и др. Следователь должен заранее предусмотреть те специальные вопросы, которые будут затронуты, и использовать консультации специалистов.

Готовясь к допросу, необходимо предвидеть, что может нарушить процесс общения. Поэтому рекомендуется заранее сделать закладки на нужных страницах дела, выписать необходимые фактические данные, подготовить соответствующие схемы, фотографии, вещественные доказательства, выстроить их в определенной последовательности и т. д.

В тех случаях, когда при допросе необходимо присутствие педагога, к его выбору следует подходить очень внимательно. Это должно быть авторитетное для подростка лицо, способствующее установлению коммуникативного контакта, взаимопониманию следователя и несовершеннолетнего

В процессе подготовки к допросу следователь решает и такую тактически значимую задачу, как время и место его проведения, а также последовательность допроса различных лиц. При этом он должен учитывать психологию отдельных лиц, их позицию в отношении правосудия, групповой статус, динамику групповых отношений, взаимоотношения с другими проходящими по делу лицами.

В ряде случаев из тактических соображений можно срочно вызвать подозреваемого повесткой с нарочным, в других случаях целесообразнее отсроченный вызов, когда лицо, находясь в ситуации ожидания, испытывает нервное напряжение, а иногда предпринимает разоблачающие его действия.

Существенное значение для проведения допроса имеют внешние условия, обстановка общения. Выбор места проведения допроса - один из существенных тактических факторов. Чаще всего допрос проводится в кабинете следователя. Психологически важно, чтобы следователь и допрашиваемое лицо оставались наедине. Присутствие третьих лиц, как правило, сковывает коммуникативную активность.

Психология взаимодействия с допрашиваемым на различных стадиях допроса

В начальной стадии допроса диагностируются психическое состояние допрашиваемого, его эмоционально-волевые установки, прогнозируется возможное развитие межличностного взаимодействия, изыскивается возможность установления коммуникативного контакта.

Действия следователя, предшествующие получению показаний, - удостоверение в личности допрашиваемого, разъяснение ему его прав и обязанностей, имеют свою сверхзадачу: они вводят допрашиваемое лицо в процесс официально-ролевого общения. При этом допрашиваемый должен осознать свой юридический статус и соответствующие задачи своей деятельности. Разъясняя права и обязанности допрашиваемого, выясняя его взаимоотношения с другими проходящими по делу лицами, следователь делает первые предварительные выводы о поведенческих особенностях допрашиваемого, о его позициях в отношении расследуемого события и в отношении причастных к этому лиц. На этой стадии допроса важное значение имеет предупреждение возможного нежелания лица давать правдивые показания на основе использования положительных качеств личности допрашиваемого, эпизодов из его биографии. При допросе подозреваемого (обвиняемого) немаловажно акцентировать его внимание на юридическом значении чистосердечного раскаяния, а свидетеля и потерпевшего - на уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Необходимо также разъяснение процессуального требования указать источники, из которых допрашиваемому стали известны сообщаемые им сведения.

Система предупреждений может значительно снизить психическую активность допрашиваемого. Она должна в начале допроса быть предельно ограничена. Так, предупреждение об уголовной ответственности за разглашение без разрешения следователя или прокурора данных предварительного следствия целесообразно сделать лишь в конце допроса. В начальной его стадии рекомендуется избегать того, что может повысить психическую напряженность допрашиваемого, сковать его общение со следователем.

В начальной стадии допроса следователь стремится вызвать активность допрашиваемого и получить информацию о его личностных особенностях и психическом состоянии, определить его отношение к правосудию, данному следственному действию и к личности самого следователя. При этом следователь делает предварительные выводы о возможной тактике

допроса в данной ситуации и устанавливает коммуникативный контакт с допрашиваемым лицом.

Установление коммуникативного контакта - исходное условие проведения допроса. В отличие от термина "психологический контакт", предполагающего общую эмоциональную настроенность на основе единых целей и интересов, термин "коммуникативный контакт" означает взаимодействие с целью обмена информацией. Коммуникативный контакт основан на осознании необходимости информационного общения и направлен на создание условий для получения определенной информации. Однако наряду с обменом представлениями, идеями он предполагает и обмен настроениями, чувствами.

Коммуникативный контакт - это деловое межличностное взаимодействие. Препятствиями на пути установления такого контакта (коммуникативными барьерами) могут быть межличностные антипатии, конфликты, различия в социальном статусе общающихся лиц, нравственные различия, психологическая несовместимость. Задача следователя - преодолеть эти барьеры

Коммуникативный контакт подразумевает систему приемов оптимизации отношений между общающимися лицами, "внутренние и внешние ухищрения, с помощью которых люди примеряются друг к другу в общении". Устанавливаемый в начале допроса, он должен всемерно углубляться. Сохраняя лидерство в общении, следователь не подавляет, а развивает психическую активность допрашиваемого лица.

Установление коммуникативного контакта при допросе зависит от типа исходной ситуации - конфликтной или бесконфликтной.

В ситуации противодействия могут иметь место две коммуникативные позиции - позиция активного противодействия и позиция пассивного противодействия (отказ обвиняемого (подозреваемого) от дачи показаний, резкое ограничение свидетельских показаний).

Коммуникативный контакт - это информационный процесс, основанный на обратной связи. Он постоянно зависит от сигналов, получаемых партнерами по общению, и от их интерпретации в деонтической (оценочной) сфере общающихся лиц. При этом не только следователь, но и допрашиваемый постоянно проявляют повышенную избирательную чувствительность к определенным информационным блокам.

Информация черпается не только из вербальных средств общения, но и из широкой сферы невербальной коммуникации (мимика, пантомимика, интонация голоса, многочисленные произвольные сопутствующие проявления). Поэтому непосредственная встреча с допрашиваемым, первые впечатления о нем нередко являются основным информационным источником для выбора следователем той или иной тактики поведения, использования наиболее действенных приемов общения. Существенно при этом и первое впечатление, произведенное самим следователем. Первые впечатления и оценки нередко являются доминирующими в последующем общении.

Особенно значимы первые фразы следователя, их лексическое построение и эмоциональная тональность. Они не должны содержать ничего отрицательного в отношении личности допрашиваемого. Речь следователя должна быть лишена и наигранно заискивающего оттенка.

У каждого человека в любой жизненной ситуации есть свои первоочередные заботы, тревоги, сомнения, желания и интересы. На этой основе и должно быть осуществлено вступление следователя в контакт с допрашиваемым лицом. В отношении свидетелей это может быть выражение сожаления по поводу причиняемого им беспокойства, в отношении потерпевшего - сочувствие по поводу травмирующего его обстоятельства, в отношении обвиняемого и подозреваемого - заверение в гарантии всех их законных прав, выяснений их неотложных просьб и ходатайств. "Золотое правило" поведения следователя на этой стадии контактного взаимодействия - не допустить ничего, что может вызвать негативное к нему отношение. Благожелательное знакомство, сообщение своего имени и отчества, обращение к допрашиваемому по имени и отчеству, опрятный внешний вид, достойная, но не надменная манера поведения - все это формирует первое впечатление о следователе. Допустимо в первые минуты допроса сообщение следователем некоторых сведений о себе, о тех ожиданиях, которые он возлагает на поведение допрашиваемого лица.

Рефлексивность, проникновение во внутренний мир партнера по общению - основное условие активизации общения.

В ряде случаев допрашиваемые первоначально проявляют стеснительность, скованность, замкнутость, недоверчивость, опасливость. Обстановка усугубляется и необходимостью занесения в протокол допроса анкетных данных допрашиваемого. Эту формальную сторону

можно оживить более подробными расспросами о жизни допрашиваемого, о наиболее значимых для него эпизодах биографии. Живой интерес к личности допрашиваемого находит обычно соответствующий эмоциональный отклик.

Особую чуткость, тактичность и синтонность (сочувствие) должен проявить следователь при допросе потерпевшего, перенесшего психическую травму от насильственных действий преступника

Допрашивая обвиняемого, также необходимо учитывать особенности этой категории лиц. Во многих случаях обвиняемый может быть глубоко травмирован психически обстоятельствами совершенного преступления, Это состояние подавленности, некоммуникативности усугубляется фактом ареста, возбуждением уголовного преследования, нарушением привычных социальных связей.

Различные психические состояния напряженности испытывают и свидетели.

Опора на положительные качества личности допрашиваемого - существенный момент вступления в контакт. Во многих случаях следователь специально подчеркивает положительные стороны в биографии допрашиваемого лица, а также положительные стороны его характеристики, отдельные проявления гражданственности, порядочности и т. п. При выяснении анкетных данных следователь может более подробно поинтересоваться теми или иными значимыми для допрашиваемого обстоятельствами. Большие возможности для общения дают профессия допрашиваемого, его увлечения, стержневые личностные интересы, общественная деятельность, служба в армии и т. п. При этом крайне важно проявлять тактичность, ненавязчивость, синтонность, избегать возникновения отчужденности, замкнутости

Предлагая допрашиваемому эмоционально значимую для него тему, следователь анализирует его ценностную ориентацию, эмоциональную устойчивость или неустойчивость, распознает его мимическую “маску”, приемы поведенческой адаптации. Не следует при этом поощрять ни чрезмерную свободу поведения, граничащую с развязностью, ни состояния робости, застенчивости, страха, забитости и т. д. Состояние психической напряженности сковывает общение и может вызвать повышенную конформность, внушаемость

Для предварительной оценки личности допрашиваемого некоторое значение имеют его внешний вид, одежда, прическа, манера поведения, а также некоторые признаки принадлежности к преступному миру - блатной жаргон, наличие татуировок с преступной символикой. В отдельных случаях это может послужить поводом для начала разговора (но без критических оценок)

При выяснении данных о судимости не следует чрезмерно акцентировать внимание на этих обстоятельствах, выяснять подробности. Это может отрицательно повлиять на контактное взаимодействие

Одной из задач следователя является **распознавание и преодоление психологических барьеров**, препятствующих оптимизации допроса. Таким барьером могут быть бравада, наглость допрашиваемого, стремление запутать дело, уйти от ответственности, установка на противодействие; правовая неграмотность, опасение отрицательных последствий, боязнь мести со стороны заинтересованных лиц, желание скрыть интимные стороны личной жизни и т. п. Предвидение этих препятствий, убеждение допрашиваемого в необоснованности его опасений, в целесообразности правдивого поведения, содействия правосудию - одно из наиболее сложных условий коммуникативной деятельности.

Для установления коммуникативного контакта важна как общая ориентация в личностно-психологических особенностях допрашиваемого (особенности темперамента, характера, ценностных ориентации, интересов, наклонностей, интеллектуальных и коммуникативно-речевых способностей), так и ориентация в установочных позициях индивидуума в отношении к расследуемому событию, мотивы его возможной личной заинтересованности в определенном исходе. В связи с этим существенным моментом, как уже говорилось, является предупреждение свидетелей об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, разъяснение обвиняемому значения чистосердечного раскаяния и активного содействия раскрытию преступления, значения смягчающих обстоятельств. Эти разъяснения должны быть сделаны не мимоходом, не формально, но без излишней строгости, доброжелательным тоном

Ущерб коммуникативному контакту может быть нанесен односторонним повышенным интересом следователя к уличающим обстоятельствам и невниманием, безразличием к

оправдывающим, смягчающим ответственность обстоятельствам. Большую внимательность следователь должен проявлять ко всем обоснованным ходатайствам допрашиваемых лиц. Коммуникативная способность следователя - это его умение обеспечить психическое взаимодействие с другими лицами, активизировать их психическую деятельность, регулировать мотивационные и эмоционально-волевые состояния. С учетом линии поведения, которую выбирает для себя каждый допрашиваемый, он должен разработать соответствующую стратегию общения.

Следователь осуществляет прежде всего публичное, а не межличностное общение, выполняет социальную функцию и наделен для этого соответствующими властными полномочиями. Однако он должен позаботиться о создании на допросе таких условий, которые обеспечили бы желание допрашиваемых лиц вступить в общение со следователем и решить предлагаемые им задачи. В связи с этим к поведению следователя предъявляется ряд требований:

гибко учитывать личностные особенности допрашиваемого, в любом случае вести себя корректно, на высоком культурном уровне, с достоинством лица, выступающего от имени социалистического государства,

- антиципировать (предвосхищать) актуализированные потребности допрашиваемого, учитывать его психическое состояние;
- не проявлять ничего, что могло бы вызвать резко отрицательное отношение допрашиваемого к личности следователя;
- выдвигать на первый план обстоятельства, по которым допрашиваемый заинтересован вступить в коммуникативный контакт;
- опираться на положительные личностные качества допрашиваемого, особенно на те, которые высоко оцениваются самим допрашиваемым лицом;
- знать и использовать наиболее существенные эпизоды из биографии допрашиваемого;
- преодолевать собственное негативное отношение к допрашиваемому, не допускать пренебрежительного к нему обращения;
- внимательно относиться ко всем показаниям, вне зависимости от их правдивости, сдерживать экспрессивные проявления (восторг, радость, выразительные жесты, мимика - все это может оказать внушающее воздействие, передать допрашиваемому лицу определенную информацию).

Повышенные требования предъявляются к культуре речи следователя. Она должна быть ясной, убедительной и достаточно эмоциональной. Сухая, анемичная речь не вызывает отклика.

Не следует опускаться до уровня отдельных допрашиваемых лиц, допускать вульгарность, панибратство. Манерность и примитивность резко снижают авторитет следователя.

Корректность, справедливость, внимательность, ситуативная гибкость и чуткость, эмоциональная устойчивость - основные качества следователя. Грубость, импульсивность, несдержанность, чванство свидетельствуют о профессиональной деформации.

В заключение посмотрим на работу следователя глазами допрашиваемых (данные опроса лиц, отбывавших наказание).

“Мое дело вел следователь милиции, которому я рассказал всю правду. Мне запомнился его опрятный внешний вид, сам он подтянутый и аккуратный, глаза живые и подвижные. Допрос вел в спокойной и деловой обстановке, чувствовалось, что имеет опыт, хотя и молодой, кажется тихим, но хитрый”.

“Между мной и следователем, - вспоминает другой осужденный, - сразу установились нормальные взаимоотношения. Лучше всего мне запомнились его слова: “Губанов, брось заниматься преступлениями, а то настоящей жизни не увидишь” Допрашивал меня спокойно, голоса не повышал, ко мне относился сочувственно, работу знает хорошо. Внешне следователь казался не грозным, а просто человеческим, добродушным, одет был в гражданский костюм. Его кабинет маленький, но чистый. По моему мнению, так и надо вести следствие, он меня заставил почувствовать себя человеком, но заблудившимся”.

Таковы оценки тех, кто считал, что расследование проводилось правильно, при этом давались правдивые показания.

Обращает на себя внимание, что допрашиваемыми высоко ценится Опрятный внешний вид следователя, спокойное, доброжелательное отношение, отсутствие какой бы то ни было нервозности, эмоциональная синтонность, участие в их судьбе.

Лица, не давшие на допросе правдивых показаний, связывают это в значительной мере с отрицательным поведением следователя (грубость, необъективность, проявление чрезмерной

заинтересованности в признании вины, безразличие к судьбе обвиняемого, повышенный интерес к прошлым судимостям, отрицательные качества характера). “Он вел себя грубо, повышал голос, а я ему мстил своим поведением, в душе радовался, видя, как он нервничает: чувствовал, что между нами существует вражда”

Психологические особенности стадии свободного рассказа допрашиваемого. Предоставление допрашиваемому лицу возможности свободного рассказа исключает суггестивные воздействия со стороны следователя и негативное проявление ретроактивного и проактивного торможения, облегчает течение ассоциативных процессов, содействует проявлению реминисценции.

Однако и в условиях свободного рассказа может проявиться конформность допрашиваемого, его стремление соответствовать ожиданиям следователя. С другой стороны, возможны и нежелание лица воспроизводить определенные события в целостном рассказе, и даже его речевая неспособность к этому. В этих случаях применяются определенные тактические приемы. Одним из них является “членение темы” свободного рассказа: допрашиваемому предлагается рассказать сначала лишь об одном эпизоде события, наиболее значимом для данного лица и простом по фабуле. Возникшая при этом первоначальная вербальная активность может облегчить ему переход к рассказу о событии в целом.

Тактически целесообразно ориентировать некоторых допрашиваемых на первоначальное изложение наиболее расследованного эпизода. При этом формируется установка на невозможность дачи ложных показаний, а также облегчается оценка позиции такого лица

Уже на этой стадии допроса следователь может оказывать определенную мнемическую помощь допрашиваемому. К приемам мнемической помощи относятся:

- формирование плана воспроизведения события;
- постановка мыслительных задач;
- мобилизация на установление ассоциаций по смежности, контрасту, смысловым отношениям. Однако при этом следует воздерживаться от постановки уточняющих вопросов, которые могут нарушить развитие свободного рассказа.

Воспринимая свободный рассказ лица, дающего показания, следователь должен анализировать его текущие переживания, выделять в них доминирующую направленность, диссонансы и консонансы различных эмоционально-волевых проявлений, рефлексировать позиции и ценностные ориентации. Одновременно следователь делает оперативные пометки, готовит базу для стадии детального допроса (однако записи следует свести к минимуму, ибо допрашиваемые, как правило, больше рассказывают внимательно слушающему следователю)

Психологические особенности детализирующей стадии допроса

Основными задачами следователя на этой стадии допроса являются:

- восполнение **пробелов** свободного рассказа, уточнение неопределенных высказываний, выяснение противоречий;
- оказание **мнемической помощи** допрашиваемому с целью более полного воспроизведения им отдельных эпизодов события, устранения противоречий;
- получение **контрольных данных** для оценки и проверки показаний;
- диагностика **причин умалчивания** допрашиваемого об отдельных обстоятельствах события, психическое содействие в преодолении “барьеров умалчания”, нейтрализация мотивов умалчания;
- диагностика и изобличение **ложных показаний**;
- оказание **правомерного психического воздействия** на допрашиваемое лицо с целью получения правдивых показаний.

Намечая стержневую линию допроса - систему узловых вопросов, необходимо уяснить и по возможности хронологически систематизировать совокупность исходных данных.

В ходе допроса недопустимо ослабление внимания к мелочам, отдельным, незначительным на первый взгляд, деталям, попутным замечаниям, неконтролируемым проговоркам, ибо нельзя заранее знать, что в расследуемом деле окажется главным или второстепенным. Повышенная ориентация должна проявляться и к умалчаниям, уходу от темы, нарушениям последовательности в изложении событий. Специальному анализу следует подвергать и слишком детальные описания с учетом предельных возможностей симультанного (одномоментного) восприятия и оперативного запоминания (пять объектов при симультанном восприятии и не более двух изменяющихся параметров при оперативном запоминании).

Показания, касающиеся количества объектов, их размеров, цвета, формы, взаиморасположения, требуют тщательной перепроверки. При этом следует учитывать

возможные эффекты иллюзий, взаимовлияния цветов и другие факторы психологии восприятия. Необходимо точно устанавливать местоположение очевидца события, физические условия восприятия, адаптированность и сенсibilизированность сенсорных систем наблюдателя, его личностную и ситуативную апперцептивность, индивидуальные особенности оценочных критериев, включенность наблюдателя в определенную деятельность

При выявлении отдельных деталей события активизируется ассоциативная память допрашиваемого лица. Следователем может сталкиваться и с проявлениями речевой пассивности допрашиваемого, особенно в случаях сюжетной бедности расследуемого эпизода. В этих случаях активизация речевой деятельности допрашиваемого становится особой коммуникативной задачей следователя, и существенное значение приобретает ориентация следователя в типе речевого поведения допрашиваемого.

Индивидуальные особенности речевой коммуникации могут образовывать особый тип поведения индивида (молчун, говорун, брюзга, краснобай, словесно-агрессивный тип и т. п.). У каждого человека есть свои сильные и слабые стороны речевого поведения

В речевом общении лицо решает не только конкретные задачи общения, но и реализует определенную личностную сверхзадачу: стремится создать хорошее впечатление о себе, продемонстрировать высоко ценимые им качества (лояльность, правдолюбие, информированность, независимость и т. п.) Одни люди придерживаются четкой речевой программы, другие - ригидны, не пластичны, не склонны к диалогу, они с трудом вступают в беседу, не позволяют прерывать свою речь, не терпят критических замечаний, чопорны, подвержены социально-ролевой стереотипизации. Люди по-разному реагируют и на попытки их речевой активизации: одни легко откликаются на эмоциональные, содержательные вопросы, другие больше реагируют на вопросы, побуждающие к определенной деятельности. Для них существенно выговориться, высказаться по личностно доминирующим проблемам, проявить соответствующую осведомленность; вопросы собеседника они "подтягивают" к своим "большим" темам. Иные склонны к абстрактно-интеллектуальным проблемам, к пространственным репликам, к взаимопродолжению любой предложенной темы.

Речевая активность допрашиваемых зависит от их взаимоотношений со следователем, от его умения задавать активизирующие вопросы.

Система вопросов следователя - тактическое средство правомерного психического воздействия на допрашиваемое лицо. Психическое воздействие оказывает не только содержание, но и последовательность вопросов, активизируя антиципирующую деятельность допрашиваемого. Эти вопросы должны отвечать следующим требованиям:

- смысловая однозначность;
- простота конструкции, лаконичность;
- отнесенность к предмету допроса;
- системность, то есть соотнесенность с логическими этапами решения следственно-познавательной задачи;
- отсутствие наводящего воздействия.

По степени внушающего воздействия вопросы можно разделить на следующие группы:

- нейтральные - формулировка ответов на них полностью зависит от инициативы допрашиваемого лица;
- разделительные ("или-или");
- альтернативные, требующие положительного или отрицательного подтверждения;
- предоставляющие право выбора между двумя ответами, но положительный ответ на один из них соответствует ожиданию спрашивающего ("Не в кепке, ли был человек, нанесший потерпевшему удар ножом?" Это так называемые вопросы косвенного внушения);
- направленные на прямое внушение ("Находился ли Сидоров на месте происшествия?" вместо вопроса "Кто находился на месте происшествия?");
- несущие ложное содержание, рассчитанные на эффект так называемой "ловушки" и являющиеся неправомерным приемом психического насилия ("Был ли Сидоров трезв во время совершения преступления?", хотя еще не установлена причастность Сидорова к преступлению).

Наводящие, внушающие вопросы категорически запрещены, они не адекватны задачам следственной деятельности. Суггестивная нейтральность вопроса следователя обеспечивается сведением к минимуму той информации, которая может быть получена допрашиваемым лицом.

Сложные вопросы целесообразно разделять на ряд более простых, однозначных. Общие, многозначные ответы необходимо немедленно уточнять и конкретизировать. Задавая вопрос, следователь должен предвидеть возможные ответы на него и планировать соответствующие вопросы по этим ответам.

Вопросы следователя, направляя поведение допрашиваемого, дают возможность для оперативного контроля за динамикой его поведения, развитием его чувств, настроения, интересов и т. д. Все это имеет значение и для саморегуляции поведения следователя, своевременного устранения возможной ошибочности его действий.

При противодействии допрашиваемого лица возникает необходимость избрания соответствующей тактики межличностного состязательного взаимодействия. При этом следователь использует систему коммуникативно-информационных действий:

- выясняет мотивы противодействия, старается их нейтрализовать, формирует мотивационную перестройку в поведении противодействующего лица на основе его социально-положительных ориентации;
- получает данные для оценки правдивости показаний;
- анализирует возможные причины различных противоречий, отчлняя Заведомую ложь от возможных произвольных ошибок.

На заключительной стадии допроса необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Закон требует фиксации в протоколе допроса всех полученных показаний “по возможности дословно”. В нем должны быть отражены показания, данные и на стадии свободного рассказа, и на вопросно-ответной стадии с точной фиксацией вопросов и ответов. Однако в следственной практике протокол допроса подвергается шаблонной следственной типизации. “И инженер, и колхозник, и малолетний ребенок, и научный работник, судя по протоколу, свободно оперируют юридическими понятиями, сложными литературными фразами”.

Нередко в протокол допроса не включается то, что не подтверждает версии следователя. Под влиянием следователя, иногда не зная своих прав, не владея навыками письменной речи, многие свидетели подписывают протокол допроса без внимательного его прочтения.

Для тактики допроса и оценки его результатов существенное значение имеет предусмотренная законом возможность звукозаписи. Звукозапись дисциплинирует вербальное поведение допрашиваемого, делает его более чутким к противоречиям. При даче ложных показаний, записываемых на магнитную пленку, человек острее чувствует свои промахи, просчеты. При оценке результатов допроса звукозапись позволяет повторно проанализировать проговорки, невербальные особенности общения - паузы, умолчания, неуверенность в утверждениях и т. п. Прослушав фонограмму допроса, в ряде случаев допрашиваемый осознает допущенные просчеты, отказывается от противодействия следователю.

Однако разговорная речь отличается фрагментарностью, неполнотой или избыточностью, обилием бытовой лексики. Чем взволнованней человек, тем более свернута его речь. Большая информация поступает при этом по неязыковому (паралингвистическому) каналу.

В процессе допроса следователь должен направлять речевую деятельность допрашиваемого, просить излагать факты более точно и определенно, **всевозможные интонационные выделения, жесты, мимику следует по возможности переводить в речевые выражения.**

Записывая устную речь, необходимо учитывать явления речевой **персеверации** - тенденцию лиц с неразвитой речевой культурой автоматически повторять услышанное, включать в ответы речевые конструкции, почерпнутые из вопроса, а также явление **вербальной ригидности** - тенденцию развивать мысль в той форме, которая была задана следователем.

При занесении в протокол ответов допрашиваемых следует удостовериться, не были ли эти ответы так называемой **антиномической ассоциацией** (так, на вопрос: был ли человек старым, может последовать ответ - нет, он был молодым, хотя в действительности человек мог быть не очень молодым).

Особенно тщательно надо уточнять показания несовершеннолетних, для которых характерна речевая неадекватность. Необходимо также иметь в виду, что одни и те же слова для разных свидетелей могут иметь разное содержание (высокий человек будет называть человека ростом в 170 см низкорослым: юная девушка может назвать сорокалетнего мужчину пожилым),

Наиболее важные показания должны быть продублированы в виде перифразы - другими словами. С этой целью и вопросы следователя должны быть сформулированы в иной речевой конструкции

Психология допроса потерпевшего

Существенными обстоятельствами, подлежащими первоочередному выявлению при допросе потерпевшего, являются:

- обстоятельства, предшествующие преступлению, взаимоотношения потерпевшего с преступником;
- обстоятельства совершения преступления (время, место, обстановка, последовательность и характер действий преступника, особенности его внешности);
- последствия преступления.

Допрашивая потерпевшего, следователь в первую очередь должен выявлять условия, в которых тот воспринимал событие преступления или его последствия, факты, характеризующие его психическое состояние в момент посягательства и после него.

Показания потерпевших от посягательства на их жизнь, здоровье и достоинство отличаются, как правило, большой эмоциональной насыщенностью и нередко значительной реконструкцией подлинных событий. Это особенно характерно для лиц со слабым типом высшей нервной деятельности и с акцентуированным характером.

Потерпевшие обычно долго сохраняют в памяти то, что они переживали при взаимодействии с преступником, - страх, ужас, стрессовое перенапряжение, отчаяние, физические страдания, коллизии борьбы и т. д. В отдельных случаях возможно возникновение так называемого следового аффекта, реактивных состояний, душевного расстройства. С другой стороны, тягостные события преступления как бы отторгаются сознанием многих потерпевших, влекут состояние охранительной заторможенности.

Во время преступного события поле сознания потерпевшего резко сужается, логическое мышление деформируется. При грубых физических воздействиях возможно возникновение состояния оглушенности, шока. Острые конфликтные эмоциональные состояния ведут, как правило, к гиперболизации эмоциогенных воздействий и их генерализации.

Нарушение нормальной психической деятельности потерпевших от насильственных действий проявляется в дисбалансе тормозных и возбуждающих процессов - в нарушении аналитической, дифференцировочной деятельности. При последующей реконструкции событий часто возникает явление переноса, диффузного обобщения ("все насильствовали", "все били"). Особенно часто наблюдается смещение последовательности событий, перенос признаков с одного объекта на другой. Наряду с этим отдельные детали события могут восприниматься и запечатлеваться особенно четко.

Допрашивая потерпевшего, следователь должен выявить все существенные обстоятельства его взаимодействия с преступником до совершения преступления, во время его совершения и после. Это позволяет лучше понять мотивы преступления, механизм его совершения. От потерпевшего следователь, как правило, получает информацию о том, где, когда, каким образом, какими орудиями и средствами совершено преступление, кто его совершил и кто к нему причастен, каковы возможные источники криминалистической информации

Существенное значение имеет анализ образа жизни потерпевшего, его личностных качеств, стереотипов поведения, социальных связей, коммуникативных особенностей, а также особенностей поведения в экстремальных условиях.

Особого внимания требует вопрос о том, какие следы потерпевший мог оставить на теле, одежде преступника, орудиях преступления. При этом следует учитывать криминалистическую типологию связей, места, времени, способа совершения преступления с характером отношений потерпевшего и преступника.

Нередко поведение потерпевшего бывает **виктимным**, то есть способствует совершению преступления или непосредственно провоцирует его. Проявляясь через направленность личности, через типичную линию ее поведения, виктимность является значимым фактором в анализе взаимодействия преступника и потерпевшего, в оценке правдивости показаний обвиняемого, потерпевшего и свидетелей.

Следует тщательно проверять показания потерпевшего, учитывая, что в ряде случаев при первом допросе состояние крайнего психического напряжения лица, воспроизводящего стрессогенное событие, ограничивает его возможности. При повторном допросе возможно явление реминисценции - более полное воспроизведение событий. **Взаимодействие следователя с потерпевшим должно строиться с учетом состояния потерпевшего как лица, пострадавшего от определенных событий, перенесшего психическую травму, ищущего защиты у правосудия.**

Малейшая невнимательность, подозрительность следователя остро переживается потерпевшим, усиливает его эмоционально негативное состояние. Задача следователя - максимально успокоить потерпевшего, заверить его в том, что преступление будет тщательно, объективно и полно расследовано. При этом необходимо нейтрализовать возможную гиперактивность потерпевшего, его суетливость, многословность, “увязание” в несущественных деталях. Гипервозбужденность потерпевшего может быть в определенной мере снята отвлечением его внимания на другие значимые для него события.

При допросе потерпевших необходимо учитывать возможность возникновения противоречивых желаний, опасений и т. п. Так, неблагоприятное поведение потерпевшего в связи с событием преступления может вызвать у него стремление исказить информацию. В ряде случаев он избегает показаний, связанных с интимной стороной жизни. В связи с этим возможны как неосознанные, так и произвольные искажения отдельных сторон расследуемого события.

Психология допроса подозреваемого и обвиняемого

Привлечение лица в качестве подозреваемого или обвиняемого связано с резким изменением в его жизни, в социальном статусе, со значительным сужением социально-ролевых функций, со сдвигами в психике, усугубляющимися в условиях изоляции. Арест вызывает у одних людей повышенный уровень тревожности, чувство обреченности, отчаяния, безысходности, полной зависимости от лиц, осуществляющих правосудие, у других - чувство озлобленности, агрессивности, активное противодействие правосудию.

Особенно драматично психическое состояние привлеченного к уголовной ответственности невиновного лица. Внезапно свалившееся на него несчастье резко дезорганизует его психику, порождает неадекватные поведенческие поступки, которые могут быть интерпретированы малоопытным следователем как “улики поведения”. Резкое снижение защитных возможностей значительно повышает неадекватность действий обвиняемого по самозащите. Стремясь положить конец этому мучительному состоянию, невиновный может прибегнуть даже к самооговору.

Допрос подозреваемого и обвиняемого имеет много общих сторон и существенных различий, которые обусловлены прежде всего различным процессуальным положением этих лиц.

Допрос подозреваемого. При допросе подозреваемого, который производится на ограниченной исходной информационной базе и в условиях острого дефицита времени на его подготовку, следователь еще не располагает достаточными избличающими доказательствами. Это обязывает его применять многовариативную тактику допроса.

Однако допрос подозреваемого сразу после его задержания или ареста имеет и некоторое преимущество: противодействующий правосудию подозреваемый не в состоянии детально обдумать, всесторонне обосновать ложную версию, его ложные показания содержат обычно явные противоречия.

Допрос подозреваемого может предваряться беседой с целью выявления его личностных особенностей. При этом следователь может использовать известные ему факты, создавая у допрашиваемого впечатление о хорошей своей информированности. В ряде случаев следователь раскрывает перед подозреваемым эвристические возможности отдельных следственных действий.

В процессе допроса перед подозреваемым ставятся прежде всего те вопросы, ответы на которые уже известны следователю. При этом выявляется позиция подозреваемого в отношении правосудия.

Существенную роль при допросе имеет адекватная интерпретация динамики текущих эмоционально-волевых состояний подозреваемого. Известно, что внешние проявления эмоционального состояния человека не имеют никакого доказательственного значения. Однако проявление эмоциональных состояний может дать оперативно-ориентирующую информацию. Так, волнение при определенных вопросах, “уход” от тех или иных тем, “застывание” на определенных обстоятельствах должны побудить следователя к более тщательному анализу причин такого поведения.

Следователь должен проявлять большую осторожность в использовании фактического материала, ибо малейшие ошибки резко ослабляют его позиции. Следует помнить, что подозрения в отношении конкретного лица могут возникнуть в силу неблагоприятного стечения обстоятельств, ошибки, заблуждения, оговора.

Основная задача следователя - получить сведения, позволяющие проверить причастность подозреваемого к расследуемому событию. При этом необходимо выделять такие

обстоятельства, которые могут быть известны только лицу, совершившему преступление. Особенно чутко следователь должен реагировать на умолчание о фактах, уже выявленных следствием.

Большое значение в допросе подозреваемого имеет метод косвенных вопросов. Он состоит в том, что вопросы, существенные для расследования, маскируются среди внешне “безопасных”, как бы далеких от интересующего следователя события. При этом анализируется осведомленность подозреваемого об участниках преступления, о времени, месте и способах его совершения, применявшихся орудиях и других обстоятельствах.

Необходимо своевременно блокировать возможные ложные утверждения подозреваемого с целью ослабления значения имеющихся доказательств. Так, по поводу найденной при обыске у подозреваемого ценной вещи, принадлежавшей убитому, он может сказать, что купил ее у неизвестных лиц. Если же вначале подозреваемому будут заданы вопросы о покупках, сделанных им в последнее время, и в перечне этих покупок данная вещь не будет указана, то такой косвенный вопрос предупредит возможное ложное утверждение допрашиваемого.

Как уже говорилось, при допросе подозреваемого следователь еще не располагает необходимой совокупностью доказательств; в системе доказательств обычно имеются пробелы. По повышенному одностороннему интересу следователя к отдельным эпизодам события подозреваемый может догадаться о дефиците доказательственной информации. Поэтому косвенные, второстепенные вопросы уместны и как средство маскировки подлинных устремлений следователя.

Исходя из своей гиперзащитной позиции, подозреваемый ориентируется на информацию о возможностях получения следователем изобличающих доказательств. В связи с этим избирательно-психологическое воздействие на допрашиваемого оказывает демонстрация следователем возможностей следствия. При этом он как бы опережает те вопросы, которые возникают в сознании подозреваемого. Но отдельные факты, которые могут укрепить подозреваемого в нежелании признаться в преступлении, предпочтительно скрывать (например, гибель жертвы).

Поспешное и неумелое предъявление доказательств снижает их изобличительную направленность, позволяет противодействующему лицу выдвинуть ложные объяснения. Следователь должен предвидеть все то, что может снизить изобличающую силу доказательств, предварительно нейтрализовать все возможные контраргументы допрашиваемого лица.

Доказательства следует предъявлять с учетом их взаимосвязи. Логика раскрытия доказательств должна способствовать тому, чтобы психологическое воздействие на допрашиваемого по мере их предъявления нарастало.

При допросе нескольких подозреваемых по делам о групповых преступлениях целесообразно использовать психологические феномены межличностного взаимодействия - разнонаправленные интересы членов группы, соперничество, антагонизм, нарушая согласованность групповых позиций, а также стремление отдельных членов группы приуменьшить свою роль в совершенном преступлении.

В случае отказа подозреваемого от дачи показаний (психологически это наиболее сложная ситуация допроса) следователь разъясняет, что тем самым допрашиваемый лишается возможности самозащиты, а следствие - возможности выяснить смягчающие его ответственность обстоятельства.

Предъявляя доказательства, изобличающие подозреваемого во лжи, следователь максимально активизирует его эмоциональные переживания, формирует у него чувство неизбежности установления истины.

Подозреваемые нередко прибегают к ложному алиби. В таких случаях детальный допрос помогает выявить незнание подозреваемым тех подробностей, которые связаны с его утверждениями о месте пребывания (например, “сидел дома, смотрел телевизор”, “был в театре”, но на вопросы о названии и содержании увиденного ответа не дается). Детальная проработка “легенды” также демонстрирует ложность алиби, поскольку детали второстепенных обстоятельств люди обычно не запоминают. Однако не следует спешить с изобличением всех противоречий и ложных утверждений подозреваемого. Это может насторожить допрашиваемого, повысить его самоконтроль или привести к отказу от дачи показаний.

Необходимо помнить, что коммуникативный контакт может быть нарушен из-за проявления со стороны следователя крайнего недоверия к показаниям подозреваемого, злорадства при первых

незначительных противоречиях в его показаниях. Кроме того, это косвенно свидетельствует об отсутствии у следователя других веских доказательств виновности подозреваемого. При допросе подозреваемого по обстоятельствам, хорошо известным следствию, целесообразно подправлять, детализировать показания, расходящиеся с истиной, - это создает впечатление хорошей осведомленности следователя.

Иногда следователь сталкивается с трудной тактической ситуацией - самооговором подозреваемого. Это может быть связано с психическим перенапряжением в результате длительных допросов, с грубыми нарушениями прав личности, с тактическими просчетами следователя, с желанием скрыть другое, более тяжкое преступление.

О самооговоре могут свидетельствовать навязчивые уверения в "честности" признания, схематичность, заученность показаний, неспособность сообщить факты, которые обязательно должны быть известны лицу, совершившему преступление.

Методика разоблачения самоговора та же, что и разоблачения других ложных показаний, - детальный повторный допрос, проверка показаний на месте, очная ставка, следственный эксперимент, анализ соответствия показаний совокупности имеющихся доказательств.

Допрос обвиняемого. Прежде всего следует сказать, что ответ обвиняемого на вопрос, признает ли он себя виновным, не должен ни в коей мере влиять на полноту, всесторонность и объективность расследования уголовного дела.

В начале допроса обвиняемому необходимо подробно разъяснить существо предъявляемого обвинения, санкции соответствующей нормы УК, процессуальные права на защиту.

Обычно считается, что допрос приобретает бесконфликтный характер, если обвиняемый признает себя виновным. Однако признание может быть обусловлено желанием обвиняемого уйти от ответственности за другие, более тяжкие преступления или другими мотивами, и бесконфликтность окажется лишь иллюзией.

Признание обвиняемым своей вины не является исключительным, наиболее "сильным" доказательством, оно не имеет никакого преимущественного значения и, как все другие доказательства, подлежит проверке и оценке. Признание может быть положено в основу обвинения лишь в случае его подтверждения совокупностью доказательств.

Обвиняемый - наиболее информированный и наиболее психологически сложный источник доказательств. Поэтому при его допросе необходимо учитывать ряд психических особенностей этой категории лиц, в частности:

- состояние подавленности, психической депрессии, вызванное страхом перед наказанием;
- большую заинтересованность в исходе дела, преобладание защитной доминанты, активно-оборонительную позицию;
- отсутствие в ряде случаев намерения к добровольному признанию, убежденность, что правдивые показания могут причинить только вред;
- недоверие к лицам, ведущим следствие;
- негативное отношение к свидетелям обвинения;
- повышенную психическую напряженность, аффективное состояние в критических моментах расследования;
- повышенный самоконтроль, обостренное внимание к наиболее "опасным" обстоятельствам
- Добровольного признания от опытного преступника можно добиться, как правило, лишь при изобличении его с помощью неопровержимых улик, при задержании с поличным.

Правдивость показаний обвиняемого в определенной мере стимулируется разъяснением значения чистосердечного раскаяния как обстоятельства, смягчающего ответственность. При этом акцент должен делаться не на признании вины, а именно на **раскаянии** и всемерном содействии следствию в полном и всестороннем расследовании преступления.

В самом начале допроса необходимо принять меры, облегчающие обвиняемому выбор правдивой линии поведения. Первые ложные утверждения создают установку на дальнейшее отпирательство. Сознаться в преднамеренной лжи бывает очень трудно. В ряде случаев прямой вопрос - совершил ли обвиняемый данное преступление - можно заменить психологически более гибким - что вынудило его совершить такой поступок. Обвиняемые обычно стремятся избегать утвердительных ответов.

Обвиняемому следует разъяснить, чем ложная позиция может повредить ему (так, невозвращение похищенных материальных ценностей может привести к конфискации имущества, предъявлению гражданского иска). Если от правдивости показаний обвиняемого

зависит судьба невиновных людей, на которых может пасть ложное подозрение, на это необходимо обратить его внимание.

В случае признания обвиняемого система вопросов следователя должна обеспечивать полноту показаний, по всем существенным для дела обстоятельствам должны быть получены исчерпывающие показания. При этом должны быть выявлены те обстоятельства, достоверность которых может быть проверена, причины, приведшие обвиняемого к преступлению, данные о его личности, сведения о соучастниках.

Допрашивая обвиняемых, следователь обязательно учитывает возможную последующую динамику их показаний и фиксирует все существенные детали. Как отмечал А.Ф. Кони, обвиняемый после дачи правдивых показаний через некоторое время “начинает обдумывать все сказанное им, видит, что дело не так страшно, каким показалось сначала, что против некоторых улик можно придумать опровержение... Опыт, даваемый уголовною практикою, приводит к тому, что в большей части преступлений, в которых виновность преступника строится на косвенных доказательствах, на совокупности улик и лишь отчасти подкрепляется его собственным сознанием, это сознание несколько раз меняет свой объем и свою окраску. Следует учитывать также и возможность возникновения у обвиняемого непроизвольной защитной доминанты - стремления уменьшить свою вину, “облагородить” собственную роль в совершенном деянии, скрыть постыдные стороны своего поведения, акцентировать внимание следствия на неблагоприятном стечении обстоятельств, оградить от ответственности близких лиц.

В сложных ситуациях противодействия, когда допрашиваемый скрывает существенные для дела обстоятельства, дает ложные, дезориентирующие показания, допрос приобретает черты противоборства.

1. Психология допроса (Окончание)

Распознавание ложных показаний и преодоление установки на них

Центральную проблему допроса и расследования в целом составляет распознавание ложных показаний и преодоление установки на них допрашиваемого лица. Однако ни особых методов психодиагностики, ни экспресс-диагностики лжи не существует. Не являются надежными индикаторами лжи и психосоматические реакции - тремор конечностей, частота дыхания и пульса, пересыхание полости рта, сужение или расширение сосудов, проявляющееся в побледнении или в покраснении кожи лица. Не удается диагностировать ложь и по признакам речи - паузам, интонациям, лексическим особенностям.

Ложь - это средство управления поведением других людей путем их дезинформации. Однако ложь не “явление в себе”, она распознаваема. В сознании лжеца “конкурируют” две сферы возбуждения - очаг чувственно бедных ложных конструкций, тормозимый субъектом, и непроизвольно функционирующий очаг живых образных представлений подлинного события.

Лицо, противодействующее следствию и дающее заведомо ложные показания, вступает со следователем в противоборство, прогнозирует его возможные действия, пытается осуществить рефлексивное управление деятельностью следователя, оценивает, как эти показания воспринимаются и используются им Следователю как бы предлагаются основания таких решений, в которых заинтересован допрашиваемый. При этом можно выделить два варианта ложных показаний - ложь активную и пассивную.

При активной лжи допрашиваемый стремится создать целостную псевдомодель события, увязать его элементы, выдумать причинно-следственные связи, соотнести их с определенным местом и временем. Однако ряд повторных детализирующих вопросов неизбежно ведет к вариациям вымысла, к расстыкованности отдельных узлов псевдомодели события. Причем чем меньше правды в показаниях, тем успешнее происходит их изобличение.

Большую сложность представляют случаи, когда допрашиваемый, хорошо знающий обстоятельства дела, вводит в подлинную модель события лишь отдельные ложные детали. Ко даже единственная вымышленная деталь события не может быть охвачена сознанием лгущего во всем многообразия ее проявлений.

Стереотипные, заученные ложные показания выдают себя *косной неизменяемостью*, тогда как образные представления характеризуются соответствующей динамикой. Одна и та же стереотипная речевая формулировка в показаниях нескольких лиц, как правило, свидетельствует

о сговоре в даче ложных показаний Иногда лгущий утрирует свое “незнание”, что также изобличает его. Кроме того, он не осведомлен, как продвигается расследование, какими доказательствами располагает следствие.

Преодоление установки допрашиваемого лица на дачу ложных показаний требует от следователя анализа мотивов лжи и прогнозирования тех побуждений, которые могут привести к “раскрытию” данной личности, анализа тех ситуаций, в которых человек делает откровенные признания Он должен также определить границы зоны контроля (какая истина скрывается, камуфлируется ложными утверждениями).

Поскольку в сознании лгущего конкурируют две психические модели - модель подлинных событий и псевдомодель, он постоянно находится в состоянии повышенного психического напряжения. Это обуславливает и определенные срывы - проговорки.

Диагностируя ложность показаний, следователь может избрать ту или иную тактику, в частности:

- изобличить допрашиваемого при его первых попытках ввести следствие в заблуждение;
- позволить допрашиваемому дать ряд ложных показаний и затем изобличить в совокупности.

Выбор соответствующей тактической позиции связан с личностными качествами допрашиваемого, его моральной сензитивностью - чувствительностью к разоблачающим действиям следователя. Уличение во лжи должно использоваться для побуждения допрашиваемого к правдивым показаниям. Однако изменение ложных показаний на правдивые - это психологически трудный процесс, связанный с мотивационной переориентацией, ломкой сложившегося стереотипа, эмоциональным напряжением, с более или менее продолжительным внутрличностным конфликтом Своевременное определение этого состояния, аргументированное убеждение такого лица в целесообразности перехода от лжи к правде - одна из тактических задач следователя.

Следует учитывать, что ложные показания иногда дают и невиновные лица. Ложь не всегда свидетельствует о виновности человека Неправдивые показания могут давать и лица экзальтированные, стремящиеся оказаться в центре событий, привлечь внимание к своей перроне Кроме того, в показаниях допрашиваемого могут иметь место и произвольные ошибки, обусловленные особенностями восприятия и личностной тенденцией к реконструкции воспроизводимого материала

Одним из средств противодействия следствию является создание *ложного алиби*. Поэтому следователь должен владеть методикой выявления признаков ложного алиби и приемами его изобличения

Алиби (от лат. *allibi* - где-нибудь в другом месте) в уголовном процессе означает обстоятельство, исключающее пребывание обвиняемого (подозреваемого) лица на месте преступления в момент его совершения. При расследовании преступлений, характер которых обуславливает присутствие преступника в определенное время на определенном месте, алиби подлежит доказыванию. Вывод о совершении преступления данным лицом в качестве его исполнителя будет необоснованным, если алиби подтверждается или хотя бы не исключается.

Проверка алиби (и соответствующей контрверсии - ложного алиби) - комплексная тактическая операция, требующая психологического анализа поведения человека.

Ложное алиби - разновидность фальсифицирующей деятельности преступника, направленной на избежание ответственности за совершенное преступление и выражающейся в ложном отрицании присутствия на месте преступления в момент его совершения При этом преступник фабрикует ложные доказательства своего ложного алиби.

Основной стратегией ложного алиби является фальсифицированное “смещение” времени и места:

- совершения преступления;
- своего пребывания на месте преступления;
- пребывания на месте преступления потерпевшего.

Возможны случаи, когда ложное алиби преступника формируется другим заинтересованным лицом.

Создание ложного алиби требует определенной исследовательско-ориентировочной деятельности. При этом преступник анализирует всю доступную для него информацию. Опираясь на свои, как правило житейские, представления, он старается предвосхитить возможные рассуждения следователя, “проигрывает” возможные версии следствия о своем поведении,

разрабатывает определенный план, а затем решает ряд частных задач в зависимости от конкретных условий возможного достижения своей цели.

В выборе фабулы ложного алиби некоторые преступники проявляют большую изощренность. Известен случай, когда преступник, задумавший убийство, при свидетелях сел в поезд, вышел на ближайшей станции, совершил преступление, затем на машине догнал состав и доехал до места назначения, “срежиссировав” и там встречу со свидетелями.

Случаи очень правдоподобных ложных алиби свидетельствуют о необходимости критического подхода со стороны следователя к слишком очевидным доказательствам невинности обвиняемого, к лежащим на поверхности обобщениям.

При распознавании признаков ложного алиби важна рефлексивная деятельность как субъекта ложного алиби, так и самого следователя. Рефлексия в поведенческом смысле - это воссоздание, предвосхищение позиций и действий противодействующей стороны в ответ на свои действия.

Рефлексия может быть осуществлена на разных уровнях. Первым ранговым уровнем является предвидение субъектом действий противодействующей стороны в ответ на свои действия. На более высоком уровне возможно предвидение предвосхищающей деятельности другой стороны.

Создавая ложное алиби, опытный преступник может предвидеть не только обычные действия следователя, но и то, как он будет мыслить, анализируя его действия.

Правомерное психическое воздействие на личность допрашиваемого

С целью пресечения дезинформации со стороны противодействующих следствию лиц и получения правдивых показаний следователь использует систему приемов правомерного психического воздействия. Под ними понимаются приемы формирования сознательного отношения допрашиваемого к правосудию, установки на дачу правдивых показаний.

Раскрытие смысла и значения имеющейся информации, убеждение в бессмысленности и нелепости ложных показаний, бесперспективности запирательства - основа стратегии следователя в ситуациях противодействия следствию. Для этого требуются такие качества, как высокая рефлексивность, проницательность, способность использовать получаемую информацию в процессе дальнейшего расследования. Немаловажное значение имеет и изобличающая деятельность следователя - способность убедить допрашиваемого в несостоятельности заведомо ложных утверждений, вскрыть противоречия в показаниях, с наибольшим эффектом предъявить имеющиеся доказательства.

В преодолении противодействия лиц, пытающихся дезинформировать следствие, - преимущества на стороне следователя: он знает материалы дела, имеет возможность тщательно подготовиться к допросу, изучить личность допрашиваемого, его сильные и слабые стороны, особенности эффективных приемов преодоления противодействия. Однако и у следователя возникают свои трудности. В частности, он должен создать общую вероятностную модель того события, которое расследуется. И здесь рефлексия следователя должна быть высоковероятностной, а во многих случаях - многовариативной. Он должен *распознать цель, к которой стремится допрашиваемый, его систему средств, которую последний считает оптимальной, найти дефекты в этой системе и побудить противодействующее лицо к принятию нетранзитивных решений.*

Однако приемы и средства психического воздействия на допрашиваемых лиц безграничны. Они имеют предусмотренные законом пределы. Так, п. 3 ст. 14 Основ уголовного судопроизводства запрещает домогаться показаний путем насилия, угроз и других незаконных мер. ***В судопроизводстве недопустимо психическое насилие*** - шантаж, угрозы, обман, необоснованные обещания, использование религиозных предрассудков, малокультурности допрашиваемого, незнания им своих прав и т. п. Наряду с этим существуют и нравственно-психологические пределы средств воздействия. Издевательское отношение, усугубление тяжелых психических состояний, психический садизм недопустимы.

При решении тактических задач неизбежны определенные жесткие способы психического воздействия, ставящие поведение противодействующего лица в рамки, ограничивающие его решения.

Приемы преодоления противодействия следствию, как правило, рассчитаны на развитие критического мышления допрашиваемого, на его внутренний анализ хода следствия. Иногда подозреваемый (обвиняемый) может в своей прогностической деятельности отстать или “забежать” вперед, предвосхитить успехи следствия, которые в действительности еще не достигнуты. Подведение обвиняемого к такому отражению действительности в тактических

целях непредосудительно и непротивоправно. Это составляет основу успешного тактического взаимодействия с ним

Допрашиваемое лицо должно быть подготовлено к осознанию бессмысленности своего противодействия. Все разнообразие психических приемов воздействия должно осуществляться в пределах одной допустимой формы - в форме убеждения, которое связано с **сознательным изменением позиции противоборствующего лица на основе получения им информации, раскрывающей неправильность ранее сформированных позиций**. При этом, конечно, логика убеждающего воздействия не должна противоречить его эмоционально-импрессивной стороне воздействия.

Правомерным считается любой тактический прием психического воздействия, если он не направлен на вымогательство показаний. Так, допрашивая К., подозреваемого в убийстве, следователь рассматривал фотографии, которые были видны К. лишь с оборотной стороны. Конверт, из которого были извлечены фотографии, с надписью "лично прокурору" лежал на столе. Решив, что эти фотографии изобличают его, К. сознался в преступлении.

Эффективность тактического приема зависит от того, насколько он нейтрализует противодействие. Если противодействующее лицо навязывает быстрый темп допроса, следователю тактически целесообразно его замедлить и, наоборот, ускорить, если замедленный темп может дать преимущество противодействующему лицу.

Однако ни в коем случае нельзя судить о правдивости или ложности показаний лишь по внешне эмоциональным проявлениям - заиканию, покраснению, тремору конечностей и т. п. Не являются индикатором противодействия и различные колебания, сомнения. "Лжец всегда стоит на своем, а правдивец под конец начинает обыкновенно путаться, смущенный возникшими сомнениями в правде своих слов".

Гипотетический вывод о противодействии может быть сделан лишь при полном несоответствии показаний лица логическим взаимосвязям в системе имеющихся достоверных доказательств, при полном несоответствии показаний проверенным фактам.

Психологически обоснованный тактический прием отличается **избирательной направленностью** - он должен оказать наибольшее воздействие на психическое состояние допрашиваемого и быть нейтральным в отношении невиновных. Шаблонные приемы, примитивные хитрости не только не действенны, но и показывают тактическую беспомощность следователя.

Все приемы психического воздействия можно разделить на три группы:

- приемы, содействующие распознаванию ложности показаний;
- приемы преодоления лжи и получения правдивых показаний;
- приемы оказания мнемической помощи. Внутри этих групп возможна дополнительная классификация.

Так, приемы психического воздействия на противодействующее лицо с целью изменения его позиции и получения правдивых показаний могут быть подразделены на следующие подгруппы;

- приемы, основанные на использовании отдельных психологических качеств личности допрашиваемого;
- приемы, основанные на доверии допрашиваемого следователю;
- приемы осведомления допрашиваемого о наличии значительной достоверной доказательственной информации;
- приемы повышенной эмоциональной насыщенности, связанные с предъявлением неожиданной информации, вызывающие острые эмоционально-волевые состояния.

Лицо, противодействующее следствию, постоянно оценивает смысл и значение задаваемых ему вопросов, опасаясь возможного разоблачения Система вопросов следователя создает постоянный негативный фон психического напряжения. Неожиданное изобличение на этом психическом фоне вызывает резкие эмоциональные реакции, что нередко приводит к отказу от позиции противодействия.

Однако не только прямое изобличение во лжи, но и все то, что интерпретируется таким лицом как приближение к изобличению, ослабляет его психическое состояние, вызывая волнение и тревогу На этом фоне можно эффективно использовать прием формирования у допрашиваемого преувеличенного представления об информированности следователя.

Демонстрируемая следователем осведомленность по одним обстоятельствам получает произвольную расширенную интерпретацию С этой целью он может широко использовать данные о личности подозреваемого (обвиняемого), о деталях его поведения накануне совершения

преступления, о его связях и т. п. В ряде случаев этот прием реализуется путем демонстрации предметов, ассоциирующихся у допрашиваемого с совершенным преступлением.

Следует сказать, что изобличение противодействующего лица даже при наличии достаточного количества доказательств требует специальной системы воздействия. Для того чтобы такое изобличение вызывало мотивационную перестройку в поведении обвиняемого или подозреваемого, необходимо предупредить все возможности “приспособления” их легенды.

Большое значение для эффективности психического воздействия имеет система предъявления доказательств. Прежде всего предъявление доказательств должно демонстрировать осведомленность следователя о последовательности действий преступника. При этом изобличающие доказательства следует предъявлять на фоне психического состояния релаксации (расслабления) или напряженности (в зависимости от личных особенностей допрашиваемого). Перед предъявлением доказательства следователь должен задать все необходимые вопросы с тем, чтобы исключить нейтрализующие их уловки, по каждому доказательству получить объяснение и зафиксировать эти объяснения.

В тактических целях вопросы можно ставить таким образом, чтобы активизировать превосходящую деятельность противодействующего лица. Подозреваемый (обвиняемый) всегда знает, что его изобличает. Поэтому он анализирует не только то, о чем его спрашивает следователь, но и с какой целью. При признании лицом ложности ранее данных показаний необходимо немедленно зафиксировать новые показания и заверить их подписью допрашиваемого. Попутно, по мере предъявления доказательств, следует разъяснять их криминалистическое значение. При этом следователь должен всегда помнить, что доказательства психологически воздействуют сильнее, если предъявляются в контрастных обстоятельствах; “слабые” доказательства обретают большую силу при совокупном их предъявлении.

Действия следователя, предъявляемая им информация могут иметь большую силу воздействия в случае их приложения “к слабому месту” в позиции обвиняемого, **если эта информация допускает многозначность ее трактовки**. Особенно большую изобличающую силу имеет получение таких сведений, **которые могут быть известны лишь участнику расследуемого события**.

Бесполезны общие призывы говорить правду, просительное увещание. Путь к уяснению истины лежит через вопросы “почему?”, “с какой целью?”, “как вы объясните...?” и т. п. При этом следователь рефлексировать, превосходит возможный ход размышлений допрашиваемого, строит свое поведение, рассуждая за противодействующее лицо. Успех допроса зависит от превосходства рефлексивной деятельности следователя над рефлексивной деятельностью допрашиваемого. Рефлексивно управляя поведением противодействующего лица, следователь дает ему основание для принятия таких решений, которые в конечном итоге способствуют установлению истины. Чем ближе следователь к тактическому выигрышу, тем больше опасность для допрашиваемого, тем активнее его оборонительные действия. Однако реорганизация оборонительных действий поспешна, в ней обнаруживаются слабые места. Поэтому целесообразно идти на создание трудных, иногда остроконфликтных ситуаций, содействующих тактическому успеху следователя.

Напряженные психические состояния допрашиваемого вызываются, конечно, не грубостью, не психическим насилием, а подачей в наиболее подходящие моменты такой информации, которая резко нарушает сложившийся **стереотип поведения на допросе**, делает невозможным продолжение избранной линии поведения (предъявление изобличающего доказательства, ознакомление с показаниями соучастников, предъявление неожиданных объектов и т. п.).

В тех случаях, когда допрашиваемый начинает колебаться в выборе линии поведения, целесообразно использовать прием **накопления положительных ответов**. При этом ему задаются лишь такие вопросы, на которые можно получить положительные ответы. Формирующийся стереотип продуктивного взаимодействия может облегчить в дальнейшем получение ответов на вопросы. Рекомендуется также психически напряженные состояния, связанные с ответом на трудные вопросы, перемежать вопросами-релактантами, позволяющими допрашиваемому психически расслабиться (имеются возможности использования на допросе даже музыкальных воздействий).

Длительный психический дискомфорт вызывает раздражение и желание противодействовать. Один из обвиняемых как-то удачно заметил, что долгий допрос с “уличающими вопросами” напоминает ему состояние, которое он испытывает в кресле стоматолога. Следователь должен получить информацию от допрашиваемого, не причиняя ему

лишней “боли”, неоправданных нравственных страданий, балансируя его эмоциональные состояния и сохраняя психологический контакт для дальнейшей работы на допросе.

Положительное отношение к следователю возникает, если он объективен, не придерживается обвинительного уклона. Более того, на первых порах следователь может сделать акцент на смягчающих ответственность обстоятельствах.

Эффективным может оказаться анализ всех просчетов, допущенных подозреваемым (обвиняемым) при совершении и сокрытии преступления, убеждение в бесперспективности его надежд на обман правосудия

Иногда допрашиваемый, ознакомившись с предъявленными доказательствами, изменяет свои прежние показания, адаптирует их к ситуации. Поэтому необходимо предвидеть и нейтрализовать любую возможность приспособления ранее данных показаний к предъявляемым доказательствам.

Позиция запирательства подозреваемого (обвиняемого) не должна перерасти в межличностный конфликт. Владея эффективной тактикой расследования, используя имеющиеся доказательства, приемы правомерного психического воздействия, следователь изобличает виновного, а не конфликтует с ним.

Значительные трудности возникают при допросе *обвиняемого-рецидивиста*, имеющего опыт поведения на допросах, владеющего в известной мере тактикой противодействия следователю. Аморальность таких лиц, пораженность социально-положительных связей, приверженность субкультуре преступного мира, завышенный уровень притязаний, дерзость, агрессивность - все это требует особой тактики взаимодействия.

Рецидивисты во многих случаях совершают преступления в составе преступной группы. Обычно ситуативная сплоченность таких групп быстро распадается после задержания - каждый из участников стремится, как правило, выгородить себя за счет других. Кроме того, рецидивисты, имея некоторые правовые познания, правильно оценивают уличающие их доказательства и во многих случаях после их предъявления не ведут бессмысленного сопротивления.

В случаях специального рецидива следователь может использовать архивные дела и изучить тактику поведения рецидивиста при расследовании его прежних преступлений. Необходимо также обстоятельно изучить биографию и личностные особенности данного рецидивиста, выявить его ценностные ориентации, взаимосвязи в микросреде.

Обычно рецидивисты тщательно продумывают свои ложные показания, ложные алиби, готовят лжесвидетелей, уничтожают доказательства, стремятся опорочить деятельность следователя, оказывают на него давление. В ряде случаев допрос рецидивиста целесообразно проводить в присутствии прокурора, руководителя следственной группы или начальника следственного отдела. При этом согласуется *тактика параллельного воздействия*. Обострение отношений со стороны одного допрашивающего может использоваться как фон для установления психологического контакта другим допрашивающим.

Возможное дерзкое, грубое поведение рецидивиста при допросе требует выдержки, хладнокровия, эмоциональной устойчивости следователя. Корректность, терпеливость, объективность, незлобность - важнейшие предпосылки эффективности допроса. Грубость, нервозность, жаргонные слова, угрозы, несдержанная жестикуляция, мимические излишества и т. п. - показатели слабости позиции следователя.

Оценка показаний подозреваемых и обвиняемых

Показания подозреваемых и обвиняемых могут быть истинными или ложными, полными или частичными. Наряду с правдивыми показаниями иногда сообщаются искаженные сведения по отдельным обстоятельствам (например, могут быть неточно указаны объем похищенного имущества и ценностей, места их хранения, искажены обстоятельства нанесения телесных повреждений и т. п.). Нередко большая часть вины переносится на соучастников.

Критерием полноты и достоверности показаний подозреваемого или обвиняемого является сообщение ими фактов, которые могут быть проверены. Истинное признание в отличие от ложного имеет больший объем доказательств и большие возможности проверки. Ложное показание, ложное признание, самооговор схематичны, бедны по своей фактологической структуре. Ложное признание часто дается под психическим воздействием других заинтересованных лиц. “Следы” такого воздействия можно обнаружить по нехарактерным для конкретного лица выражениям, речевым оборотам и т. д.

Психология допроса свидетеля

Показания свидетели являются одним из факторов формирования внутреннего убеждения следователей и судей. Свидетели содействуют установлению обстоятельств подготовки и

совершения преступлений, выявлению лиц, совершивших преступление, их виновности, мотивов их преступных деяний, установлению данных, характеризующих личность обвиняемого (а иногда и потерпевшего), причин и условий, способствовавших совершению преступления. Свидетели могут помочь в выявлении других очевидцев происшествия, в проверке и уточнении собранных по делу доказательств

Наиболее психологизированными моментами допроса свидетелей являются оценка истинности их показаний, диагностика ложности показаний, преодоление лжесвидетельства, оказание мнв-мической помощи. При этом не могут допрашиваться в качестве свидетелей лица, которые в силу своих физических или 'психических недостатков не способны правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

Для определения психического или физического состояния свидетеля назначается экспертиза (п. 3 ст. 79 УПК РСФР). Она проводится в отношении психически здоровых свидетелей, имеющих частичные психические аномалии. К этим аномалиям относятся особенности психического развития индивида, обусловленные его заболеваниями, временные провалы памяти, состояния астении, психической депрессии, расстройства речи. Основанием для назначения судебно-психологической экспертизы могут быть временные деформации когнитивной (отражательно-познавательной) деятельности. Они могут быть связаны с нарушением целостности, осмысленности, константности восприятия, снижением чувствительности (десенсибилизацией) к отдельным внешним воздействиям

Участие гражданина в уголовном или гражданском процессе в качестве свидетеля связано с рядом обязанностей, нарушением привычного ритма его жизнедеятельности, с отрывом от трудовой деятельности, а иногда - с возникновением конфликтных межличностных отношений.

Свидетельствование бывает сопряжено с остроконфликтными жизненными ситуациями, с различными позициями свидетелей в отношении правоохраняемых ценностей, с различными нравственными и гражданскими качествами личности. Отдельные люди воспринимают положение свидетеля с негативным оттенком, и это необходимо учитывать следователю, проявляя к свидетелю чуткое и доброжелательное отношение. Свидетели несут случайную повинность, писал А.Ф. Кони, всегда более или менее тягостную, большинство из них теряется в необычной обстановке. Одни свидетели раздражаются и, чувствуя, что их ловят на словах, становятся грубы и принимают вызывающий тон, большинство же теряется и нравственно страдает. Нужно зорко следить за настроением свидетелей; нужно мысленно становиться на их место, умея вернуть спокойствие и самообладание одним, поддержать бодрость в других.

Все свидетели занимают определенную позицию - они так или иначе относятся к криминальному событию, к личностным качествам обвиняемого и лица, ведущего расследование. Находясь в определенной социальной микросреде, они обычно разделяют установки этой среды. Не исключено и прямое давление на них со стороны заинтересованных лиц. У каждого свидетеля возникает та или иная модель расследуемого события. Однако предупреждение об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний не должно восприниматься свидетелем как необходимость дачи угодных следователю показаний.

Показания свидетелей подразделяются на *прямые*, основанные на непосредственном восприятии существенных для дела обстоятельств (эта категория свидетелей называется очевидцами), и *производные* (косвенные), основанные на сообщениях других лиц (при этом обязательно сообщение источника информации). Содержанием свидетельских показаний могут быть как сведения о фактических данных, так и оценочные суждения. Доказательственную силу имеют лишь сообщения свидетеля о фактах. Однако грань перехода от фактов к умозаключению трудноуловима. Более того, факты воспроизводятся только в форме суждений и умозаключений.

Свидетельские показания как таковые формируются в процессе допроса. Свидетель вычерпывает из прошлого то, что нужно следователю. Здесь существенна и манера допроса, и личностные качества следователя. его коммуникативные способности.

Представление очевидцев о воспринятом событии всегда уже тех подлинных обстоятельств, которые имеют существенное значение для следствия. Подлинная обстановка событий воссоздается следователем на основе анализа ряда показаний, снятия с них возможных субъективных наслоений. Различными могут быть показания даже добросовестных свидетелей. Только знание психологической природы образований представлений, факторов, влияющих на их личностную реконструкцию, позволяет дать свидетельским показаниям адекватную оценку

Закон обязывает свидетеля давать правдивые показания (ч. 1 ст. 73 УПК РСФР).

Что же такое правдивые показания? В юридической литературе нередко встречаются утверждения, что правдивые показания - это такое сообщение лица об обстоятельствах преступления, которое соответствует объективной реальности. Между тем показания могут быть правдивыми, но не соответствующими действительности - не истинными. Люди в отражении событий могут заблуждаться, их отражение действительности в силу ряда причин бывает ошибочным. И это так называемое добросовестное заблуждение не может караться законом. Свидетель не обязан доказывать правдивость, а тем более истинность своих показаний. Однако следователь должен, используя проверочные действия, удостовериться в истинности полученных сведений. Оценка показаний - одна из основных профессиональных обязанностей следователя.

Отдельные показания могут быть неожиданными, выходящими за рамки здравого смысла, но и они не должны игнорироваться.

В ряде случаев для оценки показаний свидетеля возникает необходимость проведения следственного эксперимента. Так, свидетельница З. показала, что в ночь убийства завмага Г. в его дом около 12 часов ночи вошли двое узанных ею односельчан, которых она наблюдала с крыльца своего дома. В ходе проведенного следственного эксперимента было установлено, что свидетельница З. хорошо видит ночью.

В качестве свидетелей могут выступать люди с эйдетической памятью, высокоразвитой профессиональной памятью и с неразвитой ослабленной памятью, нуждающиеся в систематической мнемической помощи. Допрашивая свидетелей, следователь должен учитывать основные закономерности запоминания и забывания. При этом следует иметь в виду, что процесс забывания особенно интенсивен на протяжении первых трех-пяти суток после восприятия событий. Особенно быстро забываются сведения о временных интервалах, динамические и количественные характеристики событий, речевые формулировки общающихся лиц. В памяти свидетеля может произойти рекомбинация - к действительным событиям может быть отнесено то, что было до него или после него, и даже то, о чем свидетель услышал затем от других лиц (внушенное представление).

Значительное информационное преимущество имеет допрос очевидцев непосредственно на месте происшествия. Оценивая их показания, следователь должен принимать во внимание не только индивидуальные, но и возрастные, половые, этнические и профессиональные различия восприятия и запоминания, социально-психологические закономерности восприятия человека человеком, психические состояния индивида и особенности его речевой деятельности (см. схему).

В психологическом аспекте свидетельские показания - это воспроизведение ранее сформированных впечатлений, актуализированные образы происшедших событий. Здесь существенны правильность, адекватность процесса восприятия, особенности сохранения и реконструкции сформировавшихся образов в памяти данного лица. На этапе первичного контакта с событием отражение действительности подчинено, как известно, ряду сенсорных и перцептивных закономерностей.

Существенное значение имеют мнемические и интеллектуальные особенности индивида, его ценностные ориентации, устойчивая личностная направленность.

Не рассматривая подробно всех закономерностей памяти, напомним, что наиболее прочно в памяти удерживается то, что вызывает повышенную ориентационную реакцию: сильные физические раздражители (крик, вспышка света, громкие неожиданные голоса и т. п.), начало или конец каких-либо процессов, действий, а также все то, что охватывается активными действиями, является целью или условием деятельности, что имеет значимость для субъекта. При этом следует также иметь в виду, что одни люди лучше запоминают приятные, другие - неприятные события.

Воспринятые события иногда произвольно реконструируются под влиянием последующих воздействий. Так, значительные деформации в показаниях могут произойти в результате последующего обсуждения событий, суггестивных воздействий, возникающих под влиянием слухов, сообщений средств массовой информации и т. д. При этом произвольно изменяются те впечатления, которые соответствуют распространенной интерпретации событий, возникают ретроактивные иллюзии, явления аутосуггестии (самовнушения).

Вовлечение свидетеля в процесс уголовного судопроизводства вызывает особое его психическое состояние, обусловленное повышенной ответственностью за свои действия. Он чутко, часто на фоне повышенной тревожности, реагирует на характер вопросов следователя; психические процессы обретают селективную, остро избирательную направленность. При этом

существенное значение приобретает характер межличностных отношений между следователем и свидетелем.

Осознав вопрос следователя, свидетель сначала в наиболее общем виде дифференцирует материал, подлежащий воспроизведению, оценивает его достоверность и лишь затем осуществляет необходимую его вербализацию, не извлекая, а формируя информацию. Здесь возможны трудности припоминания, а также перевода первосигнальной (непосредственно чувственной) информации во второсигнальную (словесно-обобщенную).

То, что вспоминает свидетель, в значительной мере зависит от вопросов следователя. Они должны касаться существа дела и не касаться очевидных обстоятельств. Вопросы, адресованные свидетелю, следует выстраивать в целенаправленную систему, соотношенную с логикой расследования. Если вопрос следователя связан с ответом, неблагоприятным для свидетеля, он должен быть поставлен в завершающей части допроса. Не следует задавать примитивных, “детских” вопросов. Излишни и те вопросы, ответы на которые являются логическим выводом из предыдущего ответа.

В статусе следователя заложены значительные возможности внушающего влияния, особенно на лиц с повышенной внушаемостью. Их допрос требует особого подхода. Общими первичными признаками гиперсуггестивности допрашиваемого служат проявления слабого типа высшей нервной деятельности - тревожности, ригидности, возбудимости (низкая переключаемость внимания), низкого уровня притязаний (застенчивость, робость, переоценка значимости других, особенно вышестоящих лиц), конформности, соглашательства, уступчивости.

При допросе некоторые свидетели стремятся предугадать желаемый для следователя ответ и соответствующим образом сформулировать свои показания. Так, положительная эмоциональная реакция следователя на показания обвинительного содержания непроизвольно формирует у свидетеля определенную установку.

Уголовно-процессуальным законом запрещено задавать наводящие вопросы, предопределяющие возможные ответы. Любой вопрос ориентирует сознание на определенную сферу. Поэтому вопросы *должны быть образно нейтральными* - в них не должно быть образов, которые могут включаться в ответ. Кроме того, вопросы следует формулировать так, чтобы они были доступными для понимания свидетелем. С целью оказания мнемической помощи свидетелю могут быть заданы напоминающие вопросы, активизирующие ассоциативные связи.

Контрольные вопросы задаются для выяснения условий формирования образных представлений и установления фактических данных, лежащих в основе оценочных суждений свидетеля. При этом не следует задавать слишком общих, беспредметных вопросов, а также повторять вопросы в одной и той же редакции. Существенное для следствия обстоятельство целесообразно выяснять посредством *системы варьирующихся вопросов*.

Расследуемое событие должно воспроизводиться последовательно в системе причинно-следственных связей. При этом вопросы следует задавать в последовательности *от общего к частному*, от первичного синтеза к анализу. Желательно также, чтобы все вопросы были взаимосвязаны - один вопрос вытекал из другого и подготавливал постановку следующего.

Получая очень подробные описания, следователь может поинтересоваться, чем вызвано такое большое внимание к этим обстоятельствам. Он должен предвидеть, какие стороны событий могут вызвать у свидетеля наибольшую ориентацию. Слушая рассказ свидетеля можно сделать некоторые выводы об избирательно-устойчивой направленности его внимания, развитости или неразвитости отдельных видов памяти, о типе восприятия (аналитическом или синтетическом), о склонности к конформизму, суггестивности и т. п.

В процессе воспроизведения свидетель в зависимости от своего психического состояния вспоминает лишь те или иные фрагменты события. Затрудняет оптимальное функционирование его когнитивной (познавательной) сферы обстановка подчеркнутой строгости, официальности, вызывающая состояние психической напряженности.

В ряде случаев свидетелю должна быть оказана психологическая помощь в форме предъявления изображений, макетов, моделей, шкал цветов (таблицы Рабкина), предложения графически изобразить объект, пространственные схемы - “карты пути”, “карты обзора” и т. п. Некоторые приемы способствуют активизации репродуктивной и повествовательной деятельности свидетеля: предложение описать событие в его хронологической последовательности (с чего оно началось, как развивалось, чем завершилось); постановка напоминающих вопросов. Для более полного описания свидетелем событий могут быть использованы *ассоциативные опорные пункты*. В процессе допроса следователь должен

отчленять факты, описываемые уверенно, от сообщаемых с определенным сомнением, выясняя при этом, чем обусловлены уверенность или сомнение, а также условия восприятия события свидетелем, его ориентационно-оценочные возможности.

Так, при расследовании дела о столкновении двух теплоходов в ночное время в качестве свидетеля был допрошен пассажир, находившийся на верхней палубе одного из этих судов. На вопрос, с какой стороны приближалось другое судно, он ответил: “Встречное судно шло прямо на нас”. Это противоречило фактам, выявленным при осмотре повреждений судна. Для выяснения возникшего противоречия был поставлен контрольный вопрос о том, какие огни видел свидетель на встречном судне. Последовал ответ: “Зеленый”. Этот ответ еще раз был перепроверен: “Не видел ли свидетель на встречном судне красного огня?” Ответ был отрицательным. Итак, свидетель видел только зеленый огонь (огонь правого борта) и не видел красного (огня левого борта). Это позволило сделать вывод, что курсы столкнувшихся судов пересекались под некоторым углом.

Свидетель может сказать правду. Но ему очень трудно многосторонне, объективно охватить все события происшествия; чтобы помочь свидетелю, необходима соответствующая система вопросов. То, что видел свидетель, - это, образно говоря, луч света, а вопросы следователя - это механизм управления движением такого луча.

При допросе свидетеля наиболее сложной психологической задачей является установление *достоверности* его показаний. При этом сомнения, неуверенность свидетеля не следует расценивать как признак их недостоверности.

Одним из приемов проверки достоверности показаний является детализирующий допрос по обстоятельствам, значение которых допрашиваемому неизвестно. При этом косвенные свидетельства могут иметь не меньшее значение, чем прямые доказательства.

Гамму сильных чувств испытывают свидетели как при восприятии событий, так и на допросе. Эти чувства в значительной мере влияют на адекватность психического отражения действительности и на “оформление” показаний.

Во многих случаях, как уже говорилось, ложные показания обусловлены желанием скрыть собственное неблагоприятное поведение или опасением раскрыть свою причастность к расследуемому событию. Наиболее часто ложные показания даются по делам об изнасиловании, о телесных повреждениях, хулиганстве на бытовой почве, хищениях социалистической собственности и о должностных преступлениях. Это объясняется тем, что указанные виды преступлений, как правило, исключают случайную осведомленность.

Распознать мотивы лжесвидетельства и принять соответствующие меры - одна из основных задач следователя.

Мотивами заведомо ложных показаний могут быть:

- личная заинтересованность свидетеля (корысть, зависть, ненависть, мстительность, опасение обнаружить свои неблагоприятные поступки);
- ложно понятое чувство дружбы, родственные обязанности;
- чувство сострадания к обвиняемому или потерпевшему;
- понуждение заинтересованных лиц.

Наиболее часто заведомо ложные показания даются с целью освобождения виновного от уголовной ответственности или смягчения его наказания, а также по понуждению заинтересованных лиц.

При даче ложных показаний, с одной стороны, имеет место определенный внутриличностный мотивационный конфликт, с другой - свидетель постоянно должен тормозить вербализацию образов действительности, опасаться проговорок, создавать схематичные образы, удерживать в памяти их конструкцию. При этом происходит постоянная интерференция образов - конфликтное взаимодействие подлинного и ложного.

Вымышленные образы не соответствуют тем или иным критериям реальности. Если правдивые показания основаны на образах, которые несут избыточную информацию и позволяют осуществить многостороннее “вычерпывание” информации, то ложные, базируясь на вымышленной схеме, информативно ограничены, они не имеют первосигнальной полноты, разносторонности. Отсюда затверженность, заученность, ригидность, непластичность ложных показаний, их эмоциональная индифферентность.

В правдивых показаниях очень часто встречаются неточности, некоторые неясности и даже несоответствия. В тщательно продуманных ложных показаниях обычно все хорошо подогнано, состыковано (конечно, в меру интеллектуальных способностей того или иного лица). Ложь, как

отмечалось выше, может быть активной и пассивной (умолчание). В последнем случае следователь должен напомнить свидетелю, что он не только несет за это уголовную ответственность, но и наносит вред правосудию и обвиняемому, так как скрываемые им обстоятельства могут иметь не только обвинительное, но и смягчающее ответственность значение. Существенно также уличение свидетеля в противоречиях, ознакомление его с некоторыми имеющимися в деле доказательствами.

Если умолчание связано с нежеланием свидетеля говорить об интимных отношениях, описывать неприличные сцены и т. п., следует предложить ему дать показания в письменном виде.

В большинстве случаев ложные показания дают свидетели, связанные с обвиняемыми и потерпевшими, так или иначе причастные к расследуемому событию. Нередко это родственники и знакомые обвиняемого. При этом ложные свидетельства могут иметь или обвинительную, или оправдательную направленность в зависимости от мотивов лжесвидетельства (например, желание устранить соперника, отомстить, выгородить близкого человека, избежать мести со стороны обвиняемого и т. д.) либо быть произвольно искаженными.

Представления очевидцев могут быть смещены в пространстве и времени. Распознавание неправильностей в описательной деятельности допрашиваемого лица - одно из основных требований.

Эффективность допроса свидетеля зависит от контрольно-оценочной деятельности следователя. В показаниях свидетелей он выделяет существенное, оценивает его значимость и достоверность. С этой целью следователь пытается реконструировать комплекс жизненных обстоятельств при восприятии свидетелем определенного события. При этом уточняющие и детализирующие вопросы должны базироваться на реальных жизненных обстоятельствах, воссоздаваемых его воображением. Сомнения следователя должно вызывать то, что противоречит естественной взаимосвязи явлений.

Допрашивая свидетеля, важно выяснить его оценочные возможности (“Почему так думаете?”), способность к анализу, сопоставлениям, правильным выводам, обобщениям.

Для активизации показаний о сложных событиях, о событиях большой давности в ряде случаев необходимо использовать метод реконструкции - модельно-материального воссоздания реальной обстановки.

Ошибочность в показаниях относится, как правило, не к показанию в целом, а к определенным его фрагментам. В зависимости от этого и следует анализировать психологические причины конкретного вида ошибки. Это могут быть ошибки в речевой коммуникации (непонимание смысла слов, терминов, ошибочная их интерпретация), отождествление различных объектов, искажение формы, размера и структуры описываемого объекта, смещение временной и пространственной локализации объектов, ошибочные дополнения в описании объектов в силу закономерностей целостности и апперцептивности восприятия. В ряде случаев ошибочность показаний выявляется и устраняется путем предъявления вещественных доказательств или графических изображений, схем, планов, чертежей натуральных объектов, макетов.

Критической оценке должны подвергаться показания о **быстротечных событиях** (от нескольких секунд до долей секунды), связанных с автотранспортными происшествиями, импульсивными насильственными действиями, несчастными случаями в результате нарушений техники безопасности и т. п. Очень часто свидетели обобщают отдельные фрагменты события, произвольно их дополняют, “подтягивают” под личностное восприятие. Для активизации воспоминаний о времени события целесообразно попросить свидетеля воспроизвести последовательность событий, назвать какие-либо устойчивые временные ориентиры.

Восприятие длительности событий является по существу суммированием образных представлений. Этот процесс субъективен. Так, периоды, насыщенные событиями, сжимаются (а при отсроченном воспроизведении растягиваются). События монотонные, однообразные, а также воспринимаемые в больном, психически ослабленном состоянии, кажутся затянутыми. Малые промежутки времени переоцениваются, большие - недооцениваются. Дети и подростки, как правило, переоценивают длительность событий.

При выяснении внешнего облика разыскиваемого лица первоначальная информация должна быть получена посредством **свободного описания**. В качестве мнемической помощи здесь может быть использовано предъявление фотоснимков разных лет. При этом не следует применять специальную криминалистическую терминологию “словесного портрета”, так как это может

вызвать непровольную реконструкцию образного представления. Показания должны даваться в привычной для лица терминологии.

Следует учитывать, что одни признаки человеческого лица запоминаются лучше (например, прическа, выражение глаз, их цвет), другие хуже. Наиболее устойчивыми опознавательными признаками являются очертания лица, силуэт тела; хорошо запоминаются мимические особенности, характерное выражение лица (хмурый, веселый, злой, добрый, уверенный, наглый и т. п.), жесты, позы, походка, особые анатомические и функциональные приметы, одежда. При этом отдельные выразительные особенности лица могут “подавлять” восприятие других характерных признаков.

Кроме того, следователь должен учитывать не только индивидуальную, но и возрастную направленность восприятия внешнего облика человека. Так, основное внимание подростков обычно направлено на рост человека, его телосложение, прическу. Молодежь больше обращает внимание на мимику, жесты. Люди среднего и пожилого возраста более чувствительны к речевым особенностям, манерам поведения, циничным проявлениям.

Производя повторный допрос, необходимо помнить о том, что возможно проявление реминисценции - более полного воспроизведения материала (это не должно интерпретироваться как умышленное сокрытие сведений при первом допросе). Психологически важно избегать распространенного в практике вопроса о том, подтверждает ли свидетель свои прежние показания. Это ограничивает его мнемическую деятельность, свидетель стремится попасть в “русло” показаний, данных на предыдущем допросе, упорствуя в своем первоначальном ошибочном ответе.

Особенности показаний *о событиях, наблюдавшихся в состоянии алкогольного опьянения*. Значительная часть преступлений не только совершается, но и воспринимается в состоянии алкогольного опьянения.

В нейрофизиологическом плане алкоголь вызывает дисбаланс процессов торможения и возбуждения. Особенно отражается это на внутреннем торможении - ухудшается дифференцировочная деятельность, в аналитико-синтетической деятельности мозга происходят значительные деформации.

По выражению И.П. Павлова, алкогольное опьянение снимает с индивида “корковую покрывку” и переводит его в состояние “буйства подкорки”. При этом в первую очередь страдают лица со слабым типом высшей нервной деятельности.

В алкогольной интоксикации различают, как известно, три степени: легкую, среднюю и тяжелую.

Легкая степень алкогольного опьянения характеризуется состоянием легкой эйфории; возникает временное повышение эмоционального тонуса, некоторый прилив сил и, как правило, переоценка индивидом своих возможностей. Однако уже через 20-30 мин. начинается заметный спад в продуктивности психических процессов, увеличивается время сенсорных реакций, ослабляется чувствительность анализаторов, ухудшается ориентация в пространстве, определение продолжительности событий.

Средняя степень алкогольной интоксикации характеризуется переходом от эйфорической в наркотическую фазу опьянения. Сначала ускоряются элементарные ассоциативные процессы, так как они выходят из-под логического контроля, а затем установление связей резко замедляется в силу резких нарушений в аналитико-синтетической деятельности мозга, значительно снижается ориентировочная деятельность. Психические процессы “разорваны”, фрагментарны. Сознание модифицируется (“оглушается”), отражение окружающей действительности носит неадекватный характер. На этой стадии возможны аффективные иллюзии, значительные пробелы и искажения памяти, диффузная генерализация - общее суммарное, нерасчлененное отражение действительности. Описание объектов при этом бывает неточным, смешиваются признаки объектов.

В большинстве случаев лица, пребывавшие в этой стадии опьянения, способны лишь к смутным воспоминаниям, у них высока вероятность оговора.

Пребывание в тяжелой степени опьянения исключает адекватное отражение действительности.

Для определения степени алкогольного опьянения, в котором пребывало лицо, наблюдавшее существенное для расследования событие, необходимо проведение комплексной судебно-медицинской и судебно-психологической экспертизы.

Психология допроса несовершеннолетних

Особенности психики несовершеннолетних связаны с ограниченностью их жизненного опыта, знаний и представлений, с недостаточной сформированностью адаптивных поведенческих навыков.

В процессе развития подростка в его психике происходят существенные сдвиги, и в первую очередь - активное расширение системы социальных связей. Интенсивное физическое и половое развитие - важнейшая особенность этого возраста.

Усиленное функционирование гормональной системы значительно повышает нервную возбудимость подростка, его реактивность, эмоциональную экспрессивность, нередко вызывает вспыльчивость, резкость, несдержанность. У подростка появляется интерес к другому полу и к своей внешности, своим физическим возможностям.

Потребность в самоутверждении - одна из ведущих потребностей развития подростка. Ее реализация может осуществляться в рамках контактной малой группы (в компании), что иногда порождает ряд негативных явлений. Поэтому включение подростка в многообразные социальные группы, в широкие социальные связи - одна из основных мер предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних.

Подросток активно ищет референтную группу, друзей и товарищей и, найдя их, стремится самоутвердиться. Нередко такое "самоутверждение" и делает его "трудным".

Повышенная конформность, суггестивность, групповая зависимость, подверженность поведения особым подростковым стереотипам, негативизм, демонстративная независимость, бравада, зависимость от референтной группы, повышенная подражательность кумирам, склонность к рискованным действиям, недостаточный социальный самоконтроль - основные психологические особенности подросткового возраста.

Формирование чувственных представлений несовершеннолетних отличается наглядно-эмоциональной направленностью, недостаточной категориальной отнесенностью, некоторым дисбалансом в деятельности первой и второй сигнальных систем, недостаточной развитостью обобщений по существенным признакам, склонностью к генерализованным обобщениям по несущественным признакам явлений.

У подростков меньший объем восприятия и долговременной памяти, они менее точно отражают пространственные качества объектов - их величину, удаленность, конфигурацию, цветовые оттенки, чаще, чем взрослые, допускают ошибки в определении продолжительности временных периодов, иногда искажают последовательность событий.

Постоянное стремление к новым впечатлениям может усиливать проактивное и ретроактивное торможение.

Недостаточная сформированность понятийной сферы нередко приводит к неправильному употреблению понятий. Неточные показания несовершеннолетних иногда обусловлены подражательностью, стремлением говорить "как надо". Наряду с этим психика подростков характеризуется и такими существенными для установления истины по делу качествами, как повышенная ориентировочно-исследовательская деятельность, обостренное внимание к отдельным деталям события, направленность внимания на экстраординарные события, непосредственность, искренность, правдивость.

Более стабильный, чем у взрослых, распорядок жизнедеятельности несовершеннолетних позволяет в ряде случаев получить "опорные точки" для установления времени совершения и продолжительности расследуемых событий, их пространственной локализации.

В ложных показаниях подростки чаще допускают противоречия, несоответствия, не продумывают деталей "легенды".

Для установления коммуникативного и психологического контакта с несовершеннолетним необходимо предварительно ознакомиться с условиями его жизни, особенностями воспитания, интересами, социальными связями и т. д. Необходимые характерологические сведения следователь может получить из бесед с родителями, от инспекторов детской комнаты милиции, участковых инспекторов.

Согласно требованиям закона (п. 2 ст. 392 УПК РСФСР) следователь выясняет условия жизни и воспитания подростка, в частности имеет ли он обоих родителей (если нет одного из них или обоих родителей - в силу каких причин они отсутствуют, кто воспитывает несовершеннолетнего), взаимоотношения в семье, профессию и место работы родителей, их культурный уровень, моральные качества, отношение к детям, методы воспитания. Выясняются также вопросы о ближайшем бытовом окружении подростка, о его поведении в школе или на работе, состоял ли он на учете в детской комнате милиции, какие меры принимались по фактам его неправильного

поведения и почему они не дали результатов, причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Допрос несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) целесообразно проводить в кабинете следователя. Соответствующей строгостью и официальной подчеркнувается важность и значимость расследования для несовершеннолетнего. При этом детализирующие, уточняющие и контрольные вопросы должны отличаться краткостью, предельной доступностью.

Допрос несовершеннолетнего должен продолжаться не более одного часа. При допросе несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, присутствие педагога обязательно. Педагог дает необходимые консультации для определения формы постановки вопросов, установления психологического контакта с подростком.

При необходимости оценки способности несовершеннолетнего правильно воспринимать существенные для дела обстоятельства и давать о них показания, его возможности полностью осознавать значение своих действий назначается судебно-психологическая экспертиза.

Умственная отсталость несовершеннолетнего, не связанная с душевным заболеванием, то есть значительное его отставание от нормального развития детей данного возраста, проявляется в аномальных действиях. Однако следует иметь в виду, что отставание в психическом развитии может проявляться неоднозначно, и эксперту-психологу не следует ставить вопрос: "Нормальному уровню развития какого возраста соответствует фактический уровень развития данного лица?" (как это рекомендуется научно-практическим комментарием к УПК РСФСР). На экспертное разрешение должны быть поставлены вопросы:

Имеются ли у лица отклонения от нормального для данного возраста уровня психического развития?

Можно ли на основании данных психологии и педагогики сделать вывод о том, что несовершеннолетний не осознавал полностью значения своих общественно опасных действий?

Обстановка допроса должна быть спокойной, бесконфликтной. Несовершеннолетнему допрашиваемому необходимо вначале разъяснить, по какому обстоятельству проводится допрос, его обязанности и права. функции присутствующих на допросе лиц. Далее возможна ознакомительная (неформальная) беседа о жизни подростка, о его социально-бытовых условиях. В беседу могут быть вовлечены все участвующие в допросе лица. Установив контакт с подростком, следователь побуждает его к свободному рассказу. Этот рассказ может быть отрывочным, фрагментарным, но его не следует прерывать, подсказывать его направление.

С помощью контрольных вопросов выявляются ориентация несовершеннолетнего в последовательности событий, понимание их сущности. Особенно существенно при допросе оказание несовершеннолетнему мнемической помощи.

Диагностируя ложность показаний, следователь должен установить их мотивы (чувство ложного товарищества, стыда, страха, возникшего в результате угрозы и запугивания заинтересованного лица, неприязнь к следователю, советы близких). Наряду с воздействием на мотивационную сферу подростка следователь использует и допустимые приемы психического воздействия - демонстрацию своей информационной осведомленности, предъявление доказательств, развенчание соучастников и т. п.

В ходе допроса следует придерживаться ряда педагогических требований: не фиксировать внимание несовершеннолетнего на обстоятельствах, которые могут нанести вред его воспитанию, пресекать жаргонные и нецензурные выражения, не допускать циничных оценок, проявлений вульгарности и развязности. В то же время речь самого следователя должна быть предельно корректной. При этом допустимы ирония, меткие, острые определения, высоко ценимые подростками. Необходимо также быть вежливым и проявлять уважение к личности несовершеннолетнего. Недопустимо панибратство, заискивание и т. д.

Психология допроса малолетних свидетелей и потерпевших

Закон не ограничивает возраста свидетелей. В ряде случаев ими могут быть дети дошкольного возраста (от трех до шести лет) и младшего школьного возраста (от шести до 11 лет). Их допрос должен осуществляться с учетом возрастных особенностей, присущих каждому из указанных возрастных периодов.

Малолетние свидетели обладают, как известно, крайне ограниченным жизненным опытом, и их показания требуют психологически обоснованной интерпретации. Поэтому при допросе необходимо участие педагога, воспитателя или специалиста по возрастной психологии.

Дети особенно подвержены суггестивному влиянию взрослых, генерализованным обобщениям (по несущественным признакам). У них значительна склонность к воображению, ложному

опознанию (образы прошлого и текущего воздействия могут соотноситься по второстепенным, несущественным признакам).

Особенно сложны для детей установление причинно-следственных связей явлений, интерпретация значения действий малознакомых людей, мотивов и целей их поведения. Память ребенка дошкольного возраста отличается произвольностью, слабым развитием произвольного запоминания, направленностью на яркие отличительные особенности объектов.

Восприятие внешности людей малолетними свидетелями и потерпевшими, как правило, неточно. Больше внимание они обращают на броские приметы, одежду, эмоционально-экспрессивные поведенческие особенности. Хуже запоминаются черты лица. Рост человека, как правило, завышается. Смещаются понятия “молодой” и “старый”. Процессы узнавания несовершеннолетними, часты ошибки, ложные узнавания.

Восприятие младших школьников отличается большей дифференциацией цвета, величины, формы объекта, детализацией объектов в процессе наблюдения. Они лучше решают те задачи, в которых имеется возможность действия с предметами, а словесному описанию событий предпочитают показ. Свободный рассказ таких свидетелей о событии отличается дискретностью, событие расчленяется на единицы без установления взаимосвязей между ними. Для них более доступна операция анализа, чем синтеза. Как установлено многими исследованиями, ребенок показывает себя гораздо более способным отделить элементы от целого, которое дано ему сразу, чем объединить то, что встречалось в его опыте разделенным. Младшие школьники легче находят различие, чем сходство (нередко они затрудняются сделать сравнения, если им не указывают конкретных параметров для этого), легче абстрагируют отдельные свойства предметов, чем их связи и отношения. Их обобщения расширительны. В значимые моменты события они включают второстепенные элементы.

Особенно часто малолетние допрашиваются об обстоятельствах, связанных с сексуальными посягательствами. Не понимая значения совершаемых с ними сексуально направленных действий, дети осознают их необычность, “стыдность”. Повышенная эмоциональная значимость таких действий, невольное участие в них способствуют сравнительно прочному их запоминанию. Однако последовательность этих событий следователь должен постоянно уточнять (“Что было до этого?” “Что с тобой было сделано, когда ты...?” и т. п.). Непонимание смысла совершаемых действий существенно затрудняет их воспроизведение.

При допросе малолетних свидетелей и потерпевших необходимо учитывать их индивидуально-психологические особенности. Соответствующие сведения следователь получает из бесед с родителями, воспитателями и учителями, из знакомства с условиями жизни ребенка, с общим уровнем его психического развития. При этом выясняется, какими знаниями и умениями владеет ребенок, склонен ли к чрезмерному фантазированию, чем увлекается, как ведет себя со взрослыми и со сверстниками, каковы черты его характера, особенности темперамента (общительность, уравновешенность, возбудимость или инертность), имеются ли какие-либо психические аномалии, дефекты речи, что может вызвать повышенную психическую напряженность и т. д. Необходимо знать и позицию малолетнего по отношению к расследуемому событию, его психическое состояние в момент совершения преступления, а также обсуждались ли эти события в присутствии ребенка, мог ли он слышать о них от других лиц и т. п. Кроме того, следует исключить все попытки взрослых подготовить ребенка к допросу.

При подготовке к допросу следователь может использовать консультации педагога, психолога. Допрос может происходить в домашней обстановке, в дошкольном или медицинском учреждении, в школе, детской комнате милиции и т. п., в зависимости от того, где можно добиться максимальной коммуникативной активности. При этом формулировки вопросов должны быть заранее продуманы совместно со знающим ребенка педагогом.

Закон не определяет конкретных функций педагога при допросе этой категории свидетелей, и нередко его присутствие является формальностью. Между тем основная функция педагога на допросе состоит в установлении контакта с ребенком, в педагогически правильной постановке вопросов, в обеспечении оптимального эмоционального состояния допрашиваемого. Консультация с педагогом необходима и для оценки полученных показаний, и для определения необходимости назначения судебно-психологической экспертизы при возникновении сомнений в уровне интеллектуального и речевого развития ребенка, его способности правильно воспринимать существенные для дела обстоятельства. Вовлечение ребенка в общение должно происходить постепенно. Вначале следует дать ему возможность освоиться с новым местом и новыми людьми. Первоначально допустима ориентировочная беседа о нем с сопровождающими

его взрослыми людьми, с обращением к ребенку с отдельными сопутствующими вопросами. При этом речь следователя должна быть краткой, доступной, но не подделанной под “детский стиль”.

Для определения способности ребенка правильно излагать события ему можно сначала поставить задачу описать те события, которые заведомо ему хорошо известны. При этом следователь должен возбуждать деятельность ребенка на положительно эмоциональном фоне и избегать неприятных для него вопросов.

Переходя к существу дела, следователь может повысить мотивационную ответственность ребенка, сообщив, что его показания очень важны для правильной оценки расследуемого события. Учитывая особую чувствительность детей, следует блокировать тенденцию, направленную на оправдание ожидания следователя. В начале допроса надо сказать ребенку, что если он чего-то не знает, то он должен открыто заявить об этом. Однако не следует специально фиксировать начало допроса, необходимо плавно перевести разговор на получение показаний по существу дела. При этом, поскольку дети не способны к логичному свободному рассказу, осуществляется диалогическое взаимодействие с ребенком, по отдельным эпизодам события ставятся конкретные, понятные вопросы, исключая, однако, односложные ответы.

Сложность вопросов должна наращиваться постепенно: сначала целесообразно выяснить круг лиц, участвовавших в преступном событии, обстановку, которую ребенок хорошо запомнил, действия, которые он сам совершал, и лишь затем задавать вопросы о содержании самого события. При этом следует оказывать мнемическую помощь, побуждая ребенка к припоминанию развития события, к установлению связи между его отдельными эпизодами.

Можно побуждать детей повторять вслух вопросы следователя. При этом следует избегать не только внушающих воздействий, но любого проявления жесткости в обращении (“Ты обязательно должен сказать” и т. д.). Не следует поправлять ошибки в речи ребенка. Учитывая ограниченность объема, устойчивости и распределенное™ детского внимания, повышенную утомляемость при однообразной форме деятельности, можно предложить ребенку изобразить то, что он видел, назвать цвет, форму и т. п. по наглядному эталонному материалу.

Все вопросы, связанные с травмирующими психику ребенка обстоятельствами, должны чередоваться с нейтральными, эмоционально положительными.

Общая продолжительность допроса детей дошкольного возраста не должна превышать 20 минут, а детей младшего школьного возраста - 30 минут. В случае сильного душевного волнения допрос должен быть временно прекращен, а внимание ребенка переключено на эмоционально - положительные объекты.

Ученые издавна стремились проникнуть в сущность формирования в памяти очевидцев интересующей правосудие информации, выработать надежные приемы получения, проверки и оценки свидетельских показаний. Это объясняется значительным числом следственных и судебных ошибок, связанных с добросовестным заблуждением опознающих.

Особенности восприятия, формирования и передачи информации очевидцами, субъективные и объективные факторы, под воздействием которых эта информация деформируется, неоднократно исследовались путем разнообразных экспериментов. Впервые такие эксперименты были проведены в 1902 году В. Штерном в Германии.

Двум группам студентов (33 человека) и учащимся (14 человек) демонстрировались художественные полотна в черно-белом и цветном исполнении. Одна часть испытуемых опрашивалась о воспринятой информации сразу же после демонстрации, другая - через определенные промежутки времени. Кроме этих опытов, В. Штерн провел так называемые естественные эксперименты, в процессе которых перед испытуемыми (24 студента) неожиданно разыгрывались сценки, о сюжете которых, о внешности участников событий и других деталях опрашивали очевидцев.

На основе этих опытов В. Штерн сделал следующие выводы: а) точность воспоминания - не правило, а исключение из него, б) ошибочность показаний возрастает по мере увеличения времени, прошедшего с момента восприятия; в) устойчивость восприятия у женщин больше, чем у мужчин (соотношение 3:2); г) точность запоминания у мужчин больше, чем у женщин (соотношение 4:3); д) память о некоторых явлениях не заслуживает доверия, если только восприятие не происходит с сознательным намерением запомнить воспринимаемую информацию.

Хотя выводы В. Штерна интересны, убедительность их невелика, так как в экспериментах принимало участие незначительное число испытуемых.

Аналогичные эксперименты примерно в то же время были проведены в Англии Ф. Листом и несколько позднее в Германии О. Липпманом и М. Борст2. Суть экспериментов сводилась также

к демонстрации испытуемым художественных полотен (М. Борст), в разыгрывании перед ними различных сенок (О. Липпман, Ф. Лист) с последующим опросом. В экспериментах принимало участие незначительное число испытуемых.

Выводы, к которым пришли эти экспериментаторы, существенно не отличались от выводов В. Штерна.

Подобные эксперименты проводили и русские ученые (В. М. Бехтерев, И.Я. Фойницкий и др. в 1904 году).

В наше время эксперименты пока чаще всего направлены на выявление чисто психологических аспектов восприятия человеком информации и лишь немногие посвящены выявлению факторов, влияющих на достоверность свидетельских показаний.

То, что эта проблема имеет еще много “белых пятен”, неверно объяснять только слабым научным интересом к ней или недостатком в организации и методике проведения экспериментов. Суть, очевидно, кроется в чрезвычайной сложности внутренних психических процессов, происходящих в сознании индивидуума и зависящих от многих самых разнообразных факторов субъективного и объективного характера, к объяснению и пониманию которых еще не создано всех необходимых предпосылок.

Возьмем, например, один из сложнейших и малоизученных вопросов, связанный с исследованием влияния внушения на степень изменения свидетельских показаний.

Под внушением мы понимаем психическое воздействие одного человека на другого. Это воздействие представляет собой процесс искусственного внедрения мысленного образа, хранящегося в памяти у одного человека, в психику другого.

Внушающему воздействию человек может подвергаться до восприятия конкретной информации, в момент восприятия и после ее восприятия.

В зависимости от того, на какой стадии было оказано внушающее воздействие, внушение можно разделить на три основных вида:

- оказанное до восприятия события (предрецептивное внушение);
- оказанное в процессе восприятия (внушение рецептивное);
- направленное на события, воспринятые в прошлом (пострецептивное внушение).

Каждый из указанных видов внушения нуждается в самостоятельном исследовании, однако нас главным образом интересует третий вид внушения (пострецептивное). Это связано с тем, что при допросе свидетелей следователь всегда имеет дело с показаниями о событиях, ранее воспринятых. Здесь речь идет не о реальном объекте или событии, воспринимаемых непосредственно, а воспроизводится мысленный образ воспринятой ранее информации. Результат в данном случае зависит, в частности, от того, насколько полно и четко хранится в памяти очевидца мысленный образ прошлых событий.

В 1972 году была проведена серия экспериментов, результаты которых помогли установить, под воздействием каких факторов происходит изменение воспринятой ранее информации. Было решено проверить степень деформации мысленного образа, хранящегося в памяти у очевидцев событий в зависимости от:

- пола;
- профессии;
- времени, которое прошло с момента восприятия;
- внушения;
- предварительной инструкции (одна часть испытуемых раньше уведомлялась о проводимом эксперименте).

Различным группам людей демонстрировался фрагмент цветного кинофильма. Авторы попытались отойти от традиционной формы проведения подобных экспериментов в учебных аудиториях и избрали несколько иной путь. Местом проведения экспериментов были кинотеатр Госфильмофонда “Иллюзион” и Дом культуры им. В. И. Ленина, а испытуемыми - кинозрители.

Кинотеатр был удобен для экспериментов потому, что восприятие информации там происходит в свободной и независимой обстановке. Кроме того, в отличие от студенческой или другой учебной аудитории, где учащиеся хорошо знают друг друга и могут оказывать друг на друга влияние, в среде кинозрителей это влияние несравнимо меньше. Тем самым обеспечивается определенная чистота восприятия и воспроизведения информации.

Эксперимент проводился 6 раз с 10 группами испытуемых. В нем участвовало 6 групп зрителей, контингент которых составлялся преимущественно лицами, имеющими высшее образование, студентами и учащимися. С целью охвата зрителей-рабочих трижды эксперимент

проводили в упомянутом Доме культуры. В эксперименте приняли участие слушатели Высшей школы МВД СССР, имеющие стаж практической работы.

Всего в кинотеатре “Иллюзион” в эксперименте участвовали около 1700 человек (зал кинотеатра вмещает около 300 человек), каждый из которых получил вопросник. В результате опроса поступило 375 ответов. Таким образом, примерно каждый пятый принял участие в эксперименте. Из розданных в Доме культуры на двух сеансах 700 вопросников поступило 20, из которых 18 были заполнены учащимися средних школ и 2 ответа принадлежали рабочим.

Всего в эксперименте участвовало 475 человек. Последующее ознакомление с вопросниками позволило разделить всех участников по профессиям и роду занятий на 4 группы:

- студенты, учащиеся - 115 человек;
- инженерно-технические работники - 135 человек;
- научные и творческие работники - 145 человек;
- слушатели Высшей школы МВД СССР - 80 человек.

В первую группу входили студенты вузов, техникумов, учащиеся школ; во вторую - инженеры и техники; в третью - архитекторы, художники, журналисты, научные сотрудники и аспиранты; в четвертую - слушатели Высшей школы МВД СССР, в прошлом практические работники. Среди участвовавших в экспериментах было 270 мужчин и 205 женщин.

Зрителям был показан фрагмент из цветного еще не шедшего на экранах фильма. Он содержал эмоционально насыщенный сюжет криминального характера и вкратце сводился к следующему. Группа из пяти молодых людей (“хиппи”) сговаривается об угоне полицейского автомобиля, с тем чтобы отвлечь внимание шерифа и похитить девушку, которую он от них охраняет. Двое угоняют автомобиль, а остальные, воспользовавшись суматохой и отсутствием шерифа, бросившегося вдогонку за похитителями, пытаются увести девушку. Но их останавливает молодой человек, невольный свидетель разыгравшихся событий, побеждает их в драке, освобождает девушку и увозит ее на мотоцикле.

В связи с тем что эксперимент проводился перед сеансом и фрагмент демонстрировался непосредственно перед показом основной кинокартины, были приняты меры для исключения ретроактивного торможения, т. е. обратного воздействия последующих восприятия на предшествующие. Для этого предварительно установили дни, когда на экране демонстрировались спокойные, не содержащие эмоционально насыщенных ситуаций кинофильмы.

Фрагмент шел 6 минут. В процессе эксперимента проверили влияние инструкции на степень изменения мысленного образа, для чего испытуемых условно разделили на две группы, одна из которых просматривала фрагмент, не зная заранее об эксперименте, а вторую перед демонстрацией проинструктировали о сущности и значении эксперимента. Причем инструкция носила общий характер, чтобы не оказывать воздействия на восприятие информации.

Эксперимент для первой группы был проведен так. После того как кинозал заполнили зрители, в зале погас свет и на экране внезапно возникли кадры фрагмента. После его демонстрации зрителям разъяснили сущность и значение эксперимента и раздали заранее подготовленные конверты с вопросниками с просьбой заполнить их дома и отослать по адресу, указанному на конверте.

Второй группе испытуемых конверты с вопросниками дали до демонстрации фрагмента и одновременно разъяснили суть их участия в эксперименте.

В соответствии с событиями, составляющими содержание фрагмента, испытуемым были заданы следующие вопросы:

- 1) сколько человек договаривались об угоне автомашины и похищении девушки;
- 2) как они выглядели (опишите их внешность, одежду, особые приметы);
- 3) в каком месте договаривались участники преступления (опишите это место и обстановку);
- 4) сколько человек непосредственно участвовало в угоне автомашины;
- 5) как выглядел человек, севший за руль (опишите его внешность, одежду);
- 6) были ли на нем перчатки;
- 7) как выглядела похищенная машина;
- 8) сколько человек участвовало в похищении девушки (опишите их внешность, одежду, приметы);
- 9) опишите действия девушки в момент появления похитителей, а также место, где она находилась;
- 10) как выглядела девушка (опишите ее внешность, одежду);
- 11) кричала ли девушка, призывая на помощь;

- 12) было ли оружие у кого-нибудь из похитителей и угрожали ли они девушке;
- 13) ударил ли кто-нибудь из похитителей девушку;
- 14) при каких обстоятельствах девушке удалось бежать.
- 15) кто заступился за девушку (опишите их внешность, одежду);
- 16) сколько человек участвовало в Драке;
- 17) было ли в руках у кого-либо из участников драки какое-нибудь оружие;
- 18) была ли у кого-нибудь из участников драки дубинка;
- 19) был ли у кого-нибудь из дерущихся нож;
- 20) чем закончилась драка;
- 21) смогли бы Вы опознать участников драки, кого Вы запомнили лучше?

Особое внимание при составлении вопросника уделялось формированию наводящих вопросов, ответы на которые должны были выявить влияние внушений на деформацию мысленного образа у свидетелей.

Для проверки влияния формы наводящего вопроса анкеты содержали пять видов вопросов. Первый вид состоял из вопросов, задаваемых в объективной форме (например: Были ли перчатки на руках похитителя, севшего за руль? Кричала ли девушка, призывая на помощь? Была ли у кого-нибудь из участников драки дубинка?).

Второй вид вопросов был сформулирован в субъективной форме (Видели ли Вы на человеке, севшем за руль, перчатки? Вспомните, кричала ли девушка, призывая на помощь? Видели ли Вы, как один из похитителей ударил девушку? и т. д.).

Третий вид вопросов поставлен в негативной форме (Не было ли перчаток на похитителе, севшем за руль? Не кричала ли девушка, призывая на помощь? Не ударил ли кто-нибудь из похитителей девушку? и т. п.).

Четвертый вид вопросов имел уточняющий, наводящий характер в отношении несуществующих предметов, действий (Какого цвета были перчатки у человека, севшего за руль? Что кричала девушка, призывая на помощь? Кто из похитителей ударил девушку? Опишите дубинку, имевшуюся у одного из участников драки).

Все перечисленные формы вопросов представляют собой открытую подсказку, прямое внушение несуществующих предметов и действий. Однако на практике следователи (чаще всего невольно) задают наводящие вопросы в форме скрытой подсказки о предмете, лице, действии, реально существующих, известных допрашиваемому и им названных. В этом случае внушение вводится как второстепенный элемент и направлено на несуществующие второстепенные детали. Например, в пятом вопроснике были поставлены следующие наводящие вопросы: как выглядел севший за руль человек, на котором были перчатки (при условии, что испытуемый выше описал факт угона автомашины и назвал количество похитителей, но похититель, севший за руль, не имел перчаток); какого цвета были перчатки (этот контрольный вопрос позволил сделать вывод о том, принято ли внушение).

Таким образом, испытуемым для заполнения раздавались анкеты, разница между которыми состояла в различной форме наводящих вопросов. Из 21 вопроса в анкете таких вопросов было пять. Чтобы проверить влияние установки на запоминание, одну часть испытуемых инструктировали, а вторая - воспринимала информацию без уведомления. Для проверки влияния предмета вопроса на степень внушения испытуемым задавали вопросы о несуществующих деталях одежды, предметов, действий. Вопросы, кроме того, несли на себе различную смысловую нагрузку. Так, был задан вопрос о том, в каком месте похитители спрятали угнанную машину, хотя такого эпизода в фильме не имелось, а это действие служило логическим продолжением воспринятой ситуации.

Кроме указанных каждая анкета содержала вопросы, касающиеся данных о заполняющем (фамилия, возраст, образование, профессия, место работы, должность, увлечения и др.). Анализ ответов! показал, что наиболее полно и точно испытуемые описали действия участников событий, менее полно - признаки, характеризующие их количество, внешность, одежду, транспортные средства.

Если принять общее число суждений, высказанных всеми испытуемыми, за 100%, то можно легко подсчитать количество правильных и неправильных ответов и тем самым проследить тенденции восприятия различных видов информации. Так, 90% ответов мужчин и 94% ответов у женщин, характеризующих действия участников событий, оказались правильными. Описывая количество участников событий, мужчины в 84% ответов, а женщины в 79% сообщили правильные сведения. При характеристике внешности участников событий на киноэкране

правильных ответов мужчин и женщин оказалось соответственно 78,8% и 81,4%, одежды - 74% и 80,5%. Несколько хуже были результаты восприятия признаков транспортных средств. Правильные ответы у мужчин - 67,1%, у женщин - 72,3%. Эти данные касаются ответов лиц, воспринимавших информацию без предварительной инструкции. Нетрудно заметить, что наибольшее число ошибок испытуемые допускали при описании транспортных средств, а наименьшее - при описании действий участников событий.

Ответы испытуемых, проинструктированных перед просмотром фильма, оказались несколько полнее и достовернее. Правильных ответов оказалось: при характеристике действий у мужчин - 91,2%, у женщин - 92,2%; количества участников событий - 78%; признаков их внешности - 79,8 и 82,4%; одежды - 74,2 и 81,5%; признаков транспортных средств - 71,8 и 71,6%.

Анализ суждений испытуемых о воспринятой информации позволил выявить зависимость ее изменения от пола и профессии.

Исходя из ответов испытуемых, воспринимавших информацию без предварительной инструкции, можно сделать вывод, что женщины в целом сохраняют в памяти воспринятую ранее информацию несколько лучше мужчин (правильные ответы у женщин в среднем составили 80,2%, у мужчин - 77,6%).

Среди женщин наибольший процент правильных ответов в среднем по всем видам информации составил: у студенток и учащихся - 83%, инженерно-технических работников - 79,4%, научных и творческих работников - 77,9%. У мужчин наиболее правильные ответы характерны для научных и творческих работников - 81,4%, менее достоверны у инженерно-технических работников - 79,8%, у студентов, учащихся - 78%.

Для испытуемых второй группы, которые были предварительно проинструктированы о сущности и значении проводимых экспериментов, характерен более высокий процент правильных ответов. Так, правильные ответы у женщин составили 81%, у мужчин - 78,3%. Среди женщин инструктаж положительнее всего сказался на студентах и учащихся, правильные ответы у которых составили 94,7%, у инженерно-технических работников - 75,8%, у научных и творческих работников - 72,2%.

У мужчин предварительный инструктаж также вызвал некоторый рост достоверности суждений: у научных и творческих работников - 85%, инженерно-технических - 79,9%, студентов, учащихся - 79%. В процессе анализа ответов удалось проследить зависимость достоверности суждений от таких факторов, как профессия испытуемых и вид информации, ими воспринимаемой. Так, признаки внешности участников событий на киноэкране лучше других запомнили женщины - научно-технические работники (85,3% правильных ответов), они же дали большее число правильных ответов и при описании признаков одежды (81,4%). Студентки и учащиеся, характеризуя признаки внешности участников событий, правильно ответили в 77,2%, а одежды - 79,6%. При характеристике количества участников и признаков автомобиля студентки и учащиеся дали высшие показатели (85,2% и 83,8% правильных ответов).

У мужчин наиболее правильные ответы о признаках внешности, одежды участников событий и признаков автомобиля принадлежат научным, творческим и инженерно-техническим работникам.

Слушатели Высшей школы МВД СССР лучше других ответили на вопрос о количестве участников событий (правильные ответы у них составили 88,5%). Таковы данные об ответах испытуемых, не получивших предварительного инструктажа.

Достоверность ответов группы испытуемых, которые воспринимали информацию после инструктажа, оказалась несколько выше.

Были исследованы также степень достоверности восприятия испытуемыми цвета демонстрируемых на экране объектов. Наиболее полные и достоверные ответы касались цвета волос участников события и цвета их одежды. Наибольшее число ошибок было допущено при описании цвета транспортных средств.

Любопытные факты выявлены и при анализе суждений испытуемых о цвете в зависимости от предварительного инструктажа испытуемых.

Качество восприятия цвета в группе, участвовавшей в эксперименте без предварительного инструктажа, оказалось значительно выше, чем у группы, с которой инструктаж проводился. Так, если в первой группе правильных ответов было у мужчин 85,6%, у женщин - 84,9%, то во второй группе мужчины ответили правильно лишь в 78,8% случаев, а женщины - в 79,9%.

В процессе проведения экспериментов попытались проследить влияние времени на степень изменения в памяти очевидцев воспринятого материала. Для этого 74 испытуемым через три

недели после эксперимента предложили прислать повторные описания воспринятой информации в свободном изложении. Было получено 37 ответов с подробным описанием сюжета фрагмента, признаков внешности, одежды участников событий и т. п. Анализ ответов показал, что в течение трех недель информация сохранилась у испытуемых без заметных изменений. За исключением 6 незначительных, второстепенных ошибок, вновь присланные ответы дублировали предшествовавшие.

При анализе ответов испытуемых на наводящие вопросы установили, что в целом женщины поддаются внушению больше, чем мужчины. Среди женщин восприняли внушение 33,1%, среди мужчин - 26,9%. Удалось проследить также влияние профессии на степень внушения. Наиболее внушаемыми оказались студенты, учащиеся - 39,7%, наименее - научные и творческие работники - 22,6% и слушатели Высшей школы МВД-22,8%.

Исследование позволило установить пределы влияния различных форм наводящих вопросов на степень достоверности суждений испытуемых. Мы исходили из того, что каждый такой вопрос содержит в той или иной степени информацию о предмете и тем самым свидетелю подсказывается готовый ответ. Однако от формы наводящего вопроса зависит сила внушающего воздействия. Связано это прежде всего с тем, откуда испытуемый черпает необходимую информацию для ответа: из собственной памяти или из содержания вопроса.

Эксперименты наглядно подтвердили, что, чем больше свидетель при ответе на вопрос обращается к своей памяти, тем труднее он принимает предлагаемое внушение. Так, на вопрос, заданный в субъективной форме, поддались внушению - 20,7% испытуемых, в объективной - 23,2% и в негативной - 26,2%. Данные формы вопросов объединены одинаковым примерно объемом внушения, а отличаются в основном по форме их постановки.

Кроме того, для указанных форм вопросов характерно, что сами они направлены непосредственно на предмет внушения. В отличие от них вопросы в форме уточняющей и непрямой подсказки направлены не на предмет внушения, а подчас на его второстепенные признаки. Эта особенность формы вопросов прямо связана с силой внушающего воздействия. И не удивительно, что при ответах на уточняющий вопрос внушению поддались 40,2% испытуемых, а на непрямую подсказку - 55,4%. Важно помнить также, что вопросы в форме непрямой подсказки несут большее внушение, чем уточняющие, так как в форме подсказки вопрос направлен на предмет или действие, о которых свидетель уже высказал суждение. Внушение здесь направляется не на главный предмет, а на второстепенные его элементы или признаки.

При анализе влияния предмета внушения на степень деформации показаний удалось установить следующие закономерности. Наводящие вопросы здесь были направлены на несуществующие детали, признаки одежды, предметов, действий. Более всего испытуемые поддались внушению при ответе на вопрос о несуществующем действии (49,8% ответов лиц, воспринявших внушение), о несуществующих деталях одежды (42,4%).

Большой процент деформации показаний объясняется, видимо, тем, что вопросы эти не меняют ни основной сюжетной линии эпизода, ни облика участников событий. Признание несуществующих признаков испытуемыми связано и с тем, что они логически вписываются в происходящую ситуацию, несколько не затрагивая главной ее нити. Другое дело - вопросы о признаках и действиях, положительные ответы на которые существенно и резко меняют содержание сюжета (например, вопрос:

Ударил ли кто-нибудь из похитителей девушку? - при условии, что ее никто не трогал). Таким образом, если первая группа вопросов направлена на криминально-безразличные действия, то вторая связана с нарушением главной сюжетной линии, что в большинстве случаев и замечают испытуемые. Последняя форма вопросов меньше всего способствовала восприятию внушения. Так, при ответах на вопрос о несуществующих основных действиях внушение было воспринято всего в 7,4% ответов, а при ответе на вопрос о месте, куда якобы похитители спрятали похищенный автомобиль (такого эпизода фильм не содержал), - в 31% ответов.

Влияние установки на запоминание и формирование показаний и возможности при этом внушений проверили путем инструктирования некоторых испытуемых перед восприятием ими информации. Результаты показали, что при преднамеренном запоминании степень внушения понижается. В группе, где проводился инструктаж, ответы лиц, поддававшихся внушению, составляли 21,9%, а ответы лиц, воспринимавших информацию произвольно, - 29,5%.

Эксперимент можно рассматривать лишь как небольшое звено в цепи исследований, направленных на выявление особенностей восприятия, формирования и деформации мысленного

образа, хранящегося в памяти очевидца. Однако определенные выводы можно было сделать и на его основе. Можно, например, утверждать, что при восприятии сложной, многоэпизодной ситуации полнев и лучше всего запоминаются действия участников событий, затем их количество, признаки внешности, одежда. Хуже запоминаются окружающие объекты, предметы, которыми они пользовались. Так, только незначительная часть испытуемых сумела правильно описать стилет, которым один из бандитов угрожал девушке при ее похищении, хотя предмет этот был показан крупным планом. Знание этой закономерности запоминания информации может сыграть положительную роль при подготовке и проведении допросов очевидцев.

Женщины по сравнению с мужчинами воспринимают и передают информацию полнее и достовернее, однако они больше поддаются внушению. Это нужно, учитывать при работе с очевидцами-женщинами.

Известно, какую опасность при допросах свидетелей представляют наводящие вопросы. Поэтому особое внимание хотелось бы обратить на их недопустимость

Следователи должны самое серьезное внимание обращать на форму вопросов, особенно при допросе женщин, так как они больше мужчин подвержены внушающему воздействию.

Повышенная внушаемость студентов, учащихся также ставит задачу четкой и осторожной работы с ними.

В процессе подготовки к допросу полезно не только изучить личность допрашиваемого, но и заранее продумать и сформулировать наиболее важные для следователя вопросы.

Указанный эксперимент имел уникальное продолжение. Было решено проследить влияние времени на степень деформации сведений, хранящихся в памяти у очевидцев.

Первый этап предполагал контрольную проверку через три-четыре недели после проведения эксперимента. 74 его участникам было предложено прислать в институт повторные описания воспринятой информации. 37 из них ответили с подробным описанием сюжета, признаков внешности, одежды участников и т. п. За исключением шести незначительных ошибок, касающихся второстепенных признаков, вновь присланные ответы дублировали предшествовавшие.

Через пять лет, в 1977 году, 100 участникам вышеописанного эксперимента также были вновь разосланы вопросники. Из них 60 человек прислали свои ответы. Характерно, что сравнение ответов показало, что те, кто наиболее полно в прошлом воспринял информацию, и по прошествии значительного времени сохранили относительно точные воспоминания по основным параметрам (количество участников, транспортное средство, характер действий и т. п.).

В 1978 г., спустя еще год с небольшим, был проведен устный опрос 25 участников эксперимента с предъявлением для опознания (с соблюдением соответствующего порядка) фотографий действующих лиц среди других сходных фотоизображений. Результаты проведенного эксперимента позволили выявить дополнительные данные и подтвердить ранее выявленные закономерности формирования и сохранения в памяти доказательной информации. В частности, было вновь установлено, что запоминание и забывание являются процессами сугубо избирательного характера. Так, та часть информации, которая согласовалась с интересами личности, имела отношение к профессиональной деятельности и была во время первого восприятия для субъекта эмоционально значимой, - сохранилась достаточно устойчиво и через многие годы. В частности, лица, связанные профессионально или любительски с транспортом, хорошо сохранили в памяти марку, цвет автомобиля. У женщин точнее сохранились в памяти предметы одежды участников события. В то же время длительный период позволил выявить такую закономерность, как наслоение на ранее воспринятую информацию новых впечатлений, не связанных с описанными событиями, но воспринимаемых по прошествии времени у отдельных участников как нечто связанное с ними.

Эксперимент показал, что женщины, как и вначале, точнее мужчин запомнили информацию.

Таким образом была подтверждена целесообразность, при возможности, получения свидетельских показаний, несмотря на длительность времени, прошедшего после самих событий.

2. Психология предъявления для опознания

Предъявление для опознания - следственное действие, состоящее в предъявлении различных лиц и материальных объектов для их идентификации (установления тождества). Опознание - процесс и результат отнесения предъявленного объекта к ранее сформированному психическому

образу. Образ текущего восприятия сравнивается с образом, хранящимся в памяти. Объектами опознания могут быть люди (они опознаются по признакам внешности, функциональным признакам, особенностям голоса и речи), трупы и части трупов, животные, различные предметы, документы, помещения, участки местности. Для опознания предъявляются натуральные объекты или их изображения с целью установления их индивидуального, а иногда и группового тождества.

Субъектами опознания могут быть свидетели, потерпевшие, подозреваемые и обвиняемые. Опознание не проводится, если у опознающего имеются психические или физиологические недостатки или у опознаваемого объекта отсутствуют опознавательные признаки. В качестве понятых не могут быть приглашены лица, знакомые с опознаваемыми.

До начала опознания опознающий допрашивается об обстоятельствах, в которых он наблюдал соответствующее лицо или предмет, о признаках и особенностях, по которым он может опознать данный объект. После свободного рассказа опознающему задаются уточняющие вопросы. При подготовке к опознанию людей опознающему задаются вопросы по системе “словесного портрета”: пол, рост, телосложение, особенности строения головы, волосы (густота, длина, волнистость, цвет, стрижка), лицо (узкое, широкое, средней ширины, овальное, круглое, прямоугольное, квадратное, треугольное, прямое, выпуклое, вогнутое, худое, полное, средней полноты, цвет кожи, лоб, брови, глаза, нос, рот, губы, подбородок, особые приметы) и др. Выясняются функциональные признаки опознания: осанка, походка, жестикация, особенности речи и голоса. Определяются манеры поведения. Описываются одежда (от головного убора до обуви), предметы, которыми постоянно пользуется опознаваемый (очки, трость, трубка и т. п.).

При допросе, предвещающем опознание, необходимо также выяснить место, время и условия наблюдения опознаваемого объекта опознаваемым лицом, кто еще мог видеть опознаваемое лицо. Выясняется психическое состояние опознающего во время наблюдения за объектом, его заинтересованность в исходе дела.

Опознание может быть **симультаным** - мгновенным, одномоментным и **сукцессивным** - поэтапным, развернутым во времени оно может быть перцептивным (узнавание) и концептуальным (отнесение объекта к определенному классу объектов).

Опознание объектов - сложный комплекс психической деятельности человека. Опознание связано со способностью человека выделять в различных объектах их устойчивые особенности - признаки. (В криминалистике эти устойчивые свойства объектов называются идентификационными признаками.) Яркая наглядная выраженность отличительного признака конкретного объекта называется приметой. Примета выступает в качестве устойчивого индивидуально опознавательного сигнала. Если же объект не имеет примет, он опознается по совокупности других устойчивых признаков.

Признаки - информационные сигналы, посредством которых люди ориентируются в сложной предметной среде, отличают один объект от другого. Идентификация - установление наличия тождества или его отсутствия в сравниваемых объектах - основной механизм криминалистического опознания. Различается идентификация по психической модели (узнавание), по материально зафиксированным отображениям следов объекта и идентификация целого по частям.

Идентифицируется все, что обладает дискретностью (целостной совокупностью признаков). Различаются общие и частные идентификационные признаки. Общие признаки характеризуют категориальную определенность объекта, его родовую принадлежность. Частные признаки характеризуют индивидуально-отличительные особенности объекта. По ним можно узнать, определить и описать конкретный объект. Каждый реальный объект обладает устойчивой совокупностью признаков. Однако признаки могут быть существенными и несущественными, собственными и случайными. Существенный признак - признак, который принадлежит предмету при всех условиях, без которого предмет не может существовать, который отличает конкретный предмет от всех других предметов. Собственный признак - признак, присущий предмету, но не являющийся существенным.

Индивидуальный процесс опознания зависит от сформированности перцептивных эталонов, от того, какие опознавательные ориентиры использует данный субъект, насколько структурно организована его перцептивная деятельность. От общей направленности личности, ее психического развития зависит то, какие опознавательные признаки объекта она принимает в качестве существенных, устойчивых. Сличение сопоставляемых образов требует развитости аналитических качеств. Процесс опознания зависит от прочности хранящегося в памяти

эталонного образа, от условий его актуализации. Чем менее психически, интеллектуально развита личность, чем ниже ее общекультурный уровень, тем больше вероятность ложного, ошибочного опознания, тем выше вероятность опознания по несущественным, второстепенным признакам.

При формировании эталонного образа различные его признаки могут вступить в определенные сочетания. При восприятии же опознаваемого объекта эти признаки могут выступить в ином сочетании, что может затруднить процесс опознания?.

Для опознания конкретного лица существенное значение имеют условия его первоначального восприятия, психическое состояние наблюдателя, избирательная направленность и обстановка восприятия. Воспринимая человека, люди выделяют прежде всего те его качества, особенности, которые наиболее значимы в данной ситуации или которые контрастируют с окружающей обстановкой, не соответствуют социальным ожиданиям. Восприятие человека человеком зависит от статусной оценки, различных “ореолов”, шаблонных интерпретаций. В оценках и описаниях других людей индивиды исходят из “Я-образа”, произвольно соотносят их с собственными качествами. Низкорослые люди переоценивают рост высоких, высокие - преуменьшают рост низкорослых. Худощавые преувеличивают полноту телосложения людей средней упитанности, а толстяки считают последних худощавыми. На оценку физических качеств индивида влияют фон восприятия, качества взаимодействующих с ним людей. Впечатление о фигуре человека в значительной мере зависит от покрова одежды. Показания о цвете различных предметов часто бывают ошибочными. Большие расхождения возможны в определении возраста человека (особенно лиц среднего и старшего возраста).

Описание признаков опознаваемого на предваряющем допросе - сложный и трудоемкий процесс, требующий методической помощи. Кроме формулировок “словесного портрета, могут быть использованы различные средства наглядности (рисунки, фотоснимки, диапозитивы, система “Айденти-Кит” - составление портрета путем выбора различных форм частей лица).

Наиболее информативными признаками облика человека являются особенности его лица. Описывая человека, люди чаще всего называют форму лица, цвет глаз, форму и величину носа, лба, конфигурацию бровей, губ, подбородка. Наиболее значительными и преимущественно запоминающимися являются следующие признаки физического облика человека: рост, цвет волос и глаз, форма и величина носа, конфигурация губ. Совокупность этих признаков составляет опорную базу опознания человека по внешности. Нередко фиксируются элементы внешнего оформления - одежда, прическа, украшения. Лучше запоминаются такие особенности внешнего облика индивида, которые выступают как отклонение от нормы.

Облик человека воспринимается комплексно - в единый образ сливаются его рост, фигура, осанка, черты лица, голос, речь, мимика и жестикуляция. Мимика и жестикуляция как показатели психического состояния человека всегда служат объектом внимания. Индивидуально выразительна походка человека - сложный двигательный (локомоционный) навык человека, отличающийся стереотипными компонентами:

длина шага, ритм, пластичность, скорость и другие особенности. Походка может указывать на принадлежность человека к определенной социальной группе (походка солдата, моряка, танцовщика, старого человека). Составной элемент походки - осанка человека во время движения - соотношение положения корпуса и головы, звуковые эффекты шагов.

Опознаваемый субъект предъявляется в числе не менее трех человек, по возможности сходных по внешним признакам. Предъявляемые для опознания лица не должны существенно отличаться по возрасту, росту, телосложению, форме отдельных частей лица, цвету волос и прическе. Все предъявляемые наряду с опознаваемым лица должны быть ознакомлены с правилами порядка опознания. (Если опознающий является малолетним, опознание лучше провести в привычной для него обстановке. Если опознающему не исполнилось 14 лет, то при его подготовке к опознанию присутствует педагог или психолог.)

При предъявлении лица для опознания по признакам внешности опознаваемому предлагается занять любое место в группе предъявляемых лиц. Опознаваемый занимает выбранное им место в отсутствие опознающего. Приглашенному опознающему после установления его личности разъясняются его права и обязанности. Затем опознающему задаются следующие вопросы: “Опознаете ли Вы кого-нибудь из предъявленных Вам граждан? Если опознаете, то укажите на это лицо рукой и объясните, по каким признакам Вы его опознали, когда и при каких обстоятельствах ранее его видели?” (Следует иметь в виду, что в положении стоя и в движении проявляется большее количество опознавательных признаков.) При положительном ответе опознающего следователь выясняет признаки, по которым было проведено опознание. При

отрицательном - выясняется, вызван ли ответ плохим запоминанием признаков опознаваемого, т. е. трудностями опознания, либо опознающий твердо уверен, что опознаваемого нет среди предъявленных лиц.

Опознание личности может проводиться и по *устной речи* - голосовым и индивидуально речевым особенностям (акценту, диалекту, фонетическим и словарным особенностям). Опознающий подробно допрашивается об обстоятельствах, при которых он слышал речь опознаваемого, о речевых особенностях, по которым предполагается его опознание. В соседней из двух смежных комнат следователь при открытых дверях, но находясь вне зоны видимости для опознающего, поочередно беседует с предъявляемыми для опознания лицами и дает им для чтения вслух заранее подготовленный текст, содержащий те слова, по которым может быть осуществлено опознание. После этого следователь предлагает опознающему сообщить, каким по счету в порядке очередности отвечал человек, которого он опознал, и если да, то по каким речевым признакам. Весь ход опознания по устной речи фиксируется с использованием звукозаписи.

При невозможности предъявления лица к опознанию его опознание может быть проведено по фотокарточке, которая предъявляется одновременно с фотокарточками других лиц в количестве не менее трех. При этом соблюдаются все вышерассмотренные требования.

Результаты предъявления для опознания подвергаются следователем проверке и оценке - они могут оказаться ошибочными из-за умышленно ложного опознания или в силу добросовестного заблуждения. В случае возникновения у следователя обоснованных сомнений в способности опознающего правильно воспринимать и воспроизводить воспринятое назначается судебно-психологическая экспертиза.

Опознание предметов также связано с психическими особенностями восприятия и запоминания их отличительных признаков. Мир вещей необозримо многообразен. В практике судопроизводства к опознанию предъявляются чаще всего предметы бытового обихода, орудия и инструменты трудовой деятельности, объекты непосредственного окружения человека.

Наиболее общим групповым признаком предметов являются их форма, контур. Существует пространственный порог различения формы - минимальное расстояние, с которого данный объект может быть опознан, а также порог глубинного восприятия, ограничивающий пространственные пределы распознавания рельефа, объема предмета. Оценки размеров предметов субъективны - зависят от глазомера индивида, его оценочных особенностей. Восприятие объектов в различных условиях может сопровождаться многообразными иллюзиями - ложными суждениями о подлинных свойствах объектов. Так, эффект иррадиации приводит к преувеличению размеров светлых и хорошо освещенных объектов. Все части большей фигуры кажутся крупнее, чем такие же части меньшей фигуры, верхняя часть фигуры переоценивается при определении ее размеров. Предметно заполненное пространство видится более протяженным. Очертания одних фигур воспринимаются неадекватно под влиянием фоновых очертаний. Целостность восприятия происходит даже при отсутствии отдельных частей объекта. Восприятие совокупности объектов (обстановки) зависит от позиции наблюдателя - размеры близко расположенных объектов переоцениваются.

Восприятие местности. Местность воспринимается человеком как часть пространства, ограниченная определенными предметами. При изменении точки зрения опознание местности может быть затруднено. Идя по незнакомой местности, человек формирует психический образ своего маршрута (маршрут-карту), а наблюдая местность с неподвижной точки, - план-схему, выделяет опорные ориентиры будущего ее распознавания. Ориентация в малознакомой местности осуществляется по наиболее заметным, броским ориентирам, по их соотношению. Внешняя граница воспринимаемого пространства на открытой местности ограничивается пороговым расстоянием пространственного различения предметов:

Все воспринимаемые объекты "привязываются" к точке наблюдения. Субъективно оцениваются их удаленность и взаиморасположение, создается субъективная система отсчета, используются топографические представления. (Пространственная ориентация детей и подростков может быть неадекватной.) Знание особенностей восприятия местности, пространства необходимо для квалифицированного проведения допроса, предваряющего опознание местности, а также для квалифицированной проверки показаний на месте.

Сложная психическая деятельность - словесное описание опознающим признаков объекта, который должен быть опознан, процесс опознания и принятия окончательного решения. Трудность описания не должна интерпретироваться как невозможность опознания. Узнавание -

генетически более ранняя форма психической активности, чем воспроизведение, воспоминание. Воспринимая повторно объект опознания, индивид может вспомнить дополнительные его опознавательные признаки. Достоверность опознания не может быть поставлена под сомнение в связи с неполнотой предварительного описания объекта опознания. Индивидуальность объекта в некоторых случаях может определяться даже не по его отдельным признакам, а по комплексу признаков. Совокупность содержимого дамской сумочки может служить основанием для ее опознания.

В практике судопроизводства возможно ложное и ошибочное опознание и неопознание. Неопознание может быть связано с тем, что при первичном восприятии объекта не были вычленены его опознавательные признаки, а также с забыванием этих признаков в напряженной обстановке судебного опознания. При судебном опознании необходимо учитывать возможность преднамеренной маскировки заинтересованным лицом своих опознавательных признаков. Изобличению этой уловки содействует внимательный анализ тактики его поведения.

Ошибочное опознание в отличие от преднамеренно ложного может быть следствием различных воздействий на лицо, легко поддающееся внушению.

3. Психология осмотра места происшествия

Осмотр места происшествия - это обнаружение и непосредственное исследование материальных объектов, их признаков и взаимосвязей, имеющих существенное значение для расследования происшествия и находящихся в пространстве, в котором оно произошло или обнаружены его следы.

Осмотр места происшествия является следственным действием, основанным на чувственной сфере познания и направленным на отражение пространственно-предметного единства воспринимаемой обстановки, временной последовательности событий и на выявление их причинно-следственных связей.

Одним из главных психологических аспектов осмотра места происшествия является психология познавательной деятельности следователя при осуществлении данного следственного действия. Эффективность этой деятельности определяется, кроме профессиональных, соответствующими психологическими качествами следователя - особенностями его восприятия, мышления и воображения. Можно выделить и ряд других психологических аспектов - психологию подготовки следователя к проведению данного следственного действия; психологию отношений между участниками осмотра места происшествия; отдельные психические особенности преступников и их преступного поведения, проявляющиеся в материальных следах преступления; психические особенности потерпевшего и очевидцев. Эти аспекты остаются пока еще мало исследованными.

Уже при подготовке к выезду на место происшествия возникает необходимость психологического настроя следователя к предстоящей деятельности. В зависимости от характера происшествия он моделирует общую схему своих предстоящих действий, формирует установку на преодоление возможных препятствий.

Зная сильные и слабые стороны своей психики, индивидуальные особенности своего типа высшей нервной деятельности, тип своего восприятия (аналитический или синтетический), следователь при подборе участников осмотра места происшествия обращает внимание на соответствующие их индивидуально-психологические качества с тем, чтобы усилить эффективность этого следственного действия.

Существенна также психологическая совместимость участников осмотра места происшествия

Обладая властными полномочиями, следователь не должен упускать из виду и психологические аспекты межличностных отношений. Его твердое, но доброжелательное и деловое общение с участниками осмотра - существенная предпосылка успешности проведения осмотра места происшествия, в котором участвует группа лиц.

Предвосхищая обстановку места происшествия, следователь заранее определяет тех специалистов, к знаниям которых он будет вынужден прибегнуть.

Тщательная предварительная психологическая, организационная и техническая подготовка - важнейшее условие успешности осмотра места происшествия.

Термин "осмотр" в контексте УПК РСФСР не только означает визуальное восприятие обстановки места происшествия, а предполагает мобилизацию следователем всей его сенсорной

системы - комплекса зрительной, слуховой, тактильной, кинестезической и обонятельной чувствительности. Зная психофизиологические закономерности чувствительности анализаторов, следователь может создать наиболее благоприятные условия для осмотра места происшествия. В частности, его сенсорная система должна быть адаптирована к условиям восприятия обстановки места происшествия.

Трудноразличимые свойства объектов следователь должен воспринимать в условиях усиления контрастности. Знание того, где и какие свойства объектов можно обнаружить, значительно сенсбилизирует чувствительность отдельных анализаторов. При этом следователь широко использует всевозможные технические средства, расширяющие границы его чувственного познания.

Чувственно-предметное отражение действительности, как известно из общей психологии, подчинено ряду общих психических закономерностей - избирательности, осмысленности, целостности, структурности, апперцептивности и константности. Существенное значение имеет и специфика отражаемых объектов. Таким специфичным комплексным объектом восприятия является, в частности, место происшествия,

При осмотре места происшествия общие закономерности восприятия приобретают соответствующую модификацию. Так, *избирательность восприятия* проявляется как направленность внимания следователя на объекты и их признаки, имеющие важное значение для раскрытия преступления.

Осмысленность восприятия выступает здесь как отнесение следователем отдельных объектов и их признаков к категории вещественных доказательств.

Целостность - как видение объектов и обстановки в целом при наличии лишь отдельных их частей, проявлений.

Структурность - как видение взаимосвязей отдельных признаков преступления.

Апперцепция - как восприятие обстановки места происшествия в свете знаний и профессионального опыта следователя

Константность - как неизменность существенных для следователя признаков объектов вне зависимости от условий их восприятия.

Само место происшествия выступает для следователя как информационно-содержательный комплекс (овеществленный источник информации о механизме события преступления, о личности преступника и потерпевшего, о динамике их взаимодействия и мотивах их поведения)

Неизбежная активизация первосигнальной деятельности при осмотре места происшествия может вызвать индуктивное торможение второсигнальной деятельности.

Нередко первые впечатления ассоциативно вызывают общераспространенные предположения и играют "импритинговую" роль. При недостаточной гибкости интеллекта следователя это может увести расследование в сторону от действительного хода событий.

В психологическом отношении осмотр места происшествия является особым эмпирическим методом исследования - включенным наблюдением. Особенности этого метода состоят в том, что исследователь преднамеренно активно взаимодействует с исследуемыми объектами на основе исходных знаний, конкретных предположений. Исследование ведется целенаправленно и планомерно на базе определенных методических приемов. Ведущей мыслительной операцией здесь является ***сравнение***. При этом устанавливаются специфические изменения в объектах и выявляется смысл этих изменений на основе теоретического мышления. Результаты исследования строго контролируются и фиксируются.

Результативность включенного наблюдения определяется четкой постановкой задачи исследования, обоснованностью выдвигаемых предположений. При этом возможны и искажения результатов включенного наблюдения; они в значительной мере связаны с привычными, стереотипными суждениями, с тенденциозной направленностью исследователя. Первоначально возникшие установки могут породить тенденциозность в интерпретации воспринимаемых явлений.

Объективность включенного наблюдения обеспечивается:

- вариативностью предположений;
- отказом от преждевременных обобщений и выводов;
- многократностью наблюдения с измененных позиций;
- контролем с помощью других методов исследования (например, эксперимента).

Активность включенного наблюдения заключается как в общей поисково-исследовательской направленности, так и в осуществлении всевозможных проверочных действий.

Исследование проводится *системно* - отдельные объекты объединяются в системы, комплексы, обусловленные сущностью изучаемых явлений, с соблюдением такого порядка наблюдения, чтобы ни один существенный для исследования объект не остался вне поля внимания.

При осмотре места происшествия “снимается” информация не только непосредственно отражаемая, но и та, которая свидетельствует о внутренних связях между чувственно полученными данными и внутренними взаимосвязями объектов.

Выявление в процессе осмотра скрытой информации посредством чувственно воспринимаемой информации составляет познавательную сущность следственного наблюдения.

При этом оценивается значение одного факта в системе других фактов, новое сопоставляется с известным. Так, анализируя способ взлома, возможность применения при этом определенного орудия, следователь сопоставляет эти факты с известными ему лицами, совершающими преступления аналогичными способами.

Использование криминалистической техники значительно расширяет границы наблюдаемого и повышает точность наблюдения.

Однако гносеологическая и психологическая сущность наблюдения как ведущей формы познавательной деятельности в процессе осмотра места происшествия остается при этом неизменной. Осмотр места происшествия должен быть точным, полным, объективным и строго целенаправленным. Точность наблюдения не допускает смещения порядка последовательности отдельных элементов наблюдаемого целостного явления и предполагает четкое выявление исследуемых признаков.

Точность наблюдения связана с таким интеллектуальным качеством наблюдателя, как критичность мышления.

На основе наблюдений следователь делает предварительные вероятностные заключения. Так, осматривая помещение, из которого были похищены вещи, следователь обратил внимание на несколько грязно-масляных следов скольжения на ятене около того места, где стояла похищенная вещь. Он предположил, что следы могли образоваться от прикосновения грязной, испачканной маслом или смазкой одежды. И для дальнейшего хода расследования существенным стало не само по себе наличие пятен, а это гипотетическое заключение следователя.

Как нельзя допустить смещения структурных элементов наблюдаемого явления, так нельзя допустить и смещения выводов по отношению к их фактической базе, ибо *неверное* мышление неизбежно и произвольно фабрикует *неверные* факты, следовательно, производит искажение и ложь.

При осмотре места происшествия следователь проявляет важнейшее профессиональное качество - криминалистическую наблюдательность, способность обнаруживать и юридически оценивать малозаметные обстоятельства и признаки объектов в качестве вещественных доказательств. Для раскрытия преступления существенными могут оказаться на первый взгляд малозначительные предметы - проездные билеты городского и железнодорожного транспорта, окурки, следы зубов, рук и ног, остатки пищи, следы губной помады, волокна тканей, остатки грунта, пыли, обрывки бумаги, отломанные части предметов, расположение предметов, исчезновение вещей определенного рода и другие признаки.

Следователь критически рассматривает объекты и их признаки с различных точек зрения, постоянно решая вопросы: “Что это значит?”, “Почему и в связи с чем это произошло?” Во многих случаях следователь отвечает на вопрос: “Могло ли это произойти?”

Муж убитой женщины утверждал, что он во время убийства ходил в аптеку за лекарствами для больной жены. Однако при осмотре места происшествия следователь обратил внимание на то, что упаковка этих лекарств забрызгана каплями крови. Возникла соответствующая версия.

Особенно существенно в ходе осмотра места происшествия соотношение, сопоставление группы обстоятельств. Так, при осмотре квартиры, в которой был обнаружен труп Ковалевой, следователь обратил внимание на нетронутость ценных вещей и на исчезновение некоторых носильных вещей и одной наволочки, а также на то, что преступник использовал несколько орудий - нож, мясорубку, пестик ступки.

Сопоставление этих обстоятельств, а также наличие следов крови в разных местах комнаты привели следователя к обоснованному предположению - убийцей была женщина, которая, испачкав свою одежду в борьбе с жертвой, переделалась затем в ее вещи и унесла свои в снятой с

подушки наволочке, а при убийстве в состоянии аффекта использовала все, что попадалось под руку.

Чем больше множество устанавливаемых фактов, тем уже область, в которой эти множества пересекаются.

При мысленном объединении отдельных признаков объектов места происшествия возникает новое образование - **сложный комплексный признак вероятного преступника**.

Информация о личности преступника может быть получена в процессе анализа обстановки места происшествия.

Отдельные физические и личностные особенности преступника характеризуются: следами его действий и орудиями преступления; совокупностью объектов, вовлеченных в сферу события преступления;

предметами, принадлежащими преступнику.

Эта "личностная" информация в одних случаях может быть достоверной, в других - вероятностной. Так, проникновение преступника в помещение через небольшое отверстие в стене или потолке, через форточку или узкий створ окна свидетельствует о наиболее вероятном совершении кражи подростком.

Исчезновение мужских или женских вещей свидетельствует о поле преступника. О поле преступника, как правило, можно судить и по характеру преступления: грабежи, разбои, изнасилования совершаются лицами мужского пола; убийства новорожденных детей - в большинстве случаев женщинами.

Оставленные на месте происшествия шпильки, заколки, следы губной помады свидетельствуют о том, что в группе преступников была женщина, а портсигар, трубка или мундштук скорее всего принадлежат мужчине

Взлом сейфа может быть осуществлен физически сильным мужчиной, обладающим определенными техническими навыками.

Нередко преступник использует предметы своей профессиональной деятельности.

Характер совершенного преступления, похищенные вещи свидетельствуют о возрастных особенностях направленности интересов преступника. Взрослые воры похищают наиболее ценные вещи, подростки - вещи, наиболее для них привлекательные. Действия подростков нередко сопровождаются проявлением озорства, нецелеустремленности, нетранзитивности

Информацией о мотивах преступления являются данные об исчезновении ценностей, следы взлома хранилищ, вывернутые карманы и т. п. Поза и состояние белья потерпевшей могут свидетельствовать о сопряженности убийства с изнасилованием. Обнаружение трупа при отсутствии признаков ограбления позволяет предположить убийство из хулиганства побуждений или в драке. При этом следователь учитывает и возможные инсценировки мотивов преступлений. (Так, убийство из мести может инсценироваться как убийство с целью ограбления. Известен также случай, когда преступница убила жертву из корыстных побуждений, а создала обстановку, характерную для изнасилования.)

Заранее подготовленное орудие убийства, как правило, свидетельствует о преднамеренном убийстве.

Итак, как неотложное и первоначальное следственное действие осмотр места происшествия является активным познавательно-поисковым процессом, в ходе которого формируется информационная база расследования. При этом **обнаруживаются и исследуются отдельные состояния, свойства и признаки материальных объектов и их взаимосвязи** с целью установления механизма происшедшего события, получения информации о личности преступника, мотивах совершенного деяния и всех иных обстоятельствах, подлежащих установлению при расследовании преступлений.

Несмотря на кажущуюся первичность и доминантность чувственной стороны познания при осуществлении данного следственного действия, решающую роль в его успешности играют рациональные, концептуальные механизмы познавательно-поисковой деятельности следователя.

Результатом осмотра места происшествия является целостный образ вещественного доказательства и взаимосвязь отдельных доказательств, отражающих сущность расследуемого происшествия.

Пространственная локализация объектов является важнейшим показателем их взаимодействия, а следовательно, и показателем действий тех лиц, которые использовали эти объекты. Так, следы ног в квартире могут свидетельствовать о пребывании лица в жилище, а следы ног на стуле - о других его действиях. Частицы краски от мотоцикла пострадавшего на

асфальте имеют одно значение, а те же частицы на крыле автомобиля подозреваемого лица становятся уликой.

Не менее существенно и установление временных взаимосвязей событий.

Все получаемые следователем чувственные данные структурно организуются, подчиняясь задаче классифицировать объект как вещественное доказательство. При этом избирательно выделяются признаки объекта, существенные для расследования. Для этого необходима ориентировочная основа действий, исходные ориентиры, на основе которых следователь организует визуальное восприятие обстановки места происшествия.

Во многих случаях к участию в следственном осмотре необходимо привлечение соответствующих специалистов. Однако не специалисты, а следователь должен оценить объект как вещественное доказательство. Задача специалиста - помочь следователю сформировать адекватный образ воспринимаемого объекта и его функциональное назначение. Так, в обнаруженной на месте происшествия связке ключей следователь может опознать и различить замковые и автомобильные ключи, но опознать среди них ключ, получаемый таксистом для включения служебного телефона, может скорее всего только специалист.

Существенным психологическим аспектом осмотра места происшествия является **распределенность, сосредоточенность и переключаемость внимания следователя**. Распределенность внимания особенно существенна на обзорной стадии осмотра. Следователь должен воспринять целостность обстановки места происшествия. При этом необходимо выделить наиболее значимые группы объектов, определить объекты, требующие максимального сосредоточения внимания.

Осмотр места происшествия связан с предельной распределенностью внимания, с перегрузкой оперативной памяти и в конечном итоге - с психологической напряженностью, которая может отрицательно повлиять на результативность следственного поиска. Поэтому четкое определение **исходных позиций**, выдвижение четких вероятностных предположений, ограничение поля деятельности, строгая последовательность действий - важнейшее условие организации деятельности следователя при осмотре места происшествия.

Познавательная деятельность следователя при осмотре места происшествия осуществляется в единстве его перцептивных и интеллектуальных процессов - во взаимосвязи его наблюдательной деятельности, наглядно-образного и гипотетического мышления, реконструктивной деятельности воображения и селективной готовности памяти для оперативных суждений.

Мышление, связанное с конкретными наглядно-образными ситуациями и с изменениями в них, является, как известно, наглядно-образным. При этом анализируются многочисленные чувственно полученные характеристики объекта с целью выявления соответствующих их взаимосвязей. Здесь мышление смыкается с воображением, рекомбинациями объектов. Отдельные признаки объектов, интерпретируемые как существенные, объединяются в едином целенаправленном познавательном поиске.

Интеллектуальная деятельность следователя при осмотре места происшествия сводится к выявлению:

- относимости,
- допустимости;
- достоверности;
- достаточности доказательств.

Оценка доказательств - это умственный процесс, логическая деятельность, акт мысли, процесс порождения знания из незнания, превращение неполного, неточного знания в более полное, более точное. Право следователя оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению означает неограниченность его какими-либо предписаниями. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Так, оценка относимости доказательств является познавательным актом определения их связанности с исследуемым событием. Здесь определенную роль играют "естественные презумпции" - правила обычного порядка вещей, наиболее вероятностные связи между явлениями.

Оценивая достоверность доказательств, следователь учитывает характер и условия обнаружения материального носителя информации. В конечном итоге достоверность доказательств оценивается установлением взаимосвязей между отдельными доказательствами.

Базируясь на исходных фактических данных, следователь при осмотре места происшествия формирует в своем сознании вероятностную динамическую модель происшествия. При этом

первоначально им допускается многозначность отдельных фактов. Однако эта многозначность небеспридельна.

Отправными исходными обстоятельствами, направляющими весь ход осмотра места происшествия, являются те, которые могут быть однозначно и достоверно интерпретированы следователем. Эти обстоятельства имеют решающее значение в формировании частных и общих версий.

Версия - это не любые предположения и догадки следователя. При осмотре места происшествия может возникнуть большое количество различных предположений. Версией же является только фактически обоснованное и юридически значимое предположение, объясняющее сущность преступного события в целом или его частей, взаимосвязь последствий и причин преступления.

Версии направляют весь ход расследования, являются гностическим механизмом поиска и систематизации фактов. Версия должна объединять и объяснять исходные данные, раскрывать их взаимосвязи - причинно-следственные, генетические и пространственно-временные.

Одной из первичных мер при осмотре места происшествия является выявление и опрос очевидцев. Объяснения очевидцев требуют глубокого психологического анализа. В них нередко могут встречаться психологически обусловленные искажения, связанные с аконстантностью, ситуативной личностной апперцепцией, с неблагоприятными условиями их восприятия (большое расстояние, плохое освещение, слабое зрение) и психическими состояниями, предрасполагающими к внушению и самовнушению. В напряженных ситуациях возможны невольные ошибки восприятия.

Доброжелательное, спокойное общение следователя с очевидцами, снятие у них возможного состояния психического напряжения - важнейшее условие получения необходимой и достоверной информации.

При получении объяснений на месте происшествия необходимо удостовериться в фактической возможности восприятия тех обстоятельств, по поводу которых даются объяснения. Во всех случаях объяснения очевидцев оцениваются на основе фактических данных. Эти показания первоначально учитываются лишь как вероятностная информация. Особенно критически следователь оценивает различные предположения очевидцев. Преувеличение их значимости может нанести ущерб объективности расследования.

Если очевидцы привлекаются к участию в осмотре места происшествия, то следователь должен быть очень осторожным, когда он осуществляет различные проверочные действия. Сами по себе манипуляции с объектами, направленность действий следователя могут оказать внушающее воздействие свидетелей (они могут непроизвольно "улучшить" свои показания).

На обзорной стадии осмотра места происшествия следователь производит гностическую (познавательную) ориентировку - намечает объекты для детального осмотра. Все намеченное к детальному осмотру вначале осматривается в статическом состоянии. При этом не следует переставлять предметы, брать в руки оружие, переворачивать трупы и т. п. (расположение значимых для расследования объектов точно фиксируется в протоколе осмотра, в схемах, на ориентирующих, обзорных, узловых фотоснимках). Полученные данные должны интерпретироваться как информация о системе действий преступников.

Воссоздавая события происшествия, необходимо допускать самые различные варианты поведения преступника, осуществлять тщательную их проверку, не ограничивая поиск суждениями типа "это очень глупо" или "для этого преступника чрезмерно умно".

При осмотре места происшествия наряду со сравнением и обобщением важную роль играет классификация воспринимаемых следователем фактов. Основанием для такой классификации являются признаки объектов как вещественных доказательств.

Вещественные доказательства - это материальные предметы, которые являются средствами обнаружения преступления, установления фактических обстоятельств дела, выявления виновных, опровержения обвинения или смягчения ответственности обвиняемого (ст. 83 УПК РСФСР). Вещи как доказательства содержат в себе изменения, следы воздействия, отображающие определенные стороны расследуемого события. И задача следователя - увидеть, распознать эти особенности.

Основная познавательная трудность здесь сопряжена с тем, что отдельные вещественные доказательства, как правило, отображают лишь фрагменты совершившегося события. По отдельным фрагментам следователь моделирует событие в целом или его отдельные стороны, и

это требует развитости особого качества восприятия - его синтетичности и прогностичности (видения в объекте того, что существенно в предстоящей деятельности).

Важная для расследования информация, содержащаяся в вещественном объекте, требует мысленной интерпретации, предвидения возможного развития следственной деятельности. Следователь должен предвосхитить, какие признаки вещей могут проявиться как доказательства в будущем, при производстве других следственных действий. В этом плане осмотр места происшествия является отправным этапом следственного познания, он не предполагает законченности всего следственного поиска.

При классификации материального объекта в качестве вещественного доказательства следователь должен исходить из определенных *критериев* этой классификации. Материальный объект может быть отнесен к категории вещественных доказательств на основе решения следующих познавательных вопросов:

- имеются ли в объекте изменения, связанные с расследуемым событием;
- принадлежит ли он лицу, принимавшему участие в событии;
- какие признаки объекта указывают на конкретное лицо, несут личностную информацию;
- какие особенности местоположения объекта существенны для расследования;
- какие признаки объекта свидетельствуют о времени совершения преступления и о последовательности событий.

В зависимости от характера вещественных доказательств, обнаруженных на месте происшествия, можно выделить три типа места происшествия, определяющих направленность и структуру познавательной деятельности:

- преступление совершено в данной обстановке, на предметах оставлены явные следы этого преступления;
- преступление совершено в данной обстановке, но эта обстановка не претерпела в связи с преступлением явных изменений;
- преступление совершено в другом месте, а на месте происшествия обнаружены лишь его следы.

Сложность познавательно-поисковой деятельности следователя в этих ситуациях различная, различна и направленность познавательной деятельности следователя.

В первом случае главным в познавательно-поисковой деятельности является вопрос: кто совершил преступление (другие вопросы здесь решаются сравнительно легко)? Во втором случае - кто и каким способом совершил преступление? В третьем случае - кто, где, когда и каким способом совершил преступление?

Все это обуславливает разные по своей эвристической сложности, типы познавательно-поисковой деятельности, тактическое и методическое содержание которых должна разрабатывать криминалистическая наука. Задача юридической психологии - различить эти познавательные структуры. Нет осмотра места происшествия "вообще". Каждый тип места происшествия требует определенной мыслительной деятельности следователя. Цель как закон определяет порядок, последовательность отдельных действий и т. д.

В процессе осмотра места происшествия обнаруживаются, фиксируются и изымаются либо сами материальные объекты в качестве вещественных доказательств, либо с вещественных доказательств снимаются их копии, слепки и оттиски - образуются модели оригиналов (производные вещественные доказательства). При любом моделировании можно воспроизвести лишь некоторые свойства оригинала. Модель - это отображение каких-либо свойств объекта, существенных в определенном отношении. В порядке опережающего отражения действительности следователь должен увидеть в объекте, обнаруженном на месте происшествия, все те его свойства, которые окажутся существенными для данной системы расследования.

Итак, место происшествия - это единый криминалистический комплекс, характеризующийся причинно-следственной взаимосвязью объектов, вовлеченных в происшествие.

В своем большинстве вещественные объекты служат лишь косвенными доказательствами. При этом связь доказательства с предметом доказывания носит многоступенчатый, опосредствованный характер.

Квалифицированный осмотр места происшествия требует развитости как теоретического, абстрактного, так и образного мышления, смыкающегося с воссоздающим воображением, хорошо отработанных интеллектуальных навыков "прочтения" следов, восстановления образной картины происшедших событий.

Труп В. лежал на проезжей части дороги в 12 м от своего дома. Одежда трупа была пропитана кровью, под ним и около него - большая лужа крови. При наружном осмотре трупа обнаружена большая зияющая рана в затылочной части головы и рубленые раны на туловище со стороны спины и на задней части бедра левой ноги. Около трупа на земле имелись глубокие следы, оставленные острорежущим, тяжелым предметом. В 15 м от трупа в восточном направлении на одиноко растущем дереве на расстоянии 1,2 м от земли обнаружены свежие рубленые следы, а около дерева - следы обуви. "Дорожка" следов вела в направлении от дерева к трупу и обратно, а затем терялась на твердом грунте.

На основе этих обстоятельств следователь воссоздал образную модель происшедшего.

Преступник, намереваясь убить В., поджидал его на дороге, по которой он должен был возвращаться домой. В ожидании жертвы, находясь в состоянии психического напряжения, преступник нанес несколько ударов топором по дереву и около него оставил многочисленные следы обуви. Подходящего к своему дому В. преступник пропустил вперед, а затем, подойдя сзади, нанес сильный удар обухом топора по голове. Когда В. упал, преступник произвел несколько ударов лезвием топора по телу жертвы. Действуя в состоянии психического напряжения и нанося хаотические удары, он часто промахивался, о чем свидетельствуют следы лезвия топора на грунте около трупа.

Последующее признание виновного полностью совпало с этой реконструированной следователем моделью события преступления.

От анализа элементов системы к синтезу целостной системы - такова общая логика осмотра места происшествия.

На первоначальном этапе осмотра места происшествия следователь руководствуется вероятностными ("во многих случаях тот, у кого обнаружена краденая вещь, оказывается вором") и разделительными умозаключениями ("либо одно, либо другое, либо третье, но не все вместе").

Наиболее сложным случаем осмотра места происшествия является *ситуация познавательного диссонанса*, когда явления не совпадают и не исключают друг друга, а "конкурируют" между собой. Обоснованно выдвинутая версия вдруг опровергается противоречащим ей фактом. В ряде случаев это бывает связано с приемами сокрытия преступления.

Мотивы сокрытия преступления могут быть различны - стремление избежать наказания, боязнь позорной огласки и т. д. Целью инсценировок может быть и стремление создать угрозу для другого лица из побуждений ревности, мести, ненависти, зависти и т. п., иными словами, своеобразный оговор с помощью "вещественных доказательств".

Сокрытие преступления может осуществляться и самим потерпевшим, если преступление порочит его репутацию или если раскрытие преступления угрожает ему уголовной ответственностью.

Психологической особенностью действий по сокрытию преступления является совершение их, как правило, в условиях дефицита времени, в результате чего эти действия отличаются неполнотой, небрежностью и т. д.

В способе сокрытия преступления проявляются характер и способности преступника, его навыки и привычки, воображение, изобретательность. Немаловажное значение имеет при этом и осведомленность преступника о значении для расследования тех или иных вещественных доказательств, о "характерных следах" соответствующего вида преступления. Пытаясь скрыть преступление, одни преступники теряют чувство меры, другие способны к сложным, тонким, многоступенчатым комбинациям; их просчеты, как правило, незначительны и для обнаружения этих просчетов требуется тонкая наблюдательность.

Среди многообразных способов сокрытия преступления можно выделить:

- маскировку;
- фальсификацию;
- утаивание и уничтожение доказательственной информации.

При маскировке преступления преступники стремятся закамouflировать свою внешность и следы преступления. С этой целью используются грим, маска; изменяется волосяной покров, искусственно создаются особые приметы (например, коронки зубов), перемещаются орудия преступления и тело жертвы.

При фальсификации создаются ложные следы и иные ложные доказательства.

Чаще всего преступники используют и маскировку, и фальсификацию. Таким комбинированным способом сокрытия преступления является инсценировка - искусственное

создание определенной обстановки (инсценировка взлома, несчастного случая, самоубийства и т. п.). При инсценировке мышление преступника и его действия направлены на демонстративное усиление отличий между тем, что произошло в действительности, и тем, что он пытается инсценировать. В подобных случаях всегда имеет место сходство этих событий по существенному признаку - хищение фальсифицируется под кражу со взломом, убийство - под самоубийство.

При инсценировке преступник **мыслит рефлексивно** - он стремится оказать воздействие на следственную деятельность следователя, направить его по ложному пути.

Таким образом, инсценировка преступления - это действия преступника (маскирующего и фальсифицирующего характера), направленные на искусственное создание ложных материальных следов преступления и рассчитанные на поисковые действия следователя в ложном направлении.

Инсценировки, имитации, фальсификации в большинстве случаев могут быть распознаны. Те или иные действия преступника неизбежно будут противоречить общим связям вещей. Эти противоречия и являются наиболее информативными обстоятельствами в процессе раскрытия преступления.

Версии об инсценировке преступления могут быть выдвинуты на основе следующих обстоятельств:

- противоречивость обстоятельств происшествия;
- несоответствие некоторых данных механизму инсценированного события;
- нарочитая заметность, демонстрированность отдельных фальсифицированных “доказательств”.

Можно выделить ряд наиболее типичных способов сокрытия преступления.

1. Создание видимости одного преступления для сокрытия другого. Так, хищение, совершенное должностным лицом, инсценируется как совершение кражи неизвестными лицами или как разбойное нападение. При этом преступник стремится уничтожить следы своего преступления.

Психология поведения преступника при сокрытии преступления имеет характерные особенности. Например, чрезмерная мобилизация усилий при инсценировке кражи проявляется в излишней ее демонстративности - множество разбросанных в беспорядке вещей, поврежденных без всякой надобности предметов и т. п. Легко диагностируется и самонанесение легких ранений при фальсификации разбойного нападения.

При инсценировке, как правило, отсутствуют те следы, которые диктуются логикой имитируемого происшествия. Так, распиливание дужки замка на дверях магазина должно сопровождаться распылением опилок. Их отсутствие скорее всего свидетельствует о том, что замок был первоначально распилен в другом месте с целью инсценировки кражи.

Для разоблачения инсценировки преступления существенно не только отсутствие должных следов, но и наличие тех, которых по логике вещей не должно быть. Так, при имитации кражи из магазина путем совершения пролома в стене преступники (продавцы магазина) делают пролом не снаружи, а изнутри помещения. Естественно, что эти следы и являются основанием для разоблачения инсценировки.

В другом случае инсценировка кражи из ателье по пошиву одежды путем проникновения через окно была быстро разоблачена на основе того, что окно было открыто изнутри. Иногда инсценировку кражи разоблачают похищенные крупногабаритные предметы, которые нельзя вынести через имеющийся проем.

2. Маскировка преступления под неприступно событие. Например, преступники, скрывая хищение, прибегают к уничтожению малоценной части имущества, имитируя пожар, затопление и т. п. Убийство иногда маскируется под самоубийство или несчастный случай.

Инсценировка самоповешения может быть разоблачена на основе следующих обстоятельств:

- отсутствие подставки, без которой нельзя подняться к петле;
- расположение трупных пятен, крови и сукровицы, противоречащее позе трупа;
- несоответствие между рельефом странгуляционной борозды и материалом данной петли;
- негативное расположение волокон на веревке и опоре;
- чистые руки потерпевшего при наличии грязной веревки;
- признаки удушения, следы борьбы.

Об инсценировке самоубийства из огнестрельного оружия может свидетельствовать отсутствие признаков выстрела с близкого расстояния, отсутствие копоты на руке пострадавшего

(устанавливается в процессе экспертного исследования), несоответствие месторасположения трупных пятен позе трупа.

3. **Фальсификация отдельных доказательств**". Стремясь направить следствие по ложному пути, преступники специально оставляют "следы" рук и ног, предметы, принадлежащие другим лицам, следы крови, волокна ткани одежды и т. п. - При этом они стараются придать "следам" отчетливую выраженность, заметность, что и способствует разоблачению фальсификации.

Противоречащие или исключаящие друг друга обстоятельства всегда образуют проблемную ситуацию познавательного поиска. В одних случаях это простые проблемные ситуации. Так, обнаружение трупа с многочисленными глубокими ранениями и при отсутствии следов крови сразу вызывает предположение о совершении убийства в другом месте. В других случаях ситуации осложнены.

Одним из важнейших направлений мыслительной деятельности следователя при осмотре места происшествия является распознавание негативных обстоятельств. Эти (негативные) отсутствующие обстоятельства позволяют судить о способах маскировки, направленных на сокрытие преступления.

При осмотре места происшествия следователь должен учитывать, что преступники рефлексируют возможные типичные суждения следователя. Так, обычно следы пальцев рук на предметах, находящихся на месте преступления, интерпретируются следователем как следы рук преступника. Зная это, опытный преступник подбрасывает соответствующие предметы (бутылки, стаканы и т. п.) со следами пальцев других людей. Этим уловкам преступника необходимо противопоставить прием дизъюнкции ("или-или") - версия-контрверсия. Он состоит в том, что следователь с одинаковой тщательностью ищет признаки, как подтверждающие, так и опровергающие выдвинутые им версии.

Выдвигаемые на месте происшествия версии являются первоначальными. При их выдвижении существует психологическая опасность остаться в плену типовых версий, житейских аналогий. Следователю необходимо помнить, что каждое событие индивидуально, неповторимо.

В поведении преступника могут быть случайности, противоречащие логике "обычного" поведения.

Осмотр места происшествия должен быть продолжен до тех пор, пока не будут проверены все возможные предположения о совершившемся событии.

Доказательственное значение одних фактов не должно снижать значимости других фактов, не "вписывающихся" в выдвигаемую следователем версию. Он обязан исследовать и фиксировать все юридически значимые факты вне зависимости от их "веса" в той или иной версии.

Иногда рефлексивность мышления преступников поднимается до очень высокого уровня - до рефлексии второй степени. При этом они учитывают даже рефлексивность следователя. Известны случаи, когда преступники прибегали к инсценировке инсценировки: специально планировалась активизация мышления следователя вокруг легко обнаруживаемой инсценировки, которая создавалась с целью наведения следователя на ложный след.

Так, при осмотре места происшествия в связи с кражей товаров из магазина было установлено следующее. Преступники, сорвав замок, проникли сначала в подвал магазина, а оттуда, через люк в полу, - в подсобное помещение, которое сообщалось с торговым залом магазина. Крышка люка свободно поднималась. Между тем доски в крышке люка оказались распиленными (не подняв крышки, их нельзя было распилить).

В торговом зале царил хаос. Его пол был устлан различными дорогостоящими тканями. Большая часть товаров была сброшена с полок. Недостача товаров после кражи превышала 6 тыс. руб.

После анализа обстановки места происшествия и образа жизни заведующего магазином против него было возбуждено уголовное дело. Через год после его осуждения была арестована воровская группа. В числе других преступлений они признались и в краже из данного магазина. Инсценировка инсценировки имела целью месть заведующему магазином.

В следственной практике иногда встречаются и другие случаи ложной интерпретации подлинной обстановки, что всегда свидетельствует о некомпетентности осмотра.

Так, при осмотре места происшествия обнаружено, что сорван замок на дверях буфета, из которого похищено 20 бутылок водки и некоторые продукты, пол буфета обильно залит водкой. Следователь выдвинул единственную версию: преступник, обладающий большой физической силой и преступным опытом, сорвал замок с входной двери, а с целью уничтожения своих следов залил пол буфета водкой. Правдоподобно, но недостаточно обоснованно; не выдвинуты и не

проверены другие возможные версии. В действительности кража была совершена тремя подростками, которые сорвали замок с помощью лома (соответствующие следы остались при первом осмотре места происшествия незамеченными) Они вылили водку из 20 бутылок на пол, а пустые бутылки сдали в пункт приема стеклотары.

Итак, исследовать обстановку места происшествия - это значит сделать вывод о сущности, механизме, динамике происшествия, найти данные, относящиеся к личности преступника и свидетельствующие о мотивах преступления.

Следователь делает выводы о действиях преступника, исходя из анализа материально закреплённых последствий этих действий. Мысленно смоделировав действия преступника, он далее ищет другие возможные последствия его действий. Получив итоговую целостность воссоздаваемого происшествия, следователь вновь проверяет достоверность своих выводов о механизме происшествия в целом. При этом процесс его мышления развивается на основе взаимопереходов анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Выдвижение обоснованной версии предполагает рассмотрение данного конкретного происшествия в системе вероятностных общих положений.

Анализируя, осмысливая обстановку места происшествия, следователь формирует ряд сменяющих друг друга динамических мыслительных моделей происшествия и как бы “примеряет” к ним имеющиеся данные. Выводя из намеченной версии все следствия, подлежащие проверке, он мыслит в направлении от общего к частному.

Таким образом, несмотря на распространённые в криминалистической литературе утверждения о том, что следователь при осмотре места происшествия делает индуктивные умозаключения, следует, на наш взгляд, признать правоту Конан Дойля, утверждавшего, что ведущим методом расследования является дедуктивный метод мышления.

По нашему мнению, целесообразно различать версии предварительные и окончательные (не смешивая, конечно, последние с окончательными выводами). Если окончательные версии формируются в результате осмотра, то предварительные являются условием успешности осмотра места происшествия; они обуславливают организацию и целенаправленность мышления следователя.

Еще до выезда на место происшествия следователь, зная характер происшествия, делает первые предположения. Так, при получении сообщения об обнаружении трупа у следователя возникает вопрос, что произошло: убийство, самоубийство, несчастный случай или насильственная смерть. Понятно, что все предположения будут им тщательно проверяться.

Вероятностное представление о происшедших и будущих событиях - одно из самых важных составляющих человеческой психики.

Каждое обнаруживаемое при осмотре обстоятельство интерпретируется следователем в качестве определенного звена в логической цепи исследуемых событий, рассматривается как факт, исключающий или подтверждающий ранее возникшее предположение. Вероятность предположений следователя обуславливается совокупностью фактов. Но не только ею. Для стохастического (вероятностного) мышления важное значение имеют знание типичных ситуаций совершения преступления, типовые версии по этим ситуациям, опыт следователя, а в некоторых случаях - его интуиция.

На интуитивную догадку следователя могут косвенно повлиять даже те фрагменты обстановки места происшествия, которые в данный момент не находятся в сфере его внимания.

Данные осмотра места происшествия в ряде случаев приобретают особое значение лишь при реконструкции возможных взаимосвязей в поведении преступника и потерпевшего. Преступление может быть вызвано особенностями поведения потерпевшего, образом жизни, интимными связями, особенностями его служебной и общественной деятельности, а также материальными взаимоотношениями с преступником. Поэтому существенно выяснение того, чьи интересы пересекались с интересами потерпевшего. Особое внимание уделяется выявлению возможных длительных конфликтов между пострадавшими и заподозренными лицами. Так, убийства, как правило, связаны с пересечением линий поведения убийцы и потерпевшего. Иногда это всего лишь случайная встреча, и убийство было совершено из хулиганских или разбойных побуждений. Но в большинстве случаев оказывается, что поведение потерпевшего, его образ жизни, сам факт его существования вступили в конфликтное противоречие с интересами лица, совершившего убийство.

Итак, при осмотре места происшествия уже первичная исходная информация объединяется в ***информационную систему***. Доказательства, обнаруживаемые на месте происшествия,

осознаются следователем в системе наиболее вероятностных причинно-следственных связей по отношению к расследуемому происшествию

Осмотр места происшествия в большинстве случаев является осмотром места преступления определенного вида. В этом случае аналитическая деятельность следователя должна быть направлена на выявление тех следов преступления, которые характерны для данного вида преступления. Здесь существенно знание следователем системы элементов криминалистической характеристики данного вида преступлений.

Так, психологическая особенность осмотра места происшествия, связанного с грабежом и разбоем, состоит в том, что первичная информация в значительной мере обусловлена показаниями потерпевшего. Из его показаний следователь вычленяет наиболее существенные элементы данного вида преступления. Среди них первостепенное значение имеют признаки места, где было совершено преступление, пути подхода и отхода преступника; обстоятельства нападения, признаки внешности преступника; предметы и следы, принадлежащие преступнику и потерпевшему (камень, лом, палка, предметы одежды, их детали и др.).

Пояснения потерпевшего об обстоятельствах нападения сопоставляются с обстановкой места происшествия. Оценивая показания потерпевшего, проверяя их на месте, следователь не должен исключать вероятность инсценировки грабежей и разбоев, возможность добросовестного заблуждения потерпевшего в острых конфликтных эмоциональных состояниях страха, испуга, ужаса, в условиях напряженной ситуативной апперцепции.

При осмотре места происшествия, связанного с кражей со взломом, исследуются прилегающая местность или соседние помещения, места взлома и проникновения в запертое помещение и, конечно, само помещение, откуда были похищены вещи и ценности. При этом первостепенное внимание уделяется следам рук и ног, использованных транспортных средств, брошенным предметам, орудиям взлома. Особенно тщательно осматриваются следы преступления, оставленные на различных преградах, с целью обнаружения объемных и динамических следов орудий взлома

При осмотре места происшествия, связанного с изнасилованием, существенными, специфическими могут быть:

- следы, сохранившие оттиски ткани и одежды преступника;
- следы локтей и колен преступника, следы борьбы потерпевшей с преступником;
- следы спермы, крови и др.

Осмотр места происшествия по делам об убийстве направлен на первостепенное исследование обстоятельств, позволяющих получить ответы на вопросы: было ли совершено убийство, самоубийство или произошел несчастный случай; произошло ли убийство там, где обнаружен труп потерпевшего; время совершения убийства. Выясняются также данные, характеризующие личность преступника, его психические особенности, возможные отношения с потерпевшим и др.

Таким образом, исходной базой познавательной деятельности следователя при осмотре является **знание совокупности признаков данного вида преступления.**

Ориентированность следователя в направлении расследования определяется, с одной стороны, ситуацией совершения самого преступления, объемом имеющейся исходной информации, с другой - уровнем знаний следователя, его способностью распознавать в частном случае проявление общих признаков данного вида преступления. Следственная ситуация, возникающая при осмотре места происшествия, субъективно обусловлена познавательными возможностями следователя, а объективно - объемом имеющейся исходной информации.

При характеристике следственных ситуаций имеется в виду определенный "средний эталон" следственных возможностей, определенный уровень оптимальности этих возможностей. Поэтому следственная ситуация должна пониматься как типовая программа познавательных действий следователя при определенном объеме исходной доказательственной информации.

Существенное значение имеет знание степени вероятностных связей между элементами расследуемого вида преступления. Так, при расследовании убийства важно знать вероятностное соотношение между отдельными признаками преступления.

Таким образом, то, что обнаруживается при осмотре места происшествия, в познавательной схеме должно обязательно вступить в связь с тем, что вероятнее всего возможно.

Исходное экстраполируется в область наиболее вероятностно возможного.

Так, при обнаружении частей расчлененного трупа информация "вычерпывается" из **данного ситуационного комплекса**: труп обычно расчленяется в помещении и, как правило, лицом, хорошо знавшим пострадавшего. Следственная практика свидетельствует о том, что опытные

следователи всегда ведут расследование в направлении исследования наиболее вероятных сочетаний всех признаков данного вида преступления. Например, убийство подростка правильно связывается с тем, что убийцей вероятнее всего является несовершеннолетний.

Обстановка расследования должна восприниматься следователем сквозь призму типовой модели данного класса явлений. Это и дает возможность формирования типовых версий, которые с позиций психологии и логики есть не что иное, как основанное на обобщении следственной практики наиболее вероятное умозаключение при анализе данной конкретной ситуации. Содержательной стороной этого умозаключения является следующее: если при расследовании первоначально обнаруживаются определенные признаки преступления, то преступление с высокой степенью вероятности может быть совершено лицом с определенными данными и по определенному мотиву. Среди этих гипотетических данных о предполагаемой личности виновного могут быть вероятностные данные о его поле, возрасте, психических, социальных и социально-психологических свойствах, а также о его связях с потерпевшим.

На этой логико-психологической основе уже разработаны справочные таблицы о наиболее высоковероятностных связях различных элементов криминалистической характеристики преступления. Установлено, например, что убийства в местах отдыха совершаются с вероятностью $P = 0,75$ (то есть в 75 случаях из 100) лицами мужского пола в возрасте 17-22 лет и чаще всего знакомыми потерпевших, проживающими на расстоянии не более 1,5 км от места совершения преступления. Поэтому при расследовании убийств, совершенных в местах отдыха, должна быть выдвинута прежде всего соответствующая типовая версия (не исключая, конечно, все другие возможные версии). Все вероятностно прогнозируемые при этом обстоятельства проверяются соответствующими способами.

Таким образом, типичная следственная ситуация и связанная с ней типовая версия - это обобщенная система познавательно-поисковой деятельности следователя в типичных условиях определенной информационно-доказательственной обеспеченности расследования отдельных видов преступлений.

Следственная ситуация, как правило, является проблемной, требующей творческой, эвристической познавательной деятельности следователя. Но при этом типичная следственная ситуация объективно предопределяет "канву" его следственно-познавательной деятельности.

Психологические аспекты осмотра трупа

В ряде случаев осмотр места происшествия связан с осмотром трупа.

Наружный осмотр трупа на месте его обнаружения производит следователь в присутствии понятых и с участием врача - специалиста в области судебной медицины, а при невозможности его участия - иного врача. При необходимости для осмотра трупа привлекается также другой специалист (ст. 180 УПК РСФСР).

Особое внимание при осмотре трупа и его одежды обращается на все то, что способно нести следы взаимодействия потерпевшего с преступником в момент убийства. Так, на полированных поверхностях пряжки от ремня, крышки часов, на очках, портсигаре могут остаться следы пальцев рук преступника. На определенных частях одежды могут сохраниться волосы, волокна ткани, различные следы биологического происхождения.

Для воссоздания события преступления особенно важна поза трупа. Она может свидетельствовать об обстоятельствах, предшествовавших убийству, - изнасиловании, избиении и т. п. Определенная исходная информация может быть получена из анализа местоположения трупа - у железнодорожного полотна, у проезжей части улицы, на месте схлынувшей воды, у строительных лесов, под окном дома. Все эти обстоятельства позволяют сделать предварительные выводы.

Однако следует помнить и о возможных действиях по имитации механизма происшествия преступником. Так, расчленение трупа колесами поезда - не всегда результат несчастного случая или самоубийства. Возможно и преднамеренное убийство с последующим перенесением трупа на рельсы. Труп может быть брошен в водоем с целью инсценировки случайного утопления, а труп человека, находящийся на строительных лесах, не обязательно свидетельствует о несчастном случае - потерпевшего могли столкнуть специально.

Некоторые особенности трупа могут свидетельствовать о роде занятий убитого (характерные мозоли от определенной физической работы, типичные для определенных занятий следы повреждений, характерная окрасность пальцев у химиков, фармацевтов, маляров и т. д.). В складках кожи, под ногтями сохраняются частицы, с определенной вероятностью указывающие

на профессию рабочего-станочника, горняка, кочегара, строителя, художника, деревообделочника, металлста и т. п.

При обнаружении отдельных частей расчлененного трупа необходимо сопоставить места их обнаружения и выдвинуть поисковые версии. При этом могут быть составлены соответствующие схемы. Так, в разных местах города были найдены части расчлененного трупа. Места их обнаружения сопоставили со схемами движения автобусов и троллейбусов. Было установлено, что из каждой точки, где были найдены части трупа, можно без пересадки доехать только до одного определенного места. Так была ограничена зона поиска преступника.

При осмотре предполагаемого места убийства и расчленения трупа следует иметь в виду, что меры, предпринимаемые убийцей для ликвидации улик, порождают характерные следы.

В процессе наружного осмотра трупа следует обращать особое внимание на соотношение следов повреждений на его одежде и на теле.

Психологические аспекты освидетельствования

Освидетельствование - это следственное действие, которое проводится для установления на теле обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего следов преступления или наличия особых примет, если при этом не требуется судебно-медицинской экспертизы (ст. 181 УПК РСФСР).

Как и осмотр места происшествия, оно состоит в непосредственном (чувственном) обнаружении, исследовании и процессуальном закреплении материальных объектов и их признаков, существенных для расследования.

Объектом освидетельствования является тело живого человека. Осмотр тела субъекта посторонним человеком всегда связан с психическим напряжением освидетельствуемого

В ходе освидетельствования фиксируются наглядные, очевидные признаки, не требующие специального медицинского исследования

Телесные повреждения, обнаруживаемые как на потерпевшем, так и на обвиняемом (подозреваемом), могут свидетельствовать о механизме взаимодействия этих лиц, об их борьбе, о сопротивлении одного из них и в конечном итоге дополнить представление следователя о механизме расследуемого события.

Освидетельствование может быть принудительным, и в этом случае следователь обязан спокойно разъяснить освидетельствуемому лицу законные основания своих действий.

Освидетельствование, сопровождаемое обнажением тела, может производиться только лицами одного пола с освидетельствуемым лицом.

При освидетельствовании следователь не имеет права допускать действия, унижающие личное достоинство освидетельствуемого лица, - грубое обращение, иронические высокомерные реплики об отдельных особенностях тела освидетельствуемого лица, о его физических недостатках, проведение осмотра тела в неподходящих для освидетельствования местах, чрезмерная затянутость процедуры освидетельствования, совершение действий, причиняющих боль, а также действий, отрицательно влияющих на внешний вид и самочувствие освидетельствуемого.

Следователь должен учитывать, что люди субъективно по-разному интерпретируют обстоятельства и действия, унижающие их достоинство. Поэтому необходимо предварительно сориентироваться в этических позициях освидетельствуемого, убедительно разъяснить ему необходимость того или иного действия. Следователь обязан проявить внимание ко всем просьбам освидетельствуемого лица

Освидетельствование - право, а не обязанность следователя. Но во всех случаях, когда оно необходимо для расследования, указанное следственное действие обязательно должно быть проведено. При этом данные, полученные при осмотре места происшествия, могут явиться основанием для освидетельствования.

Ударом ножа в сердце был убит Лобанов. Кровь, хлынувшая из раны, должна была попасть на одежду и тело убийцы. Но на задержанном через три часа подозреваемом Иванове одежда была чистой, причастность к убийству он категорически отрицал. Однако следователь заметил на шее Иванова потек крови, обрывавшийся у чистой майки. В ходе освидетельствования следователь зафиксировал это в процессуальной форме. Вскоре была установлена причастность Иванова к убийству и выяснено, где была спрятана окровавленная одежда.

Следственное действие завершается составлением протокола с подписями всех его участников. Некоторых следователей тягости описательная сторона осмотра места происшествия. Это негативное отношение к подробному протокольному описанию должно быть преодолено, так

как отсутствие в протоколе осмотра описания обнаруженных объектов и их признаков ведет к утрате их доказательственного значения.

При составлении протокола осмотра места происшествия, осмотра трупа и освидетельствования происходит трансформация данных первой сигнальной системы во вторую сигнальную систему. Здесь возникают определенные трудности, характерные для знакового отображения действительности.

Описывая место происшествия, следователь должен создать базу для последующего воссоздающего воображения - обеспечить образность, полноту и точность отображения объектов и их признаков, соотношений наиболее значимых структурных деталей. При этом крайне существенны точные данные о размерах обнаруженных объектов, о расположении признаков на поверхности этих объектов, о расстояниях между ними и о других пространственных соотношениях. Распознать - значит измерить, говорил французский криминалист Э. Локар.

В протоколе описываются все действия следователя, а равно все обнаруженное при осмотре и освидетельствовании в той последовательности, в какой производился осмотр, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра или освидетельствования. В протоколе перечисляется и описывается также все изъятое при осмотре и освидетельствовании.

Описания при осмотре места происшествия могут быть сопутствующими (фиксация воспринимаемых в момент осмотра свойств и признаков объекта) и отсроченными (описание по памяти). Описание по памяти всегда менее полно, в него могут быть привнесены элементы произвольной личностной реконструкции материала. Поэтому наиболее важные признаки объектов должны подлежать сопутствующему описанию. Малейшие неточности описания могут существенно затруднить расследование. Так, в описании внешности трупа было указано, что на его верхней челюсти, на втором зубе справа имеется золотая коронка. В действительности коронка была на втором зубе слева (левая сторона пострадавшего находилась справа от следователя), что на длительное время ввело расследование в заблуждение.

При описании следователь должен использовать только общепринятые системы обозначений, избегать имеющих многозначный смысл. Для описания различных групп объектов (обуви, одежды, мебели, инструментов, транспортных средств и т. п.) необходимо использовать терминологию государственных стандартов, а также унифицированную техническую и технологическую терминологию.

Описывая в протоколе обстановку места происшествия, материальные объекты и их признаки, следователь осуществляет их знаковое (словесное) моделирование. В криминалистическом знаковом моделировании должны быть адекватно отражены все признаки объектов, существенные для данного расследования.

Идентификация по словесно описываемым признакам может быть произведена лишь в том случае, если эти признаки описаны точно, квалифицированно и однозначно.

Являясь преимущественно задачей специального экспертного исследования, идентификация предопределяется полнотой и точностью криминалистического описания объектов следственного осмотра, то есть адекватной фиксацией общих и частных признаков обнаруженных вещественных доказательств.

Таким образом, осмотр места происшествия как первоначальное следственное действие создает фактическую базу для выполнения комплекса других следственных действий.

Итак, психология осмотра места происшествия - это прежде всего психология мыслительной деятельности следователя, состоящая в концептуальном охвате эмпирических данных, обнаруживаемых на месте происшествия, в их вычленении, анализе в качестве юридически значимых фактов и объединении, синтезе во взаимосвязанные системы и в конечном итоге - в реконструкции расследуемого события по его отдельным проявлениям. При этом ход мышления следователя развивается в направлении от фиксации отдельных фактов к их групповым объединениям. На этой основе формируется вероятностно-информационная модель происшествия. Она является базой поиска новых фактов, в результате чего вероятностная модель события превращается в его достоверную информационно-логическую модель. Следователь преодолевает гностические барьеры - "молчание" одиночного факта, заставляет факты "говорить", объединяя их в объективно обусловленные ансамбли. В ряде случаев он преодолевает и умышленно созданные преступниками "логические" барьеры - маскировку преступлений и фальсификацию доказательств.

Для установления достоверной взаимосвязанности фактов следователь активно взаимодействует с обстановкой места происшествия - его познавательная деятельность

осуществляется в форме включенного наблюдения, результативность которого зависит от соблюдения ряда условий.

Раскрытие причинно-следственной взаимообусловленности фактов, обнаруживаемых на месте происшествия, - основное содержание познавательной деятельности следователя. Эта деятельность объективно обусловлена исходным уровнем информации, который поддается типизации в виде типичных следственных ситуаций. Знание таких ситуаций дает возможность выдвинуть типовые версии - они и обеспечивают развитие познавательного процесса в ходе осмотра места происшествия.

4. Психология обыска, очной ставки и проверки показаний на месте

Обыск - это принудительное следственное действие по обследованию объектов и отдельных граждан с целью отыскания и изъятия скрытых предметов и документов, имеющих доказательственное значение для раскрытия преступления.

В соответствии с УПК он может производиться и для обнаружения разыскиваемых лиц, а также трупов.

Обыск производится только с санкции прокурора. В случаях, не терпящих отлагательства, он может быть произведен и без такой санкции, но с последующим сообщением прокурору в суточный срок о его производстве.

К не терпящим отлагательства относятся случаи, когда преступник задержан с поличным и имеются опасения, что разыскиваемые предметы, документы, ценности могут быть уничтожены или укрыты в другом месте, и когда промедление с обыском может повлечь утрату доказательств или имущества, подлежащего описи в обеспечение гражданского иска или конфискации.

Обыск производится по мотивированному постановлению следователя, в котором указывается, в связи с чем и где он будет производиться, а также какие ценности, предметы или документы подлежат изъятию. В постановлении (поскольку оно предъявляется обыскиваемому лицу) не должно быть данных, оглашение которых может помешать дальнейшему ходу следствия.

При производстве обыска следователь должен строго ограничиваться изъятием предметов и документов, могущих иметь отношение к делу. Предметы и документы, запрещенные к гражданскому обращению, подлежат изъятию, независимо от их отношения к делу. Все изымаемые предметы предъявляются понятым и другим присутствующим лицам.

Личный обыск может производиться только после вынесения постановления об этом и получения санкции прокурора, за исключением случаев, предусмотренных законом:

- при задержании или заключении под стражу;
- при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится обыск и выемка, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для дела.

Принудительный характер обыска, возникновение в ряде случаев конфликтных ситуаций, поисковые трудности связаны, как правило, с повышенным психическим напряжением участников данного следственного действия, с особой его психологизированностью.

Психологическая направленность деятельности следователя при обыске состоит в поиске специально скрываемых материальных объектов, имеющих доказательственное значение в условиях контактного взаимодействия противоборствующих сторон. При этом каждая сторона стремится лучше узнать стратегию поведения другой, избежать самой каких-либо демаскирующих проявлений и повлиять на ход деятельности другой стороны.

При обыске позиции сторон, конечно, неравнозначны. Следователь наделен властными полномочиями, профессиональными знаниями и навыками. В свою очередь, обыскиваемое лицо, находясь чаще всего в конфликтной ситуации, стремится избежать возможности обнаружения изобличающих его предметов и документов. Это вызывает состояние повышенной психической напряженности, сдвиги в его эмоционально-волевой регуляционной сфере. Особенно остро обыскиваемый реагирует на все то, что может привести к обнаружению скрываемых предметов.

В психической деятельности обыскиваемого интенсивно функционируют защитные механизмы. Обыскиваемое лицо может проявить общительность и замкнутость, сдержанность и показную откровенность, высокомерность и агрессивность.

Скрываемое жизненно значимое событие, страх перед изобличением создают в сознании обыскиваемого лица **“очаг аффектации”, функционально перестраивающий всю его психическую деятельность**. Этот очаг психотравмы не только дезорганизует нормальную психическую деятельность индивида, но и субъективно переживается как душевная тяжесть. При этом спонтанно (самопроизвольно) формируются защитные механизмы, варьирующиеся в зависимости от психического склада личности.

На этом фоне четкие, уверенные действия следователя, в которых обнаруживается его определенная осведомленность о предыдущих действиях обыскиваемого, могут вызвать как добровольную выдачу искомого, так и крайние проявления агрессивности по типу фрустрации.

Стремясь воздействовать на обыскиваемое лицо, следователь действует в двух направлениях - усиливает “аффективный очаг” или пробивает “брешь” в его защитных механизмах.

При обыске следователь должен не просто искать, а действовать, используя тактические и психологические приемы, постоянно оказывая **влияние** на обыскиваемое лицо. Чаще всего добровольная выдача искомого происходит не в связи с первоначальным предложением следователя о добровольной выдаче искомого, а в ответ на его правильно осуществляемые первоначальные поисковые действия.

С целью воздействия на “аффективный очаг” следователю целесообразно как можно шире использовать все то, что может **ассоциироваться** у обыскиваемого с предметом сокрытия и способами сокрытия. При этом существенное значение имеют различные вопросы, суждения и действия, в том числе и те, которые допускают **многозначное их толкование**.

Известен случай, когда постоянные взгляды следователя на шкаф привели к добровольной выдаче спрятанного там оружия. “Берите - все равно уже знаете”, - объявила при этом хозяйка обыскиваемой квартиры.

Нередко обыск проводится **после допроса**. Предполагая возможность обыска, следователь уже при допросе обращает особое внимание на наиболее важные для подследственного лица факты, события, переживания, на все то, что влияет на поведение допрашиваемого и вызывает у него отклоняющиеся реакции. Полученная информация может быть в последующем использована при проведении обыска.

Другое направление стратегии воздействия на обыскиваемое лицо состоит в **ослаблении защитных барьеров, в снижении их сопротивляемости**. В связи с этим следователю необходимо хотя бы ориентировочно знать **побуждения обыскиваемого к сокрытию** определенных предметов (стыд перед родственниками, соседями, сослуживцами; страх наказания, боязнь повредить престижу, потерять хорошую репутацию и т. п.).

В зависимости от характера **мотивации поведения** обыскиваемого лица **следователь определяет тактику взаимодействия с ним**. В одних случаях акцентируется внимание на выгоды, связанные с добровольной выдачей, в других - подчеркивается правило неразглашаемости результатов обыска. При этом следователь преодолевает определенные “смысловые барьеры”, сформировавшиеся в сознании обыскиваемого лица. Преодолевая их, следователь оказывает воздействие на внутренние позиции обыскиваемого, выдвинутые им для смыслового оправдания своего поведения.

Лицо, утаивающее определенное обстоятельство, **контролирует** все то, что имеет отношение к этому обстоятельству. При этом моделируется определенная “зона охранения”, специально перекрываются все возможные подходы к этой зоне. Но эта специальная “перекрытость” и является демаскирующим обстоятельством.

Одним из проявлений защитных механизмов может быть усиление речевой активности обыскиваемого лица, стремление его вести разговоры на посторонние темы, которые могли бы отвлечь внимание обыскивающих от поисковой деятельности.

Психологические знания целесообразно использовать, сообразуясь с разработанными криминалистикой стадиями обыска: подготовительной, обзорной, детальной и заключительной.

Вызванная первоначальной “установкой на запирательство” ригидность поведения в дальнейшем блокирует реакции обыскиваемого лица. Особенно значимы первые контакты с обыскиваемым, ибо его дальнейшее поведение будет соотноситься с первоначально выработанной позицией. Отказ от собственных первоначальных утверждений сопряжен для человека с преодолением определенных психологических трудностей.

Успешная подготовка к обыску предполагает прежде всего получение максимальной информации (как из процессуальных, так и непроцессуальных источников) не только о предметах отыскания и возможных местах их сокрытия, но и **об индивидуальных особенностях**

обыскиваемого лица. Это позволит правильно (в психологическом и тактическом отношении) организовать и осуществить **прибытие** на место обыска и **проникновение** в обыскиваемое помещение. В целях обеспечения **внезапности** обыска средства транспорта должны быть оставлены на некотором удалении от места обыска. Сосредоточение у места обыска значительного числа лиц должно происходить постепенно и бесшумно. При наличии лифта следует подниматься на несколько этажей выше, а затем пешком спускаться на нужный этаж, чтобы не вызвать повышенной ориентировочной реакции. Через дверной глазок должен быть виден лишь один человек из числа пришедших (желательно, чтобы он был знаком обыскиваемому). При операции, готовящейся в коммунальной квартире, звонить следует соседям обыскиваемого лица. За окнами и вторым выходом устанавливается наблюдение.

Приступая к обыску, следователь обязан разъяснить присутствующим правила поведения в обыскиваемом помещении (сидеть на месте, не подавать реплик, не вмешиваться в действия обыскивающего и др.). Далее следователь в соответствии с УПК сообщает обыскиваемому, с какой целью производится обыск, и предлагает ему **добровольно выдать** искомые предметы и документы. Это предложение необходимо сделать не формально и не вскользь, не между прочими подготовительными действиями, а полностью овладев вниманием обыскиваемого, с использованием психологических средств **внушения и убеждения**.

Целесообразно в процессе предварительной беседы с обыскиваемым лицом произвести также “словесную разведку”, сообщить ему, для обнаружения какого рода предметов производится обыск, ознакомить с техническими возможностями поисковых средств и т. п. Причем эту информацию следует организовать таким образом, чтобы у обыскиваемого лица активизировалась его предвосхищающая деятельность.

Обыскиваемому лицу необходимо разъяснить процессуальное право следователя вскрывать закрытые помещения и хранилища.

Инструктирование лиц, участвующих в обыске, должно быть использовано в целях создания **благоприятного психологического фона**.

В **обзорной** стадии следователь выясняет, какие помещения и хранилища принадлежат лично обыскиваемому и членам его семьи, устанавливает наличие ключей от хранилищ. Далее осуществляется обход и обзор всех подлежащих обыску помещений на территории. При этом следователь устанавливает предварительную **систему поиска**, намечает тактические приемы обыска. При определении системы обыска следователь руководствуется соответствующими розыскными предположениями - версиями. Розыскные версии формируются на основе мысленного объединения (синтеза) результатов предварительно осуществленной аналитической деятельности. Для выдвижения розыскных версий необходимо знать **типичны** **способы сокрытия**, произвести **анализ конкретных условий**, проявив нестандартное мышление, допуская **необычность действий** по сокрытию искомых объектов со стороны обыскиваемого лица. При этом повышенную ориентацию должны вызвать все предметы, обнаруженные в **нетипичных** для них местах нахождения.

Важной предпосылкой выдвижения розыскных версий является предварительная осведомленность следователя как о плане помещений, их интерьере, так и о ремонте помещений, их изменении, о замене мебели и т. п.

На обзорной стадии обыска устанавливаются возможные связи между характером искомых предметов (ружье, пистолет, нож, одежда с изобличающими следами, труп или его части и т. п.) и возможностями их сокрытия в данных конкретных условиях. При этом часть предметов обоснованно исключается из поиска.

На стадии **детального** поиска следователю целесообразно придерживаться определенной последовательности поисковых действий. Место обыска условно разделяется на определенные участки, устанавливается строгая очередность их обследования. В первую очередь осматриваются места общего пользования и место, куда предполагается помещать осмотренные и изъятые вещи.

В начальном периоде обыска может быть произведен **выборочный поиск**, связанный с осуществлением трудоемких работ (вскрытие полов, раскопки на открытой местности и т. п.). Такого рода поисковые работы производятся при наличии достаточных оснований, полученных на основе оперативно-розыскных данных и по результатам применения научно-технических средств - химических реактивов и поисковых приборов (щупов, тралов, металло- и трупоискателей), а также специальных облучателей и т. п.

Демаскирующими признаками мест сокрытия могут служить: отсутствие пыли и грязи в пазах между половыми досками и паркетными элементами, крепление новыми гвоздями и свежая

покраска отдельных частей пола, место преимущественного нахождения обыскиваемого лица, выпуклость или вогнутость частей поверхности стен, различная люминесценция отдельных частей стен (при использовании прибора ультрафиолетового облучения) и др.

Приметами тайника на открытой местности могут быть: следы грунта на травяном покрове, особенности верхнего слоя почвы на отдельных участках, следы переноса маскирующих предметов (деревьев, ящиков, бочек и т. п.) и др.

Первоначальное обследование объектов без нарушения их цельности предпочтительно производить путем **сравнения** аналогичных объектов, посредством **взвешивания и измерения, прощупывания, просмотра на просвет** и т. д. При наличии достаточных оснований допустимо обследование объектов с разрушением отдельных частей (отклейка обоев, взлом стены, снятие обивки и т. п.).

Обыскиваемое помещение не должно быть загромождено осмотренными вещами. Все произведенные действия необходимо учитывать во избежание ненужных повторений.

Недопустимы неоправданные реплики обыскивающих. Обмен информацией между ними должен преимущественно осуществляться заранее оговоренными условными знаками.

Следователь должен проявлять **полную уверенность** в успешном осуществлении обыска, уметь максимально сосредоточиться, иметь высокий уровень трудоспособности. Этому способствуют соответствующая подготовка операции, своевременность ее проведения, привлечение необходимого числа помощников, специалистов, наличие необходимых технических средств.

Обыск во многих случаях целесообразно проводить с участием оперативно-розыскных работников, отдавая предпочтение тем из них, кто более всего обладает соответствующими **психологическими данными**. Действия, требующие специальных познаний, выполняют специалисты, участие которых помогает обеспечить эффективность обыска. При его производстве могут присутствовать и свидетели. Следователь должен блокировать все то, что может вызвать сомнение в успехе обыска. Такими отрицательными факторами могут быть: нарочитое спокойствие или аффективность обыскиваемого лица, большой объем работы, сложность и неприятность предстоящих действий и т. п.

Решающее значение имеет поведение самого следователя или иного лица, уполномоченного выполнять следственное действие. Так, признаки неуверенности в поведении следователя могут быть замечены окружающими и резко снизить активность деятельности других участников обыска. Даже в том случае, если следователю длительное время не удастся добиться положительных результатов обыска, он должен сдерживать свои эмоции, не допуская каких-либо высказываний и иных действий, которые могут отрицательно повлиять на ход операции.

Методичность и последовательность проведения обыска, использование в процессе его научно-технических и иных поисковых средств должны оказывать на обыскиваемое лицо психологическое воздействие, внушить ему мысль о неизбежности достижения положительного результата обыска.

Особенно важно не прекращать, а активизировать обыск в сложных условиях - в загрязненных помещениях, на чердаках, в подвалах, среди нечистот и в различных труднодоступных местах, имея для этого спецодежду, технические приспособления, необходимое количество помощников.

Ведущим психическим процессом при обыске является наблюдение - преднамеренное и целенаправленное восприятие, обусловленное задачами поиска, а мыслительной операцией - сравнение. Особенно тщательному сравнению должны подвергаться однотипные, однородные объекты.

Так, сокрытие предмета в одной статуэтке удалось обнаружить лишь при сравнении ее по весу с другой аналогичной статуэткой. При этом наблюдение приобретает определенную специфику - это так называемое **соучастующее наблюдение**, включенное в логику действий прячущего лица, анализ явлений здесь происходит как бы "изнутри", с точки зрения предполагаемых действий прячущего. Результативность наблюдения определяется **отношением** к его задачам, глубиной осознанности перцептивных действий, их **целенаправленностью и систематичностью**, включенностью наблюдения в систему дедуктивных умозаключений. Результативность наблюдения зависит и от личностных качеств, от сферы направленности и сосредоточенности лица, производящего обыск, от **особенностей его внимания**.

Следователю полезно знать особенности своей наблюдательности, уметь видеть и специально усиливать ее слабые стороны. Так, зная свою склонность к детальному анализу, он должен больше внимания уделить обзорной стадии обыска, выявлению **взаимосвязи** явлений. В

некоторых случаях ему полезно, например, обратить внимание на поведение животных около определенного места.

В целях обеспечения наивысшей направленности и сосредоточенности сознания на поисковой деятельности следователь должен придерживаться рекомендуемых пяти правил.

Во-первых, не следует приступать к обыску очень уставшим.

Во-вторых, не допускать конфликтов с обыскиваемым лицом, при этом избегать другой крайности - излишней близости и “панибратства” (за исключением случаев, когда это оправдывается в качестве тактического приема). Все необходимые контакты надо осуществлять вежливо и сдержанно.

В-третьих, необходимо устранить все отвлекающие факторы (ненужное хождение, хлопотливость участников, посторонние разговоры и т. п.).

В-четвертых, важно не спешить и не приступать к осмотру нового объекта до полного обследования предыдущего. При этом надо действовать строго последовательно, в рамках намеченной системы.

Пятое условие, которое должен соблюдать следователь, - это делать перерывы для отдыха при появлении признаков усталости.

Направленность и сосредоточенность психической деятельности (внимание) может сопровождаться сменой фаз подъема и спада. Особенно сложным процессом является **распределение внимания** между различными объектами, а частое **переключение внимания** в пределах одного вида деятельности вызывает процесс **утомления**. Наряду с этим смена видов деятельности может быть отдыхом от предыдущей стадии работы.

При обыске следователь воспринимает обилие однотипных раздражителей. Эти **однообразныераздражители и монотонность поисковых действий** могут отрицательно воздействовать на его общее состояние и снижать работоспособность, ослаблять внимание - вызывать охранительное торможение. Поэтому следователю необходимо чаще менять виды деятельности, чаще переходить от исследования одной группы объектов к другой, от изучения мелких предметов (писем, книг) к осмотру крупных предметов (мебели). Не следует **допускать произвольного отвлечения внимания**. Любой резкий и неожиданный раздражитель, вызывая сильную ориентировочную реакцию, тормозит текущую деятельность. О том, к каким результатам это может привести, свидетельствует пример из практики.

Имел место случай, когда громкий доклад участника операции о неудовлетворительных результатах обыска отвлек внимание одного следователя от объекта обследования. После доклада тот перешел к обследованию нового объекта, а предмет сокрытия, находившийся в предыдущем объекте, остался без внимания.

При осуществлении обыска следователь должен проявлять рефлексивность мышления - учитывать возможные рассуждения и действия прячущего лица.

“Нужно поставить себя в положение обыскиваемого, учесть его психологию, его профессию, уклад его жизни, характер и привычки и задать вопрос: куда бы догадался или попытался сам производящий обыск спрятать разыскиваемый предмет, если бы сам жил а обстановке и условиях обыскиваемого и обладал бы одинаковой с ним степенью развития, одинаковыми профессиональными навыками и способностями”.

Рефлексия - это как бы удвоенный процесс отражения индивидами друг друга, взаимоотображение, содержанием которого является субъективное воспроизведение внутреннего мира партнера по взаимодействию, в том числе и того, как один партнер отражает действия другого.

Тактический успех следователя определяется его способностью своевременно раскрыть тактику обыскиваемого лица.

Прячущий человек моделирует правильность, успешность своих действий. Он руководствуется созданным им субъективным “образом недоступности” места сокрытия для обыскиваемого лица и программирует свое поведение в условиях возможного обыска - как правило, всегда избирается “особый” вариант “маскирующего поведения”. Преступник, скрывая предмет - вещественное доказательство, скрывает и свою причастность к конкретному виду преступления. Так, расхититель, спекулянт, взяточник может утрировать скромность своего уклада жизни. Причем эта утрированность нередко выдается несоблюдением чувства меры. Нередко имитируется отсутствие самых необходимых вещей. В поведении убийцы “мимикрия” может проявляться в виде фальшивой скорби об убитом, показного сочувствия, участливого

отношения к его родственникам, в стремлении оказать содействие в обыске, в поиске преступника и т. д.

Наряду с **активной** формой маскирующего поведения может быть избрана и **пассивная** форма - воздержание от контактов со следователем.

Изыскивая способ сокрытия, преступник руководствуется разными оборонительными принципами, "концепциями". Но во всех случаях неизбежно моделируется поисковая деятельность следователя. Позиция прячущего определяется на фоне субъективно моделируемой "слабости" обыскивающего. Наиболее вдумчивые преступники учитывают даже установку следователя на трудный, изобретательный поиск и оставляют скрываемую вещь почти на виду (прибегают к мнимой маскировке). Однако страх изобличения в большинстве случаев вызывает гиперболизацию действий прячущего, аномалию его поведенческих проявлений, что и выступает в качестве важнейшего демаскирующего признака. Предвидя возможность обыска, прячущее лицо осуществляет рефлексию, но, как правило, это рефлексия первого порядка (не учитывающая рефлексивности самого следователя). В связи с этим в качестве мест сокрытия часто избираются объекты, вызывающие резко отрицательные эмоции, - помойки, выгребные ямы туалета, грязное белье, крайне загрязненные места и т. п. В расчете на стеснительность следователя местом сокрытия могут быть избраны объекты, обычно вызывающие обостренное этическое отношение (постель ребенка, больного, иконы, культовые принадлежности и т. п.). В ряде случаев прячущий рассчитывает на отталкивающий эффект места сокрытия. В практике работы следователи обнаруживали в качестве мест сокрытия электролампы, электророзетки, патроны для электроламп, клетки диких животных, собачьи будки, пчелиные ульи и т. п. В расчете на прямолинейность действий следователя в качестве места сокрытия нередко избираются объекты, не пригодные для использования в качестве хранилищ (стены здания, предметы обихода, мебель, дрова, кучи мусора и т. п.). Часто ставка делается на утомляемость следователя, используется большое количество однородных предметов (книги, старые журналы, обилие вещей). То, что разыскивается, нередко помещается в **малоценный обыденный** предмет, который специально оставляется на **видном месте** (сахарница, солонка, кусок хлеба, мыла, колбасы, открытая банка консервов, полено, кусок торфа и т. п.). Субъективно моделируя "недоступность", прячущее лицо устраивает тайники за картинами, зеркалами, батареями водяного отопления, унитазами, бачками с водой, в колодцах, печных переходах и т. п.

Все вышеуказанные проявления рефлексивности прячущего лица должны рефлексироваться самим следователем - при этом он осуществляет рефлексию второго порядка.

В действиях по сокрытию проявляются характерологические особенности прячущего. Так, недоверчивый и жадный человек стремится, как правило, приблизить объекты сокрытия к месту своего постоянного пребывания. Трусливый - прячет в более отдаленных местах, осуществляет перестраховочные действия. Физически сильные и умные люди могут оборудовать тайники в труднодоступных местах.

При обыске следует учитывать и профессию прячущего (книги - у научного работника, деревянные предметы - у столяра, кирпичная стена - у каменщика, приусадебный участок - у лица, постоянно работающего на нем, и т. п.).

Следует обращать особое внимание и на предметы увлечения обыскиваемого лица (музыкальный инструмент, шахматная доска, швейная машина и т. п.). Следователю нужно знать не только профессию, но и повседневные занятия обыскиваемого лица, образ его жизни, увлечение, наиболее развитые навыки, **особенности поведения**. Необходимо обратить внимание на все инструменты и материалы, принадлежащие обыскиваемому, определяющие диапазон его навыков и увлечений. Уже при подготовке к обыску необходимо иметь сведения о составе семьи обыскиваемого, о его **взаимоотношениях** с соседями, о круге его знакомых.

Особенно ценны сведения об изменении поведения обыскиваемого в последнее время, о его действиях по изменению обстановки, по перестройке надворных построек и т. п.

Общим правилом обыска является максимальная направленность сознания на объекты, внешний вид и местонахождение которых выходят за пределы нормы (нахождение банки с краской на книжной полке, зонтика - в спальне, на приусадебном участке - увядающего куста, дерева и т. п.).

В процессе обыска следователь может получить значительную информацию, **наблюдая за поведением обыскиваемого лица**, особенно за его **непроизвольными реакциями**. О приближении обыскивающего к месту сокрытия могут сигнализировать дрожание и хрипота голоса (с этой целью с обыскиваемым ведется речевой контакт), аритмия дыхания, покраснение или

поблдение лица, появление пота, произвольные движения. Особенного внимания заслуживает само поведение обыскиваемого (поведенческая доминанта - особая фиксированность определенных действий). В качестве примера можно привести факт, когда тщательное вытирание ног о подстилку ориентировало следователя на поиск предмета в этой подстилке.

Обыскиваемое лицо может стремиться к **дополнительной маскировке** объекта сокрытия (заваливает место сокрытия предварительно просмотренными вещами).

Следует учитывать и **отвлекающие действия обыскиваемого**. С целью проверки их целенаправленности следователь может неоднократно приближаться к тем объектам, около которых возникли отвлекающие действия обыскиваемого.

Наблюдение за поведением людей, у которых производится обыск, целесообразно поручить помогающим в проведении его лицам.

Уже в самом начале контакта с обыскиваемым следователь, объявляя порядок осмотра, должен внимательно следить за его **эмоциональными реакциями**.

Одним из поисковых приемов является **побуждение к действию самого обыскиваемого лица** (вынимать и раскрывать вещи, открывать хранилища и т. п.). При этом следует учитывать, что обыскиваемый может стремиться увести следователя **в сторону от объекта поиска**, проявлять информативно значимые реакции.

Необходимость изъятия определенных предметов диктуется как заранее поставленными задачами обыска, так и рядом обстоятельств, обнаруживаемых уже в процессе обыска, - нахождение предмета в тайнике, его замаскированность, несоответствие вещи личностным особенностям обыскиваемого (культурному уровню, занятиям, материальным возможностям), попытки обыскиваемого спрятать предмет, отвлечь от него внимание.

У следователя должна быть выработана **повышенная ориентировочная реакция** на все то, что, по мнению лица, у которого производится обыск, **демобилизует** поисковую деятельность. Так, обнаружение тайника может вызвать прекращение дальнейшего поиска. Зная это, преступники иногда делают ложные, дезориентирующие тайники, помещая в них предметы, не имеющие доказательственного значения. Один скрываемый объект может маскировать другие. Производя поисковые действия в конкретной обстановке, следователь постоянно задумывается над тем, каковы возможности этой обстановки для сокрытия искомых объектов. При этом **не следует исключать никаких возможностей**. Крупные драгоценности могут находиться в ржавой консервной банке, а изобличающая малоценная вещь - среди предметов роскоши. Следует помнить, что, каким бы изощренным способом сокрытия ни воспользовался преступник, его маскирующие действия **неизбежно оставляют демаскирующие признаки и микроследы** (исследование осуществляется при помощи технических средств, находящихся на вооружении криминалистических лабораторий).

Ограниченность приемов обыска, применяемых в работе того или иного следователя, может быть использована в своих интересах прячущими лицами (они нередко тщательно анализируют деятельность следователя). Наряду с этим следует иметь в виду, что поисковые усилия следователя не должны сводиться к осмотру всех, без исключения, предметов, к неперенной реализации всех возможных средств и приемов поиска. Производство обыска - это во многом случайная, вероятностная деятельность, характер и результаты которой точно предсказать невозможно. В то же время следователь действует не методом проб и ошибок, а на основе профессионального расчета, путем определения наиболее **вероятностных направлений** для достижения успеха. Система его поисковых действий обуславливается обоснованными предположениями - розыскными версиями. Однако эти версии в процессе обыска постоянно модифицируются с учетом изменяющихся обстоятельств, по мере поступления новой информации (демаскирующие признаки, поведение обыскиваемого, негативные обстоятельства). Ориентирующее и доказательственное значение может иметь не только наличие, но и отсутствие определенных предметов.

Успеху обыска содействует знание **способов совершения преступления, орудий преступления, предметов, имеющих отношение к преступлению** и т. п. Так, поисковые приемы по делам о хищении продуктов полеводства и о хищении драгоценностей будут существенно отличаться. Обыск по делам об убийствах будет по своей целенаправленности существенно отличаться от обыска по делу о хищении на спирто-водочном предприятии.

В заключение отметим, что успех обыска в значительной мере зависит от интеллектуально-волевых качеств следователя: от гибкости его интеллектуальной деятельности, развитости воссоздающего воображения, выдержки, настойчивости, профессионализма, самообладания,

способности к длительному напряжению в преодолении трудностей. Отдельные из этих качеств могут быть хорошо развиты, другие - недостаточно. При подборе участников обыска следователю необходимо учитывать свои психические особенности, компенсировать свои слабо развитые качества в системе групповой деятельности.

Обыск связан с принудительным вторжением в помещения, с обследованием предметов, документов, связанных с личной жизнью граждан. Это налагает на поведение следователя ряд **этических требований**.

Уже в Инструкции о производстве обысков и арестов, принятой в 1918 году, отмечалось: "...пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишит человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти - рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость - пятно, которое ложится на эту власть".

Этическая сторона производства обыска настолько значима, что ряд нравственных требований к этому следственному действию предусмотрен законом. Следователь не имеет права прибегать к действиям, унижающим достоинство личности обыскиваемого, он обязан обеспечить неразглашаемость обстоятельств интимной жизни обыскиваемых лиц. Личный обыск может производиться только лицом того же пола и в присутствии понятых того же пола. Обыск, как правило, не может быть проведен в ночное время.

Ряд требований к поведению следователя обусловлен нормами социалистической морали: тактичность, избежание грубых выпадов, конфликтных ситуаций, пренебрежительного отношения к обыскиваемым.

При необходимости произвести обыск малолетнего необходимо привлечь педагога и исследовать одежду малолетнего в условиях подходящего детского учреждения. Обследование местонахождения и одежды больного лица необходимо осуществлять с помощью врача. Врач осуществляет и осмотр полостей человеческого тела. С места обыска должны быть удалены дети. Во время обыска не должны оглашаться документы и письма, не относящиеся к делу. Необходимо воздерживаться от каких бы то ни было замечаний, оценок в связи с укладом жизни и поведением обыскиваемого лица и членов его семьи. На месте обыска не должен создаваться беспорядок. Следователь обязан бережно относиться к имуществу обыскиваемого.

Результаты обыска имеют не только доказательственное значение, но и выступают как обстоятельства, используемые в тактических целях при производстве других следственных действий.

Психологические аспекты выемки

Выемка как самостоятельное следственное действие во многом сходна с обыском. Выемка - это изъятие у отдельных граждан, а также предприятий, учреждений и организаций предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела. Производство выемки, а также обыска и выемки, регламентировано уголовно-процессуальным законодательством. В связи с этим и в психологической характеристике совпадающих сторон этих следственных действий также много общего. Но выемка имеет и свои специфические психологические характеристики, проистекающие из процессуальных особенностей этого следственного действия.

В отличие от обыска выемка осуществляется в отношении конкретных, заранее известных объектов, когда точно известно, где и у кого они находятся.

Выемка может быть произведена как из помещения, так и из укрытия, находящегося во дворе, в саду и т. п. Но чаще всего выемка проводится для изъятия предметов и документов в учреждениях и организациях.

Фактическими основаниями для производства выемки являются данные о конкретном предмете, подлежащем изъятию, месте его нахождения, которые могут быть получены как из процессуальных, так и непроцессуальных источников (общественных организаций, органов дознания и др.).

Формальным основанием для производства следственного действия является мотивированное постановление о производстве выемки, в котором должно быть указано, у кого предстоит произвести выемку, в связи с чем, наименование и индивидуальные признаки объекта, подлежащего изъятию в процессе выемки, место его нахождения, а также какое значение изымаемые предметы и документы имеют для дела. Поскольку постановление предъявляется

лицу, у которого производится выемка, в *нем не должно быть данных, могущих помешать успешному ходу следствия.*

Санкция прокурора для выемки не требуется, за исключением изъятия почтово-телеграфной корреспонденции и документов, в которых содержатся сведения, являющиеся государственной тайной.

При производстве выемки присутствуют те же лица, что и при обыске: понятые и лицо, у которого производится выемка, или совершеннолетние члены его семьи (а при отсутствии таковых - представители жилищно-эксплуатационных организаций или исполкома Совета народных депутатов). Выемка (или обыск) в помещениях, занятых учреждениями, предприятиями, организациями, производится в присутствии представителя данного учреждения, предприятия, организации.

Особое требование предъявляется к выбору понятых, которые могут принимать участие в проведении осмотра и выемки почтово-телеграфной корреспонденции, они должны быть приглашены лишь из числа работников почтово-телеграфных учреждений - это одна из гарантий сохранения тайны переписки. Во многих случаях выемка связана с необходимостью квалифицированного отбора нужных документов. Для этого следователь вправе пригласить соответствующего специалиста. Всем этим лицам разъясняются их права и обязанности.

Во исполнение предписания закона о том, что следователь обязан принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при выемке (и обыске) обстоятельства интимной жизни лица, занимающего данное помещение, или других лиц, понятые могут быть предупреждены о неразглашении фактов, ставших им известными в ходе этого следственного действия.

В психологическом аспекте выемка по сравнению с обыском в меньшей мере носит поисковый характер. При выемке, как правило, нет необходимости в поисковых действиях, а при противодействии выемка может быть произведена принудительно. Если же подлежащие выемке предметы или документы заинтересованными лицами не только не выдаются следователю (под различными предлогами), но и преднамеренно скрываются, то вместо выемки производится обыск по правилам, предусмотренным УПК.

Следует отметить, что проблемность как одна из психологических характеристик выемки также носит иной (чем при обыске) характер. При обыске проблему составляют сами объекты, подлежащие изъятию: у следователя, как правило, имеются о них весьма неполные данные к моменту производства обыска и места их нахождения (сокрытия).

При выемке собственно проблему составляет предварительное (до начала производства выемки) определение предмета, документа, подлежащих изъятию. Следователю нередко нужно решить, какой именно (какие) из числа многих предметов, документов, с которыми он ознакомляется, осматривает, является искомым.

В случае, если речь идет о почтово-телеграфной корреспонденции, следователю необходимо решить вопрос о том, следует ли ограничиться производством следственного действия (наложением ареста на корреспонденцию и ее осмотром) или произвести также и следственное действие (выемку).

Иную психологическую окраску имеет и возможная при производстве выемки конфликтная ситуация. Если при выемке подлежащие изъятию предметы или документы **выдаются добровольно, то производство выемки завершается тем, что следователь изымает их.** В том же случае, если подлежащие изъятию объекты добровольно не выдаются, следователю нужно приложить усилия, направленные на предотвращение развития конфликтной ситуации, и принять меры к дальнейшему производству указанного следственного действия.

Для правильного применения методов психологического воздействия - внушения и убеждения - следователю необходимо выяснить истоки негативного отношения данного лица к требованию о добровольной выдаче объекта, подлежащего изъятию при выемке. Иногда отказ в добровольной выдаче объекта объясняется не "виновным" отношением лица к данному объекту, а боязнью разглашения обстоятельств его интимной жизни, нежеланием причинить неприятность родственнику, знакомому, соседу или сослуживцу. Для преодоления такого негативного отношения в подобных случаях следователь может обратить особое внимание данного лица на производимое предупреждение понятых, специалистов и других граждан, присутствующих при выемке, об ответственности за разглашение выявленных при выемке обстоятельств интимной жизни лица, занимающего данное помещение, или иных лиц. Следователь должен также разъяснить, что он имеет право произвести выемку принудительно, а действия данного лица - противоправны. Нужно обратить внимание и на право следователя вскрывать запертые

помещения и хранилища, если владелец отказывается добровольно открыть их, что может привести к их повреждению. Можно отметить, что в случае необходимости производство следственного действия может быть завершено до конца даже в ночное время (в тех случаях, когда у следователя имеется предположение о том, что данное лицо пытается затянуть производство выемки до позднего времени и надеется на его прекращение или приостановление в связи с этим).

Основным психологическим фактором выемки является психологическое воздействие на подозреваемого и обвиняемого, так как последним становится известно, какие изобличающие их документы поступают в распоряжение следователя. В ряде случаев получение следователем изобличающих преступника документов является основным актом предварительного следствия. Однако при этом, так же как и при обыске, осуществляется рефлексивное мышление, вырабатывается соответствующая линия дальнейшего поведения.

Психология очной ставки

Очная ставка - одновременный допрос двух ранее допрошенных лиц. Основанием для очной ставки *является* наличие в показаниях допрашиваемых противоречий относительно одних и тех же обстоятельств. (Термин "очная ставка" происходит от древнерусского "ставить очи на очи".)

Как разновидность допроса очная ставка отличается повышенным динамизмом и остротой межличностного конфликтного взаимодействия.

В начале очной ставки устанавливается, знают ли допрашиваемые лица друг друга и в каких отношениях они находятся. Далее участникам очной ставки предлагается поочередно дать показания по тем обстоятельствам, относительно которых ранее ими давались противоречивые показания. Следователь задает допрашиваемым вопросы, направленные на установление истины, разрешает им задавать вопросы друг другу.

В первую очередь допрашивается лицо, дающее признательные показания, во вторую очередь - лицо, отрицающее эти показания. Показания допрашиваемых детализируются. Первоначально задаются косвенные вопросы. (Так, вместо вопроса: кто участвовал в разбойном нападении? - целесообразно задать вопрос: какими орудиями нападения пользовались отдельные участники преступной группы?) Следователь воздерживается от вопросов, свидетельствующих о его неинформированности. При проявлении признаков лжи, умолчании о существенных для следствия обстоятельствах следователь расценивает это как противодействие следствию, подчеркивает, что лишь содействие следствию может смягчить ответственность обвиняемого. Используется прием внезапного предъявления решающих доказательств, а также все ранее рассмотренные приемы правомерного психического воздействия. Возможно проведение нескольких очных ставок между разными лицами. Вначале снимаются противоречия в показаниях относительно менее значимых обстоятельств, а затем - более значимых.

Допрашиваемые лица, как правило, оказываются в позиции конфликтного противоборства. Тактически целесообразно уделить особое внимание показаниям лица, более полным и предположительно - более правдивым. Однако причины расхождения в показаниях могут быть связаны не только с запирательством одного из участников очной ставки. Это может быть вызвано добросовестным заблуждением одного или и обоих допрашиваемых.

Фактически достоверная информация, выявляемая на очной ставке, является фактором психического воздействия на лиц, противодействующих следствию.

Торжество правды над ложью вызывает эмоциональную напряженность у противодействующего следствию лица, его повышенную реактивность. Все это требует высокой мобильности, оперативности ответных действий следователя. Он должен в известной мере предвидеть ход очной ставки, подготовить необходимые материалы в определенной системе. (При невозможности звукозаписи протоколирование очной ставки целесообразно поручить другому лицу.)

В напряженных конфликтных ситуациях следователь должен сохранять психическую устойчивость, уравновешенность. Очная ставка должна проводиться в условиях полной психической стабильности следователя, при глубоком предварительном изучении личностных особенностей возможных участников очной ставки, "слабых мест" их характера, положительных и отрицательных качеств личности.

При проведении очной ставки максимально используется социально-психологический эффект ингибции - эффект присутствия других людей. В этих условиях поведение человека модифицируется - он ориентируется на взаимодействие с присутствующими, его поведение становится ситуативно-реактивным, ориентированным на социальное ожидание, при этом

возможны прорывы в защитной доминанте допрашиваемого. Вопросы, задаваемые лицу, занимающему позицию содействия следствию, и предполагаемые ответы на них должны психически воздействовать на запирающееся лицо. Основная цель очной ставки - изобличение лица, противодействующего следствию. Правдивая информация выступает основным фактором психического воздействия. Иногда детальное воспроизведение второстепенных деталей оказывает решающее воздействие на прекращение сопротивления противодействующего лица. Однако сопротивление противодействующего лица может быть стойким. Он сам может оказывать сильное психическое воздействие на другого допрашиваемого, дающего признательные показания. Здесь необходима система мер, блокирующих возможность такого негативного воздействия. Следует категорически пресекать всевозможные угрозы, попытки внушающего воздействия, укреплять волевую позицию лица, дающего правдивые показания, усиливать его позицию предъявлением соответствующих доказательств.

При проведении очной ставки исполнителя или соучастника с организатором группового преступления необходима специальная психологическая подготовка лиц, ранее психически зависимых от преступников-лидеров. Открытое выступление против них на очной ставке становится началом разрыва их психической зависимости, что существенно влияет на возможность их последующей ресоциализации.

Отдельные показания допрашиваемых могут вызывать сомнения в силу трудностей воспроизведения. При этом следователь оказывает правомерную мнемическую помощь - напоминает последовательность развития событий, содействует установлению смысловых связей.

Следователь должен избегать позиции полного недоверия к показаниям одного из участников очной ставки. Полностью ложных показаний не бывает. Искажаются лишь отдельные факты. В начале очной ставки целесообразно задать несколько вопросов, ответы на которые могут быть правдивыми с обеих сторон. Положительная оценка таких ответов может повлечь бесконфликтное взаимодействие сторон. Задача следователя - достижение истины, а не инициация конфликтов. Сам следователь должен избегать внушающего воздействия на лиц, дающих показания. Подгон результатов очной ставки под заранее сформированные модели может ввести следствие в заблуждение.

Одно из мощных средств воздействия на противодействующее лицо - высоконравственная позиция следователя, убедительность его позиции, неопровержимость предъявляемых доказательств. На этой основе он апеллирует к гражданским и положительным личностным качествам всех допрашиваемых лиц, выражает им свое доверие, дает возможность каждому человеку проявить свои личностно - положительные качества.

Психология проверки показаний на месте

Проверка показаний на месте осуществляется для установления соответствия или несоответствия показаний обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего или свидетеля обстановке места события. Результаты данного следственного действия могут свидетельствовать об осведомленности или неосведомленности проверяемого лица об исследуемом событии, позволяют признать его (или не признать) очевидцем или участником события. Данное следственное действие - одно из средств разоблачения ложных показаний.

Проверка показания проверяется только на месте исследуемого события, измененная обстановка - максимально приближается к первоначальной, в демонстрационных действиях используются только те орудия (или их муляжи), которые использовались в проверяемом событии. Изменившиеся и не поддающиеся восстановлению условия учитываются как обстоятельства, снижающие достоверность полученных результатов.

При подготовке к данному следственному действию определяются те обстоятельства, которые подлежат проверке, уточнению и детализации; вопросы, подлежащие выяснению.

По прибытии на место лицо, чьи показания проверяются, свободно излагает соответствующие обстоятельства, связанные с расследуемым событием. При этом выясняется, по каким приметам он выбирает маршрут движения к месту события и узнает место события. Проверяемое лицо может демонстрировать действия, совершенные им во время события, показывает все предметы, вовлеченные в событие, указывает все места, где могли остаться следы и иные вещественные доказательства. Этому лицу задаются уточняющие и детализирующие вопросы, а также вопросы, активизирующие его воспроизводящую деятельность.

В психологическом отношении проверка показаний на месте сопряжена с психическим процессом узнавания: ранее сформированный образ сопоставляется с образом текущего восприятия. Узнавание может осуществляться по существенным и несущественным признакам.

Возможно и ложное узнавание, добросовестное заблуждение. В крайне утомленном, психически напряженном состоянии проверяемое лицо может испытывать иллюзию повторного видения тех обстоятельств, которые в действительности воспринимаются впервые.

Многие люди не обладают развитой пространственной (топографической) ориентацией. Их ориентационные затруднения не могут быть истолкованы как несоответствие их показаний действительности. При этом учитываются такие особенности восприятия, как апперцепция, избирательная направленность, константность и аконстантность. Узнавание местности и обстановки затрудняется в различных ракурсах их восприятия, в условиях измененного освещения и особенно при сезонных изменениях. Однако неузнавание объектов с четко выраженными опознавательными признаками должно вызывать сомнение в правдивости показаний. Особенно отчетливо должны запоминаться объекты различных действий, последовательность их использования, обстоятельства, затруднявшие достижение определенных целей, обстоятельства, связанные с началом или окончанием действий, передвижений, поворотные пункты маршрута движения - все это могло выступать в качестве опорных пунктов восприятия и запоминания.

Психология следственного эксперимента

Следственный эксперимент проводится с целью проверки фактической возможности осуществления определенного действия, события или явления в определенных условиях. Моделируя, воспроизводя соответствующие условия, следователь устанавливает:

- имелась ли возможность видеть, различать и опознавать определенные предметы, их форму, цвет, размеры, частные признаки при данных условиях их удаленности, освещенности, угла зрения;
- возможно ли совершить определенные действия при данных условиях;
- возможно ли провести данное действие за определенное время;
- имелась ли возможность слышать и различать определенные слова, звук;
- обладает ли данное лицо проверяемыми способностями, навыками и умениями.

Содержание следственного эксперимента - проведение опытов, организация непосредственного наблюдения за реальными явлениями, действиями и процессами.

Основные требования, предъявляемые следственному эксперименту: проведение опытных действий в условиях, максимально приближенных к условиям, в которых совершилось проверяемое действие или событие; проведение следственного эксперимента в том же месте, где произошло событие; в то же время суток и года; при однородных физических условиях; при тех же погодных и климатических условиях (солнце, жара, мороз, дождь, снег, грязь, оледенение и т. п.); проведение эксперимента с использованием всех первоначальных средств действия (механизмов, орудий, приспособлений, материалов); при той же величине и направлении приложения сил; при тех же темпе и продолжительности действий.

Следует также учитывать, что эффективность деятельности человека, особенности его поведения в значительной мере зависят от его психического состояния. Воспроизведение этих состояний во многих случаях невозможно. Так, в состоянии аффекта человек способен многократно увеличивать свои физические возможности. Экспериментальная проверка таких действий неосуществима. Моделирование субъективных факторов - основная сложность в проведении следственного эксперимента.

Присутствие многих людей также может повлиять на "чистоту" эксперимента: неизбежно возникновение эффекта социальной ингибиции - подавление активности индивида. Наряду с этим повторные действия несут в себе эффект научения. Повторно можно сделать то, что сразу не получалось. Повторные действия могут осуществляться значительно быстрее или медленнее, чем в первичных условиях. Замедление действий может быть связано с тем, что при проверке действий человека со стороны, он берет под сознательный контроль и все то, что первоначально могло осуществляться на подсознательном, стереотипном уровне, т. е. более ускоренно. Все это обуславливает необходимость вариативности проводимых опытов, нивелирование различных приводящих обстоятельств.

Опытные действия целесообразно повторять в зависимости от степени адаптации индивида к данным условиям, варьируя отдельные условия действия и даже его исполнителей.

Результаты следственного эксперимента интерпретируются как наличие объективных возможностей осуществления определенного действия или события и как субъективная возможность выполнения определенного действия данным лицом. Сделанные выводы, заключения могут носить вероятностный или достоверный характер. Следует учитывать, что

психофизиологические возможности отдельных индивидов могут значительно превосходить усредненные человеческие возможности. Многие люди обладают повышенной чувствительностью отдельных анализаторов, высокими психомоторными возможностями. Действия людей в значительной мере определяются их мотивационными побуждениями и текущими психическими состояниями, системной работой сенсорных и перцептивных систем.

Следственный эксперимент проводится в ряде случаев в соответствии с желанием проверяемого лица. Без его активного поведения его *возможности* не могут быть проверены. Иногда проверяемое лицо в силу утраты своих *возможностей*, ухудшения психофизического состояния не может совершить тех действий, которые совершало раньше.

Все решающие для уголовного дела диагностические эксперименты целесообразно проводить с участием специалиста-психолога.

Следственный эксперимент, проводимый с целью проверки искусного мастерства (изготовления фальшивых денег, документов, вскрытия сейфов и т. п.) требует предварительной психологической подготовки проверяемого лица, установления с ним психологического контакта, возбуждения желания продемонстрировать свои возможности.

Недопустимы опытные действия, унижающие честь и достоинство человека или содержащие угрозу для его жизни и здоровья.

Итак, завершено комплексное исследование психологических аспектов криминального поведения, личности преступника и расследования преступлений. Авторы уверены, что главным стержнем углубленного анализа такой сложной категории как преступность, является интегративный подход к исследованию научных (междисциплинарных) знаний. Именно в их оптимальном соотношении заложена эффективность разработки мер борьбы с преступностью и возможность быстрой реализации социально-правовой реформы в России.